

Марина Острелуп

*Между
рейсами*

Если твоя первая работа — Агенство магических услуг, то было бы чего порассказать друзьям, если бы не соглашение о неразглашении только... Агенство магических услуг творит чудеса без всякой магии — обычная психология, мастерство и сложная, командная работа, да и чудеса эти стоят недешево.

Если твоя первая работа — Агенство магических услуг, то и весь дальнейший жизненный путь будет весьма специфическим, это формирует характер и определяет дальнейшие знакомства.

Можно ли остаться человеком и можно ли не нарушать закон?

Марына Остромир

Мемуары гейша

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИМА-БАЛЕРИНА, 1.1

Виолетта

* * *

...Максу нелегко пришлось — этих было больше, да и он не в той форме, что был раньше. Девчонку закрыл в спальне, может, вызовет кого-то на помощь, все-таки знаменитость... А этим будто и дела до знаменитости нет, на него наседают, не может уже отбиваться. Схватил кочергу для камина — хоть что-то! Вообще не соображал, о последствиях не думал, старался кочергой по голове хоть кому-то их этих попасть... Пару раз удалось, а потом кто-то со спины напал, на пол повалил, другой сверху навалился, вырвали кочергу из рук...

Ну, все! Вот так и пропал ни за что, ни про что!

Какой-то шум раздался — дверь свалилась, грохот падающих тел... Тот тип, что был сверху, на этот грохот отвлекся, Макс сумел дотянуться до своей кочерги, изо всех сил двинул этого типа по башке и силы закончились — тяжело дышал...

Какой-то незнакомец убрал человека, что лежал сверху Макса, и помог подняться.

— Меня просили помочь вам, — вежливо сказал незнакомец, — вижу, что успел как раз вовремя...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПРИМА-БАЛЕРИНА

Почти полгода прошло, как Макс работал в Агентстве магических услуг. Попал он туда не то, чтобы совсем добровольно, но потом привык и втянулся. Да и платили неплохо.

Сначала, его все устраивало — он даже не думал, что за то, что он ходит в рестораны, гуляет с женщинами, изображает других людей и вводит в заблуждение простаков элементарными манипуляциями, кто-то может платить деньги. А потом, когда отдохнул и отъелся, призадумался. И периодически страдал. Он вообще мальчик чувствительный, любил пострадать.

Когда Макс ныл, что его достала эта сомнительная работа, что его социальный статус становится еще сомнительней, что вряд ли это шаг вверх по социальной лестнице, а скорей наоборот, хитрая руководительница агентства и главный режиссер всех затей — мадам Эльвира, опытная ведьма, утешала его, что зато какой у него будет материал для мемуаров! Роман можно написать. Пять! Нобелевскую премию получить. Как этот... как его..., ну, тот, алкоголик с бородой...

— Хемингуэй? Он нормальный мужик! Да он на войне был!

— Какая разница. У тебя тоже опыт достаточно экстремальный и нетипичный... Но только не сейчас напишешь, потом, когда соглашение о неразглашении силу утратит.

Да не станет он ничего писать. Ну, кто станет про себя такой позор писать — он, здоровый парень, зарабатывает себе на жизнь, подмигивая всяким теткам и облапошивая простаков?

Ну, что за дурак. Какое подмигиванье! Направление людских жизней! А подмигиванье — всего лишь один из инструментов.

— А откуда мне знать, что я направляю эти жизни в правильную сторону? — поинтересовался Макс.

Эльвира торопливо начала убеждать, что думать ему про это не нужно, она, Эльвира, куда надо всех направит, а Максик пусть делает, как ему говорят...

Но Макс почему-то все равно про это думал. Иногда ему было очень стыдно. Иногда наоборот — он испытывал странную нежность и прочие приятные чувства. Много было всяких историй и разных людей. Но про чувства он не писал ни в отчетах Эльвире, ни в романе своем не напишет. Не та это работа, чтобы чувства испытывать...

ВИОЛЕТТА

Виолетта была солидной женщиной — заместителем директора крупного завода. У Макса никогда не было таких солидных знакомых, не того полета он птица, с такими не пересекается. А Эльвиру, не смотря на ее деньги, наряды и марку автомобиля, солидной нельзя было назвать, сразу было понятно, кто такая.

Виолетте было хорошо за пятьдесят. Старше его мамы, если бы мама была жива. Но, конечно, Виолетта выглядела куда лучше, чем его несчастная мать. Стройная и ухоженная, выглядела привлекательно и женственно. Даже, как Макс тогда подумал, слишком женственно для заместителя директора завода, слишком вызывающе для бизнеследи.

Макс запомнил это дело, потому, что редко, когда его работа так явно напоминала банальную проституцию. Он должен был познакомиться с “объектом” в дорогом спортзале и “замутить” с ней. Может не беспокоиться, она сама к нему пристанет — ей нравятся молоденькие мальчики. И это не проституция — настаивала мадам Эльвира, потому, что секс, хоть и предполагается в этом деле, но не является главным — Виолетта должна влюбиться в Макса. А Макс должен делать, что говорят, это его работа, он контракт подписал.

— Зачем ее влюблять? — Макс бесил Эльвиру, когда задавал вопросы по поводу задачи, это вообще не его дело. Его дело — чтобы тетке крышу снесло. Потом, по ходу, узнает зачем и почему... Эльвира внимательно посмотрела на непослушного сотрудника и утщила на свои занятия по тантрическому сексу, она так всегда делала, когда ей казалось, что “Максик отбилась от рук”.

Ну, и сдался он, конечно. Сделает все, что может — так сказал начальству. Изучил описание этой Виолетты, пошел в спортклуб и стал на тренажер впереди нее...

Виолетта сама к Максиму пристала, как босс и обещала, в отель его сразу отвезла. Макс, конечно, показал себя “во всей красе”, не опозорил школу мадам Эльвиры, дама пригласила его на второе свидание, потом на третье, потом ей снесло крышу... Она проводила с Максимом все свободное время. Да и с работы убегала, чтобы посмотреть на своего “ангелочка” в обеденный перерыв.

Максиму это казалось странным, ведь женщина замужняя. Понятно, что многие налево ходят, конечно, но эта вообще не маскировалась, странная какая-то...

Макс выполнил задачу, сексом их отношения не ограничивались — да и загоняла она его этим сексом, если честно. Они неплохо дружили, Макс внимательно изучил интересы и вкусы Виолетты, и старательно разделял их. Нечасто с ней случалось, чтобы молодой парень

настолько понимал ее, настолько умел слушать, настолько был нежен и мужественен одновременно — конечно, она в него влюбилась.

Максу общение с Виолеттой пошло на пользу — он прочитал все книжки из списка любимых книг Виолетты, посмотрел все ее умные кино, половину энциклопедии прочитал, чтобы необразованным болваном не выглядеть, чтобы заместителю директора завода интересно с ним было. Такая женщина может переспать с молодым и крепким красавчиком, но влюбляться в кого попало не будет, а у него такая задача — чтобы у Виолетты крышу снесло. Зачем только?

И крышу снесло. Виолетта задаривала его подарками. Дизайнерской одеждой, подарочными карточками, часами и золотыми побрякушками, да и просто денег по карманам совала немеряно... Макс, конечно, сволочь корыстолюбивая и беспринципная, но тут даже ему было неловко. Отказывался даже.

— Не смей! — наорала на него Эльвира, когда узнала про его джентльменское кокетство, — Бери все, что дает! Проси больше! Скажи, что хочешь спортивный автомобиль.

— Зачем? — получил по морде за такой дерзкий вопрос. Эльвира не церемонилась со своим персоналом, который отбивался от рук. Но тут она переборщила — Макс гордо задрал нос и сказал, что он пошел за автомобилем, но только Эльвира к нему и его даме не будет иметь никакого отношения. Пока!

Эльвира отступила. Сказала, ладно, если такой гордый идиот, то пусть сидит без машины. А мог бы машину себе оставить...

У Макса ладони зачесались. Он уже воображал, как управляет спортивной машиной. Но, если он сдастся, то Эльвира вообще его воли лишит, поработит полностью. Молча вышел. И свой вопрос “зачем” задал Виолетте.

— Ты же замужем? Зачем я тебе нужен?

Виолетта сначала кокетничала и хихикала, говорила полушутя, какой Макс хорошенький, все такое... А потом вдруг суетливо начала рассказывать про свою жизнь и как-то сразу из молодящейся зрелой красавицы превратилась в немолодую, уставшую тетку. Начала рассказывать, что ее муж стал ей чужим человеком, что у них совсем нет секса. Нет, не потому, что он старый... Хотя и поэтому тоже... Просто у нее, с приходом определенного...эээ... возраста появились некоторые пристрастия, о которых она стесняется мужу сказать... ну, он же ее муж. И отец ее детей. И дед ее внуков...

Ох, надеется, что хоть правнуков у нее еще нет! Да и пристрастия у нее не то, чтобы слишком экзотические, мог бы и постараться старичок, ради такой женщины, поднапрягся бы, виагру, там, купил, что ли...

...И дело не только в сексе. Они не разговаривают. Им не о чем говорить. Не то, что с Максом. Макс — удивительный. Он, в отличие от других мальчиков из клуба, не только для секса годится, он все про Виолетту знает, чувствует ее...

Еще бы! Столько времени потратил, заучивая ее досье наизусть.

...И теперь Виолетта поняла, что именно Макс ее родственная душа. Макс очень нужен ей. Поэтому она хочет развестись с мужем и выйти замуж за Макса! И она съехала от мужа и поселилась в этом отеле со всеми чемоданами.

Оп-па! Вот это номер! Крышу у Виолетты не только сорвало, но еще унесло в неизвестном направлении.

Улыбаясь и поддакивая, чтобы не обидеть даму после сеанса ее откровений, Макс сократил свидание и сообщил Эльвире о новостях.

— Отлично! — сказала Эльвира, потирая ручки, — Замечательно. То, что нужно. Молодец, мой золотой мальчик!... А теперь брось ее!

— В смысле? Нужно расстаться?

— Нет, именно бросить. Грубо и некрасиво. Желательно уехать после скандала на спортивной машине за ее деньги, старой душой обзвать, мешком с деньгами, ну, все в этом роде...

— Зачем?

Проклиная свою судьбу и миг, когда она связалась с этим “неблагодарным идиотом”, Эльвира кое-что рассказала ему про это дело.

У этой Виолетты сдвиг по фазе. Она чокнулась на молоденьких. Каждую неделю новый появлялся. Денег уходило на любовников так много, что муж забеспокоился...

Забеспокоился он. А без перерасхода средств не беспокоился бы. Ну, и нравы у этих богатеев!

...короче, захотел навсегда отвадить Виолетту от молодых любовников. Ну, типа, урок ей преподать, что никому из них она не нужна, а только ее деньги....

— Ну, и сволочь! — не выдержал Макс, сказал вслух, что он думает о заказчике.

Да, заказчик хотел, чтобы молодой любовник разбил Виолетте сердце. Но это все от любви. Ну, может и любви там особой и нет, но Виолетта ему, ведь, не посторонний человек. Она его жена. Мать его детей...

— ...бабушка его внуков, знаю, знаю..

...Это же, Максик, не со зла муж эту дуру проучить хочет, а чтобы сохранить семью. У них же общий капитал, дети, внуки... А она безответственно капитал на всяких проходимцев тратила, ее нужно вернуть в дом, к детям и внукам. К мужу...

Не только сволочь, но еще и дебил!

...Макс должен закончить задание, бросить эту дуру, да так, чтобы ей неповадно было приставать к другим парням в спортклубах... И вообще это аморально — такой разврат, будет этой Виолетте наука!

Знаем мы вашу, мадам Эльвира, тантрическую любовь к нравственности. Вы уж эту нравственность и так, и эдак...

— Нет, — сказал Макс.

— Это что значит “нет”? — Эльвира смотрела на него снизу вверх, а будто нависала агрессивно, — я не мама тебе, Максик, я не уговариваю. Эта работа, ты подписался выполнять.

— Почему сразу не сказала, в чем дело, я бы сразу отказался.

— Поэтому и не сказала, чтобы не соскочил. Я — босс, Максик, я знаю, что делаю.

— Очень уж мерзко... Муж сволочь, а с ней я мерзавцем быть должен. Думал, выманить у нее что-то нужно, производственные секреты какие... ну, ладно, как обычно, скомпрометировать перед мужем — еще туда-сюда. А тут такое... Ну, нет! Да лучше я на ней женюсь, буду как сыр в масле кататься. На спортивной машине...

Макс вообразил жизнь с Виолеттой. Может, и старовата, конечно, но тетка не злая, не глупая, богатая... Не худший вариант. Спортивная машина, опять же...

— Максик! Ты наивно воображаешь, что ты первый мальчик, который захотел так устроить свою жизнь? — Голос Эльвиры стал совсем недобрый, — Во-первых, жить канарейкой в золотой клетке не так просто, как кажется. Поверь, я знаю это лучше других. Во-вторых, ты позабыл, что есть муж, который вряд ли радостно пустит тебя за руль

спортивной машины, купленной за их общий капитал. И муж этот серьезный человек. И найдет серьезных ребят... Они доходчиво тебе объяснят, где твое место. Кроме того, мой милый Максик...

Вот если Максик становился “ее милым”, то жди беды!

— ...я — профессионал. Я заключила договор с этим мужем. Я заключила контракт с тобой. И я добьюсь выполнения контракта любой ценой. Не хочешь по хорошему? Будет тебе по плохому!

Сейчас начнется...

— ... я верну тебя на ту помойку, где подобрала, туда, где тебе самое место — в тюрьму, к твоим дружкам!

— Я ни в чем не виноват! Какая тюрьма...

— Вот, в суде и будешь это доказывать — на шухере ты стоял или просто мимо проходил, посмотрю, как справишься... Максик, ты должен понимать, в тебя вложены деньги — чтобы сделать из городского хулигана приличного мальчика. В это дело с Виолеттой вложены деньги. Назад сдавать нельзя, иначе тебе придется все возвращать... Показать тебе счет?

— Не надо! — мрачно сказал Макс. Слабовольный, слабохарактерный дурак. Вечно у всех идет на поводу. То, у дружков, то у этой ведьмы...

— Иди домой, выспись, завтра сделай все, как надо. Сценарий я тебе написала, — вручила папку, — Выучи наизусть... Выпей вот это на ночь, — всунула таблетку какую-то в руку.

— Это что?

— Чтобы совесть не мучала... Нельзя успешным стать, если совесть слушать, — сказала Эльвира, — меня лучше слушай... И у меня есть совесть, чтобы не говорили злые языки! Просто я ее отключать умею. И ты научишься.

Но у Макса плохо получалось совесть отключать. Заснуть он не мог, ворочался. Ну, вообще, не по людски как-то — так с Виолеттой обойтись. Показалось даже, что золотые часы, которые ему Виолетта подарила, руку натирают...

Взял телефон и позвонил “номеру два”. “Номер два” — так у него в рабочем телефоне был записан телефон женщины, которая курировала его первые дела, да и сейчас он должен был связываться с ней, если Эльвира недоступна. Извинился за поздний звонок а потом начал ныть. Он так не может. Не может он таким мерзавцем быть! Он хорошие роли может играть, а такую нет. Что ему делать, как выкрутиться? Она же, “номер два”, такая умная, пусть скажет, как ему быть...

— Ах, Максик, вы меня ставите в неловкое положение, — с сочувствием сказала “номер два”, - понимаю ваш дискомфорт и ваши сомнения вызывают мое уважение. Но я работаю на Эльвиру, как и вы, и не могу дать вам совет, который идет вразрез с ее предписаниями... Могу порекомендовать вам провести несложный самоанализ и попробовать выяснить, почему именно Виолетта оказалась триггером вашей совести. Вы ведь делали уже тут всякие бессовестные дела, это вас не задевало...

— Я еще не был в роли плохого! А тут именно я должен быть мерзавцем...

“Номер два” посочувствовала немного, потом сказала, что, если Макс найдет причину своего дискомфорта, то может сам придумать тот сценарий, который решит задачу Эльвиры, но минимизирует страдания Виолетты.

— Практически всегда можно добиться ситуации вин-вин, — сказала “номер два”, - у

вас дар общаться с людьми, Максик. Придумайте что-нибудь, чтобы остаться хорошим... Я вижу варианты. Конфликт интересов не позволяет мне их озвучить, но ответьте для себя — почему именно Виолетта вас задела? И вы тоже увидите варианты... Скажите ей, что чувствуете, это всегда легче, будьте собой.

Такие загадки. Думать самому. Гораздо легче делать, что говорят. Но сейчас он не может сделать то, что велела Эльвира....

— ...И вот еще, Максик, — после некоторой паузы продолжила “номер два”, - Это не мое дело, конечно, но рекомендую вам найти адвоката и решить вопрос с вашим темным прошлым, неблагоразумно оставлять на своей шее такую удавку.

— Это вы о чем?

— Ни о чем. И я буду отрицать, что сказала вам об этом... Спокойной ночи! — ласково сказала “номер два” и выключилась.

“Номер два”, как обычно, помогла ему. Не стал пить Эльвирину таблетку. Пусть совесть поможет придумать что-нибудь.

После обеда Макс встретился с Виолеттой в парке. Они катались на каруселях — Виолетта визжала, как девчонка, и смотрела на своего кавалера влюбленными глазами. А он смотрел на нее, но не видел ни свою женщину, ни заместителя директора завода, ни денежный мешок, откуда он легко мог бы достать спортивную машину. Он другое видел... То, что помогло бы ему войти в новую роль.

Позже в отеле, секс почему-то не получился. У Макса не получилось. Удивленная Виолетта с кровати смотрела на своего возлюбленного, что сидел ниже ее, на полу, и видела детский взгляд прекрасных синих глаз. Смущаясь и заикаясь, обладатель детских глаз начал говорить, сбиваясь на детские “ну, это...” и “это самое...”.

Он много думал над ее словами. Ну, это...такая ответственность. За нее, за ее чувства... Он не может. Виолетта, конечно, замечательная, он тоже ее очень любит. Но он... это самое... пусть она его, пожалуйста, простит... любит, как маму.

Виолетта замечательно выглядит. Как девочка. Ну, вот, он сразу даже не понял, когда только познакомились, сколько ей лет, думал, тридцать... Но... это самое... внутри она, ведь, взрослый человек. Как его мама... Умный, опытный, рациональный... Как его мама... Он, конечно, сначала не думал про это — она такая красавица, не такая, какой была его мама в таком возрасте, поэтому и секс у них был такой классный, с огоньком... А тут это... ну, когда до ответственного решения дошло, то подумал... Он ей не пара. Он бестолковый, молодой жиголо и альфонс, который вытягивает деньги у такой прекрасной женщины... Вот, часы может отдать, если надо... Ладно, оставит, спасибо!...Он же мужчина, а что может предложить директору завода — только секс? ... Секс был классный, как может сравниться опытная женщина с какой-то малолеткой! Но только секс, ведь дело такое — интерес в новизне... И он Виолетте надоест. Особенно теперь, когда, подумав над тем, какая она замечательная, он видит в ней свою замечательную маму... Виолетта ведь знает, что он сирота... Им надо расстаться, так неправильно — он не может физически быть близок с тем, кого боготворит, как мать...

Макс взял в руки голую ногу Виолетты. Он делал своей маме педикюр и массаж, когда мама болела, вспоминал сейчас это. И сейчас держал ногу Виолетты необыкновенно нежно, очень почтительно, но не капельки не эротично.

И Виолетта видела перед собой не очередного молодого любовника чуть за двадцать, в

которого она влюбилась настолько, что съехала от мужа, а невинного, синеглазого, светлокудрого, румяного младенца — именно так изображали классические мастера подобную композицию: ангел стоят на коленях перед своей мадонной...

Макс вздохнул и приступил к второму этапу:

...Конечно, он понимает, что такой шикарной женщине, как Виолетта, нужен нормальный секс и внимание, которые ее дурацкий и дебильный муж не предоставляет... Ну, может... это самое... муж не знает об этом? Мужчины все, в основном, дебилы — не понимают, если их носом не ткнуть... А он понимает потому, что у него тесная душевная связь с мамой была. Ну, вот как с Виолеттой — они были друзья...

Ну, это... лучше бы Виолетте мужу сказать, что ей нужно... Понимает, что стесняется, раньше по другому было, у нее такое воспитание строгое, как у настоящей дамы... Поэтому... ну, это... ну, написал за нее мужу, что нужно... Пусть ткнет его носом, может дела пойдут лучше...

Макс протянул Виолетте бумагу, которую он составлял полночи. Там было подробно описано все, что нравится в сексе и технические рекомендации, как этого достичь. Преподавателем Макса в этих делах была профессиональная медсестра и бывшая проститутка, поэтому все было написано культурным медицинским языком, но очень доступно.

...Это ничего, что муж не такой молодой... Пусть виагру купит, к доктору обратится, сейчас возраст не помеха, до ста лет можно кувыркаться, если нужно.... а вот в этих пунктах...это самое... от него вообще особой крепости не требуется, только старание... Виолетта заслуживает самого лучшего. Но муж, хоть дурак и дебил — презирает и ненавидит дебильного мужа, тоже заслуживает знать, что ей нужно. Он же этот... отец ее детей и дед ее внуков...

...А вот тут написан график куда нужно дебильному мужу водить Виолетту и сколько раз в неделю, танцы там всякие, музеи... ну... с учетом ее интересов... Тут мужу легче будет — все таки они сошлись ведь на чем-то в юности, не может она ему быть безразлична, любовь была, жили так долго — тридцать пять лет уж, не меньше, можно наладить жизнь, если постараться...

Макс вдруг посчитал, что Виолетта живет со своим мужем гораздо дольше, чем он сам живет на белом свете. Виолетта тоже видимо это подсчитала, потому, что прикрылась простыней и вид у нее был полностью ополоумевший... Пришло время приступать к третьему этапу, самому важному:

И это... Конечно, Виолетта — такая красавица, которая выглядит чуть за тридцать, легко найдет себе другого молодого любовника. Хотя такой роскошной женщине подойдет министр какой, а не молодой дурак... Такая умница, как она, не может не понимать, что у нее нет ничего общего с большинством тех качков, которых можно подцепить в спортклубе. Только секс... А секс, если нет любви, дело такое... ну, она же знает мужчин — переспал пару раз с новой, уже неинтересно. Конечно, у нее кучищи денег — она может купить себе сколько угодно мальчиков из спортклуба... Но нужно ли это ей? Пусть лучше министра подцепит или его заместителя, инструкция по сексу теперь у Виолетты есть...

А если ее дебильный муж, ну, или министр этот, не справятся с инструкцией по сексу, то вот визитка, есть агентство: там все по честному — секс за деньги, по четкому тарифу, без всякого обмана с иллюзией отношений... Потому, что это очень мерзко — обманывать такую женщину, как Виолетта. Он бы набил морду каждому, кто так бы с ней поступил...

Потому... Потому, что она ему, как мама, он также ее любит, поклоняется и уважает. И говорит ей все это поэтому — правду, как есть... Он целый день про это думал, целую ночь...

И это представление в разговорном жанре длилось несколько часов — ловкими, манипуляционными приемами невинный ангелочек будил любовь к старому мужу и пробуждал недоверие к молодым любовникам. И любовь, и уважение к нему, Макс: разве подойдет теперь Виолетте, после него — самого красивого, самого лучшего, самого благородного — другое, молодое тело?

В конце дня, к роскошному особняку Виолетты в богатом районе подъехала ее машина. Все соседи были в курсе, что чокнутая Виолетта сбежала от мужа — уходила она со скандалом, поэтому выглянули посмотреть, что будет на этот раз.

Прекрасный молодой блондин открыл пассажирскую дверь и элегантно подавая руку, помог выйти Виолетте, принес чемоданы на крыльцо, позвонил в дверь.

Ну, и наглец! — подумали соседи. Также подумал и муж, открывая дверь.

— Полагаю, что теперь мадам Виолетта будет оценена так высоко, как только этого заслуживает и получит от вас то, чего она достойна, — с высокомерием принца сказал молодой любовник. Он смотрел прямо и вызывающе на мужа, задрал нос.

— Подумали бы о том, что самое главное — это ваша женщина, а не какой-то там бизнес, женщине надо время уделять, — наставительно сказал молодой любовник.

Тут муж бросился в драку. Его просто вывел из себя этот наглец, которому он еще и платил деньги за роман со своей женой.

Муж был старый и в последний раз дрался, видимо, очень давно. Но Макс позволил ему ударить себя по прекрасному лицу, сбить с ног и даже пару раз пнуть ногой — все таки тот ему платит, а от Макса не убудет. В награду Макс получил восхищенный взгляд Виолетты, а когда ее мужчины — молодой и старый, начали кататься по газону, то она чуть подпрыгивать не стала от возбуждения — не часто из-за нее дрались мужчины, и даже вообще не думала разнимать...

Конечно, старый муж быстро захекался, стал красный, прекратил первый — он же взрослый человек, солидный бизнесмен. Муж приказал Максиму убираться вон с его лужайки. Макс встал, отряхнулся, с достоинством принца поклонился Виолетте, и пошел вниз по улице, не оборачиваясь.

...Все соседки смотрели, как по улице шел молодой бог, никто теперь не смог бы осудить Виолетту, каждая мечтала о таком. Модные джинсы красиво сидели на тренированном теле, дизайнерский свитерок элегантно облегал атлетический торс. Лучи закатного солнца запутались в золотистых кудрях, на солнце сверкали золотые часы и цепочка, в дорогих солнечных очках известного бренда отражались облака... Конечно, в спортивной машине Макс выглядел бы еще круче, но нельзя же от жизни получить все...

* * *

...Много лет Макс повсюду возил с собой эти золотые часы, гравированные “с любовью от Виолетты”, не смотря, что некоторые считали неразумным хранить такую приметную вещь. Много раз Макса спрашивали, кто такая эта Виолетта — каждый раз он врал что-то

новое, никто ведь не поймет, что “виолетта” — просто символ того, что можно остаться хорошим, совершая нехорошие вещи... И всегда Макс возвращался за этими часами, если их снимали с его руки...

— ...Ну, вот, скажите, пожалуйста, почему мы должны возвращаться за этими дурацкими часами!

— Ну, это... Они важны для меня. Ну, талисман, типа...

— Ладно, возвращаемся за вашими идиотскими часами... А что, Максик, вы думали, я один пойду? Ваша виолетта, вы и отдувайтесь...

МАЛОЛЕТКА

— Ее мамаша беспокоится, — рассказывала Эльвира про новое дело и новую клиентку, — Пришла ко мне по старинке погадать — карты раскинуть. Люблю такое, а то совсем уже от корней оторвалась, квалификацию боюсь потерять... Вот и согласилась, хотя и платит эта мамаша скромно — ну, кто сейчас за карты много платит...

Дочке заказчицы шестнадцать лет. Спятила от несчастной любви. Паренек на пару лет старше. Сделал ей ребенка и сбежал в другой город — ответственности никакой, тоже несовершеннолетний был на тот момент, ребенком считается... Это же надо — мозги еще не выросли, а место, чтобы детей делать, очень даже работает — такой недостаток человеческого организма... Так, вот, эта девица очень расстроилась, аборт сделала, матери ничего не сказала. Мать тоже дура — как могла недосмотреть... Потом эта девица вены себе вскрыла и с моста хотела сигануть — еле сняли...

— Так ей в дурку надо, а не к нам, — сказал Макс. Вот не любит он, когда корыстолюбивая Эльвира берется за такие дела, с которыми возни больше, чем прибыли. А он, ведущий актер ее “театра”, отдувайся за ее жадность...

— В психбольнице она уже была. Ее там подлечили, с моста больше не прыгает. Но грустная все время, учиться не хочет. На мальчиков не смотрит совсем, мотивации расти нет, жизненной энергии тоже. Как же это жить и ни к чему не стремиться!

Эльвира по себе судила — так Макс это понял. У нее всегда была мотивация жить — сначала выжить, потом жить лучше, потом жить лучше всех... А вот у Макса такой жизненной энергии не было, он по течению плыл — как идет, так идет. Такие, как Эльвира, гребли веслами, управляли лодкой, а он на спине лежал расслабленно...

Так эта девица не лежит на спине, она в гнилое болото попала, полное возбудителей опасных заболеваний,дохнет там постепенно, на дно уходит...

— Надо спасти человека! — пафосно сказала Эльвира. Она любила прикрывать аферы, которыми занималась, пафосными словами о спасении людей, детей, семейного счастья, любви, а также жизни на земле в целом... А он, Макс, отдувайся.

— Я нагадала матери с дочкой червового короля, — сообщила Эльвира, — с золотыми волосами, что сверкают как нимб у святого...

Эльвира внимательно рассматривала Макса. Потрогала его волосы.

— Недостаточно золотые, просто светлые, как выгоревшая солома. Завтра встречусь с гримером из театра, у него такая краска, что чуть блестит, если на солнце — то, что надо.

Блин! И теперь, из-за того, что во время гадания ведьма входит в транс и несет всякую чушь (“клиенты чувствуют халтуру, надо, чтобы по настоящему перло, изнутри”), он должен ходить по улицам с блестящими волосами. Ну, смеяться же будут!

Не облезет! Пусть делает, что говорят... Мамаша девицу на пляж повезет — им психиатр солнце рекомендовал и морские ванны, девица тонуть станет...

С чего это она вдруг станет тонуть?

Максику не нужно задавать вопросов, это ее, Эльвиры, забота, как сделать, чтобы девица начала тонуть, а Максика забота — чтобы она не утопла... Червовый король со сверкающими волосами вытащит девицу из пучины, вернет к жизни. В прямом смысле и в

переносном... Такое было ей видение, когда гадала. Ну, может, и перебрала тогда немного с грибным эликсиром, но придется воплощать, чего привиделось. Видения — это же не носки, нельзя менять сколько угодно, клиент почувствует халтуру!

Она перебрала, а Макс должен с блестящими волосами ходить, как дурак, да еще в море лезть, хотя холодную воду не любит... Он вообще-то не спасатель малибу и плавает так себе, еще сам утонет.

Там мелко, не стоит беспокоиться, справится... Утром на покраску пусть приходит, там и сценарий обсудят подробно.

И Макс, слабовольный и слабохарактерный болван, не смог возразить.

Все, конечно, как в кино было. Эльвира вообще любила вот это — чтобы как в кино.

— Киношные штампы хорошо работают с людьми — люди любят знакомое, ожидаемое, красивое... Голливуд разработал, а мы пользуемся идеями. И совершенно бесплатно причем!

Ну и ведьма! Ну и воображение!

...Как в кино, златовласый червовый король на руках вынес юную, бездыханную деву на песок и начал делать ей искусственное дыхание. Мать верещала в ужасе, бежал доктор с пляжной конторы, люди скопились со своими советами... Девица открыла глаза, потрогала сверкающие на солнце, волосы и сказала:

— Ах... Золотые волосы...

И снова отключилась. И маме вдруг стало дурно от этих слов, ведь сначала даже внимания на спасителя не обратила. Маму доктору пришлось откачивать — никак не ожидала мать, что гадание на картах у известной прорицательницы, материализуется таким образом — червовый король с золотыми волосами уже спас ее ребенка! Да она все, что угодно отдаст этой ведьме, до последнего гроша...

Раньше она не очень верила, конечно, во все эти карты — средневековье какое, просто подружка посоветовала пойти, раз психолог не помогает — у мадам Эльвиры отличные результаты, каждый получает, чего просит. Но теперь все отдаст, чтобы вернула ведьма ее дочери силы жить и радость жизни...

Вот, что можно получить, если голливудские идеи воплощать красиво — ведьма была довольна началом проекта.

— Такой риск! — кричал Макс, сам испугавшись шоу на пляже. Там все взаправду было, никакое не кино, он по настоящему испугался, первую помощь по настоящему оказывал, как в армии научили, — так рисковать девчонкой! Одна минута промедления... Я сел бы в тюрьму точно! Меня виноватым сделали бы...

— Не бойсь, Максик. Конечно, все по настоящему, моя фирма халтуру не гонит. Кто не рискует — тот не пьет шампанского. Все, нормально прошло, у меня расчет точный...

— Зачем тебе это надо? Ты даже по расходам в ноль не вышла, не окупила сложную операцию на пляже.

— Максик, ты уже большой мальчик, а такой глупый... Это инвестиции. Да, на этом деле не заработаю, но зато уже сейчас такая реклама пошла по сарафанному радио, что мое время на месяцы вперед расписано, я уже тарифы меняю. А если закончим хорошо, то таких девиц весом и на опт нам предлагать будут... Повысится предложение — повысим цену. Наймем еще персонал, расширим офис. Будет рост. Бизнес не может без роста, он задыхается... Это же самые основы! — мадам Эльвира учила Макса не только тантрическому сексу, но и основам бизнеса... Закрой рот, Максик, подкрась корни и

переходим ко второму этапу.

И Макс, слабовольный и слабохарактерный болван, не смог возразить.

Девушка с мамой посещали лекции одного модного психолога. Там и встретили они случайно своего спасителя. Червовый король с золотыми волосами очень смущался и стеснялся. Оказалось, что он посещает эти занятия потому, что очень испугался. Это было так страшно, он боялся, что не справится, не сможет спасти. После стресса не спит по ночам, переедает... Это все было чистой правдой, не без последствий прошло для Макса настоящее кино про спасателя малибу. Обсуждали случившееся помногу раз. Конечно, пригласили в гости, он же самый важный для мамы человек теперь. Подружились. Ходили гулять все вместе в парк, в кафе. Потом мама увидела в глазах своей дочки какой-то интерес к жизни и стала отправлять их вдвоем гулять. Потом на занятия спортом — маме какие-то проблемы со здоровьем мешали занятия посещать, а абонемент уже был оплачен...

А потом Макс с безумным лицом примчался к Эльвире с криками, что девушка к нему вешается на шею, безобразно пристаёт, ну просто невыносимо, вообще наедине нельзя остаться... Он уже в парк боится с ней ходить. Только где люди и при свете дня, никакого кино.

— Все по плану идет, — невозмутимо сказала Эльвира, — малышке гораздо лучше, это нормально. Тебя-то, что смущает — дай ей, что она хочет.

— Нет. Она несовершеннолетняя.

— Вообще офигел, Максик! Это, кажется, твоя основная обязанность — удовлетворить женщину!

Ага! А рассказывала ему сказки, что это один из инструментов. Сделала-таки из него жиголо, зараза!

— Это не женщина, это ребенок! А я взрослый мужчина.

— Да какой она ребенок — грудастая такая, с такой задницей. Да у нее самой уже был ребенок... Максик, не дури. Я приму меры, ты знаешь, что у меня на тебя есть...

— Нет.

Может, конечно, он слабовольный и слабохарактерный болван, но отлично понимает юридическую разницу между постоять не стреме, когда кто-то телевизор выносит, и совратить несовершеннолетнюю. Да и кроме того...

— Там что-то не то, Эльвира... Ей не секс нужен, а чтобы я на него согласился. Ну, типа, внимание оказал. В этом ее проблема. И то несчастье с ней поэтому случилось — она не отделяет секс от другого...

Эльвира перестала орать на него, обзывать “интеллигентшишкой несчастным”, “златокудрым идиотом”, “трусливой белой мышью” и всем подобным, призадумалась. Это была слишком тонкая сфера для нее. Знатоки людей и человеческих инстинктов, когда касалось сложных детских травм и всякой психологии, боялась ошибиться. Максик — ее курочка, несущая золотые яйца — по другому многие вещи видит, с мужской стороны, да и опыт у него другой... Позвонила ассистентке, посоветоваться. Пожаловаться, что неблагодарный Максик капризно “не хочет трахнуть эту девку, прикрываясь всякой психологией”.

— Фу, Эльвира, ты снова выражаешься, как на базаре, а ведь обещала при мне так не говорить — недовольно сказала “номер два” по громкой связи. Макс заметил, что недовольство “номер два” сразу заставило Эльвиру следить за речью, никто так больше не

мог.

— Вы поступаете совершенно правильно, Макс, — сказала ему “номер два”, - ни в коем случае не совершайте преступление в отношении несовершеннолетней...

— По делу говори, нечего мне сотрудников к бунту подговаривать! — прикрикнула Эльвира.

“Номер два” просила изложить Макса свои наблюдения. Он их сначала изложил, а потом вдруг, снова сбиваясь на “ну, это...” и “это самое...”, начал рассказывать про себя... Ну, это... У него батя такой строгий был, старой закалки алкаш. Не давал матери сына обнять при нем — пацанов не обнимают, если обнимается — девчонкой вырастет, педиком станет каким-то... Пацаны не носят красивое и блестящее, только педики. Мальчик не может дружить с девочкой. Только если он педик. Если он не педик, то должен эту девочку... это самое... ну, вон как Эльвира говорит. Трахнуть ее должен... Ну, это... У Макса первый раз был как только он созрел, очень рано, куда раньше других. Хотя тогда даром этот секс был не нужен, он и не знал что это такое, не думал даже и не очень-то хотел... Секс был единственной возможностью с кем-то поговорить о личном, быть рядом, пообниматься просто — и чтобы батя не лупил за то, что педик, и пацаны в школе не смеялись, что с девчонками дружит, а Макс был здоровый и красивый, несложно было телку... извините, в смысле, женщину... найти...

“Номер два” сочувственно поддакивала, вставляла всякие умные слова “телесная психология”, “дозволенный тактильный контакт” и все подобное. Они говорили на разных языках, но отлично понимали друг друга. “Номер два” рассказывала, что у нее тоже высокая потребность с тактильным контакте, но высокая социальная дистанция не позволяла ей реализовать эту потребность, это тоже плохо, много было проблем... А у этой несчастной девочки, видимо из травматичного опыта с родственником мужского пола или еще с кем-то, тактильный контакт, как и внимание мужчины, ассоциируется с сексом. Нет секса — значит не любит, не нужна...

— А я люблю красивую и блестящую одежду, — вдруг заявил Макс ни к селу, ни к городу, — И я совсем не гей, у меня не получается с мальчиками, пробовал несколько раз... А вот Эльвира разобралась с этим, рассмотрела какой я, собой мне позволила быть, чувствительным человеком, экстравертом, а секс всего лишь один из инструментов...

— Эльвира, что ты думаешь? — позвала “номер два”, - Что ты ты молчишь? Нужен консилиум.

Эльвира сидела за столом, закрыв лицо руками и за все время сеанса этих самодеятельных психологов-самозванцев не произнесла не слова. Макс испугался — можно было подумать, что Эльвира плачет. А это было бы также невероятно, как золотой дождь или что-то в этом роде. Эльвира убрала руки, она не плакала. Но лицо было серьезным и решительным.

— Ты подготовь мне несколько вариантов к утру, — приказала Эльвира “номеру два”, - реальных. И без твоих ужимок дурацких, это обыкновенные люди, им по простому нужно.

— Ты прекращаешь свой чувствительный рев, — приказала Эльвира Макс, — идешь домой, хорошо выспишься, утром придешь за инструкциями. Я доведу это дело до конца. Для меня это личное.

Выключила телефон. Показала Макс, на дверь. Снова закрыла лицо руками. Макс подумал, что самой Эльвире тактильный контакт и личное внимание наверное тоже куда нужнее вот этого ее тантрического секса, он захотел подойти к Эльвире, обнять, потрепать

по плечу, пожалеть... Спросить, что там у нее стряслось, что она стала такой, уж он поймет... Но не рискнул.

— Спокойной ночи, Максик! — Эльвира добрее уже сказала. Смотрела благодарно. Она же ведьма. Она умеет читать мысли.

Макс ни разу не оставался с этой девочкой наедине — такое было его принципиальное условие. Лучше он в тюрьму сядет за тот телевизор, если Эльвира хочет его наказать, но не поддастся. Эльвира не настаивала, он просто должен проводить время с девицей и придумывать социально приемлемые способы трогать ее руками на людях.

Они вместе записались на курсы подготовки к выпускным тестам. Макс плохо учился в школе, ему это тоже пойдет на пользу. “Не будешь позорить меня перед приличными людьми своей неграмотностью” — стоимость курсов Эльвира вычла из его зарплаты и обязала туда ходить. Платила ему почасово, щедро, как всегда. Макс знал, что Эльвире никто не платил за эти услуги, пару оплат гадания на картах не окупило даже нескольких дней его работы. Обычно Эльвира даже консультации не давала бесплатно, даже больным, а тут вдруг столько возни за собственный счет...

Матери девочки эльвирины карты подсказали, какие вопросы надо обсудить с психиатром девочки на очередной сессии — про подмену тактильного контакта сексуальным и прочее такое все, Эльвира дала мамаше наводку...

Все время с той малолеткой держались за руки. В кафе она сидела у него на коленях. Лежали в парке рядом на одеяле, болтали. Макс строго следовал инструкциям руководства, да и своей личной интуиции, и тактично, но твердо отделял тактильный контакт от сексуального. Его задачей было превратиться из парня в друга. Обычно наоборот бывает, но тут нужно было так. Пробовали еду из тарелок друг друга, слизывали, смешно и неэротично, капнувшее мороженое с руки приятеля и никак не продолжали это...

Пробовали разный досуг, разные компании. А потом “номер два” пришла отличная идея — записаться в секцию конного спорта. Долго торговались с Эльвирой, кто будет за Макса платить. Макс утверждал, что ему лично эти кони даром не сдались, это рабочая необходимость — пусть Эльвира платит. А Эльвира убеждала его, что умение кататься на лошади “делает его более стильным” и является вложением в его развитие, повышение квалификации, что ему больше всех надо. И пусть сам за это платит!... В конце концов, сговорились пополам — жадная ведьма выпила у него всю кровь и он сдался. Он так устал уже от всего этого, но не знал, как расстаться с малолеткой, чтобы снова с моста не сиганула.

Лошади хорошо пошли. Там ребята нормальные попались. Много мальчиков. Нормальных, таких, что на спорте и на лошадях помешаны, и никакие девки им особо не нужны — не было разницы. Они похлопывали тех и других по крупу, но не делали никаких пошлых намеков, а своим делом были заняты — конным спортом. Девчонка отлично вписалась, ходила регулярно, перестала на Максе виснуть наконец, а то просто не вздохни — уже вцепилась. С лошастью тактильный контакт куда лучше, чем с человеком, все время с этими лошадьми обнималась, гладила, чистила и расчесывала...

Макс понял, что его дело сделано. Девчонка не пропадет. Мать сказала, что и психолог определил, что ей гораздо лучше. Надо было соскочить с дела красиво.

Когда катались с ребятами в парке, Макс показал ей фальшивую бумагу, что поступил в очень рейтинговый университет, очень далеко, надо уезжать. Что скажет его друг по этому

поводу, ехать или нет?

— Очень за тебя рада, конечно ехать, — сказала девочка, — ты такой хороший. Желаю тебе успеха!

Макс попрощался с ней и ребятами, элегантно вскочил на белого жеребца — недаром платил, действительно очень стильно получается. Пусть несколько театрально, но очень эффектно умчался в другую сторону парка, крашенные театральной краской, блестящие волосы развевались в разные стороны и сверкали...

В том самом первом псилоцибиновом видении Эльвиры, червовый король с золотыми волосами возникал в пучине, но уносился в небеса не белом коне... Вариант с небесами Эльвира тоже обдумывала, но, к счастью, согласилась, что спецэффекты будут очень уж дороги, да и Макс еще свалится — все-таки не каскадер он. Удовлетворилась исчезновением златокудрого спасителя в зеленых кустах.

— Устал хуже той лошади, — сказал Макс, возвращаясь к начальнице с докладом. Сидели на улице, жмурились от солнца, пили пиво.

— Да, долго возились... Но теперь отбоя не будет от клиентов, такая рекламная акция получилась крутая.

— Я не могу. Устал я от этих девчонок, даже твой тантрический секс не хочу. Надоело все...

Эльвира протянула ему пачку наличных.

— Отдохни, Максик, покути, как ты любишь... Переброшу тебя на другие дела, без женщин.

Макс запрятал наличные в карман.

— Ты ведь не только из-за рекламы это делала? — Максу так хотелось, чтобы Эльвира не была такой беспринципной сволочью, как обычно. Хоть чуточку была человеком, нормальной женщиной. И Макс рискнул, и обнял свою начальницу, и сидели они так — не толкалась она и не орала, не командовала. До тех пор, пока он опрометчиво не спросил, почему он никогда не видел “номер два”, почему они не празднуют тут все вместе?

— Не твое дело! — резко ответила Эльвира, откинув его руку, — Нечего на нее пялиться! Из... из соображений безопасности... И хахаль у нее ревнивый... И вообще, шел бы ты, Максик, гулять, тратить свою премию.

Эльвира ушла к себе. И Максик пошел. Но не кутить, как можно было подумать, а в банк. Потому, что “номер два”, когда курировала финальное шоу с белым жеребцом, сказала ему вдруг не по делу, но чрезвычайно деликатно:

— ...и я, конечно, не могу вам советовать, Максик, но рекомендовала бы откладывать деньги на черный день, а не транжирить их, мало ли что...

1.3 ПРОБИТЬ ПОТОЛОК

Для профилактики профессионального выгорания своего любимого сотрудника, Эльвира, которая вот только окончила очередные курсы по бизнесу, сняла Макса со всех романтических проектов, велела заниматься “прошпой”.

“Прошпой” на внутреннем языке их потустороннего офиса называлась деятельность, по сути своей, весьма напоминающая промышленный шпионаж. Конечно, Эльвира с удовольствием занялась бы собственно промышленным шпионажем — за это платят лучше всего! — и даже начала налаживать нужные связи и искать клиентов. Но тут ее покровители живо напомнили Эльвире ее место — не ей, медсестре-недоучке, лезть в серьезные дела серьезных людей и серьезных служб со своей самодеятельностью. Не смотря на ее прежние заслуги и преданность, покрывать ее никто не будет, а скорей наоборот... Эльвиру вызвали “кое-куда”, где, по ее собственному выражению, “поимели в хвост и в гриву” и где она клятвенно пообещала не лезть во взрослые дела и ограничиться своей магической практикой, которая прикрывается от закона, в обмен на ценные услуги и информацию бойкой ведьмы... Это еще задолго до Макса было, но ему рассказывали, что Эльвира так расстроилась после разъяснительной работы старших товарищей, что ушла в недельный запой, гоняла голая в машине по городу, попала в аварию и поэтому теперь ездит только с водителем.

Ладно, пусть ей унижительно указали на ее место глупой волшебницы — с дерьмом смешали, установили потолок, но она все-равно расширит бизнес! Бизнес не терпит застоя и однообразия! Главное рост! Главное рост! — все это бормотала Эльвира, пребывая всю неделю в алкогольном и наркотическом бреде — главное рост! Расширение бизнеса...

Поэтому появилась “прошпа” — мелкие и разовые услуги в этой сфере. Иногда они даже прикрывались колдовством. К примеру, на магический прием к прорицательнице пришла одна владелица сети булочных. Готова была заплатить за магический обряд, как было указано в рекламе, “способствующий улучшению бизнеса и повышению прибылей”. Обряд был оплачен и проведен. И в магазине конкурирующей сети булочных на той же улице, ответственным и сознательным покупателем были обнаружены экскременты грызунов, да и не в одном магазине сети, а в нескольких. Началось разбирательство, на время разбирательства, не публичного — заказчица даже не подозревала в чем дело, конкурентов закрыли, соответственно прибыль заказчицы возросла. По городу поползли слухи о магической власти Эльвиры — великой и ужасной! — не только над сердцами людей, но и над их бизнесом...

Макс, может, и дурачок был, но не дурак, вся эта “прошпа” плохо пахла. И он сразу позвонил “номеру два” посоветоваться насчет “прошпы”. “Номер два” очень ласково ему сказала, что к сожалению, не может его проконсультировать, поскольку прошпой вообще не занимается.

— Почему? — спросил Макс

— Такое условие я внесла в свой контракт — могу выбирать, чем заниматься.

— А я могу внести это в свой контракт? — с надеждой спросил Макс.

— Обязательно сделайте это, если будете продлевать. Вы нужны Эльвире, думаю, она может согласиться... Но я буду отрицать, что говорила вам об этом. Пока!

Хоть до окончания контракта было еще полтора года, Макс сразу заявил Эльвире, что не

намерен совершать серьезных правонарушений, хоть ори, она, хоть дерись... Эльвира сразу поняла, откуда ветер дует, сказала, что она “задаст еще этой дурочке”, но присмирела.

— Малыш вырос, — приложила платочек к глазам, — научился думать головой... — и утащила на занятия тантрическим сексом. После них Макс редко, когда мог сказать “нет”.

Но правонарушений он действительно практически не совершал. Так, как-то Макс познакомился на теннисном корте с одним дядькой, обыграл его, потом заболтал, напоил и дядька опоздал на важное совещание, где его голос был решающим... Дядька — взрослый человек, сам за себя отвечает, мог проявить ответственность и не пить с кем попало в ответственный день. Причем тут Макс? Он не виноват. Виноваты... звезды. Звезды, которыми волшебным образом управляла мадам Эльвира — великая и ужасная! — вступая со звездами в магический контакт(очень задорого!).

Потом Макс должен был завалить секретаршу одного крупного начальника. Сначала вышла путаница с терминологией — Макс решительно утверждал, что убивать он никого не будет(а именно такое значение слова “завалить” он слышал в кино в подобном контексте), но оказалось, что Эльвира имела в виду “завалить в постель”. Его задачей было, чтобы секретарша опоздала с обеда и приемная была некоторое время без присмотра. Как хочет, так пусть и заваливает, хоть в каком смысле — в приемной секретарши быть не должно!

А, это ладно, это он может... Макс “завалил” секретаршу прямо в туалете кафе, где та обедала, пообщавшись с ней полчаса, потом, когда их выгнали из кафе, парочка переместилась на задний двор кафе, там, где помойка... И, блин! И это был один из самых запоминающихся сексов в его жизни, очень возбуждающий. И не из-за секретарши той — ее он практически не запомнил, а потому, что ему было страшно интересно, что там сейчас происходит в той приемной, зачем все это... Его страшно заводило, что он, несомненно, часть чего-то большего и важного, но только совершенно не несет за это никакой ответственности... А при чем тут Макс? Это секретарша пренебрегла своими должностными обязанностями из-за животных удовольствий. Просто нимфоманка какая-то, всего его исщипала!

...Или вот еще нужно было познакомиться с компанией каких-то офисных ребят в боулинге и у всех у них взять личные телефоны. Ну, перезнакомился со всеми и телефоны записал. А могли бы и не давать, раз секретные... Он тут причем? Ну, разве виноват Макс, что он всем нравится? Ну, кроме своего папаши, конечно... И того полковника в армии, ну, еще пары тех, кого он и сам терпеть не может...

В общем, такая прощпа, за которую Макс никак не отвечал, ему понравилась. В отличие от опыта в той его криминальной компании, где он тоже вроде как “на доверие” работал, но только там было неприятно, некрасиво, он все время потел от страха, от стыда — не знал, как вырваться, как от ребят избавиться, боялся... А Эльвира спасла его тогда, Макс был ей обязан... И у Эльвиры вот это — “на доверие”, было уже на уровне искусства и очень заводило.

Конечно, его периодически мучал вот этот дурацкий вопрос “зачем” и не будет ли потом неприятностей у секретарши, но он заглушал сомнения алкоголем или тантрическим сексом. Эльвира, конечно, на кокаин хотела посадить, на другую свою дрянь, но Макс не понравилось, плохо было. Медсестра Эльвира очень огорчилась — редкий случай, но бывает... А так было бы хорошо получить еще один инструмент управления своим лучшим актером, ее милым Максиком.

В общем, Макс — прима-балерина магического театра мадам Эльвиры, ловко вилял, чтобы во всей этой “прошпе” остаться всего лишь отвлекающим фронтменом. Но однажды все-таки он провел весь проект от начала до конца. Не смог устоять, тема ему самому была интересна — Макс ведь любил красивую одежду. Поэтому устроился моделью в одно модельное агентство, которое обслуживало салон известного модельера, чтобы узнать тренды моды на следующий год. Про эти тренды, а также про новую коллекцию для ежегодного фестиваля мод, хотел знать другой модельер, который и заплатил Эльвире, чтобы та “разнюхала что-нибудь”. Это был старый знакомый Эльвиры, который одевал ее и в значительной степени был автором ее образа. Перед старым знакомым не нужно было устраивать магический цирк, а просто озвучить цену.

Многие спрашивали, почему Макс с его внешними данными, любви к красивым нарядам и общем артистизме не сделал карьеру модели, куда более социально приемлемую, чем полуправильная деятельность в сомнительном “театре” Эльвиры?

Конечно, думал об этом. И, когда ушел из армии, сразу в модели пошел — тогда он совсем был юный, крепкий после армии, мускулистый, глаза сверкали после всех тамошних стрессов... Сразу взяли, конечно. Для парочки каталогов снялся, для нескольких постеров. А потом ушел. Со скандалом, как обычно. Неприятная там атмосфера. Его мало чем удивить можно, но мальчик из неблагополучной семьи с армейским опытом не вынес того, что он всего лишь манекен для одежды — никого не волнует то, что внутри него, ни его чувства, ни его мысли, ни он сам... Делай, как говорят. Стань там, смотри туда, повернись... Нет, играть ничего не надо, фотограф сам разберется. Умничать тоже не нужно, не ум его тут нужен... А потом еще вот это началось... Ну, девчонки это харрасментом называют, жалуются, судятся, а ведь с мальчиками-моделями такое бывает даже чаще. И не скажешь ведь ничего — такие особенности бизнеса, хочешь больше заказов — вертись. Макс не юноша из монастыря, конечно, нравы у него очень вольные и секс ему нравится, но он сам себе хозяин и сам решает с кем и когда... Короче, Макс — неконфликтный, слабохарактерный и слабовольный, терпел все это, терпел, а потом...

...Нет, ну правда, случайно реквизит в руке оказался — что-то вроде булавы с шипами. Макс римского легионера изображал для какого-то журнала... И когда один чел, что давно Макса доставал — главный у них там был, полез к легионеру под древнеримское платье, то легионер сломал тому челу два ребра, ключицу, вывихнул плечо, разбил голову и нанес, как написано в протоколе, “повреждения мягких тканей лица”. Такие же повреждения мягких тканей лица легионер нанес фотографу, который все это снимал, разбил дорогую камеру, нанёс прочий вред имуществу студии... Был там еще один мерзкий тип, которого стоило бы отметить, но он убежал с криками, что легионер с катушек слетел, полицию вызывайте... Нет, вилку в ягодицу фотографа не Макс воткнул, там девчонка одна, которую все время обижали, подсуетилась под шумок, но Макс и вилку эту на себя принял — на фоне всех прочих “телесных повреждений средней тяжести”, торчащая из задницы фотографа, вилка смотрелась комариным укусом, чего девчонку подставлять... Короче, когда полиция приехала, то в съемочной студии обнаружила прекрасного, златокудрого легионера — в шлеме с перьями, красном плаще и всем облачении, кровавыми руками вонзающего копьё в поверженного варвара-босса. Хорошо копьё было пластиковое, а то заколол бы эту мразь точно...

Дела были бы совсем плохи — босс в больницу попал, но только девчонки Макса не бросили. Вот, ребята все его бросили, сказали, что из-за таких припадочных мальчикам

меньше платят — не может не понимать, что за бизнес, куда шел! А девчонки сказали, что Макс молодец, хоть кто-то дал сдачи этим мерзавцам — сначала на залог скинулись, потом на адвоката, нашли того, кто в теме разбирается...

Максика в костюмчик приодели, он свой вид овечки невинной принял, пошли вместе с адвокатами потерпевшего к прокурору. Ну, и началось разбирательство — Макс всю эту модельную гниль наверх поднял! — про переработки, вред здоровью, прочие трудовые нарушения рассказал... Домогательство отдельным иском было. Доказательств у него не было, девчонки отказывались свидетельствовать — не видать им перспектив в модельном бизнесе после такого скандала, но Макс блефовал. Овечка на слушаниях уверенно утверждала, что у него есть пять свидетелей домогательства к нему лично. Он знает, кого потерпевший еще домогался. Овечка утверждала, что есть аудиозаписи и другие материальные свидетельства...

Посмотрите на овечку, да кто угодно будет домогаться такого красавчика! — вторил адвокат, — сирота беззащитная, ветеран вооруженных сил, со здоровьем проблемы, но честный труженик — не сидит на пособии, а идет работать.... Синеглазая кудрявая овечка двадцати одного года скромно смотрела в стол и ни капли не была похожа на сумасшедшего легионера, который избил двух человек, покушался на третьего и разнес полстудии... Ему стыдно за свою несдержанность, приносит извинения потерпевшему и обществу, обещает посещать занятия по управлению гневом у психиатра. Но Макс не виноват, он жертва...

Адвокат пригласил прессу, обещал той стороне пресс-конференцию, репутационные потери. Та сторона пугала Макса, присылала страшных ребят разбираться, грозили ноги переломать, изуродовать, изнасиловать, убить... Макс, конечно, трусливая, бесхребетная мямля, но тут не отступил. Потому, что знал, что если он попадет надолго в тюрьму за эту драку, то там все подобное с ним тоже может случиться. Поэтому ловко зафиксировал факт угроз и передал прокурору...

Короче, заключили сделку — Макс отзывает все свои иски, а модельное агентство и потерпевший снимают все свои претензии, с прокурором адвокатам тоже как-то удалось уладить. Потерпевший — к тому времени он из больницы уже вышел — даже протянул руку на прощанье, такие мрази только силу и понимают... Макс с удовольствием зарядил бы тому с ноги еще раз, но ведь он только что поклялся судье управлять гневом, да и адвокат выразительно пнул Макса в спину, чтобы пожал руку и все это закончилось наконец. И Макс пожал ту мерзкую руку, и посмотрел на свое предплечье — там под рубашкой у него была армейская татуировка. И показалось ему, что сейчас легионер опозорил свой легион.

Всегда говорили, что Макс везунчик, вот и тогда ему повезло — он вышел сухим из воды. Но только из модельного бизнеса его турнули с волчьим билетом. И он на стройку отправился работать — там все грубо, некрасиво, тяжело, но никаких подводных камней...

И теперь, отправляясь на эльвирино задание, немного трусил. Конечно, много времени прошло, но вдруг кто-то вспомнит скандал с “придурочным легионером”, одна сфера, много общих лиц. Никто не вспомнил. А для трудоустройства Эльвира принесла ему документы — его фотография, но имя другое.

— Это фальшивые документы! — испугался Макс,

— Не дури, Максик, никто их сканировать не будет, просто запишут в ведомость... А на вид, как настоящие. Пощупай сам, посмотри...

— Меня посадят, — Макс чуть не плакал, он боялся таких очевидных правонарушений

— по наущению “номер два”, обзавелся юридическим справочником и всегда сверял с ним очередные эльвирины рабочие задания. Макс уже три раза за свою жизнь чудом избежал тюрьмы. Он везунчик, конечно, но вдруг везение имеет свои пределы.

— Если не будешь меня слушаться, тебя точно посадят, — заявила Эльвира, как обычно.

И он, слабохарактерный и слабовольный, взял эти документы и положил в карман.

Почему он вообще ее слушается? Он практически в рабстве у этой чокнутой Эльвиры! Почему не скажет ей “нет”, он ведь даже почти разобрался с той историей, в которую его втянула плохая компания, может уйти, когда захочет...

Макс вдруг понял, что ему это нравится. Вся вот эта эльвирина полузаконная возня ему нравится. То, что он может. То, что он важен и нужен в этом ее бизнесе, он лучше других. Он — прима-балерина. Испугался этих мыслей, испугался своего странного возбуждения в тот момент, когда держал документы со своей фотографией, но с чужим именем. А когда положил себе в карман эти документы, то и стал другим человеком — у него уже в голове был персонаж, которого он будет играть. Эльвира еще не выдала ему сценарий, но он уже придумал свой.

— Птенец оперился, — ласково сказала Эльвира и потрепала его по щеке. Мудрая ведьма прочитала все эти переживания на его лице.

— Ну, ты Эльвира и ведьма! — раздраженно сказал Макс.

— Экстра-класса, — самодовольно сказала Эльвира.

Такое себе, конечно, было шпионство, детсадовское. Макса взяли в резерв показа. Там у них заболел какой-то голубоглазый блондин, Макс должен был подменять этот типаж на репетициях и выйти, если тот вдруг не выздоровеет.

— А если он не выздоровеет? — боялся Макс, — я не был на показе никогда, это только в фальшивом резюме написано.

— Все рассчитано, к показу тот блондин будет здоров, как бык, — уверенно сказала Эльвира. Откуда ей про это знать вообще!

— Эльвира! — Макс смотрел с подозрением. Страшная женщина.

— Делай свою работу, Максик, в мои дела не вникай.

Ну, Максик и делал. Он со всеми перезнакомился. Всем понравился. Девушкам и парням. Обычно, конкуренция в подобном бизнесе вредит приятельству, но тут нормально все прошло.

Техперсонал дрался за право выпить с “симпатичным новеньким” — Макс травил всякие смешные армейские байки, строительные анекдоты и занятные истории про баб. Он, после своих “романтических” проектов в магическом консалтинговом агентстве, столько историй “про баб” мог рассказать, что любой психоаналитик обзавидовался бы.

А вот начальству модельному он не нравился. Кто вообще нанял этого идиота Никки, но да ладно, на неделю всего, можно потерпеть, в целом типаж подходящий... Он слишком здоровый, пусть срочно худеет — тут его “кубики” на животе не нужны, нужен худой мальчик. Меньше пусть жрет! И он же ничего не умеет — да пусть поворачивается живее, а не как какая-то корова! В общем, обращались, как обычно обращаются с моделью — как с куском мяса, которое должно быть нужного сорта, нужного размера и нужной кондиции. И не вякать, а делать, как говорят.

И что странно, Макса вообще это не задевало, в отличие от того его первого модельного опыта. Потому, что все это относилось не к нему, а к вот этому “идиоту Никки”, который, не

найдя чего получше, пошел в модели торговать мордой и плохо еще понимал, чего он него хотят.

Никки очень старался всем угодить, везде ходил, даже там, где не участвовал, всем помогал, слушал режиссера шоу и даже не обращал внимания на щипки и шлепки, только усмехался совершенно дурным взором синих глаз. Кто-то даже сказал, что у дурачка Никки было бы неплохие модельные перспективы, если был бы только половчее, интриганом, а он, несчастный дурачок, слишком глуповат... Макс тем временем, в теле дурачка Никки, записывал имена моделей, что участвовали, фотографировал и зарисовывал одежду, хореографию шоу, узнавал, кто спонсоры и кого пригласили в качестве “особых клиентов”. Это не то, что была бы какая-то особая военная тайна, но такая ерундовая информация могла повлиять на то, чтобы заинтересованная сторона сделала свою работу эффективней, лучше, конкурентоспособней, поэтому тайну берегли, чужих не пускали и только дурачку Никки удалось все это добыть, его никто никак не мог заподозрить ни в каком коварстве — Бог дал ему столько красоты, что для ума места уже не осталось,...

Эльвира, конечно, пошла бы дальше — украла бы какое-то платье с показа, подсыпала стекло в туфли ведущей модельки или слабительное в термос осветителя, но кроткий Макс, потрясая своим юридическим справочником, сказал вот это свое дерзкое:

— Нет. Сама этим занимайся, если хочешь, — конечно, эту ведьму отмажут ее высокие покровители, а он, Макс, попадет в тюрьму... Почему он вообще так боится этой тюрьмы? Многие ведь сидели и ничего...

Эльвира, проклиная свою судьбу и советы “этой дуручки” — так ведьма обозвала “номер два”, сообщила, что ладно, справится и без него, видимо, он слишком уже вжился в роль дурачка и не годен на серьезные дела.

Очень странно — у Эльвиры кучи денег, есть нормальные, вполне вписывающиеся в рамки юридического справочника, проекты, можно выбирать, а она готова таким заниматься.

Короче, Макс свое дело сделал. Выздоровел блондин из основного состава, вернулся похудевший такой. Макс даже спросил, что с ним такое стряслось. Оказывается, тот паренек был на свидании на фестивале индийской кухни и съел какой-то экзотический фрукт, который организм не переваривает — понос был целую неделю. И температура, и галлюцинации, ну никак не мог выйти на репетиции... А теперь выздоровел полностью.

— А с девчонкой той, с ресторана, — поинтересовался дурачок Никки, — что было? Тоже понос?

— Да с какой девчонкой! Попалась мне роскошная женщина. Да, блин, редко когда встретишь такую — да так не повезло с этим поносом, был не в форме, всю жизнь буду жалеть... А она еще добрая такая, навещала пару раз за время болезни, супы диетические варила...

Супы! Ну, конечно... Ведьмино зелье тот суп называется!

Когда Макс уже уходил, то увидел в конце зала уборщицу, что толкала перед собой тележку с уборщицкими принадлежностями. Не смотря на то, что уборщица был к нему спиной и далеко, он сразу узнал пышный зад, обтянутый униформой — этот зад был ему хорошо знаком... Вот, чертовка! И с каких это пор сама Эльвира стала выходить в поле? Что это случилось с ней такое?

Но не стал раздумывать, ушел, чтобы не подставить случайно. Макс, то есть Никки, даже предлагали заключить постоянный контракт, может даже выпустить в следующем

показе, если будет стараться, но Никки отказался — дурачок, что с него взять. А Макс еще раз понял, что модельный бизнес не для него — он не манекен для одежды, тем более который стоит где-то сбоку или в углу. Он — прима-балерина. Он партнер своего режиссера.

Но вся эта прощпа все-таки напрягала. Потому, что из отвлекающего фронтмена он превращался в игрока. И не мог определиться для себя — боится он этого или ему это нравится.

Разобидевшись на Макса, за его капризный отказ участвовать в очевидно противоправных действиях, заведомо наносящих вред здоровью граждан и их имуществу(так просветил Макса юридический справочник), Эльвира сообщила, что в качестве взыскания понизила его снова до отвлекающего фронтмена...

Макс вздохнул с облегчением. Или с разочарованием?

...потому, что Эльвира посоветовалась с “номер два”, сообщила, что та сказала — если Максик такой трусливый идиот, то в ответственный момент у него могут сдать нервы, он заперет все дело и спалит контору, придурок... Макс понимал, что на самом деле деликатная “номер два” сказала что-то вроде “если Максик не готов к операции подобного рода, то было бы опрометчиво доверять ему ответственное задание, результаты могут быть непредсказуемыми и плачевными”. И был очень благодарен “номеру два” за заступничество.

В новом деле, Макс снова должен был познакомиться с секретаршей(“секретарши твой крест, Максичек!”) какого-то инженера, выяснить ее график, а соответственно, график ее шефа, когда и куда ходит, есть ли семья, все такое, по мелочевке...

— И все? — уточнил Макс

— И все, не ной...

Макс снова не понял — обрадовался он или расстроился. Сделал как ему говорят, дело нехитрое, секретарши — самая простая работа. Но как-то не удовлетворен был, хотелось большего...

...А тут к нему Эльвира ночью заявила, без звонка, без предупреждения. Нарушив свое главное правило — не встречаться на личных квартирах, не встречаться без договоренности, мешать личное и рабочее.

— Максик! Котик мой, пойдем пройдемся, прогуляемся. Такая погода хорошая.

Да, конечно! Котик он ее... Ездовая собака!

— Что надо?

— По дороге расскажу. Очень тороплюсь, время на минуты. Мне надо кое-куда пройтись, а мой водитель в отъезде, машину я не вожу. Ну, не может такая приличная женщина, как я, ходить по темным улицам сама! Ты хочешь, чтобы на меня напали хулиганы, Максик?

Хотел бы он посмотреть на того несчастного хулигана и что с ним будет после того, как нападет на Эльвиру.

— Ладно, — мрачно сказал Макс и пошел к шкафу за одеждой. Эльвира ловко опередила его и сама вытащила из шкафа одежду темных цветов.

— Ты так хорош в этом, Максик, одевайся быстрее, — протянула Эльвира ему одежду, надевала на голову тонкую трикотажную шапку, прятала под нее один светлый локон за другим, очень нежно это делала, пока не закончила. От Эльвиры пахло персиком и ванильным печеньем, а маленькие ручки были мягкие, как свежий пирожок...

И слабохарактерный и слабовольный болван надел черные брюки, черный свитер и в черной шапке отправился погулять ночью со своей начальницей.

— Стой здесь! — приказала Эльвира, когда они приехали в спальный район и прошли несколько кварталов от машины, — Смотри по сторонам. Я вон в тот дом пойду. Влезу в окно. Через десять минут вылезу. Если увидишь кого — сигнал.

— Взлом с проникновением, — припомнил Макс справочник. Он так и знал, так и знал...

— Проникновение без взлома, дурак, — ответила на это Эльвира, — Я там была час назад в гостях, открыла окно в туалете, ничего ломать не надо... Не дури, Максик. Не звать же мне посторонних, тут очень деликатное дело — ты же знаешь, как деликатно я отношусь к клиентам... А стоять на шухере — твоя специальность, ты человек опытный.

— Да я один раз так стоял! Ну, ладно, два... Эльвира! — Макс думал, что она одумается. Она же приличная женщина, у нее и миллион наверное есть, роскошная квартира, офис, водитель, горничная... Зачем ей это надо?

— Подсади меня, тут высоко. И зырь внимательно, не халтурь, — Эльвира забралась к нему на плечи и полезла в маленькое туалетное окно. И ее пышный зад застрял.

— Вот, корова! — сказала Эльвира сама себе, — Ну-ка, пихни меня, Максик.

И он пихнул. Он с чувством ее пихнул так. С душой. Ведьму чокнутую.

— Окей! — видимо ведьма приземлилась удачно.

Макс стоял и смотрел в разные стороны. Ночь была безлунная, освещенных окон мало, фонарь далеко. Да что это такое, что ж за повторение, это... как его... дежавю. Он в черной шапке стоит и смотрит по сторонам, пока кто-то более сильный, более инициативный, более крутой залез в чужой дом. Было очень страшно. Он же уже один раз попался за такое, еле выкрутился... А если попадется теперь, то будет куда хуже — вся эта эльвирина прощпа наверняка куда более тяжкое преступление, чем вынести у богатеев модный телевизор... А справочник даже не упоминает промышленный шпионаж, потому, что это справочник для нормальных, честных жуликов, а не для чокнутых ведьм и непонятно каких шпионов. У них свои справочники, они в тюрьме их читают, на пожизненном...

Так размышлял несчастный Макс, глядя на часы — “От Виолетты с любовью”. Ну, никто не поверит ведь, что часы он честно в подарок получил, подумают, что украл. А если скажет про Виолетту, то такое потом вылезет, все делишки... И налоги он не уплатил с этих часов, а ведь наверное, должен, дорогие... Ворох правонарушений, больших и малых, совершенных Максом за время его сотрудничества с ведьмой, в его памяти превратился в огромный ком, ком катился, как говорят, по наклонной. Наклонная приводила в дом с решетками на окнах... Наверное, стоило бы не идти с Эльвирой тогда из того клуба, а честно отсидеть за тот телевизор, раз суждено Максиму в тюрьму попасть... Уже бы вышел за примерное поведение. Он вообще очень примерный, он такой послушный мальчик... Что она там делает?

— Тяни меня! — прошептала сзади ведьма

Макс вытянул ее из окна и они побежали к машине. Эльвира, не смотря на свой рост и некоторую полноту, бежала довольно быстро и не задыхалась.

— Я каждое утро бегаю в парке, — похвасталась, — Видишь, как пригодились.

— Ну, как? — спросил Макс, когда отъехали

— Все отлично. А теперь быстрее гони в ресторан, там хозяин дома меня ждет, я носик вышла попудрить... Прошло пятьдесят минут. Как бы не обиделся.

— Зачем тебе это надо, Эльвира? — спросил Макс, — Ты же не работаешь в поле, только руководишь.

Эльвира что-то там возилась в сумке, потом Макс услышал характерное сопение. Ох, у нее еще и кокс с собой!

— Деликатное дело, не хочу никого нанимать, ты знаешь мои принципы бизнеса... К тому же.... У меня сложный период, Максик. Личные чувства. Стресс. Я так его снимаю. Адреналин, чувство собственной важности, все дела...

— Личные чувства? У тебя? Нету у тебя никаких чувств.

— А вот и есть! — обиделась Эльвира.

Приехали к ресторану. Эльвира побежала внутрь.

— Эй, — вдруг обернулась, — Если тебе нужен тантрический секс на сегодня, то подожди меня тут час. Я того отправлю и приду.

Слабовольный и слабохарактерный болван снова не смог сказать “нет”. Ну, почему он должен отказываться от своей премии за риск?

Секс получился совершенно обыкновенный, нетантрический. Эльвира очень извинялась, ей, как профессионалу, было неудобно. Оправдала свой низкий профессиональный уровень тем, что ее неразделенная страсть сосредоточена на объекте ее любви, а оттого майтхуна с кем попало — “извини, Максик, ничего личного, такова наука страсти” — не идет...

У Эльвиры любовь? Да не смешите людей!

Весь этот внутренний раздрай очень напрягал. Макс не знал чего хочет, чего боится. Снова страдал от того, что слабовольный и слабохарактерный. Ему не с кем было поговорить. У него не было друзей, только приятели — собутыльники или спортсмены, не было девушки — секса и на работе было достаточно, а любовь все не попадалось. Он не мог поговорить даже с психотерапевтом за деньги, так как был связан соглашением о неразглашении и не знал, обязан ли психотерапевт рассказывать властям про эльвириин бизнес.

И позвонил “номеру два”. Начал снова ныть в телефон. “Номер два” ласково сказала, что он взрослый человек, должен принимать моральную и прочую ответственность за то, что делает. Судя по тому, как часто он цитирует юридический справочник, Макс отдает себе отчет в своих действиях и их последствиях.

— Я не могу сказать ей “нет”. Я слабовольный и слабохарактерный.

— Не думаю так. Вы ленивый и безынициативный, очень слабо работаете со своим потенциалом и путаете его с потенцией, но совсем не слабохарактерный. И “нет” вы говорите мадам Эльвире куда чаще, чем другие сотрудники, не смотря на ее... эээ... харизматичность. Не валите ответственность на Эльвиру, подумайте лучше, почему вы отвечаете ей “да”.

— И почему?

“Номер два” немного помолчала, видимо, надеялась, что он сам ответит. Но потом сказала ленивому и безынициативному:

— Потому, что вам это нравится. Есть такие люди. Они выбирают таких людей и такую жизнь, потому, что это им подходит. Вы из таких.

— Откуда вы знаете?

— Потому, что и я тоже.

Первый раз Макс узнал что-то о личности “номер два”. Его всегда удивляло, как такая деликатная и интеллигентная женщина из общества попала в их команду фриков и мелкоуголовных элементов во главе с чокнутой, но такой офигенной, бандершей?

— Я ничего о вас не знаю, — сказал Макс, — Почему?

— Из соображений безопасности мне запрещено раскрывать свою личность. Вы же знаете правила мадам Эльвиры, поэтому не пытайтесь наладить со мной личные отношения, это вредит работе... Я вам не мама, Макс, я даже не ваш друг. Как консультант фирмы, могу проконсультировать вас по рабочему вопросу, могу дать житейский совет, чтобы сохранить для фирмы вашу работоспособность и результативность. Но я не буду снимать с вас ответственность за то, что вы делаете, это ваше решение и ваш выбор... Еще раз могу рекомендовать, если будете продлевать контракт, внести пункт о том, что вы можете выбирать дело, каким заниматься — это несколько успокоит вашу совесть. Вам тяжело даются плохие роли... Спокойной ночи!

“Номер два” выключилась, оставив Макса с тем, что он не любил больше всего — с ответственностью за самого себя. Макс подумал, что еще не готов он к этому, к ответственности этой. Пусть Эльвира за него отвечает, она крутая. А он уж будет стараться держать себя в рамках юридического справочника, хотя бы большинства страниц, сделает, что сможет...

Но, видимо, даже своей детсадовской прошпой Эльвира пробила потолок, который для нее установили, ее опять вызвали к ее покровителям и снова, как она выразилась, “поимели в хвост и в гриву”.

В тот день Макс был наказан своей начальницей и заперт у нее в кабинете. Провинился он тем, что прогулял три занятия на курсах иностранного языка, куда Эльвира его записала еще полгода назад, как обычно вычтя стоимость курсов из его зарплаты.

— Нельзя быть таким тупым, Максик! Надо выходить на международные рынки. В бизнесе главное что?

— Рост, — вяло повторил Максик ее девиз. Блин, да что ж за наказание такое — сначала из-за ее капризов он оплатил подготовительные курсы в университет — хорошо, кстати, тесты сдал. Потому, что Эльвира обещала избить его метлой, если хотя бы одну “тройку” получит — “тупых она тут не держит!” Потом эти бесполезные кони — “примабалерина должна быть не хуже принца какого, в поло еще заставлю играть, если будешь ныть — а это вообще ужас как дорого, узнаешь у меня!”... Спортзал Макса совсем загонял — тренер, доносит начальству, если Максик плохо занимается — начальство орет, что уволит, “если пропадет хотя бы один кубик на пузе!”.

Эльвира заставила(за его счет, как обычно!) взять курсы риторики, актерского мастерства и этикета — “чтобы не позорил ее тем, что с помойки!”, вдруг ему какого лорда изображать придется, для прибыли ее фирмы...

— Какого лорда? — ну, совсем спятила. Или обдолбалась чего-то.

— Английского! — и записала его на курсы иностранного языка. Оплатила, как обычно, вычтя из его зарплаты, — И только попробуй прогулять! В изучении языка главное — систематичность...

Рассказала назидательно, что она сама знает пять языков. Три хорошо, а два средне, но объясниться сможет...

Откуда? Она Австрию с Австралией может перепутать, какие пять языков!

Максик, она в детстве не дурака валяла, как некоторые, а тяжело работала — побиралась с бабкой по всей Европе, гадала на картах с пяти лет — вундеркинд! — надо было быстрее языкам наблатыкаться, чтобы аудиторию расширить, потому, что в гадании, как и в любом бизнесе, главное, что?

— Рост, — вяло отвечал Макс.

Вот. Потом, взрослая, на курсы пошла, писать по иностранному научилась, правила выучила, чтобы за культурную сойти... И может она отличить Австрию от Австралии! Просто не забивает мозг ненужной ерундой.

— Химию лучше меня никто не знает, потому, что мне это нужно, я все формулы знаю, любую задачу могу решить. И математика мне пригодилась пару раз. И физика даже — для магических спецэффектов. Может, я не такая грамотная, как эта дурочка “номер два”, у которой мозги забиты всякими книжками, но знания у меня имеются...

Эльвира обиделась, это было ее больное место, комплекс — плохое образование, а Макс по незнанию ткнул в больное место. Ему стало неловко и он покорно согласился учить все, что Эльвира ему прикажет.

И всего раз за полгода прогулял. Ну, ладно, три раза подряд. Сначала вечеринка у приятеля была, потом на футбол с друзьями ходил, потом проспал... А преподаватель тоже эльвириин знакомый оказался, сразу донес. Макс сначала думал, что начальство поорет, как

обычно, и успокоится, но попал под горячую руку — Эльвире позвонило ее собственное начальство, она, тоненьким, послушным голоском, которого Макс никогда не слышал, говорила только “да” “конечно” и “что вы, что вы...”. Выключив телефон, непристойно выругалась, снова наорала на Макса, открыла ему компьютер с пропущенными уроками, велела выучить “от сих до сих”, иначе она не знает, что с ним сделает. Будет проверять лично. И ушла подставлять хвост и гриву, ругаясь, как сапожник.

И заперла Макса в своем кабинете. Хорошо там туалет есть.

Блин! Вот, чокнутая... Долго ему здесь сидеть? Позвонил “номер два”, спросить, что делать.

— Ни у кого нет ключа от кабинета, придется ждать, — ответила “номер два”, - если будет возгорание, вызывайте пожарных, лезьте в окно.

— А мне что делать? — Макс пристал к ней, как маленький ребенок.

“Номер два” вздохнула. Ленивый и неинициативный видимо ее притомил.

— Макс, вы же были в армии, получали там взыскания. Если взыскание справедливо — примите достойно и выполните. Если несправедливо — терпите до окончания контракта... В чем вы там провинились?

— Прогулял занятия, не выучил уроки.

“Номер два” снова вздохнула.

— Учите уроки, Максик, — и выключилась.

Макс подошел к окну. Представил себе, как его будут тащить пожарники, а он потом рассказывать, что его, здорового лба, заперла начальница потому, что он уроки не выучил... Лучше сгорит в огне. И приступил к урокам.

Часа через три вернулась Эльвира. Злая, возбужденная и совершенно обдолбанная. Макс смяться хотел, но она не забыла, начала проверять. Осталась довольна.

— Ну, хоть ты, Максик, меня порадовал.

Легла на диван, велела делать ей массаж ступней. Вот, где у него в контракте написано, что он должен делать массаж ступней свой начальнице? Но послушно взял в руки нежную и мягкую ножку Эльвиры, какого-то совсем маленького, детского размера.

— Как там твои дела? — чувствовал, что надо спросить. И рот Эльвиры открылся и полились оттуда злые слова, проклятия и ругательства.

Не может быть в клетке! Ненавидит всех! Ненавидит свою зависимость. То, что ей указывают, что ей делать и как ей жить!.. Конечно, рожей, типа, не вышла для серьезных дел. Не для нее серьезные дела, ее дело женское, цыганское — пусть вот этим колдовством занимается, приворотами всякими, не лезет не в свои дела, не прыгает выше себя и не переходит дорогу настоящим игрокам... Мерзавцы! Сексисты и расисты! Максик, сволочь, тоже расист — с его-то беленькой, нацистской физиономией! С его расистскими синими глазками...

— Ну, какой я расист, — даже обиделся, — ты помыкаешь мной, как рабовладелица, у нас с тобой тантрическая связь, я, вот, делаю тебе массаж ног и после этого всего, я еще и расист... Это кто еще расист! На себя посмотри...

— Так обидно, — кричала Эльвира, — я ведь лучше всех, я умнее, профессиональней, я находчивей, я храбрее всех этих вонючих мужиков! Я столько могла бы добиться, но меня все время тыкают носом в мое происхождение, в образование, в то, что я женщина, я должна знать свое место... А ведь нет у меня места! И потолка у меня нет, я им всем еще покажу!

Проклиная патриархальное устройство мира, торжество идиотов, власть негодяев,

законников, которые заполонили мир и мешают предприимчивым, творческим людям нормально работать... Отдельное проклятие досталось “тайным крысам, которые используют ее для грязных дел, но держат за второй сорт!” Она всех их умнее, всех вокруг пальца обведет, сама себе будет хозяйка...

Потом она занюхала еще одну дорожку и начала ныть, что не смотря на все добро, которое она несет миру, ее никто не любит.

— Ты тоже меня не любишь, Макс, — посмотрела на него блестящими черными глазами, — не смотря на мою к тебе доброту.

Макс не любил Эльвиру. Он любил в своей жизни только бабушку, маму и одну девчонку из школы — знал, как это “любить”. Эльвирой он восхищался, обожествляли очень боялся ее, но совсем не любил.

— Ты не безразличный для меня человек, — сказал осторожно. Это была правда, — Я считаю тебя самой красивой и умной женщиной на Земле. Это тоже была правда. Которая очень понравилась Эльвире. Даже наглой и самоуверенной ведьме чуть за сорок были приятны такие слова очень симпатичного мальчика чуть за двадцать. Понравилась настолько, что Эльвира хотела стянуть с Макса штаны. Он довольно грубо оттолкнул ее, сообщив, что с обдолбанными бабами дел не имеет. А Эльвира шептала, что внутри ее неудовлетворенный огонь страсти, ей нужно сбросить пар, чтобы крышу не снесло.

— Не со мной, — отверг предложение Макс. Вообще всякую совесть потерял. Страсть у нее... Пойдет он домой. Вроде, как угомонилась, отпустила его...

Почти ушел, как позвонила “номер два”. Спросила все ли в порядке, нет ли возгорания? Непонятно, что она имела в виду — пожар или гнев Эльвиры. Макс сообщил, что все в порядке, засунул телефон в карман и взялся за ручку двери... Эльвира узнала, кто звонил, подскочила, как ошпаренная, с дивана, закрыла дверь перед его носом, начала бегать по комнате, как полоумная.

— Ага! У меня есть план, я придумала план! Стой, Максик... Ты моя радость, мой котик, моя прима-балерина...

— Что надо? — вот, когда он “ее котик”, то точно сядет ему на шею и будет ездить.

— Новое дело. Я заказчик и я же клиент, сделай для меня... У меня такой заказ: я сюда приведу сейчас “номер два” — ты ведь давно хотел на нее посмотреть. А ты применишь все свои спецприемчики, понравишься ей — ты ведь не можешь не понравиться, ты куда симпатичней того хахалы... И трахнешь ее прямо на этом диване! Я буду смотреть на экране...

Потом повторила, что Макс должен сделать с “номер два”, более грубыми словами, нецензурно. Бегала по комнате и повторяла все эти слова.

— Ты совсем обдолбалась, Эльвира! — Макса всего перекорежило. И не от слов, конечно — он сам мог их сказать(за что, кстати, обычно получал по морде от начальницы — “у нее приличная фирма, а не стройка!”), а оттого, что слова эти применялись к “номер два”. Макс никогда не воспринимал “номер два”, как женщину, как человека вообще, ему было даже неинтересно, как она выглядит — для него она была незримым, бестелесным существом, почему-то принимавшим участие в его судьбе. Иногда он воображал себе, что вдруг, если и правда существует жизнь после смерти, то это его мама чудесным образом материализовалась в этом бестелесном голосе. Поэтому, даже слушать подобные предложения было противно.

Эльвира по своему поняла его гримасу.

— Это ничего, что она постарше, она очень симпатичная — начала убеждать, — Такая лапочка, очень миленькая... Тебе понравится, а мне польза.

— Какая? — никак не может привыкнуть к новым выкидонам чокнутой начальницы.

— Стандартная операция по компрометации объекта. Как обычно. Ты склоняешь женщину к сексу, я записываю на видео, показываю этому ее хахалю — гнусному, мутному типу. Он бросает ее за измену, он очень гордый, никого не любит, для него это удар по репутации. И она достанется... Больше будет уделять внимание работе, а не своей идиотской личной жизни! Все ради блага фирмы!

— Нет. Даже слушать не хочу. Тебе нужно проспаться, Эльвира, не неси чушь.

А ведьма все еще орала, как безумная, рассказывала, что она выманит этого гнусного типа, она выведет его на чистую воду — выяснит, чувствует ли что-нибудь этот мутный тип, ведьма заставит его проделать с лапочкой то, что та никогда ему не простит — Эльвира знает, как все делается, лапочка бросит его и достанется... Больше будет уделять внимания работе! Но, это все так жестоко, так нечестно... Может, Максик все-таки согласится?

Не слушал, ушел, не оглядываясь. Достала уже, ведьма!

А во дворе вспомнил сплетни, которые рассказывали про Эльвиру и “номер два”.

3. СУЛТАНША, ЕЕ ГАРЕМ И ДРУГИЕ ЛИЦА

Эльвира считала себя феминисткой. Конечно, сознательные феминистки забросали бы ее камнями — она обесценивает все, за что феминистки борются. Камнями бы ее забросали и патриархальные традиционалисты — она презирала все традиции, которые те берегут. Система ее гендерных ценностей была такая же странная и извращенная, как и все остальное — всякий бросил бы камень в эту выдающуюся блудницу.

Например, она решила, что будет бороться с мужским доминированием в жизни и сексе тем, что заведет себе гарем. Султанам можно, а султаншам почему нельзя?

В ее гареме будут только самые лучшие представители самцов вида хомо сапиенс. Считала ли она этих самцов людьми? Неизвестно, наверное, нет. Считала ли она людьми, а не всего лишь орудиями своего чудовищных властолюбия, честолюбия и тщеславия, хоть кого-нибудь? Вполне вероятно, только тщательно скрывала.

Своему гаремному проекту предприимчивая ведьма придала модный, мультикультурный медийный оттенок — четыре ее любовника очень контрастировали внешне и были представителями разных рас.

Первым был Роберт — черный красавец. Он считался любимчиком, хотя у них с Эльвирой на момент проекта не было секса и вообще он был ее водителем. Ну, когда-то давно, когда Роберт был юн, как Макс, у них была какая-то интрижка, которую Эльвира прекратила, чтобы не портить все — Роберт у нее не как все, он нужен ей для спасения души, ну, или того, что у Эльвиры вместо души имеется... Роберт был ее моральный компас, ведь у самой Эльвиры моральный компас был давно и безнадежно испорчен.

— Это совсем мерзко, Роберт? — спрашивала Эльвира про свою очередную, сомнительную затею.

— Очень мерзко, — отвечал Роберт, глядя прямо в глаза, — Перебор, мадам Эльвира.

Она редко, когда его слушала, но хотя бы понимала, что делает. Ее извращенной психике, сначала нацеленной на выживание, а потом на вот это безумное “главное — рост!” нужен был такой костыль, как Роберт. Конечно, сначала она хотела использовать Роберта, как актера в своей магической практике — уж слишком хорош, но он совершенно не годился — более бесхитростного и прямого человека сложно было себе представить. Эльвира объясняла Максу:

— У Роберта редкий дар — всегда быть собой. Это такой же дар, как у тебя, Максик, дар быть кем угодно. Но его дар встречается куда реже. А чаще всего встречаются бездарные люди...

Поэтому Роберт так и остался ее водителем, телохранителем и доверенным лицом. Впрочем, когда он ездил с Эльвирой на ее выездные обряды, то на людей производило впечатление, когда за спиной этой прорицательницы стоял огромный (в сравнении с невысоким ростом Эльвиры), солидный мавр, со скрещенными на груди руками, очень подходил к ее образу "жрицы тьмы". Еще не было случая, чтобы кто-то рискнул не заплатить за работу экстрасенса.

В Роберте не было изящного артистизма Максика, в нем была солидность. Ему было немного за тридцать, юношей его бы никто уже не назвал, но сложен он был очень хорошо — ему даже не нужно было посещать спортзал, чтобы выглядеть атлетом. Люди говорили,

что некоторые особенности его сложения, делают секс с ним крайне интересным для дам. Многим было интересно, что там говорят люди про Роберта, но сам он никому не показывал, а кто видел — помалкивал.

Роберт был всегда сдержан и невозмутим, держался с большим достоинством, всегда называл свою начальницу “мадам Эльвира” и был ей очень предан. Пожалуй, он был единственным человеком в мире, который любил эту вздорную ведьму.

Если Роберт был верным псом Эльвиры, то Максик был кем-то вроде кота — белого и пушистого, нежно мяукающего, когда ему нужно, шипящего, когда наступили на хвост, и особенно к хозяйке не привязанного, но которого можно гладить и показывать на выставках... Сначала Эльвиру впечатлила его внешность, ей нужен был контраст внешности — Эльвирины черная копна волос, жестких, как у лошади, черные глаза на поллица, и нордический типаж Макса с синими глазами и кудрявыми, пушистыми, светлыми волосами. Это были инь и янь из ее видений. Да, Макс являлся ей в видениях еще до того, как они познакомились.

Эльвира как-то была в одном музее и увидела там красивую статую — скульптуру голого мужчины, и случилось с ней откровение прямо там, в музее, и упала она на колени, и захотела оживить эту статую, и получить этого прекрасного мужчину — только, чтобы был со светлыми волосами и синими глазами, ведь статуя бесцветная была... Охрана вывела из музея, поскольку Эльвира там часами простаивала на коленях в молитве перед той статуей. А они думали, что украсть чего хочет. Расисты несчастные!... Эльвира картинку из путеводителя вырезала, в кошелек положила, и название записала — “Давид”. Автор — Микеланджело.

А потом она зашла в тот зачуханный клуб. В такие она не ходит обычно, но тогда прикупить кое-что было нужно... И вот, в загаженном туалете того зачуханного клуба, на полу, “в луже собственной рыгачки и со спущенными штанами”, в бессознательном и совершенно опустившемся состоянии, ведьма находит своего давида.

Наблюдала за ним, неделю в тот гадюшник ходила. Обнаружила, что давид не только прекрасен, но и не глуп, может быть полезен в ее бизнесе — у него есть дар. Давид был малограмотен, матерился через каждое слово, в клуб этот свой вонючий ходил в спортивном костюме или в засаленных джинсах, общался с уродами и наркоманами... Его рвало от кокаина, он падал в обморок от экстази, напивался, как свинья... Эльвира, не колебаясь ни минуту, сдала полиции всю его банду, договорившись с кем надо, чтобы ей отдали этого паренька на воспитание — она сделает из него человека. Кое какие услуги пришлось оказать, чтобы Максика прикрыть.

Общее образование Эльвиры изобиловало значительными культурными пробелами и, конечно, она не слышала сказку про Пигмалиона, который создал совершенную статую и захотел оживить ее. Но именно это она проделала со своим давидом. С наслаждением творца, она смотрела на своего Максика — с прической из самого модного салона, в дизайнерской одежде, обвешенного золотыми побрякушками, с культурной речью и прекрасными манерами. А как он выглядит верхом на лошади — армейская осанка, крепкие икры, кудри, что развеваются на ветру... Эльвира снова падала на колени, поклоняясь...

Ведь основа тантрического секса — поклонение партнеру. И редко с кем получалось такое взаимное поклонение, как с Максиком, он, в отличие от многих, сразу понял в чем фишка, это не просто ласки какие-то, главное — в голове... Она поклонялась совершенному существу, которое увидела в видении и материализовала лично. А Максик поклонялся

всемогущей, жестокой богине, что-то вроде Кали, которая была и жизнью, и смертью одновременно... Отлично получалось.

У Макса никогда не было такого секса раньше и не смотря на весь его специфический опыт, никогда после. И ему нравилось, и льстило, что он, Макс — прима-балерина ее театра и украшение его гарема. Конечно, некоторые умники могут сказать, что это как-то позорно и не по мужски совсем — быть частью гарема какой-то ведьмы. Но пусть они сначала познакомятся с богиней, попробуют этот ее тантрический секс и общую заботу, тогда и решат — позорно это или лучше очередь занять, чтобы в гарем взяли.

В представительском гареме Эльвиры было еще два паренька, которых Макс знал плохо. Один был японец, Эльвира нашла его где-то в университете, он тут диссертацию писал про местные этнотипы. А Эльвира интересовалась японской культурой, в частности, культурой гейш, вот они и обменивались опытом. Японец был похож на самурая с картинок — с такой же прической, был молчалив, суров, а Эльвира рассказывала всем, что продолжительность полового акта с ним, не идет ни в какое сравнение с возможностями других. Некоторые Эльвирины любовники обижались на такие сравнения, а Макс самоуверенно решил, что этот японец — просто тормоз.

Закрывающим был индеец. Ну, то есть коренной американец. Уж неизвестно, где она его нашла, но выглядел он точно, как Чингачгук из кино. Он был каким-то спортсменом, чемпионом — приехал сюда на соревнования и попал в ведьмины сети. Эльвиру почему-то страшно боялся — то ли у нее было на него что-то компрометирующее, то ли просто она, как обычно, поработила его морально и лишила всякой воли. А ей было приятно, что она укротила мустанга.

Иногда вместе ездили в загородный клуб, она заставляла Макса и этого индейца гнать наперегонки верхом на лошадях. Эльвира любовалась, потом сообщала, что получила оргазм от одного этого зрелища и можно идти домой.

И когда Эльвира выстраивала в ряд своих отобранных, колерованных, молодых красавцев, она снова бухалась на колени — Вот! Она победила патриархальный мир! Она получила лучшее от него и благодарит мироздание за это.

Вместе отдыхали, ездили на море и лыжи, поначалу было довольно весело, Эльвира распределила себя для всех в справедливом графике, никто не обижался. Они впятером ходили на всякие закрытые модные вечеринки и богемные тусовки — низенькая, пышногрудая и пышнозадая Эльвира, затянутая в корсет, который создавал иллюзию осиной талии, с четырьмя здоровыми красавцами разных цветов, в костюмах и при бабочках, производила на публику большое впечатление. Эльвира — великая и ужасная, так называли ее, чем доставляли ведьме большое удовольствие, ей очень нравился такой медийный образ.

В гареме случались ссоры и обиды, конечно. Появились недовольные. Как-то Макс очень обиделся, что Эльвира, в результате каких-то интриг, получила приглашение на заграничный кинофестиваль, где были все кинозвезды, а взяла с собой только Роберта. Эльвира сказала, что приглашение добыла она на “плюс один”, а не на “плюс четыре”, а Роберт больше подходит к ее платью.

...На самом деле, она не взяла Максика, потому, чтобы его смазливая морда не привлекала фотографов — не нужно, чтобы морда примы-балерины ее фирмы появлялась в журналах, где потенциальные клиенты увидеть могут...

Макс после этого целые две недели поддерживал с Эльвирой холодные, рабочие отношения, не выходил в общую гостинную, демонстративно официально здоровался с

японцем и индейцем, на Роберта вообще не смотрел, но потом, сдался, конечно...

Затем внутренние споры стали возникать все чаще.

Индеец, тот, все время ссорился — то с Эльвирой, то со всеми ребятами, все время бунтовал — то ему не так, то не этак — нервный какой-то. Роберт убеждал всех, что “мадам Эльвира лучше знает, что кому нужно”, а он вообще-то старший — пусть слушаются, только японцу было все пофиг — настоящий самурай. Наверное, потому, что он тормоз. И получается у него дольше других тоже поэтому. А самый лучший — это он, Макс!

Гарем распался после того неудачного Нового Года. Эльвира затеяла праздничную групповушку. Но не просто так, для баловства, а для дела! Сейчас модно мультикультурность, толерантность, вся вот эта фигня... Снимем на камеру, продадим фильм... ну помните, как у Мадонны в молодые года... Пробьем тему с шоу-бизнесом, может пойдет, денег подыдем.

У Макса небольшой был опыт подобных мероприятий, раза два, и оба раза ему не понравилось — в этом деле он не командный игрок, работает соло. Но хуже этой групповушки он ничего не видел.

Все эти красотки разных цветов, эти, отобранные мадам Эльвирой, жеребцы с лучшими сексуальными данными, очень друг друга стеснялись. Злились и раздражались. Прятались по углам большой квартиры. Голая Эльвира бегала по комнатам и, кнутом и пряником, пыталась собрать свой гарем в кучу. Никто не слушался. Только кроткий Роберт сидел голый в кресле и, не глядя на всю эту кутерьму, читал газету, ожидая сигнала к началу съемок.

Облажались все, ни у кого не получилось. Кроткий Роберт не участвовал. Эльвира была вне себя, приказывала им “виагру, что-ли, принять, или кокс, раз такие дебилы!”, призывала взять себя в руки и “быть мужиками!”, но потом устала уговаривать, сказала, чтобы приходили по одному... Но они так взбесили Эльвиру “своим дебилизмом”, что у нее не получалось завестись... Последним был индеец, она велела ему перья в волосы вставить, может это ее возбудит. Индеец гордо отказался, назвав это расизмом. Получил тумака, но все равно отказался. Хотел уйти, но Эльвира схватила его, начала вставлять в волосы перья, обзывая индейца мустангом и что она “еще его объездит!”. Индеец отшвырнул Эльвиру, она свалилась с кровати, начала вопить. Пришел кроткий Роберт, стал бить индейца “за мадам Эльвиру”, Макс с японцем оттягивали здорового Роберта от индейца другой весовой категории, но индеец почему-то подумал, что Макс наоборот, на стороне Роберта, и дал Макс в глаз. Ну, Макс ему ответил, конечно. Но только попал в японца — такая там куча людей была, рук всяких, морд... И началось. Голая Эльвира голосила, воздевая руки к небу, а ее голый гарем дубасил друг друга, выплескивая затаенные, накопленные, и, подавленные мадам Эльвирой, обиды.

Когда начали бить часы, Эльвира принесла поднос с шампанским. Ее четыре красотки изгадили кровью и слюнями ее дорогой белый ковер, разбили друг другу лица, искусили и исцарапали все прочие части тела, перебили посуду, сломали мебель... Теперь дружно сидели на испорченном ковре, навалившись друг на друга, и тяжело дышали... Чокнулись бокалами, поздравили всех с Новым Годом. И пошли спать.

— Мужиков не переделать даже мне, — вздохнула Эльвира, — Но если бы все это заснять — вот это был бы фильм! Подняли бы денег...

Конечно, после такого ребята на друг друга смотреть даже не могли, было очень стыдно даже бесстыжему гарему. Эльвире, как султанше, было стыдно, что она руководила так

плохо и допустила такой позор. Стыд — не самая лучшая эмоция для создания крепкой семьи.

Макс не мог работать героем-любовником — замазывал гримом две недели разбитую морду, был похож на трансвестита. Эльвире и трансвестит в бизнесе пригодился бы, но Макс отказывался его играть, потому, что еще и за это побьют на улице.

Японец сказал, что он все уже узнал, что нужно, про местные этнотипы и заторопился домой. Хорошо, что не совершил сеппуку прилюдно, а ведь такой позор вполне достойный повод. А Эльвира фильм могла бы про это снять, денег поднять, как она любит...

Индеец хотел судиться с мадам Эльвирой за расизм, угнетение и сексуальную эксплуатацию, но потенциальная ответчица заявила, что она также представитель угнетенного меньшинства, а он ее с кровати пихнул. Гитлер! И неизвестно, кто еще кого сексуально эксплуатировал — уж сколько она с ним надрывалась, неблагодарным. Пусть валит к этим своим... коренным американцам и на ее территории больше не показывается.

Кроткий Роберт был очень рад, что наконец мадам Эльвира прекратила “эту глупую блажь” с гаремом, из-за которой он должен стеречь не только мадам Эльвиру, но еще каких-то придурков и быть над ними старшим.

А на саму мадам Эльвиру все это гаремное фиаско произвело такое сильное впечатление, что она объявила, что теперь будет спать только с женщинами, — они не такие скоты, не дерутся и не портят имущество, ими легче управлять. И вообще ей давно одна нравится...

Так Макс впервые узнал о бисексуальности Эльвиры.

— Я не бисексуальна, — пояснила Эльвира, — Я пансексуальна. Любовь и секс не имеют пола, возраста и прочих ограничений. Максик, ты же в курсе моей тантры... Но с тобой я буду заниматься тантрическими уроками, не переживай — это же для повышения твоей квалификации, а следовательно, блага моей фирмы, — и нежно замазывала синяк на прекрасном лице своего давида жидкой пудрой.

Организация работы в фирме мадам Эльвиры предполагала, что сотрудники не контактируют друг с другом. Помещение было разделено на две части — “офис” и “театр”. Только некоторый технический персонал мог переходить из одной части в другую. В приемную кабинета Эльвиры можно было попасть отовсюду, но только после личного разрешения секретарши. Макс был в театре, да и там он знал мало кого... Парни в театре еще были, но Эльвира запретила с ними общаться в нерабочее время, назвав их “плохой компанией”. Эти ребята делали всю грязную работу — залазили в чужие дома, подглядывали, снимали, воровали, дрались — Эльвира называла эту свою бригаду “группой поддержки”. И они никак не годились в друзья “ее котику”. Если ему нужна была пара для какого-нибудь проекта, то обычно приглашали девочек из эскорт-агенства, девочки все время менялись. Макс даже не знал, как их зовут, а они не знали его — у всех были псевдонимы. В курсе имен была мадам Эльвира, преданная секретарша, бухгалтерша, которая ловко вела, как белые, так и черные дела фирмы, ну, может еще “номер два”. “Номер два” была действительно вторым номером в их фирме, после Эльвиры, хотя работала с ней не так давно — Эльвира очень к ней прислушивалась, и выход их фирмы на новый уровень произошел только потому, что Эльвира начала работать в паре: две головы лучше — так говорила.

Эльвирина секретарша — особа наружности совершенно непримечательной, имела выдающиеся уши. Выдающиеся во всех смыслах — они смешно, как у ведьмочки из мультика, торчали из причёски. Секретарша своих ушей очень стеснялась, ну, а Макс у них, наоборот, очень нравились. Сама секретарша не очень — простовата и глуповата для такого избалованного принца, как Максик, ну, а уши ее он просто обожал — они так мило светились, когда она стояла спиной к солнцу, были такой прелестной формы, крупные такие... И никакой он не извращенец, просто уши нравятся.

В обмен на массаж ушка секретарша поведала Максику, что “номер два” — очень ценный для фирмы сотрудник и дорогой Эльвире человек.

— В каком смысле? — спросил Макс, приступив к массажу второго ушка, надеясь на новую информацию.

— В таком, — отвечала секретарша, хихикая и вращая глазами. Рассказала, что Эльвира с “номер два” повсюду вместе ходят, Эльвира глаз с с той не спускает. После работы тусуются вместе. План курят. А как-то вместе в сауну пошли — так после той сауны Эльвира вообще спятила, сначала на людей кидалась, а потом вот этот их гарем решила завести, чтобы снять напряжение... Но гарем не помог, эти дебилы — прости, Максичек, ничего личного! — еще больше Эльвиру разозлили, сам видел, какая она сейчас нервная. А “номер два” прикидывается, что не понимает ничего. Ну, или просто дурочка. А Эльвира стесняется признаться...

— Эльвира? Стесняется?! — вот, уж никогда не поверит, что Эльвира чего-то стесняется. Не стеснялась она никого, когда проводила кастинг своего гарема — совершенно бесстыжая баба!

— Это когда потрахаться — не стесняется, а когда по серьезному — то Эльвирочка очень переживает, отказа боится, — сказала пожилая уборщица, которая подкралась к ним сзади. Ей даже не нужно было массировать уши, чтобы все растряндела.

Пожилая уборщица была какой-то дальней родственницей Эльвиры. Эльвира ненавидела всех своих родственников — они изгнали ее за какие-то там нарушения, предали в руки негодяев, бросили ее в беде, прокляли, а как только она поднялась, то регулярно стали появляться с денежными просьбами. Макс сам был свидетель того, что однажды на пороге офиса появилась группа каких-то, сомнительного вида, граждан, представившимися “семьей мадам Эльвиры”. Эльвира сама вышла встретить родичей — она была под кайфом и с огнем из театрального реквизита в руках

— Пошли вон! — выпустила Эльвира столб огня, — Сожгу всех, гнусные твари! Убирайтесь с моей собственностью, знать вас не желаю! — она всего лишь арендовала этот офис в центре, но звучало очень эффектно. Прибежал Роберт, пришла охрана, родственников убедили удалиться — Эльвиру-то все равно от всего отмажут, а с огнем шуточки плохи... Эльвира все выпускала и выпускала огонь, никак не могли обдолбанную начальницу урезонить, как вдруг из окна кто-то сказал ей спокойным, знакомым голосом “номер два”:

— Нехорошо так, Эльвира! Огнемет — опасный предмет, может случиться возгорание. Люди пострадают, имущество... Успокойся! Что тебе до них, ты самая лучшая.

И Эльвира успокоилась, отдала Роберту огнемет и зашла в дом...

...Эта пожилая родственница тоже как-то провинилась перед семейством — то ли замуж не за того вышла, то ли ребенка не от того родила, но ее изгнали, она была слаба здоровьем, на жизнь не могла заработать, прочими способами тоже уже не получалось — старая. Эльвира стала ее поддерживать, в пику остальным родственничкам — “чтоб у них повылазило!” и на работу взяла.

Родственница почему-то была уверена, что Максик — внебрачный сын Эльвиры, поэтому доверяла ему и считала членом семьи. Странно было так думать, ведь не было контрастней и противоположней внешности, чем у Эльвиры и Макса.

— Эльвирочка всегда была чокнутой, от нее всего можно ожидать, — так говорила на это пожилая родственница. И только как члену семьи — Макс мудро никого не разубеждал, — она рассказывала внебрачному сыну Эльвирочки про сердечные дела его беспутной мамы...

...Короче, Эльвира не может признаться “номер два” еще и потому, что у той, вроде как, кто-то есть...

— Ну, вроде как есть, а вроде как и нет — все время в отъезде, вот она и вьется вокруг Эльвиры, морочит ей голову, — уточнила секретарша. Секретарша была привязана к Эльвире, тоже была ее дальней родственницей. Эльвира подобрала, брошенную всеми сироту, дала ей образование, в надежде, что подготовит себе ученицу и помощницу — молодую ведьмочку. Но, увы, у молодой родственницы не оказалось никакого дара и годилась она только в секретарши...

— А видели плакат с ногами в кабинете? — спросила у публики уборщица.

Макс много раз видел тот плакат на стене. Это просто фотография крупного формата — обыкновенные женские ступни, не меньше сорокового размера, с красивым педикюром, стоящие на песке. Довольно странный выбор декорации магического офиса.

— Это вон той, ейной, ноги! — торжествующе объявила уборщица, — Может, Эльвирочка давно разобралась бы со сердечными делами, но боится хахаля этой вашей... как там ее... ”номер два”!

Эльвира? Боится?! Эльвира, которая зарабатывает тем, что сводит, разводит людей,

манипулируя тысячами способов, управляет всеми мужчинами, до которых может дотянуться, боится какого-то там хахаля? Не может отбить ту, которую хочет? Да она же Макса этому всему научила!

Не успели сплетники перетрусить постель Эльвиры как следует, как в кабинет зашла сама Эльвира. Не услышав ни слова, ведьма сразу поняла, что обсуждают ее, и начала всех бить зонтиком — секретарша ловко сползла под стол, Макс быстро убежал, а старушка-уборщица храбро скрестила свою швабру с эльвириным зонтиком — одна кровь!

Раз уж Максик был признан внебрачным сыном, то решил подружиться с “родней” и поразузнавать про “мамашу”. Эльвира ведь сама учила, что главное в любом бизнесе — владеть информацией. “Кто владеет информацией — тот владеет миром” — это был второй ее принцип, после безумного “Главное — рост!”.

Сначала он подружился с секретаршей. Конечно, дружба требовала некоторых вложений, да и массажем ушек не обошлось, но иметь свои уши в приемной у начальства — всегда полезно. Может, у бесхитростной секретарши и не было дара, зато он был у Макса — примы-балерины магического агентства.

Потом взялся за уборщицу. Доверительные отношения появились после того, как Макс умело починил ей швабру — жадная Эльвира вычитала из зарплаты за сломанное оборудование, ну, а расцвели после совместного дела.

Максу нужно было познакомиться с одной дамой, которая навещала любимую бабушку в больнице. Поразить ее в самое сердце и втереться в доверие тем, что он тоже навещает и трепетно относится к своей старушке в той же палате. Чтобы дама представила его этой своей любимой бабушке. Чтобы бабушка дамы не валяла дурака и не вздумала переписать завещание в пользу каких-то новоявленных родственников вместо тех, кто о ней заботится.

Милый, светловолосый мальчик должен был привести нотариуса к своей бабушке, а по пути — адвокату было совсем несложно! — заверить завещание и ее соседки по палате... Дама, та что с бабушкой, — была не в курсе, ей не нужно было знать про все эти манипуляции. Заказчиком был муж дамы, он совсем не верил в чудеса, воспринимал магическое агентство, как бюро по решению кризисов.

— Решите мой кризис, наследство уплывает, — сказал заказчик, — хорошо плачу, — показал сумму на бумажке.

— По рукам! — ответила мадам Эльвира. Она очень любила здравомыслящих людей, с которыми не нужно было изображать магический цирк. Но жену заказчика следовало пощадить, не втягивать в внутрисемейные интриги.

Схема была сложновата, многоуровневая, не без недочетов. Но нельзя было повторяться. Ведь сарафанное радио — основной инструмент рекламы в деликатных делах с наследством, могло обратить внимание на однообразность чудес, предоставляемых мадам Эльвирой — великой и ужасной, и, как карета превратилась в тыкву, так и чудеса превратились бы в обыкновенное мошенничество. Поэтому никаких повторов!

...Так вот, Максу нужна была бабушка. Практичная Эльвира решила, что зачем нанимать какую-то левую бабушку, которой нужно платить и которая может разболтать про их дела, если она уже платит ставку уборщицы “этой старой корове, которую давно пора подлечить”. Купила тетке красивую пижаму — Максу было интересно, вычла ли у тетки из зарплаты за этот реквизит? — положила в больницу, болезней оказалось полно. Категорически запретила больной разговаривать — бабушка Макса по легенде немая. А то

ляпнет еще что-нибудь, в своем дикарском репертуаре, и сорвет всю операцию. Пусть Макс за двоих разговаривает, ему за это почасово платят.

Ну, он и разговаривал. И всего лишь за неделю ежедневных посещений своей немой “умирающей старушки” добился полного доверия жены заказчика, а уж ее бабушка, та, вообще была в таком восторге от “милого мальчика”, что и на него бы могла переписать все имущество, если бы чуточку поднажать.

— Это большое испытание, — учила мадам Эльвира, — не смотря на возможность и большой соблазн обогатиться, остаться в рамках договора. Это профессионализм, Максик. Надо быть профессионалом, а не мелким жуликом “на доверии” — в итоге профессионал заработает больше, а мелкий жулик только в тюрьму сядет.

Тюрьмы Максик очень боялся, поэтому вел себя профессионально. Он настолько вжился в роль внука, настолько вовлекся, что его мнимая бабушка — его партнерша по делу, эта уборщица, решила, что Максик ее настоящий внук, ну или внучатый племянник — он ведь внебрачный сын Эльвирочки. Никто никогда не был так добр с этой пожилой женщиной, никто не был так предупредителен и участлив. И надо сказать, что Максусу совсем не сложно было таким быть. Когда-то давно он очень любил свою бабушку, вот также навещал ее в больнице, когда та болела. Ему было несложно вспомнить эти чувства, несложно их вызвать снова, и даже по настоящему почувствовать и сочувствовать.

Эльвира считала это лишним расходом эмоционального ресурса, а на актерских курсах это называли “системой Станиславского”. Эльвира говорила, что нервов на всех не напасешься, а на робкие возражения Макса, что “а вот на курсах учили...” закатывала глаза, бормоча “выучила на свою голову...”, очень ревновала к этим курсам. Ведь, она, Эльвира — лучший преподаватель...

В общем, после того больничного дела, Макс получил верного агента — уборщица ему исправно докладывала, где Эльвира, если он не хотел попадаться ей на глаза, что планирует относительно Максика — ведь везде ходила со своей шваброй и была весьма наблюдательна. Это было удобно — можно было заранее слинять от неприятного задания, сказаться больным. Или, например, напиться. Макс совсем не был алкоголик и даже не пьяница, просто ловко использовал то, что впервые Эльвира увидела его в совершенно непотребном виде и считала, что он в группе риска из-за дурной наследственности. Конечно, морщился, когда Эльвира в тысячный раз рассказывала — иногда даже посторонним людям! — про “спущенные штаны и прекрасные волосы в луже рычачки”, но ведь сейчас была всего лишь роль пьяницы, его задача — обмануть начальство, чтобы сохранить себя, пассивный бунт против властолюбия своей обожаемой и обожествляемой Эльвиры.

Я — Прометей, — думал Макс, начитавшись книжек на очередных курсах, — я ворую у Эльвиры — злой богини, огонь знания. Был очень доволен собой, приятно быть титаном. Но только Макс не дочитал тогда еще книжку, не знал, что для Прометея это вообще-то плохо закончилось.

...А ему было так плохо тогда, когда Эльвира нашла его “в луже рычачки и со спущенными штанами”. Его жизнь неслась в ад, он сам жизнь туда толкал — то, что его выгнали из армии, и тот тяжелый и долгий суд с модельным агентством истощили его полностью, он был совсем один. Не было работы, денег, жилья... Вот он и связался с одной компанией, что со школы еще знал — они были гопники и наркоманы, это всем было видно,

им нужен был кто-то, на человека похожий, чтоб внимания не привлекать — вот Макс и подвернулся, со своей смазливой физиономией. Оливер Твист. Таким его прозвали, таким он был... И он хотел быстрее стать алкоголиком, как его папаша — омерзительным, опухшим, осолопевшим, быстрее стать, как все они...

— Ты не как все, Максик, — нежно говорила ему Эльвира в одну из первых встреч. Он теперь понимал, что тогда это был просто ловкий манипуляционный прием для приручения — дать клиенту почувствовать себя особенным. Но теперь он понял — он не как все. И эта сволочная и бессовестная ведьма сразу увидела это. В луже рыгачки. И сама отдала огонь прометею.

....Старая уборщица рассказала своему внебрачному внуку кое-то про прошлое Эльвиры, которого никто не знал.

...Эльвирочка всегда была способной. Ну, оно, и понятно, у бабки, у матери в той семье дар был к этому всему гаданию и колдовству... Это только кажется, что каждая гадать может и людей обманывать, а нет, тут дар нужен — человека чувствовать, сказать ему что-нужно.

Когда настоящая гадалка про прошлое и будущее рассказывает — она, ведь, не врет, она видит. Человека видит и, как компьютер, его просчитывает — тут дар нужен, плюс тысячелетняя наука... Как бывает: девочка, если дар есть, сызмалу ходит за мамашей десять лет, наблюдает, учится, потом ее в пару берут, потом одну выпускают под надзором... А Эльвирочка уже в пять лет людей пугала — сама выскакивает из под материнной юбки, маленькая такая — всегда была меньше всех ростом, смотрит своими глазищами, открывает рот — и люди плачут от того, что она несет... Не знали, что с ней делать — со своими она также обращалась, очень проблемная девочка для всего рода была... А потом в шесть лет она себя в школу записала. В полицию пошла, заставила родителей документы ей выправить — в шесть лет-то!.. Ну, как водится, переезжали постоянно, так вот эта мелкая везде сама выясняла, где школа и сама туда записывалась — и ничего нельзя было с ней сделать, открывала рот — и все про всех выкладывала, управляла хитростью — и родителями, и всеми. Уж что с ней только не делали, чтобы заткнуть, решили ученая слишком — запретили школу... А потом, когда она только созрела, лет в тринадцать, хотели замуж выдать — много с ней мороки, пусть муж бы маялся... Не очень там красиво с Эльвирочкой поступали, конечно, по всякому, но жизнь такая, все терпели. Но не она... Короче, сразу после свадьбы по неизвестной причине весь поселок сторел. Полностью. С эльвириными родителями, с женихом и его родней. А Эльвирочка под шумок исчезла без вести. И никто о ней ничего не слышал очень много лет до того, как она стала “мадам Эльвирой” и ее рекламу стали крутить по телевизору... Да, ну кто ж знает, почему пожар случился, это же не у них в офисе, где полно всяких противопожарных приبلуд...

Макс вспомнил глаза Эльвиры, когда она держала в руках огнемёт и смотрела на своих родственников. Лично он не сомневался, почему случился тот пожар. И кроткий Максик почему-то не мог ее осудить. Макс любил себя жалеть — он несчастный ребенок из неблагополучной семьи, потом сирота, отец алкоголик, мать созависимая... Они испортили ему жизнь — так часто думал Макс про своих родителей, чувствовал себя выдающимся страдальцем, которого из-за этого все обижают — в школе, в армии, в модельном агентстве... А тут Эльвира и такое... Как вообще такое бывает, в наши-то времена! Не в джунглях, не в пустыне дикой, тут, рядом...

Когда пришел в эльвирин кабинет обсуждать сценарий — завтра ему снова быть червовым королем, уносящим вдаль на белом жеребце щедрую заказчицу, увидел, что Эльвира, не отрываясь смотрит на тот плакат с ногами. Блин! Не хотел бы он быть “номер два”, заметив как Эльвира смотрит на эти ноги. Когда только познакомились, Макс, полностью ведьмой поработанный, очарованный и поначалу даже немного влюбленный, переживал, что мадам Эльвира его не любит. Она использует Максика для секса — он молод, способен и горяч, он ее ученик, “курочка, несущая золотые яйца”, но ведь в двадцать два года хочется чувств — даже плакал ночами. А теперь понял, как страшна и ненависть Эльвиры, и ее любовь...

Обнял ведьму за плечи и тоже на ноги смотрел. Ноги, как ноги, здоровые такие, не то, что эльвирина, золушкина ножка...

— Что это с тобой, Максик? — сразу уловила его настроение ведьма, — возьми себя в руки, прими рабочий вид.

— Я твой друг, Эльвира, — вдруг зачем-то сказал Макс.

— Выпил ты, что ли? Дай понюхаю... — алкоголь на работе был категорически запрещен. Всем, кроме Эльвиры конечно.

Потом Эльвире показалось, что Максик слишком внимательно смотрит на ее плакат.

— Нечего пялиться! — зло сказала она, сорвала плакат со стены и кинула на шкаф.

...и что она делала с тринадцати до тридцати трех лет, когда появилась ее первая реклама, интересно?

Макс не знал, но это интересно было очень многим людям. И некоторые даже готовы были заплатить за информацию. Откуда взялась эта Эльвира со своим магическим агентством?

4. ПРИМА-БАЛЕРИНА МАГИЧЕСКОГО ТЕАТРА

* * *

- ...Откуда взялась эта Эльвира со своим магическим агентством?
- Я не знаю.
- Как ты познакомился с Эльвирой?
- Не помню. Был пьян.
- Кто ее покровители? Ты их видел?
- Понятия не имею. Не видел.
- А ты кто ей такой?
- Я сотрудник агентства магических услуг...

ПРИМА-БАЛЕРИНА МАГИЧЕСКОГО ТЕАТРА

После того, как Эльвире снова попало от ее таинственных покровителей за то, что она пересекает, установленные для ведьмы, границы, прыть ее немного поутихла. Объявила, что хоть это унизительно для нее лично и препятствует росту ее бизнеса, она сосредоточится на основной своей деятельности — магии и колдовстве.

А вот Максу волшебные дела нравились. Ему нравилось, что их дела, которые объективно могли быть названы аферами или мошенничеством, в магической обертке выглядели совсем по другому — чудесами, а он, Максик, всего лишь помогает воплотить волю звезд.

Был момент, когда он действительно в это поверил. В том простеньком деле, которое он почему-то считал вершиной своей карьеры в магическом театре.

К Эльвире на прием пришла супружеская пара фермеров средних лет, из провинции. У них серьезная проблема: пожилые родители всю жизнь копили наличные деньги, ценные бумаги всякие, золотишко — припрятали клад где-то, участок у них большой, много гектаров. Но папа умер, не успев сказать, где накопления. У мамы Альцгеймер, она не всегда помнит, как ее зовут, понятно, что где клад — сказать не может. Дети все перерыли, ничего не нашли... Пусть мадам Эльвира карты раскинет, может, что подскажет. Люди говорят, что любую проблему решает.

Мадам Эльвира раскинула карты(предварительно изучив крупномасштабную карту местности) и, как здравомыслящий человек, который не раз прятал всякие ценности в разных местах, порекомендовала(“так сказали карты”) поискать в конкретных закоулках. Наивные провинциальные клиенты были поражены, как подробно в старых гадальных картах столичной прорицательницы описан их дом и участок, но в указанных местах ничего не нашли.

— Бывает, — развела руками мадам Эльвира, — У меня всего лишь гадальные карты, а не GPS, стопроцентной точности не даю — и деньги тоже не возвращает! Ну, откуда ей знать, где это старичье закопало свой клад!

Мадам Эльвира всегда огорчалась, когда клиент не получал, что хотел — для нее это был вопрос престижа. Но все-таки неудачи случались, как без этого. Она всегда пыталась

сгладить неудачу очень деликатным обращением, убедив клиента, что “так к лучшему”, “никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь” и все такое прочее... Люди смирились с неудачей и потом приходили к мадам Эльвире с новой проблемой.

А эта парочка провинциалов приперлась еще раз по этому же поводу — ну, что, им деньги некуда девать, консультация тоже денег стоит! Мадам Эльвира не отказывалась от денег, но тут честно призналась, что не знает, как им помочь. Пусть считают этот клад жертвоприношением, откупом от всяких испытаний судьбы, да пребудет с вами благополучная карма, идите уже... Но клиенты не ушли. Сами предложили способ, каким можно выяснить, где клад. Они слышали от знакомых, что мадам Эльвира и такое может.

— Я все могу, — пробубнила Эльвира, проклиная навязчивых клиентов, но не смея им отказать.

Клиенты захотели, чтобы мадам Эльвира вступила в контакт с духом умершего отца и спросила у него, где он закопал деньги.

Черт! Ну, знаете... Ну, бывают же жадные люди!

Пыталась отпугнуть ценой — обряд этот очень дорогой, самый дорогой, мадам Эльвира тратит свое ценное здоровье, если выступает, как медиум. Золотоискатели согласились. Черт — три раза! Как же выкрутиться?

— Ваш уважаемый, покойный папа может не согласиться сообщить мне, где деньги — я же посторонний человек, — ласково пропела Эльвира, — И вам может не сказать, он же и от вас прятал — и снова завела свою песню про то, что иногда нужно смириться с судьбой и принять потери с достоинством.

Но провинциалы не желали смириться, желали найти клад. Они сказали, что привезут свою, выжившую из ума, мать. Пусть ей папаша скажет, где он — старый дуралей! — зарыл клад!

Эльвира, проклиная тот миг, когда она поклялась делать любую работу, за которую предложат солидные деньги — подписала договор об услугах. Парочка удалилась, а Эльвира позвонила “номер два”, приказала ей немедленно приезжать, не рассчитывать спать, работы на целую ночь — к утру у них должен быть план, как извернуться, чтобы все были довольны.

Поскольку даже такой матерой волшебнице, как мадам Эльвира, вряд ли удалось бы найти клад на сотнях гектарах земли заказчиков, нужно было устроить им такое шоу с привидениями, чтобы они до конца дней своих шоу это помнили, не вспоминая про клад злосчастный! Чтобы поняли, что мадам Эльвира сделала, что могла, и знакомым рассказали! И если нет клада — то его вовсе нет, может, папа сам его выкопал и пропил...

Сначала, выманив заказчиков на консультацию к Эльвире, бригада ее ребят проникла в дом фермеров, фотографировала дом, сделала копии с фото и видео, которые смогла найти. Потом “номер два” работала с этим материалом, а Эльвира занималась подготовкой спецэффектов. У нее в группе подготовке были еще компьютерщик из кампуса — работал из любви к Эльвире, которая обещала ему секс “когда-нибудь”, и старый приятель — осветитель и инженер сцены. Этому Эльвира платила кокаином. Денег он не брал, поскольку был зависимый и знал, что не удержится и переборщит. А медсестра Эльвира знала, сколько ему нужно, чтобы нормально функционировать, но получать удовольствие. Инженер сцены — заядлый театрал, воодушевился новым проектом, вкладывал душу...

Нужно было привидение. Недостаточно слов Эльвиры про то, что папаша, типа, сказал “клада нет”. Участники спиритического сеанса должны сами это услышать. А еще лучше

видеть. Эльвира очень хотела голографическое изображение в натуральную величину, как видела на каком-то концерте, но это оказалось слишком дорого... Придется делать привидение по старинке.

В конце магической студии еще давно была установлена многоуровневая сцена для подобных мероприятий (также там Эльвира иногда исполняла танец живота для особо ценных клиентов по другому бизнесу). От спиритического стола сцена была отделена специальным стеклом, оно, как призма, искажало изображение, делало его нечетким, двойственным. Игра света, которой управлял опытный осветитель, могла создать вообще какую угодно иллюзию... В принципе, любой человек, который на той сцене стоял, был похож на привидение. Но у них тут не театр, у них серьезное предприятие по оказанию магических услуг — “похож” недостаточно. Они получают привидение, за которое заплатили!

Курительные палочки неизвестного состава создавали расслабленную атмосферу. Специальная музыка вводила в транс. Сцена была подготовлена, осветитель работал так, что начинало тошнить и укачивать от его иллюзий — вроде бы как сплошная тьма на сцене, но чуть светлее, чуть темнее, игра теней, искра мелькнула... Очень тонкая работа, такой талант, жаль в театре не ценят, считают наркоманом.

В роли привидения выступала прима-балерина магического театра — Максик. Приму-балерину нарядили в костюм моды пятидесятилетней давности, набриолинили светлые волосы, наложили грим, чтобы был похож на молодого папашу заказчиков — Эльвира прекрасный гример, из одного человека другого сделать может, где только этому научилась...

Некоторые скептики сомневались — говорили, что папаша умер под восемьдесят, а явится тут молодой. Но мадам Эльвира — знаток не только людей, но и привидений — утверждала, что какой дурак явится на свидание к жене дряхлым стариком, если можно прийти молодым и в костюме. Тем более, дети уже не помнят папу молодого, а жена спятила от старости — даже лучше, если образ давний.

Макс никак не мог войти в роль. Текст был очень небольшой, записан был заранее, компьютерщик сделал, что мог, чтобы голос был похож на образцы голоса, которые эльвирина бригада выкрала из того дома, получилось вполне сносно... Нужно было под фонограмму сказать с драматическим лицом — “где наши деньги, Алиса?”. И тут Максик начинал ржать. Ну, просто как в школе. Никак не получалось, ни с пятого раза, ни с шестого. Получил подзатыльник от мадам Эльвиры.

— Заржешь на сцене, я тебя убью! — прошипела ведьма, — Я не шучу, Максик.

— Перестань кричать, Эльвира, — спокойно сказала “номер два” по громкой связи. Она где-то сидела сверху и наблюдала — должна была вести шоу в наушнике, — Максик, а вы соберитесь. Это такая же роль, как и любая другая. Вы явились на свидание с женой, только и всего. Ну, вот, как свидание в тюрьме — времени мало, нужно успеть сказать важное, представьте себя на этом свидании...

Вот от упоминания о тюрьме — странном страхе Макса, как-то сразу смех пропал. Ему так стало себя жалко — вот когда-нибудь все-таки его посадят за все эти проделки, к нему придет... ну, к примеру, Виолетта... Она ближе всех по возрасту к заказчице, да... Ему так нелегко — снова его пбили в камере, а если Виолетта ему даст денег, то будет полегче...

— Где деньги, Виолетта? — сказал Максик. Лицо у него было очень драматическое. Как на свидании в тюрьме.

— Какая Виолетта, тупица! — Эльвира отвесила второй подзатыльник.

— Эльвира, прекрати, — командовала “номер два”, - Максик, очень хорошо. Но не ляпните ничего лишнего, свет будет на лицо и если артикуляция будет другой, клиент может заметить... Эльвира, немедленно извинись за свои подзатыльники, не нервируй ведущего актера. Пора начинать. Те в приемной уже ждут. Уже отказ от ответственности за ущерб здоровью подписали, готовы...

— Извини, Максик, — послушно сказала Эльвира, — Очень переживаю. Мне еще медиумом быть. Не так легко, как все думают...

Медиум Эльвира была, что надо. Кто видел хотя бы раз — никогда не забудет. Сыграть контакт с духами невозможно — халтура сразу видна, нужно войти в транс по настоящему. Конечно, когда Эльвире было некогда или лень, то очень помогал “грибной коктейль”, но когда дело для нее было важным, она пробовала сама. Зрелище было то еще.

Садись за круглый стол. Держались за руки. Эльвира что-то бормотала себе под нос, закрыв глаза, и раскачивалась из стороны в сторону. Потом открывала внезапно глаза — в случае с огромными глазами Эльвиры и накладными ресницами, это было очень эффектно. Затем ее начинало корчить в судорогах — партнерам по сеансу, этой паре, очень тяжело было ее удержать, чтобы со стула не свалилась. Судороги были очень ритмичны, но вдруг они прекращались в один момент — Эльвирина голова падала на стол с грохотом и, кажется, она пару минут не дышала. Потом подымалась, чужим, невидящим взглядом смотрела вперед и новым, грубым голосом спрашивала клиентов, кто им нужен и что им нужно от него.

Обычно в этот момент все клиенты(и эти тоже, ну, кроме старушки с Альцгеймером, которая вообще толком не соображала) были в таком состоянии — от эльвириных палочек, эльвириной музыки и вот этого цирка с магическими корчами, что сами были похожи на привидений и очень хотели убежать. Блин, да любой бы хотел убежать из этого дурдома! Но Эльвира крепко держала их за руки

— Отвечайте, что вам нужно! — страшным голосом вопила Эльвира, — Зачем пришли?!

Клиентка, дочка вызываемого духа, трусовато дрожа, изложила суть проблемы. Клад, умерший папа, хотели бы папу повидать, может он помнит... Вот, мама сама пришла, может поговорите...

Старушка безмятежно улыбалась и кивала, ничего не понимая. Зять смотрел во все глаза на Эльвиру — у нее почти вывалилась пышная грудь из корсажа во время перемещения в мир духов.

— Видеть хотите или слышать? — клиентам следовало предложить путь общения с духами, может довольствуются пересказом, что папа деньги пропил, спите спокойно. Мало шоу готовили, могут быть накладки...

— Посмотреть, если можно, — сказал зять. Деревенские богатеи такие недоверчивые, за свои деньги все хотят получить.

Эльвира опять начала бормотать, махать руками, и снова ударилась лбом о стол.

— Ваш выход, Максик! — скомандовала “номер два”. Макс сделал шаг на сцену и осветитель поймал его своими тенями.

Дети увидели своего отца. Молодого и симпатичного. Точь-в-точь такого, как на свадебных фотографиях, в таком же костюме. Папа улыбался и протягивал руки. Эльвира ловко выставила старушку вперед, к стеклу. Та по прежнему непонимающе улыбалась, как дитя.

— Включаю фонограмму, — скомандовала “номер два”, - на счет три,

— Включаю свет на лицо, — объявил осветитель, — на счет три.

Макс пошевелил пальцем, это значило, что готов — на счет три.

— Раз, два, три...

— Где наши деньги, Алиса? — сказал молодой отец. Он не смеялся. Ему было так одиноко в его небесной тюрьме без своей Алисы, — Где мы запрятали их, что-то я забыл...

Ну, что еще можно было придумать! Привидения не могут помнить все. Нету клада, нету! ... Одна надежда, что разум еще живой старушки, не умер окончательно и стресс может его пробудить на минуту, — Эльвира уже с таким сталкивалась...

— Серые тени сбоку! Свет с лица убрать!

— Окей, свет убираю.

От звука голоса давно умершего папы, от воспоминаний, напряжения чувств и эльвириных курительных палочек, дочка грохнулась на пол. Ее супруг даже не стал ее поднимать — его самого перекосило и он оцепенел. Практичный деревенский материалист, он никогда не верил ни в каких духов, пошел у жены на поводу, чтобы перестала землю рыть, как крот... А тут он лично видит своего умершего тестя, только молодого, и слышит его голос. Как тут самообладание не потерять и не оцепенеть... Черт, а ведь думал, что жульничество обычное, цыганщина...

— Еще раз! Фонограмма на счет три!

— На счет три готов! — подтвердил осветитель

Макс пошевелил пальцами.

— Раз, два, три..

— Где наши деньги, Алиса?

Приподнявшаяся, было, дочка, снова свалилась в обморок от папиного голоса. Но теперь супруг бросился ее поднимать — она ударилась головой о стул, потекла кровь... Эльвира отвлеклась на это, на минуту потеряла бдительность и случилась совершенно не предусмотренная накладка — старушка с альтигеймером, которую все воспринимали, как мебель, и толком никто за ней не следил, каким-то образом просочилась за стекло — там в углу была дверка. Как вообще она могла заметить этот ход?

Макс увидел, что на него идет улыбающаяся старушка и дернулся от неожиданности, хотел сбежать — такого не было в плане!

— Стоять! — орала “номер два”, - Стоять на месте! Не дергаться. Распахни руки!... Полутень на руки, только на руки! Света вообще нет. Не слепи ее, не пугай.

— Окей!

Старушка подошла к Максиму вплотную. У него пот по спине тек, вся рубашка была мокрая — так боялся разоблачения.

— Приветствуй жену! Ты ее давно не видел. Работай сам, импровизируй, ты справишься, — приказала “номер два”

— Привет, тыковка, — ласково прошептал Макс старушке на ухо, шепот нельзя различить. Он слышал на семейном видео, что муж говорил молодой жене “тыковка”...

— Соскучилась за тобой, котик, — вполне осмысленно сказала старушка, обвила его шею руками, — Тяжело быть одной.

Макс обнял старушку. Она была худая и костлявая, как курица. Нет, как цыпленок. Цыпленок гладил его по спине. Выцветшие глаза смотрели с нежностью и любовью, видя того, пятидесятилетней давности возлюбленного.

— Дети беспокоятся, что деньги пропадут, — едва слышно сказал Макс, — где мы их спрятали?

— Как же ты забыл... Прямо в доме, под крыльцом. Ты сам заливал бетоном ступеньки. Такой был жаркий день, ты был без рубашки... Котик!

Старушка прижалась к нему, Макс больше ничего не говорил, гладил ее по цыплячьим плечам, смотрел за стекло. Там он видел выпученные глаза толстого зятя, совершенно ополоумевшую дочку, у которой слюни стекали изо рта. И Эльвиру. Эльвира стояла лицом к стеклу. Из глаз Эльвиры текли слезы. И она не останавливала слез, и не прятала. Если бы слезы оценивали, как редкость, то слезы Эльвиры стоили бы миллиард. Ее птенец вылетел из гнезда, как тут не плакать... И Макс навсегда запомнил лицо Эльвиры, которая смотрит на него сквозь стекло.

— Пора уходить, — командовала “номер два”, - Деликатно снять руки с плечей, мягко отодвинуть. Попрощаться... Свет убрать полностью, темнота.

— Окей, — наступила темнота.

— Пока, тыковка! — сказал Макс, — Скоро увидимся.

Сначала он испугался, что такое старушке ляпнул — он ведь привидение. А потом подумал, что старушке так одиноко в ее затуманенном разуме, без ее котика, что, может, лучше и помереть — к котику пойти, но все равно решил исправиться:

— Присматривай за детьми, тыковка.

Но, кажется, старушка уже не слышала его. Тот всплеск активности в мозгу, вызванный голосом любимого мужа, прошел, она снова превратилась в несмышленное дитя.

— Отходим по плану, три шага назад, не оборачиваясь. Без дерганья. Вспышка серого света на второй шаг.

— Все понял. Свет на счет два.

Макс пошевелил пальцами.

— Раз, два..

Вспышка серого света на миг озарила привидение.

— ...Три! — Макс сделал шаг назад и провалился в специальный подпол — привидение эффектно исчезло.

Упал на маты и тяжело дышал. Совершенно мокрый и совершенно без сил. Он лежал в этой темной, затхлой норе, но чувствовал, что он кланяется на середине сцены, в него летят цветы и звучат аплодисменты...

— Bravo! — с восторгом сказала “номер два” в наушнике, — Bravo, Максик! Прима-балерина! Такую игру не в каждом театре увидишь...

Макс закрывал глаза, слышал воображаемые аплодисменты и видел глаза Эльвиры за стеклом. Это был лучший момент в его жизни!

...Вот его спрашивали, почему он не пошел в театр, раз это все ему так нравится, с его-то внешностью и артистизмом. Ходил, конечно. И в театр и на кастинги в кино тоже. Сразу после актерских курсов, чтобы от Эльвиры слинять и ее мутных дел. Но ему не понравилось — не было риска, не было куража, не было вот этого эльвирино, возбуждающего — “мы не развлекаем людей, мы управляем ними!”.

Да и прямой-балериной его никто не называл в другом театре, Макс был один из очень многих способных и симпатичных парней, шансов стать успешным не так много. А в этом театре он был лучший.

В другом театре не было такой команды и такого режиссера, не было игры вне правил, да и тут играли не пьесы, играли жизнь, настоящую, куда круче телевизионных реалити-шоу. Даже секс тут у героя-любовника был настоящий и, если по морде из ревности получал — то тоже по настоящему. В каком ещё театре можно такое...

Особенно большая очередь к Эльвире была из дамочек разного возраста после развода. “Легкая добыча” — так называла эту часть своих клиенток мадам Эльвира — уязвимые, нуждающиеся в утешении, нуждающиеся в совете и готовые платить за него, не знающие, как дальше жить... Старинные карты мудрой мадам Эльвиры должны были направить дамочек дальше. Конечно, кое-кто сказал бы, что лучше бы им к психологу ходить, но мадам Эльвира говорила, что нормальный психолог берет не меньше, а дает практически тоже самое, а разница между ними в том, что психолог, типа, предлагает ответственность на себя принять, а ведьма наоборот — снимает всю ответственность с несчастной страдальцы, ее поступков, ее выбора — а кому нужна дурацкая ответственность! Это карма. Это воля небес. Звезды так расположились. Карты так лягли.

Эльвира, из своих феминистических убеждений, искренне старалась дамочек укрепить. Внушала им, что они умницы и красавицы, а если этот дурак (дебил, подлец, кобель, мерзавец, скупердяй, алкоголик, транжира, урод... ну, и все прочие оскорбительные определения мужского рода) этого не понимает и не ценит, то большое счастье, что она от него так удачно избавилась — лучше, что это произошло, когда клиентка молодая и здоровая, а не старая и больная! Эльвира удивительно ловко создавала атмосферу полного понимания и поддержки, в ней не было объективности и некоторой отстраненности психолога на сеансе, у ведьмы клиентки находили субъективную вовлеченность подружки, которая всегда на ее стороне.

На сеанс гадания клиентка приносила с собой фотографии мужа, общие фотографии, фото с друзьями и родителями и недолгого анализа обычно было достаточно, чтобы опытная ведьма определила причину расставания, а также кто конкретно бывший клиентки из списка оскорбительных определений мужского рода (дебил, подлец, кобель, мерзавец, скупердяй, алкоголик, транжира, урод...). С большой долей вероятности Эльвира определяла участие других действующих лиц в семейной драме а также предсказывала, с большим процентом точности, возможность воссоединения. На клиенток эти чудеса производили большое впечатление — они хорошо платили за консультацию (“по тарифу профессора-психиатра!” — гордилась Эльвира), возвращались еще и приводили подруг.

А одна попалась странная. Почти сорок, выглядит на тридцать, зарабатывает

достаточно. Развелась с мужем, прожили почти пятнадцать лет — ушел к подруге, разлучница — манипулятор, муж — слабак, хотя и отец хороший, с женой по прежнему дружит — дело ясное, как день, типичный случай... Клиентка хотела знать, вернется муж или нет. Приходила два раза.

— Нет! — у гадалки Эльвиры это был обычный результат. Эльвира была уверена, что через мужика надо переступить и идти дальше. Зачем ей этот мямля, который позволил себя окрутить какой-то дряни! Нормального пусть ищет, надежного...

Клиентка пришла третий раз. Уточнить хотела. Вдруг вернется. Так надеялась, что если она заплатит мадам Эльвире третий раз, то та сможет сделать так, чтобы муж вернулся. Ну, что за дура, зачем ей этот слабак-изменщик!

Клиентка начала ныть про двадцать совместных лет, про то, что она старая, некрасивая и никому не нужная. Никто ее не полюбит. Ну, и все в этом роде — нытье, которое Эльвира ненавидела. Но утешала, как профессионал. Заметила, что клиентка приделалась, на новой машине приехала — деньги после развода получила, прикинула сколько, сколько можно содрать за разрешение личностного кризиса этой дамочки...

— Нет! — не изменила Эльвира своим принципам, учила “не клеить горшки, а лепить новые”, - Карты, девушка, вам не баловство, нельзя по заказу — сегодня одно, завтра другое, карты правду говорят, как есть... Но, вот, что я вижу... — и, начав свою утешающую песнь про то, что клиентка умница и красавица, поймет, что не нужна никакая морока с мужиками, — нагадала той червоного короля — молодого и интересного, который будет любить клиентку безумно, а вот она не будет знать, как от него избавиться... Потому, что умнице и красавице никакие мужики не нужны... Пусть только заплатит за снятие порчи — карты на порчу указывают. Видимо, та разлучница наворожила. Бывают же бесстыжие женщины!

...Но мадам Эльвира может помочь... Ну, может и дорого, конечно. Но вы хотите счастья, девушка, или нет?

Несчастливая разведенная пробиравалась к своей машине на стоянке супермаркета. Руки были ее заняты тележкой, из которой вываливались покупки, также из тележки вываливался малыш, которого она с усилием запихивала обратно. Рядом мельтешил другой ребенок, который вырывался и хотел куда-то убежать. Это было так непривычно и тяжело — делать покупки с ними одной... Наконец мать добрела до машины, затолкала все и всех вовнутрь. Но тут выяснилось, что спущено колесо. А она никогда не меняла колесо сама, она еще не была сама никогда. Ну, хоть плачь... Так она и сделала — заревела, сквозь слезы ища в телефоне номер эвакуатора.

— Вам помочь? — участливо спросил женщину случайный прохожий.

Утерев слезы, несчастная женщина подняла глаза на симпатичного парня. У него было простое, доброе, честное лицо и крепкие руки.

— Да, пожалуйста, — сказала она этому парню, — Я еще никогда не меняла колесо.

— Я вас научу, — весело сказал парень, — это вполне доступно, если у вас есть домкрат в багажнике.

Домкрат в багажнике был. Парень ловко менял колесо. Брал ее за руку, показывал как надо держать и как крутить. Слезы высохли. Она подумала, что наверное справится в следующий раз сама.

— Большое спасибо! — благодарила она любезного парня, искала наличные...

— Что вы, — смутился симпатичный парень, — не нужно... Но если хотите отблагодарить, то можете подвести меня — я тут продуктов набрал, а друзья мои уехали, не дождались, что-то у них стряслось... Такси, вот, собирался вызывать.

Конечно, эта дамочка посадила незнакомого, но очень милого молодого человека, к себе в машину и повезла по указанному адресу. Парень вез продукты своей бабушке. Она инвалид — немая старушка, вот он о ней и заботится, больше никого нет — сирота. Такой милый, о бабушке заботится!

По дороге парень весело шутил, рассказывал смешные истории про немую бабушку, отвечивал комплименты — не грубо и пошло льстил, как делают обычно, а видел достоинства новой знакомой и тактично выделял их. Давно она так не смеялась, не краснела, не смущалась — взрослая женщина с детьми. Дети, кстати, тоже притихли — пассажир предложил им интересную игру — веревочку на пальцах.

Когда приехали на место, парень предложил всем вместе зайти к бабушке, она будет очень рада, ей так скучно, почти никуда не ходит. Пироги печет, а есть некому...

Конечно это была идиотская идея и никогда благоразумная женщина не пошла бы в гости к незнакомому человеку, тем более с детьми. Но ей так давно хотелось веселого приключения, чего-то вот такого легкого, без давящей ответственности и страха, хотелось почувствовать себя молодой... И эта модная гадалка обещала ей червового короля! Блондина!

Женщина боролась с собственными благоразумием и ответственностью. Дети снова начали ныть — хотели в гости. Неразумные младенцы прочувствовали сердцем, что пока ехали в машине с этим человеком, мама была нормальная, как раньше, до развода, и хотели продлить это ощущение.

— А дети? Так неудобно, они такие шумные.

— Бабушки любят детей, — молодой человек смотрел просительно, — рискните, я не маньяк.

Женщина позвонила своему бывшему мужу, сказала, что идет в гости, сообщила адрес, просила забрать детей через два часа.

— Мудрое решение, — засмеялся новый приятель, — вы очень благоразумная женщина. Вот. А бывший муж считал ее бестолковой и безответственной.

Пошли вместе в гости к немой бабушке. Чудеса, обещанные гадалкой, начинались.

Немая бабушка, хоть и была совсем не похожа на своего внука, была такой же милой женщиной. Пахло пирогами. Заварили чай, детям парень сразу дал планшет и модный телефон, там было много всяких игр — дети визжали от восторга... Сели пить чай, говорили обо всем, немая бабушка кивала. Никто не грабил женщину, не разбирали ее на органы, все было очень прилично, а парень очень хорош. Она перестала бояться — ну, что с нее взять, кроме детей... Подумала, что, вот, он может заманить ее в другую комнату и изнасиловать там. А потом подумала, что зачем ее насиловать, если она вообще-то сама не против повеселиться с таким молодым красавчиком. Это был первый раз, когда она подумала о сексе с другим мужчиной, кроме своего мужа, за последние пятнадцать лет, и первый раз, когда подумала о сексе вообще первый раз за эти очень тяжелые полгода после развода...

Прекрасно проводили время все вместе, и она даже расстроилась, когда позвонил муж, что приехал под подъезд забрать детей. Дети висли на немой бабке, она заворачивала детям пироги. А молодой человек, смущаясь и краснея, сказал, что ему очень неловко, но, надеется, что она поймет правильно... И пригласил ее прогуляться в выходные в парке.

Детей можно взять, если оставить не с кем, на пони их покатаем...

... - Хорошая женщина — сказала немая бабка, — жаль, что так у нее с мужем получилось.

— Эльвира велела взбодрить, придать уверенность в себе, — ответил внук, — Будем снимать порчу.

— Это да. Порчу, ведь, сам человек на себя наводит, — заметила опытная бабка, — А снять ее самому очень нелегко....

...Она много лет так не веселилась. Гоготала, ну просто неприлично. Дети были счастливы. Приятель был очень хорош. Он уже не так стеснялся, даже за руку ее держал. Хорошо относился к детям, знал, что им нужно. Но посоветовал очень проверенное агентство нянь, там не так дорого и очень надежный персонал.

— Тебе нужно больше времени для себя, — ласково погладил он по волосам эту взрослую женщину, мать двоих детей...

На следующий день играли в теннис. Она со школы не играла, а новый знакомый сказал, что в этой спортивной юбочке она выглядит, как девочка, и вообще теннис на пользу лицу и фигуре... Если ей двадцатипятилетний мальчик так говорит, то она запишется на корт и будет ходить три раза в неделю. Заплатит за месяц вперед, чтобы не пропускать.

Потом он познакомил ее со своим знакомым стилистом.

— Надо взбодриться. Ты молодая красавица, не стоит старить себя раньше времени — этот лучший в своем деле, запишись к нему...

Она послушно записалась. Она ведь привыкла слушаться мужчин. Даже этого, малознакомого мальчишку.

В пятницу он повел ее в клуб. Сначала стеснялась — старовата она уже для клуба, но новый приятель убедил, что нет. Там пила, пела и плясала, совсем не старая оказалась, еще может...А потом, каким-то непостижимым образом, она оказалась с новым приятелем в тесной каморке со швабрами и метлами, и поняла, что все, что было у них с мужем — какая-то скучная возня, в сравнении с тем, что она чувствовала с этим кавалером.

Взрослая, реалистично смотрящая на жизнь женщина, была уверена, что этот красавчик, как все мужчины, бросит ее, если получил свое. Но нет, кавалер никуда не делся, он повторил тот опыт в мотеле, у себя дома(когда его немая бабка отправилась к врачу), а потом оказался у нее дома, на ее опустевшем супружеском ложе.

Модная гадалка ведь сказала, что муж не вернется, чего тогда его ждать, чего ложу пустовать... И, непостижимым для нее самой, образом новый молодой любовник к ней переехал.

Сначала все было замечательно. Детей к маме отправила, чтобы не стесняться. Совсем спятила в этих отношениях, слишком раскованно, можно сказать, развязно себя вела. Даже, стыдно признаться, сделала себе татуировку. Маленькую, на лодыжке — что-то китайское, жизнеутверждающее. Новый любовник привел своего рыжебородого, как викинг, приятеля, на дом. Татуировщик, не обезболив(“иначе теряется смысл древнего, очищающего таинства”) набил ей на лодыжке этот китайский знак. Ей стало гораздо легче от этой татуировки, недаром древние люди подобным образом избавлялись стрессов...

Молодой любовник приносил ей кофе в постель и отвозил на работу. Девчонки с работы в окна вываливались, чтобы посмотреть, кого там нашла “эта ноющая дура”. И когда

увидели модного красавца со светлыми кудрями, она превратилась из “ноющей дуры” в “женщину, которая может жить дальше”.

Но апофеоз их романа случился тогда, когда бывший муж заехал на свою бывшую квартиру к своей бывшей жене по каким-то их общим делам. Дверь ему открыл настоящий любовник его жены, без одежды, едва снизу прикрытый полотенцем. Муж был обыкновенным мужчиной чуть за сорок — толстоватым, лысоватым, уставшим от жизни, забот, от развода, от новой молодой жены. И увидеть молодого, атлетичного аполлона в своей бывшей квартире стало для бывшего мужа большим ударом.

— Добрый день! — вежливо поздоровался молодой любовник, белозубо усмехаясь и придерживая полотенце, — Что вам угодно?

Не успел бывший муж сказать не слова, как из спальни выпорхнула веселая, бывшая жена в пикантном халатике, который никогда не носила раньше. Бывшая жена наслаждалась тем, как бывший муж, раскрыв рот, смотрит на этого красавца в полотенце, а главное — на нее! Он никогда на нее так не смотрел.

— Привет! — весело поздоровалась, муж не видел больше года ее такой веселой, — Я сейчас немного занята, может, позже зайдешь?

Бывшего мужа, чуть удар не хватил, когда он предположил, чем занята мать его детей, ушел он, пошатываясь... Раньше мечтала, чтобы муж так на нее смотрел. А теперь почему-то ей было все равно. Гадалка права — нет смысла клеить старые горшки, нужно лепить новые.

В общем, сначала, целую неделю, было замечательно. Но когда вернулись дети, и началась рутина, то она с этим молодым любовником страшно замучилась. Потому, что она взрослая, самостоятельная, ответственная женщина. А это еще один ребенок...

У него были проблемы с работой, он занимал у нее деньги. Иногда отдавал. Разбрасывал повсюду свои носки. И не только. Конечно, секс у них был отличный, но презервативы использованные он тоже не убирал — а ведь дети могли увидеть. Конечно, он приносил кофе ей в постель, но повсюду разбрасывал чашки, рассыпал кофе и разливал его на пол... Короче, оказался свиньей.

Конечно, он отлично ладил с детьми, но шумно ругался с ними за пульт от телевизора. Подрался со старшим за то, кто будет управлять игрушечным самолетом. Съел детский обед младшего, сообщив, что обед был очень вкусный, ему самому захотелось... Короче, сам был совершенным ребенком.

А зачем ей свинья и еще один ребенок? Гадалка учила, что женщина — самодостаточный человек, ей нужен партнер и помощник, а не тот, у кого есть член и кто номинально считается мужчиной.

— Ты умница и красавица, ответственная мать, зарабатываешь деньги, крыша над головой есть, отец от детей не отказывается... вон как похорошела, спортивная такая... Нафиг тебе какой-то посторонний мужик в доме? Гони его к чертям! — учила модная прорицательница, — О себе думай, как тебе комфортнее, это главное... А захочешь мужика, на сайт знакомств пойдешь, там их, как собак нерезанных, этих мужиков... Не будут хотеть тебя, скажи мне, я любого приворожу. Дорого, правда, но того стоит...

Уже совсем не несчастная разведенная, с удовольствием разглядывала свою татуировку на лодыжке. Да, она умница и красавица. И все у нее хорошо. И никто ей не нужен, она сама может поменять колесо! И автомобиля и своей жизни.

И решительно сообщила червовому королю, что им надо расстаться. Как он плакал! Ох, как он плакал... Такая женщина! Лучшая, замечательная... Не хотел уходить. Она сообщила

тверже — вместе они быть не могут, лучше ей одной. Любовник, теперь уже бывший, добился твердого решения (“она должна осознанно тебя турнуть, Максик, не на нервах!”), и сдался — счастье любимой женщины для него превыше всего! ...А не может она до зарплаты одолжить ему пару сотен, обязательно отдаст! ...И к бабке отвезти, машина в ремонте...

Отвезла немой бабке ее счастье. Объяснила, почему вернула, даже извинялась. Немая бабка понимающе кивала, бывший любовник ушел в ванну рыдать. Попрощалась с бабкой и уехала. Написала мадам Эльвире положительный отзыв в интернете: “мадам Эльвира сказала, что снимет порчу — и сделала! Теперь я другой человек, все у меня хорошо! Да, очень дорого. Но того стоит”.

— ...Ну, что скажешь, как там порча? — спросил отставной любовник немую бабушку, выйдя из ванной.

— Нормально вроде... Полегчало бедняжке. Дай бог ей счастья! — ответила немая бабка.

— Вот такую работу я люблю! — довольно сказал внучок, — Хорошо быть доброй феей.

— Особенно, когда еще за это платят, — заметила старушка

— Это точно.

5. ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ИИСУС?

— Преподобный отче! — нежно сказала Эльвира, стоя на коленях и почтительно целуя руку молодому патеру. Видимо не только руку, потому, что он начал смущаться и убегать от нее.

— Эльвира, прекрати это богохульство, — молодой патер застенчиво запахивал свою сутану, — Должны же быть какие-то пределы даже у тебя.

Она хихикала и охотилась за ним по всему кабинету.

— Я буду судиться с тобой за домогательства, я умею, у меня есть опыт! — грозился молодой патер, — Это богохульство!

Она хохотала.

— Максик, ты такой сексуальный в этой форме. Вот, вроде закрытое платье до пола, а такая сексуальная одежда...

— Ты чокнутая, оставь меня в покое!

Наконец она уgomонилась. Приступили к работе. На новом деле Эльвира почти не зарабатывала, но просила отнестись очень серьезно. Заказчик — кто-то из судейских, нужный человек, надо ублажить, чтобы был доволен — может пригодиться. Клиентка — его дочь. Да совершеннолетняя, пусть уже не ноет, белобрысый святоша!

...У дочки этого судейского проблемы, она сексзависимая. Гулящая, то есть. Конечно, по уму, нормально надо лечить человека — психотерапией, гормональными препаратами, но этот судейский — ханжа, считает, что это позор и можно перевоспитать. Нет, ну есть же придурки, да еще на таких должностях!

...Что отец только не пробовал для перевоспитания — не помогает. Вот обратился к ведьме, в чудеса он не верит, но то, что мадам Эльвира решает все личные вопросы, хорошо знает. Но операцию надо провести деликатно, мама клиентки очень религиозна, боится всего потустороннего, считает грехом и очень переживает, что дочь грешит. Мать везет непутевую в монастырь на богомолье, целую неделю там какой-то церковный фестиваль. Там-то мы их и подловим... В смысле, ты — молодой, прекрасный патер.

— Не слишком ли я молодой и прекрасный для сексзависимой? — спросил Макс, глядя в зеркало. Действительно, в сутане он отлично выглядит — подчеркнута талия, выделены плечи, строгий воротничок, светлые волосы так красиво контрастируют с черной тканью...

— Я очень не люблю работать с зависимыми, слишком сложно, стараюсь направить к профессиональной помощи, а тут придурок-отец стесняется, — объясняла Эльвира, — Конечно, мы не сможем избавить ее от зависимости. Тем более, за неделю. Вариант, который можем реализовать — переключить с одной зависимости на другую, менее позорящую должность отца.... Религиозность семьи подсказала мне идею переключить на религию. Ты, Максик, будешь переключателем — вызовешь сексуальный интерес, а потом вернешь заблудшую душу в лоно святой католической церкви. А потом с ней пусть попы-специалисты разбираются...

— Блин, Эльвира! Да как же я ее верну, я же не поп-специалист!

— Ты же католик, Максик, сам рассказывал, что с бабушкой ходили в церковь, знаешь, что к чему...

— Да какой я католик! Таких грешников, как я, вообще на порог храма пускать нельзя!

— А таких, как я, Максик, католическая церковь вообще на кострах сжигать любит. Так, что ты больше подходишь...

...Это были золотые несколько лет его детства, когда он жил с бабушкой. Не видел омерзительного папашу, не видел слез матери, с бабушкой было хорошо и спокойно... И каждую неделю ходили в соседнюю церковь к мессе. На Рождество в соборе был такой красивый праздник с концертом и подарками, а на Пасху все дети городка искали яйца в лесу, он всегда больше всех находил, а бабушка велела делиться с теми, кто нашел меньше... Ну, ему не жалко было — у него десять, а у вон той девочки одно яйцо всего, пусть не плачет, он поделится...

Ходить в церковь маленькому Максику нравилось, там так красиво — он всегда любил все красивое. Гимны такие торжественные, голос у него детский был неплохой, даже в хоре пел. Все молитвы знал, и сейчас даже, если глаза закрыть — в голове всплывает “Радуйся, Мария, благодати полная...”

А когда готовился к конфирмации, то внезапно скончалась бабушка, так конфирмацию и не прошел... И его забрали из рая в ад — в дом, который он ненавидел...

— А если меня раскроют? Я не хрена не знаю в этих церковных правилах.

- “Номер два” будет суфлером, обложится молитвенниками, будет курировать, как обычно... А если раскроют, то судейский папа тебя прикроет, не бойсь, Максик. Сценарий мы с “номер два” набросим, но ты должен одобрить — ты единственный католик среди нас.

— Да какой я католик!

Потом снова посмотрел в зеркало, закрыл глаза. А когда открыл, на Эльвиру снова смотрел молодой патер — но холодный, недоступный, с глазами, что смотрели дальше и видели больше... Конечно, Эльвиру, как любую грешницу, это страшно завело. Он оттолкнул ее:

— Блудница вавилонская! Изыди, дочь греха!

Эльвира хлопала в ладоши от восторга.

— Верю в успех! Я уже готова обратиться в лоно церкви, ты просто ангел...

— Богохульница! Греховодная волшебница, поди прочь!

— Не увлекайся, Максик, и не борзей — соблюдай субординацию.

В монастырском саду, мать с дочкой наткнулись на прекрасного патера, читающего молитвенник и перебирающего четки. Он спросил их что-то про расписание автобусов. Приехал из провинции на церковный праздник. Только в этом году семинарию закончил, получил приход в отдаленном поселке... На службе сидели рядом. Молодой священник где-то потерял свой молитвенник, девушка поделилась с

ним. Их пальцы соприкоснулись. Они пели в унисон. Иногда скромный священник сбивался, смущенно улыбаясь, и соседка по скамье поправляла его. Вышли из собора все вместе. Обедали. Потом молодой священник пригласил девушку на занятие в молодежной библейской группе...

Вообще-то ей очень досаждала эта родительская блажь переться черти-куда на какой-то идиотский церковный праздник, у этой девицы было полно вариантов более приятно провести время. Но мать так причитала о ее неправильном поведении — отомстить грехи хотела, а отец так орал — обещал выгнать из дому, отнять машину и денег не давать, что пришлось согласиться. И девица очень страдала в этой поездке, пока не встретила этого прикольного священника — никогда не видела таких хорошеньких... Его сдержанность завела ее, его недоступность — он же католический священник! — привлекала еще больше. Случайное прикосновение заставляло ее вспотеть, а щекотание светлыми кудрями — молодой священник что-то показывал ей в книжке, наклоняясь, приводило в иступление... Поэтому девица согласилась пойти с ним на молодежное занятие. Тема была просто ржачная — “воздержание, как способ избежать греха”. Ну, хоть поржет, а то в этой церкви такая тоска...

Там много всего говорили такого умного, но страшно унылого, Библию цитировали. А вот когда опытом делились, выступали — было чуть повеселее. Этот красавчик-священник тоже выступал, он же, типа, католический священник, в воздержании толк знает. Да только тормозил странно, повторял вопрос, думал долго, потом отвечал, запинаясь — не так, чтобы сильный оратор...

Да ничего он не тормоз! Просто в нем нет ничего церковного, кроме четырех молитв и умения правильно креститься, а он священника тут должен изображать! Поэтому повторял вопрос, чтобы через микрофон в воротничке, “номер два” услышала, нашла и продиктовала ему что говорить, с цитатами и ссылками на теологов...

А вот когда все рассказывали личные истории, вот тут он не тормозил, вот тут ему было что порассказать о тернистом пути греха — обычно весь этот его стандартный набор историй “про баб” он рассказывал собеседникам в другом контексте, но тут приправил его оттенком раскаяния и осуждения.

...Он уверовал, он исправился, он ведет к свету праведной жизни другую молодежь — вот эту девушку, которая очевидно нуждается в поддержке и утешении...

Вот, если бы были соревнования по бесстыжему вранью — этот оратор, без сомнения, взял бы первый приз, а если бы за обычное вранье небеса поражали бы молнией, то на этого блондина обрушилась бы целая небесная артиллерия. Ох, как проникновенно он врал! А может, и не врал — может, он выворачивал наружу то, чего стыдился, то, что считал неправильным, плохим — ведь бабушка водила его за ручку в церковь и научила, что хорошо, что плохо... Особенно ему удался образ “блудницы вавилонской”, молодой священник придал этому философскому образу христианской эсхатологии черты вполне реальной женщины — с черными волосами, черными глазами и грудью огромной, в порфире и багрянце, в золоте и жемчугах, на звере с семью головами и десятью рогами... В руке держала чашу, а чаше той нечистота

блудодействия ее и ее мужчин, их жизнь, достоинство, честь, совесть, бессмертная душа...

В наушнике Макс слышал хрипение — это “номер два” сдерживала смех.

— Браво! — шептала она, — но только не увлекайтесь, Эльвира будет слушать все записи...

Но и организаторы остановили его — слишком увлекся, дали слово другим. Это же надо, в провинции такое серьезное отношение к религии — впечатляет.... Раскрасневшийся от страстной речи, молодой священник посмотрел искоса на свою спутницу — у той также пылали щеки и блестели глаза, но только по совсем другой причине. По дороге обратно к гостинице, она предложила зайти в храм помолиться на ночь — ну, как он мог ей отказать! Там, в пустом и полутемном соборе начала к нему приставать. И не только потому, что так было по сценарию, но и потому, что еще не вышел из роли раскаявшегося грешника, Макс с силой оттолкнул девушку.

— Нет! — и с жаром начал ей рассказывать, почему нет. Он же все объяснил на занятии... Отталкивал ее, задерживая руку на несколько секунд, касался волосами лица, неловко споткнувшись, оперся на ее бедра коленом, потом рукой...

— Повернись вокруг себя, — теперь Эльвира командовала в наушнике, — пусть юбка кружится, покажи свои крепкие ноги... У тебя голые ноги?

— Нет! — снова отказав девушке, Максик сделал, как говорят. Он оскорбленно развернулся, подол сутаны хлопнул по крепким голым икрам. Максик уронил свой рюкзак, оттуда посыпались всякие вещи, он стал ползать по каменному полу, собирать их...

— Помолимся! — священник схватил девушку за руку, они стали рядом на колени и наконец сделали то, зачем они пришли в этот пустой и темный храм — молились. Священник повторял все четыре молитвы, которые знал, молился за грешников — это была очень страстная и очень эгоистичная молитва, кто еще помолится за него, как не он сам. А сексзависимая девушка радовалась возможности держать его за руку и воображать, как она сейчас выйдет отсюда, найдет себе кого угодно, любого, в кафе или остановке, и трахнет с ним, чтобы снять напряжение... Но опытная режиссерша шоу предвидела это.

— Теперь чай! — скомандовала Эльвира.

Молодой священник вытащил из рюкзака термос и предложил, в знак дружбы, испить из одного кубка. Они сели на ступеньки церкви и пили странный травяной чай — девушку заводило то, что на этой чашке вот только сейчас были губы этого красавчика, поэтому она не обращала внимания на странный вкус... Потом священник решил провести ее к отелю.

— Матери сдать на руки! — приказала начальница, — никаких подъездов. Зафиксируй телефоном, что пришла, время отметить.

Пришли к отелю, поднялись наверх. Мать была рада и удивлена, что непутевая дочь вернулась так рано и с приличным человеком. Священник позволил себе отеческий поцелуй в лоб и попрощался.

— Крутнись так, чтобы было видно ноги! — командовала режиссер.

Снова тяжелая сутана хлопнула по крепким икрам молодого священника, он

ушел, не обернувшись. А у девицы не было сил идти ни в кафе, ни на остановку, она спать отправилась — расслабляющий чай у этого паренька.

Всю следующую неделю девица провела в обществе молодого провинциального священника. Они проводили время в изучении Библии, молитве и посещении молодежной группы, делая перерывы только на обед и сон, в качестве аперитива, десерта и полдника потребляя, модный в провинции, травяной чай. Одна девица никогда не оставалась.

— Если не досмотрим, кого-то еще найдет, вся работа будет насмарку... Стереги ее, Максик, и доводи до кондиции. Ноги, ноги... Свались, случайно покажи бедро. Черт, вот бы ей татуировку армейскую увидеть, там никакие прививки не делают?...

Наконец “кондиция” сексзависимой барышни проявилась в постоянном сердцебиении, повышенном давлении, чрезмерной потливости и расширенных зрачках... В голове у нее была страшная каша из религиозных проповедей, библейских цитат и странного желания делать все, что скажет этот молодой патер, да она все, что угодно для него сделала бы! У этого желания был странный привкус травяного чая, но девица этого не понимала.

— Как бы удар ее не хватил, — беспокоился Макс, — а мне отвечай потом перед судейским папашей.

— Пожалуй, пора, — согласилась Эльвира, — Время инсайта. Приступайте к работе.

И целую ночь, Макс и “номер два” готовили его речь, тренировали мизансцены для финальной сцены — препоручения души заблудшей девицы Господу. Макс наизусть выучил. Эльвира одобрила, сказала, что половины этой религиозной чуши не понимает, но написано хорошо, подправила где надо.

— Жги, Максик! Душу спасаешь, — так благословила его эта блудница вавилонская, без души и совести, рекомендовав хлебнуть чуток из другого термоса, для храбрости.

— Позаботьтесь о девочке, Макс, — ласково сказала “номер два”, — так, как хотели бы, чтобы кто-то позаботился о вас. Вы же патер — отец! — заботливый, на все готовый ради своего дитя.

Это у кого такой отец? Уж точно не у Макса... Потом посмотрел на распятие и, вздохнув, сказал, что сделает, что сможет.

В тот вечер, как и в вечер знакомства, они пришли в тот пустой и плохо освещенный храм. Девушка думала, что этот молодой священник уже “пришел в кондицию”, ведь она терпеть уже это воздержание не может, целую неделю мучается, давно с ней такого не бывало...

И да, патер отвел ее в совсем темный боковой неф и там обнял. И шепотом на ухо начал городить вот этот свой религиозный бред, про то, что любовь бывает разных видов, наивысшая — любовь к Господу, ей надо предаваться, ей отдавать всего себя. Только такая любовь может спасти душу, только такая чиста и невинна... Обнял за талию.

Ловким движением профессионала, Макс уложил девицу прямо на каменный пол, навис над нею, навалился...

— Крест! — командовала Эльвира, — Крест должен мотыляться в ритм словам! Следи за этим. Рот и крест шевелятся в ритм!

Макс сверху и девушка на полу лежали крестообразно, раскинув руки в сторону. Ведь именно так посвящают в священники и монахини, так было задумано. Макс шептал ей в ухо проверенный текст, прислушиваясь к командам режиссера “Пауза!”, “Пошел!”, “Интонация вверх!”, “Голос вниз!” — модный коуч назвал бы это нейропрограммированием, психиатр гипнозом, а мадам Эльвира говорила “так бабка делала”.

А потом Макс перестал слышать наушник, его занесло, он лежал на этой девушке, сжимая запястья раскинутых рук, чувствуя свою полную власть над ней, чувствуя, как она дрожит под ним, говорил то, что думал, свое — он же отец этой несчастной, он должен позаботиться о ней, наставить и научить, принять все грехи ее на себя...

Потом не говорил ничего и пришел в себя только, когда Эльвира сказала в наушник.

— Дело сделано. Слезай с нее сейчас же! Еще придет кто-нибудь...

Блин! Макс откатился прочь, на холодный каменный пол. Да никакой секс еще никогда его так не изматывал, как вот это, по выражению “номер два” — “духовное соитие”. Девица лежала не жива, ни мертва, пришлось ее еще тащить на скамейки, как бы не простудилась. Девица смотрела на Макса странно, с восхищением и поклонением — она получила свое, но только в такой странной форме, которой и представить себе не могла.

Физиологически, оргазм и религиозный экстаз весьма отличаются, но химическая природа того и другого очень похожа, те же химические вещества в мозгу определяют удовольствие. Возможно, медсестра-недоучка и не смогла бы научно и подробно описать это явление, но ее народные знания и богатый опыт давно убедили ее в том, как это работает, на практике.

— Пусть трахнет с Господом и поймет, что это тоже самое и даже круче, — по простому сказала Эльвира, когда еще планировали операцию.

— Надо дать девочке понять, что телесные удовольствия могут быть не больше тех, какие может дать обостренная духовность — в своей манере, культурно выразилась “номер два”

Макс был переключателем с одного на другое. Проводником. Медиумом по латыни. Вызвавшим сексуальную энергию девицы, принявший ее на себя и отправивший ее Тому, кто лучше знает, что с этой сумасшедшей делать. Это было непрофессионально, ненаучно, наверняка вредно для психики и девушки, и проводника, но что поделать, если судейский папаша, при должности и деньгах, такой дурак и мракобес, не отвел дочку к врачу!

С утра Макс отвел девицу и ее мать к, как выразилась Эльвира, “попам-специалистам”, изложил проблему девушки, сообщил, что он сделал все, что мог, чтобы обратить ее на праведный путь. Попрощался и исчез. Последний раз видела девица крепкие икры посланца божьего под, колыхнувшимся в повороте, длинным

черным платьем...

Макс не являлся на работу целую неделю. Не отвечал на звонки. У него не было сил и желаний. Он повесил над кроватью распятие, а в кровати лежал с четками, перебирая их, и повторяя, заученные с бабушкой, молитвы... И не потому, что вдруг уверовал разумом и сердцем, а потому, что загипнотизировал сам себя. Такое бывает с неопытными медиумами, не знающими правил психической защиты.

В дверь звонили уже целый час. Не хотел вставать, но потом сполз с кровати и подошел к двери, спросил, кто там приперся.

— Блудница вавилонская, — раздался ответ.

Эльвира принесла с собой бульон и пирожки. Потщила его в ванную, мыла там мочалкой, пела песни, как маленькому. Потом кормила с ложки бульоном, давала откусить пирожок, просила ласково тщательно пережевывать. А Максик плакал о том, что он грешник. А хочет быть хорошим. Его бабушка учила быть хорошим, а он нарушил все заповеди, все... Хотя нет, еще никого не убивал. А мог бы — он ведь в армию добровольно отправился, чтобы научиться убивать людей...

— Я — хороший! — сказал Максик

— Конечно! — согласилась Эльвира, — уж как я стараюсь тебя испортить, да и судьба твоя постаралась изрядно — все не получается. Ты таким уродился, Максик, это твой дефект. Брак твоей одаренности. Как у «номер два». С той тоже можно было бы человека сделать, если бы не этот дефект, — когда Эльвира говорила про «номер два» в голосе появлялась, не свойственная ведьме, нежность.

— Я делаю гадкие вещи, — продолжал экзистенциальное нытье Максик, поглощая бульон, — Мне очень стыдно, я грешник.

— Это я делаю гадкие вещи, не ты, — прямо глядя на него черными глазами, сказала Эльвира, накрашенные перламутровой помадой, губы шевелились, болтался медальон на груди, — ты хороший, Максик. Я — блудница вавилонская, в порфире и багрянце, золоте и жемчугах, держу в руках чашу. В чаше той нечистота блудодействия моего и мужчин моих, их жизнь, достоинство, честь, совесть, бессмертная душа... Мне за все отвечать, я — грешница, а ты хороший, Максик, очень хороший...

Хороший Максик все съел — толком не питался всю неделю и повеселел. Вот, как Эльвира так может — управлять людьми?

Повеселевший Максик был одет, побрит, причесан и собран на работу. Да, есть срочная работа. Очень небольшая, на пять минут. Но он идет на повышение.

— Какое повышение?

— Будешь Иисусом!

Одним из занятных предложений в рекламной брошюрке магического агентства, была «материализация снов». Эльвира просто ради красного словца это написала, чтобы предложений в брошюрке было больше и выглядело эффектней, но, оказалось, что на свете существует «полно дураков, которые верят в подобную чушь!». И повалили заказчики, желающие, чтобы им приснилось то, чего они хотят, и готовые за это заплатить.

Тариф материализации снов зависел от сложности заказанного сна. Цена сна с родственниками и прочими реальными людьми был вообще непристойно высока, обычно

никто не заказывал, большинству было достаточно того, что в клубной среде Макса называли «трип».

Эльвира просто накачивала клиента наркотой и внимательно вела его (в клубах это называлось «психоделический гид»), чтобы трип не был «плохим», а был тем, что надо. Большинство клиентов ведь были обыкновенные люди — простые и доверчивые, в тот максичкин клуб не ходили, что такое трип не знали, да и наркотиков не пробовали никогда ни до, ни после этого опыта, поэтому и не понимали в чем дело. Медсестра и любительница химии, романтик химических веществ и знаток человеческих душ, сначала приводила клиента в сон, потом пробуждала — клиент получал трип, за которым пришел, а потом честно засыпал опять, искренне уверенный, что все, что он видел, ему приснилось. А когда просыпался, то жал руки мадам Эльвире и рекомендовал ее фирму знакомым. Это была очень тонкая работа, требующая учета многих факторов — состояния здоровья, психики, индивидуальных особенностей, поэтому Эльвира очень не любила эту материализацию — слишком тонкая работа плюс расходы веществ, но делала. Потому, что она профессионал. И очень любит деньги.

А тут случай был нестандартный. Одна дама, больная раком, не может решиться на операцию, не знает, как ей поступить. Эльвира уже работала с ней и так, и этак, и честно к медицинскому психологу отпраивляла, но больная дама все равно явилась снова и сказала, что она много молится, ответа не получает, вот и хочет, чтобы ей явился Иисус и ответил на ее вопросы по поводу операции...

— Нет! — сказал Макс, — Я не могу. Это даже больше, чем богохульство. Это я даже не знаю, что... Как я могу принять на себя такую ответственность за жизнь человека — я же не Иисус!

— Максик, поэтому и побеспокоила тебя во время отдыха — пока ты еще с прошлой роли не вышел... Никакой ответственности на тебе нет. Вот, посмотри, я сделала копию ее медкарты, украла из сумочки: три профессора — консилиум, за операцию. А она просто боится, надо укрепить бедняжку, решить за нее...

— Я не могу. Это слишком, я не Иисус.

— Вот, если ты не скажешь ей, что делать, то она умрет и ты будешь виноват!

Макс молчал. Это все сильно на него давило. Вышел, позвонил «номер два» посоветоваться. «Номер два» сказала своим добрым голосом:

— Я вообще не работаю с материализацией снов, Максик, не могу вам советовать. Мне не нравится, когда Эльвира дает людям наркотики без их ведома, поэтому я отказалась иметь дело с этим всем.

Максик все равно сопел в трубку и ныл, что он не Иисус, и что же ему делать, пусть она скажет, как ему быть.

— Понимаю, Максик, ваши переживания, — вздохнула «номер два», — и мне импонирует ваше чувство ответственности, но не могу решить за вас... Но. Может быть, вы конечно, не Иисус, но для решения моральной проблемы можете воспользоваться распространенным этическим принципом «чтобы сделал Иисус?». Кроме того, вспомните, кем является Иисус для большинства верующих... Попробуйте несложный самоанализ и вам станет гораздо легче. Всего доброго! — и отключилась.

Опять это! Опять он должен решать сам и нести за это ответственность.

Несчастливая больная задремала, пытаясь найти ответ на самый главный вопрос. Разум,

затуманенный ведьминским зельем, не отличал сон от яви.

— Начали! — прошептала Эльвира, — Помни, времени мало, счет на минуты, ей нельзя больше...

Иисус, словно сошедший с классических портретов — длинные, волнистые волосы, разделенные на пробор, добрые глаза, длинное домотканое платье, подпоясанное веревочкой, светящийся нимб, окружающий святую голову... Слишком молодо выглядит, как для того, кому за тридцать, но это же Сын Божий, он вне времени, пространства и возраста. Иисус сел на диван, рядом с женщиной...

Режиссер Эльвира махала протестующе руками — по сценарию Иисус должен быть стоять над женщиной, нависая. В такой доминирующей позе гипнотический эффект лучше — пусть дура сделает, что говорят врачи!

Но Макс сел рядом. Он слишком хорошо помнил, как нависал над папаша-алкаш над маленьким Максиком, пытаюсь взразумить бестолкового сына — было очень страшно видеть эту доминирующую позу, взрослый Макс не помнит ничего, что ему папаша говорил, помнит только свой страх — и никакого вразумления...

— Я знаю, что ты в беде, — ласковым голосом сказал молодой Иисус, взяв женщину за руку, — Ты много молилась... Чего ты хочешь?

Женщина давай объяснять про операцию, что она боится, ей надо дать врачам ответ... Какой ответ ей дать?

— Я не могу ответить на твой вопрос, — сказал вдруг Иисус после паузы. Эльвира крутила пальцем у виска и показывала кулак, — Людям дана свобода выбора и право принимать решение.

— Какое решение будет правильным? — спросила женщина

— Любое, — ответил Иисус, Режиссер Эльвира подпрыгивала на месте и била себя ладонью по лбу

— Любое, — повторил Иисус, — Если ты выберешь операцию, то у тебя появится шанс подольше быть рядом с теми, кого ты любишь. Если нет, то ты скоро умрешь и быстрее попадешь в лучший мир, но тех, кого любишь, увидишь не скоро... Подумай, чего ты хочешь, что для тебя важно, что для тебя лучше. Выбирай.

Это был странный Иисус.

— Я буду тебя любить в любом случае, — сказал Иисус. Сказал то, что сам хотел услышать, — чтобы ты не решила, всегда приму тебя в свои объятия. Дитя мое, — сказал он этой женщине много старше себя, — отринь страх, ничего не бойся! Решения не бойся, операции не бойся, смерти не бойся... Меня не нужно бояться, я всегда тебя буду любить. Я дал врачам ум и знания, выслушай их обязательно, но сама прими решение... Любое решение будет правильным.

Эльвира стучала пальцем по часам на руке. Сейчас женщина заснет, нужно заканчивать материализацию...

— Люблю тебя, малыш, я всегда рядом, — снова сказал Иисус то, что всегда сам хотел услышать. Отчески поцеловал в лоб и эффектно удалился в, ослепивших женщину, бликах света, от мерцания которых сознание ее совершенно отключилось...

— Это что такое было, святоша недоделанный?! — иисус получил крепкую оплеуху от блудницы вавилонской. Как полагается, подставил другую щеку, получил вторую оплеуху, — Что за отсебятина?! Кем ты себя возомнил! Иисусом?

— Я поступил правильно, нельзя на нее давить, — пытался иисус объяснить, — ей

нужно утешение от Иисуса в сложное время, а не его командование.

— Она умрет — ты будешь виноват!

— Я готов, — кротко ответил иисус, — Я поступил так, как сделал бы Иисус.

— Ага! — закричала Эльвира, — это «номер два» с тобой поработала, да! Змея, которую я пригрела на своей груди!

— Я сам так решил, — гордо ответил Макс, — я много прочитал церковных книжек в последнее время...

Короче, еще долго ругались. Эльвира за эту работу ему не заплатила, да еще и оштрафовала серьезно за «намеренное и злостное» нарушение сценария и личное неповиновение. Макс принял наказание кротко, как и полагается иисусу, сказав:

— Буду молиться за тебя, грешная женщина, — и ушел домой спать. Не так легко быть Иисусом, как многие думают.

...Ранним утром Макса разбудил звонок Эльвиры, она сообщила, что та женщина согласилась на операцию, все хорошо. Но Максик все равно наказан за неповиновение.

— Да, пожалуйста! — задрала уже! Ну, почему, если на минутку станет нормальной, то все настроение от хороших новостей испортит своим властолюбием.

Хорошие новости почему-то взбодрили его и вывели из состояния обостренной духовности, после последних ролей — он сделал все, что мог. Веселый Макс позавтракал, потом вдруг позвонил секретарше и предложил ей массаж ушек(и не только!) перед работой — давно уже был один.

— Сейчас приеду! — обрадовалась секретарша.

Макс оглядел комнату, снял распятие со стены, в шкаф спрятал — нехорошо прямо под распятием блудодействовать. И четки туда же, в шкаф, отправил.

* * *

...а четки эти монастырские, из красного дерева — красивую вещь тоже всегда с собой возил, вместе с фиолетовыми часами. И перед важным решением или в опасности, Макс перебирал их, повторяя молитвы, которым научила его бабушка, не вдумываясь, не понимая их смысл, и отправляя Тому, в которого совсем не верил...

— Что за глупости, Максик? — говорили ему, — Ты так прагматичен, малыш, зачем тебе молитвы?

Ответственность. Максик всегда не любил ответственность. И препоручал себя чему-то большему.

НИЗВЕРГНУТЫЙ АНГЕЛ

В тот день он не был ни в чем занят, но договорились с Эльвирой, что придет к шести, помочь ей бумаги заполнить по старым делам. Со спортзала возвращался, когда ему позвонила возбужденная секретарша и, начиная словами «что было, что было!», сообщила про то, что на работе ЧП!

Может он себе представить, Эльвира вчера вечером отправила «номер два» работать в поле! Человека из «офиса»! С ума что ли сошла или перебрала чего...

— И что? — действительно странно, так никогда не делалось. Тем более с «номером

два», которая не просто ассистентка...

— И случилась катастрофа! — захлебываясь от счастья того, что смогла принести «любимому Максику» по настоящему интересную сплетню, секретарша продолжала, — Я не знаю подробностей, но что-то там не так пошло: клиент, с которым «номер два» работала, в больнице, сама она на работу не вышла... А еще сегодня, — секретарша драматично понизила голос, — ее хахаль приходил с Эльвирой разбираться... Эльвира, такая, встала из-за стола, глаза выпучила — чуть из головы не вылезли, и говорит нам всем страшным голосом: «Прошу всех немедленно, в течении минуты, покинуть офис!». Ну! Даже Роберта выгнала, а ведь обычно он в курсе всех ее дел...

Действительно, новости странные. Что-то Максу сразу перехотелось идти к Эльвире к шести, настроение, видимо, у нее не очень, не взялась бы за огнемет...

— Что там за хахаль такой? — поинтересовался. Не хотелось бы в разборки вступать.

— Да никакущий! Вообще неинтересный, что только «номер два» в нем нашла... Максичек, ты пойдешь, выясни, что там случилось, чем закончилось, ты же ее любимчик, мне расскажешь. Все равно она тебя сегодня ждет.

— Ее любимчик — Роберт, я на втором месте, — уточнил Макс. Поболтали еще о том, о сем, секретарша с перепугу сумку забыла забрать из приемной, просила заскочить к ней вечером, принести. Набивалась на массаж ушек, таким образом.

— Посмотрим, — сказал Макс. Перезвонил Эльвире, может отменит встречу...

— Приходи, — сказала Эльвира необычным голосом.

Макс вздохнул и пошел в офис. Армия научила его товариществу. А Эльвира, не смотря на то, что была беспринципной, аморальной, корыстолюбивой, злой ведьмой, все-таки была его товарищем. Товарищей не бросают в беде.

Охрана открыла ему закрытые ворота, охранники хихикали, как дети, поглядывая на Макса.

Эльвира была в кабинете одна, наверное, тот посетитель уже ушел. Сидела, закрыв голову руками. Вяло поздоровалась.

— Как дела? — осторожно спросил Макс.

— Растрепала тебе все уже эта дура? — посмотрела внимательно.

— Кто? — не будет Макс сдавать ей свою агентуру!

— Думаешь, я не знаю, что ты спишь с моей секретаршей? Я не против, это лучше, чем она бы трепалась с кем-то посторонним, да и ты под присмотром...

— Сказала, что ты выгнала всех, — осторожно ответил Макс. Откуда эта ведьма все про всех знает?

Эльвира велела ему залезть на стул и снять с камеры в углу потолка жвачку. Кто-то заклеил камеру, чтобы на пункт охраны, что во дворе, не поступало изображение.

Макс не знал, как спросить Эльвиру, что случилось, так и стоял с чужой жвачкой в руке. Она сама начала, велев выбросить жвачку в урну.

— Я все верно рассчитала, как всегда, — сказала Эльвира, — я выманила его. Я же разбираюсь в людях, а он оказался, как ни странно, тоже человеком. Я нарочно подвергла милую крошку опасности, рисковала ею, чтобы выманить мутного типа на свет. Чтобы выяснить, как он к ней относится и его намерения...

— И что? — осторожно спросил Макс, когда пауза стала слишком уж долгой. Он стоял спиной, чтобы не смущать Эльвиру — она ведь сама с собой разговаривала, Макс тут для мебели был. Заваривал чай.

— Выяснила. И привела его к тяжелому выбору. И я знаю, что он выберет... Это так тяжело, Максик, знать заранее, что люди сделают — это не дар, это проклятье... Я снова разбиваю ее безмятежную жизнь.

Макс подал Эльвире чай. Сел напротив. Начал разбирать бумаги. Блин, ну почему он во внерабочее время должен выслушивать бред какой-то, в каком не понимает ни хрена! Про чужую жизнь чужих людей. Так обычно товарищи делают, да?

— ...Одна надежда, что милая крошка бросит мутного типа, после того, что он с ней сделает. А вдруг не бросит? Я ее не могу предсказать, она ведь не бессердечный робот, как тот ее мутный тип, а больная на всю голову — как таких просчитать?

Откуда ему знать! Он всего лишь юный ученик старой ведьмы... И кто это «больная на всю голову»? «Номер два»? Да он никогда не видел женщины нормальной, здравомыслящей и спокойней!... Вот, черт! Он же не видел вообще «номер два» никогда! Тогда не слышал никого нормальной.

Эльвира двумя руками вцепилась в чашку. Размышляла.

— Так странно. Много лет назад мне поручили узнать слабости и уязвимости этого человека, заплатили хорошие деньги. И я не справилась — хотя просчитать его было легче легкого, но слабостей я у него не нашла. А теперь я знаю его уязвимость, но не могу не продать эту информацию, ни обменять ее на услуги...

Эльвира? Не может продать кого-то? Уж точно не из-за моральных соображений.

— Почему? — вот, что она наврет?

— Потому, что это и моя уязвимость тоже.

Что за загадки дурацкие! Слишком Макс еще молодой для этих взрослых любовных дел. У него все просто — туда-сюда, без всяких вот этих драм и дурацких треугольников. А тут такое, как в бабском сериале... Уж от Эльвиры он такого не ожидал. Уязвимость у нее. Почему она не отобьет «номер два» у этого типа, если он такой уж мерзкий. Так ее и спросил, надоело быть мебелью.

— Страшный человек. Боюсь его, — призналась ведьма, которая ничего не боялась, — Сейчас он при должности, при связях, не могу связываться... Но я дождусь своего часа, я воткну нож в его спину. Я разрежу его на куски, на тысячу кусков...

Ну, наконец-то Эльвира вышла из ступора, вот этого вялого настроения. «Разрезать на тысячу кусков!» — это в ее духе, Эльвира пришла в норму. Больше она о своих личных делах не говорила с ним никогда.

6. НИЗВЕРГНУТЫЙ АНГЕЛ

Они занялись бумагами. Макс должен был отредактировать свои отчеты по системе Эльвиры перед сдачей дел в архив. Эльвира хранила все свои дела только на бумаге, никаких компьютеров — не доверяла, считала, что украсть данные — легче легкого. На бумажных носителях ее архив также выглядел не так, как в любом другом офисе — личные данные сотрудников, а тем более, клиентов, были зашифрованы псевдонимами, действия, которые совершались обозначались цифрами. Именно в эти цифры Макс следовало превратить эмоциональные и длинные отчеты, которые он писал сразу после каждого дела. Макс знал только некоторые обозначения. Например Л-17 значило “вступить в сексуальный контакт”, Л-24 — “вызвать эмоциональную привязанность”, Л-08 — “получить денежное вознаграждение”, а вот Л-09 значило просто “подарок”. Макс еще использовал в своей работе Д-01 “вызвать доверие”, Д-14 “попасть в жилище”, Д-25 “посетить рабочее место”, Д-16 “создать дружеские отношения” и еще всякие, которые обозначали цифрой и буквой результат сложных манипуляционных приемов, которые тоже, в свою очередь обозначались буквами и цифрами. Полного шифра не знал никто, ключ хранился только у Эльвиры в голове.

Макс сейчас видел, что бумажки, которые составлял он — вершина большого айсберга и даже в тех делах, где он наивно считал себя главным героем шоу, было еще много страниц, которых он совсем не понимал.

Зачем ей нужна такая странная система, даже в кино такого не видел? Зачем ей вообще хранить данные о всяких простачках и пройдохах, которые пользовались услугами ловкой ведьмы. Что это вообще у нее за агентство такое! Разве делают так другие гадалки, к которым приходят карты раскинуть?

— Кто владеет информацией, тот владеет миром, — повторила Эльвира второй принцип своего бизнеса, — ты отлично это понимаешь, Максик, недаром ведь спишь с моей секретаршей?

Макс смутился, но Эльвира потрепала его по голове, как хвалят способного ученика. С кем бы еще она занималась бумажной работой — секретарша слишком простодушная и честная для таких дел.

— Представляешь, из нашей семьи — одна кровь со мной, а такая бесхитростная и честная, выродок какой-то. Поэтому ее и держу — с помойки вытащила, выучила... Отличное прикрытие для моего уважаемого и легального офиса.

Блин! Да если придет сюда налоговая или прокуроры, то эта Эльвира, глазом не моргнет, сдаст свою прекрасноухую племянницу за всех отдуваться, как зиц-председателя.

— Я не дам ее в обиду, — предупредил Макс. Может, он и корыстолюбивая сволочь и делает всякие гадости за деньги, и уши без особой любви целует, но это вообще уже перебор, — Она — секретарша и никто больше.

— Ты то, что мне нужно, Максик, — ласково сказала Эльвира, снова потрепав ее по голове, — Проходимец, который не утратил этические принципы полностью. Иисус из преисподней.

Блин! Похвалила и обозвала одновременно.

Закончили заполночь. Вроде, как и поздно было, но Макс все равно решил к секретарше пойти — она ближе жила и сама его приглашала. Такие красивые у нее уши!

— Будешь проходить мимо охраны, попрощайся с ними вежливо, — сказала Эльвира, когда Макс почти ушел, — Скажешь им невзначай, что сегодня в обед групповушка была — я, ты и тот посетитель. А то ребята забеспокоились, прибежали, когда этот гнусный тип камеру заклеил — ну, я это им и сказала, чтобы не беспокоились, да чтобы вопросов не возникало, почему всех выгнала — первое, что в голову пришло...

— Хорошо, — почему Макс всегда с ней соглашается, даже когда она его подставляет? Ну, что за слабохарактерный болван!

...До конца своих дней Максу было стыдно за то, что он натворил. И виноватым себя чувствовал очень долго. Не знает, что на него нашло. Гораздо позже он разобрал эту ситуацию с психологом — тот предположил, что это было что-то подросткового бунта, который необходим для установления границ, для успешной сепарации от всемогущего родителя... Возможно и так, конечно. Но, когда это случилось, Макс не смотрел так глубоко, объяснял себе просто(как многие свои проступки): он напился. Ну, вот, его папаша напивался и творил, че хотел... А Макса наследственность дурная, вот и он такой же.

Причина пьянки была уважительная — встретил случайно армейского товарища, одного их друзей лучших за время службы. Друг продвинулся уже по армейской линии, но Макса не забыл, очень рад был повидать, переживал, что тот пропал. И где же Макс пропадал?

Ну? И что рассказать другу армейскому? Даже, если бы Макс не был связан по рукам подпиской о неразглашении, и страхом огласки правонарушений, которые он совершал, что он бы рассказал армейскому другу? То, отчего плевалась бы вся их армейская компания? То, что Макс — крутой парень, который всегда вел себя, как настоящий солдат, превратился в неизвестно что? Макс посмотрел в автомобильное зеркало — увидел красавчика с прической из салона, ухоженной кожей и золотой серьгой в ухе, проходимца, который втирается в доверие к людям, чтобы заработать(ему платят почасово), и спит с незнакомыми женщинами для этого же(почасово платят многим проституткам). Начал врать что-то про то, как работает кризис-менеджером в одном агенстве, напускать важности и распускать хвост — он же профессиональный врун! А внутри его жег стыд и зрела ненависть. К Эльвире. Что она не дала ему сдохнуть в том клубе, “в луже рыгачки и со спущенными штанами”, как подобает мужчине в депрессии, после испытаний. Что сделала с ним вот это — он смотрел в зеркало на чужого красавчика. Жиголо и профессионального вруна. Личного прислужника великой и ужасной ведьмы.

Поэтому, когда отправились выпить, Макс отбросил свою обычную сдержанность и напился. Потом поехали в один клуб, потом в другой... Потом Максу снесло крышу и, пытаясь объяснить что-то другу другу(и не нарушить соглашение) он начал

рассказывать “про эту ужасную женщину”, про то, что она может, что он весь — у нее в кулаке, сам не знает почему...

— А знаешь, — он вдруг схватил друга за рубашку, — я могу показать, чтоб ты понял, наглядно объяснить...

Остановили машину возле офиса агентства, Макс оставил друга в машине, сам поднялся к Эльвире в кабинет. Без предварительного звонка, без разрешения, в пьяном виде — нарушив сразу несколько пунктов договора. Пьяное чмо ввалилось прямо к Эльвире, секретарша уже домой ушла. Эльвира слова не сказала, кроме как с ковра брезгливым жестом велела сойти, чтобы не обрыгал...

— Ну, это... — заплетающимся языком говорил Макс, рассказывал что-то про друга, про армейскую дружбу... ну, это самое... нужно другу объяснить, за что душу продал... Макс же знает, что Эльвира оказывает разные услуги разным людям и... такие... услуги тоже оказывает, у нее есть особые клиенты, Макс знает... И не могла бы Эльвира... ну, это самое... оказать эти услуги его другу, ну секс, типа... Ну, что ей, жалко что ли?... И, это самое... он заплатит. Честно. Вот, сколько скажет...

Макс начал выворачивать карманы, плевать на пальцы, и считать, что у него есть. А потом, как по голове ударили — понял, чего он несет, испугался и замолк. Понял, что сейчас она сожжет его огнем.

Но Эльвира и глазом не моргнула. Выслушала пьяный бред до конца. Потом написала что-то на бумажке, показала Макс.

— Вот, пожалуйста, мой тариф за час. За ваши деньги — любой каприз.

Сумма на бумажке была непристойно огромной — хорошая зарплата за месяц, а предложение Макса непристойно мерзким. Макс не сомневался, что те особые клиенты, о которых он слышал, платят столько, как и не сомневался, что он сам, вот этим гнусным предложением, вырыл пропасть между собой и Эльвирой. Стоял молча, с открытым ртом, и смотрел в глаза Эльвире, слюни капали изо рта...

— Пошел вон из моего кабинета, пьяное что, — спокойно сказала Эльвира. И что-то в этом голосе было такое, отчего он быстро бежал по коридору и лестнице, сел в машину, сказал приятелю, что нехорошо ему, домой нужно отвезти... И дома упал на кровать, накрыл голову подушкой и не хотел просыпаться.

С утра он рано пришел в офис, принес Эльвире цветы и извинения, клялся, что “больше никогда” и оправдывался дурной наследственностью. Эльвира приняла цветы и извинения, выразила надежду, что его проблемы с алкоголем не будут больше приносить проблем, сообщила, что к сожалению, вынуждена его оштрафовать за явление в офис без разрешения и в нетрезвом виде — надеется, это будет ему уроком... Все как всегда, Максик, не переживай.

Но секса у них не было больше никогда. Ведь основа тантрического секса — поклонение партнеру, как божеству, и собственно половой акт — майтхуна — всего лишь, конечная точка духовного соития. У них это довольно долго получалось. А теперь Эльвира видимо больше не могла поклоняться своему даvidу, ее ангел пал с небес, да и как она от своего Максика могла ждать поклонения, если он предложил ей деньги за секс, как и все прочие мужчины.

С работой тоже все было плохо — прима-балерина попала в опалу к главному режиссеру, режиссер не давал ролей, поэтому Макс и денег не получал никаких, разве что свою мизерную, легальную ставку “менеджера”.

Макс хотел, как обычно, посоветоваться с “номер два”, но ее телефон все время был выключен. Ушастая секретарша доложила, что после того ЧП, “номер два” не являлась на работу, пока числится в отпуске...

— ...Но, — секретарша заговорщицки хихикала, — “номер два” сейчас в квартире у Эльвиры живет. Я зашла бумаги отнести, а там “номер два” в пижаме разгуливает!

Макс почувствовал ревность. Он ревновал Эльвиру — ага, она получила эту свою женщину, поэтому так легко отправила Максика в отставку. Он ревновал “номер два” — вот, как она могла бросить его, сироту, без поддержки, одного... И куда смотрел этот их знаменитый хахаль, почему не разобрался с обеими, не вернул, все как было...

* * *

— ...Максик, ну, вот, скажите, пожалуйста, почему я должен за вас решать?

— Ну, это...

— Только вы отвечаете за вашу жизнь, ваши решения и ваш выбор, если не оговорено контрактом иначе.

— Обычно вы говорите “пусть лучше я, чем кто-нибудь другой”, а сейчас наезжаете...

— Это я себе так говорю. И вы должны себе так говорить, если хотите получить результат. Это и есть ответственность, которую обязан принять на себя мужчина...

* * *

Но денежный штраф не был единственным наказанием от мадам Эльвиры. Когда Макс поиздержался без работы(а денег, что накопил, решил не трогать, даже если будет голодать), Эльвира начала предлагать ему работу с выгодной, почасовой оплатой. Эти варианты не предусматривали ни магической обертки, ни шпионского подтекста, ни даже криминального духа... Макс получал заказы мальчика по вызову — да, агенство мадам Эльвиры, для особых клиентов, предоставляло и такие услуги. Да, обыкновенное предоставление сексуальных услуг богатым клиенткам. Да, деньги предлагали весьма солидные, ведь Макса обучал лучший специалист и услуги Макс предоставлял высококлассные. Комиссионные Эльвира тоже забирала немаленькие — должна же она получить что-то с этого мальчишки, которого нашла на помойке и очистила от грязи!

То ли она просто хотела его наказать, то ли, таким изощренным способом, хотела сделать из него того, за кого он принимал ее, но вот так Эльвира сделала из Макса жиголо, без всяких оговорок, он получил, — чего он все время боялся — обыкновенную проституцию.

Конечно, он мог бы уйти из агентства. Уже давно ловкий адвокат решил вопрос с теми старыми кражами и уголовное дело больше не было удавкой на шее Макса. Но он не уходил. И уходить было особо некуда, привык он уже к хорошей, красивой жизни — не на стройку же ему идти. Да и не мог он сдаться, сбежать, дать ведьме его победить. Он солдат и не сдастся врагу!

Наверное, он мог бы попросить пощады. Мог бы жалко валяться в ногах начальства(как советовала секретарша), унижаться и умолять сменить гнев на милость, позволить ему быть рабом прекрасной ведьмы, носить за ней сумки, зонтики, мыть ее пол, чтобы она позволила вернуться ему в ее “театр” и дала хоть какую-нибудь роль. Хотя бы роль героя-любownika, а не настоящую проституцию... Но Макс не просил пощады. Он солдат и не сдастся врагу!

Макс с прекрасным, мужественным лицом героя-гладдиатора, отправлялся на сексуальные галеры. Задрвав нос и развернув плечи, шел он на очередной вызов богатой тетке, как на каторгу, под жалостливые причитания секретарши, уборщицы, девочек-актрис из эскорта, под сочувственные взгляды Роберта и ребят из эльвириной “бригады”.

— Держись, братишка! — потрепал Макса по плечу самый страшный из ребят. Макс переживал немного, что тот будет его презирать или смеяться, но страшный паренек вошел в положение, он Эльвиру тоже побаивался, — Авось, сменит гнев на милость...

Хаотичное самообразование, а особенно недавний религиозный опыт, сделали Макса философом. Он что-то нес, жалеющей его, секретарше, про то, что “павший — возвысится”, что нужно с достоинством переносить испытания, что он уже все познал и достиг вершины — он был Иисусом, теперь его судьба пасть на самый низ и узнать что там.

Там было нелегко. Вообще Максу нравились секс и женщины. В целом. Молодые и не очень, полные и худые. И даже, если он не любил кого-то конкретно, то ему было приятно, что он может доставить женщине удовольствие, что нет дамы, которая уйдет от него неудовлетворенной, что он лучше всех...

Но если иметь секс за деньги — занятие весьма социально порицаемое, если это наказание от начальства, если мотивации нет, а количество дам переходит все разумные пределы, то и женщины, и секс могут и разонравиться. Любовные игры, которые Макс считал чудесным таинством(где он только понабирался таких слова в своем самообразовании), превратились в довольно унылое ремесло, состоящее всего лишь из технических приемов. Сначала он еще старался, притворялся, улыбался, комплименты всякие говорил, то потом просто использовал технику, вообще никакого индивидуального подхода не проявлял, старался достигнуть результата быстрее и идти домой. То, что испытывал он, врядли можно было удовольствием назвать...Дошло до того, что он, в свои двадцать четыре года, начал принимать виагру, а когда одной рукой удовлетворял даму, то другой листал ленту новостей в телефоне...

Поступили жалобы. Ну, вот есть же вздорные бабы! Эльвира забрала у Макса, как у школьника, телефон. Максик философски пожал плечами и ушел. Другая клиентка пожаловалась, что Максик, чтобы как-то отвлечься от скуки без телефона, повторяет

спряжение неправильных глаголов вслух... “СуперМаксик что-то испортился!”

— Это саботаж! — орала Эльвира, — Ты нарочно меня позоришь. Чего ты хочешь добиться?!

— Чего ты хочешь добиться? Я делаю, что могу, я не сексмашина...

Эльвира повышала ставки: она рисковала очень важным для себя — своей деловой репутацией, но продолжала отправлять Макса на сексуальные галеры. Он первый должен попросить пощады, должен понять как это нелегко, что женщины выносят все это в своей жизни, некоторые даже в браке... А он тут нос задирает, страдальца изображает, принц недоделанный!

Макс пощады не просил. Он похудел и побледнел, синие глаза потухли, стали серыми. Нелегко девчонкам приходится в этом бизнесе — думал Макс, лежа на какой-нибудь требовательной даме, — даже если вроде как добровольно, без принуждения. Вот так, с личным опытом, приходит осознание гендерного равенства — философствовал он, гребя веслами на галерах... Блин, да вообще, когда уже изобретут секс в виртуальной реальности, через компьютер, чтобы голову не морочить...

В общем, неизвестно, чем бы закончилась война между генералом Эльвирой и храбрым солдатом сексуального фронта, то только за Макса девчонка вступилась, его всегда девчонки выгораживали.

Ушастая секретарша зашла к Эльвире. Секретарша очень боялась, но, собравшись с духом, сказала:

— Тетечка! — секретарша никогда не злоупотребляла родственными связями и не называла Эльвиру так, — Тетечка! Пожалейте моего Максика. Он вчера в обморок упал, от виагры этой, горстями ее жрет. На меня совсем не смотрит...

— Вообще оборзела, убирайся! — еще не хватало, чтобы какая-то козявка влезала в ее работу с персоналом!

Но храбрая секретарша не убралась.

— Нехорошо так, тетечка! Если провинился — денег лишите, но не лишайте здоровья. Выгоньте, если обидел вас и не слушается. Но не изводите моего Максичка, у него глазки уже не синие, а непонятно какие... — секретарша подышала немного, выдохнула и, глядя тетечке в глаза, сказала:

— Я конечно, не такая сильная, как вы, и дара у меня нет. Но если вы изведете моего Максичка, тетечка, то и я вас изведу — порчей, не порчей, а как смогу... Я и тайны ваши знаю, и слабости, и кому вы должны. Вы конечно, можете, зельем меня опоить или из огнемета сжечь, но только я это все уже записала и отправила куда надо, чтобы сохранить, — не дам себя и Максика в обиду...

Потом бухнулась тетке в ноги, поблагодарила за воспитание, учебу и работу, клялась в вечной любви и полной преданности, потихоньку отступая в приемную. Когда выползла уже, то услышала:

— Думала уже, что ты подкидыш, не нашего рода — такая бесхребетная и бестолковая. Но нет, вижу — наша кровь... Ладно, подумаю, что делать с твоим помоечным принцем, если он стал профнепригоден — падает на улице. Разобьет еще голову, а у меня потом будут проблемы с охраной труда...

Макс не сдался генералу, но был прощен, и возвращен в “театр”. Клиенткам, на

вопрос “а где же СуперМаксик?” мадам Эльвира отвечала: “в творческом отпуске”.

А пожилая уборщица рассказала “внебрачному сыну Эльвирочки”, что Эльвирочка, видимо, очень любит сыночка, потому, что любого другого, кто выкинул бы подобное, нашли бы в канаве с перерезанным горлом.

— А ты, Максичек, у нее в любимчиках ходишь... Повезло тебе. Ты такой везунчик.

7. ПЕРВОБЫТНЫЕ ИНСТИНКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ

* * *

— Ай! Да больно ведь!

— Конечно больно. Не поставил блок, пропустил удар — вот и больно.

— Зачем мне это надо? У меня свои способы вести переговоры, драка — не мой профиль работы. А вы орете на меня, как тот сержант в армии...

— Ага, так этого доброго дяденьку вы должны благодарить за то, что научил пользоваться той кочергой... Продолжаем!

* * *

Тренировались в парке. Сюжет был пребанальнейший, даже смешной: Макс, такой, прогуливается с дамой. А тут хулиганы из-за кустов. А Макс, такой, храбро их раскидывает по кустам, а дама, такая, отдает ему свое сердце или тело(ну, что ей там не жалко) прямо в парке...

— Да, ну смешно же, Эльвира! Это же не школьный спектакль, ну не поверит никто, — Макс робко говорил. Он побаивался, что Эльвира снова отправит его на галеры, но не спорить почему-то не мог.

— А я тебе говорю, Максик, в который раз: проверенные голливудом клише лучше всего на людей влияют. Если, конечно, режиссер хороший и актеры стараются!

Режиссером мадам Эльвира себя считала самым лучшим. А актерами были Максик(как обычно, в своем амплуа героя-любовника) и бригадир эльвириной хулиганской бригады (в привычном для себя образе гопника). Сыграть нужно тщательно, в зрителях не одна клиентка эта, а ее компания с работы — у них в парке корпоратив. И все должны восхититься Максиком, и проникнуться к нему доверием, а эта секретарша влюбиться по уши... Да, секретарши — его крест, который ему придется нести. И он должен завалить секретаршу...

— И, пожалуйста, без телефона! — с ядовитым сарказмом произнесла Эльвира.

Да ну сколько можно припоминать. Один раз был тот телефон. Или два...

Приступили к репетициям. Бригадир ловко выскочил из-за кустов...

— Только не по лицу! — завопила Эльвира, бросаясь посередине, — Только не по лицу Максика! Иначе после этих репетиций, он совсем не будет годен к шоу.

— Как это — бить, да не по морде, — удивился бригадир, — Ну, я... эээ... в брюхо еще могу.

— Можно ребро сломать, — осторожно заметил Максик, — Мне. И я не смогу завалить секретаршу, как приказано.

— Макся, не дури! — сказал бригадир, — ты меня должен побить, а не я тебя...

— Но ты так борзо нападаешь, по взрослому, я, что, тебе — чемпион?

— Вот, как надаю тебе по башке, живо чемпионом станешь... Совсем уже обабился на своей позорной работе, а еще в армии был!

— Не хотелось бы связываться, но могу показать, чему там научили...

Драка собиралась быть совсем не постановочной. Эльвира снова бросилась между ними с проклятьями, ругаясь, как сапожник. Ага, ей, значит, можно выражаться, а все другие за это штрафы, если не по морде, получают.

— Вы должны *изобразить* драку, идиоты! Кино не смотрели! Ты, типа, — нападаешь, ты, типа, — отбиваешься... Ну-ка!

Макс с бригадиром начали изображать драку. Выглядело, как брачные пляски бегемота и газели.

— Даже полной дуре станет понятно, что это постановка... Ну, вы же видели рестлинг по телевизору — агрессивный балет здоровых мужиков в ярких костюмах. Ну-ка, еще раз!

Рестлинг в их исполнении был похож на танец носорога и антилопы-гну.

— Жалкое зрелище, — Эльвира признала свою неудачу, как режиссера-постановщика и решила позвать на помощь специалиста.

— Придется старого приятеля беспокоить из-за таких бестолковых, как вы...

Это было очень необычно: Эльвира назвала лицо мужского пола “приятелем”. Мужчины были для нее “любовники”, “клиенты”, “полезные люди”, “какие-то придурки”, “вон те ненормальные” и все в этом духе... Интересно было взглянуть на приятеля.

П приятель пришел в тот парк на следующий день. Был жилист, крепок и низкорос, не намного выше Эльвиры, немолодой совсем, около шестидесяти. Представился тренером.

— Покажите, что можете, — сказал тренер. Ну, Макс с бригадиром и начали свой рестлинг носорога и антилопы.

— Балет бегемотов, — так оценил их умение тренер. Оба бойца обиделись, так, как считали, что дерутся хорошо. Для бригадира его умение было средством выжить и заработать на жизнь — драться он любил и умел, а Макса все-таки учили в армии рукопашному бою, не мог легионер опозорить свой легион...

Макс драться не любил. Ну, конечно, как мальчику из неблагополучной семьи, ему приходилось это делать, чтобы по пацански выглядеть, как все, но он до последнего увиливал, изыскивая другие способы переговоров с врагом. Это все было так неприятно и некрасиво, не по человечески как-то. Папаша его со всеми дрался, маму бил, маленького Максика тоже, вот Макс и запомнил драку как что-то невероятно мерзкое, не хотел быть, как папаша...

Это очень плохо сочеталось с тем, что Макс, своими чистыми ручками, которые так не любили драться, отправил в больницу двух человек — но то состояние аффекта было, у него справка есть, он на голову был больной раньше... Нет, если считать, папашу, то трех. Только папаша не пошел в больницу, дома лежал, не знает, чем закончилось. Но поскольку Макса никто не искал, никто не гнался, то не сдох папаша, не тогда...

— Соберись! — приказал тренер, увидев, что Макс отвлекся на какие-то мысли, — Думать тут не надо, необходимо автоматически работать... Ты ничего — хоть вялый, как медуза, но неплохая техника. Где учился?

Макс показал свою татуировку. Тренер одобрительно кивнул.

— Вот он, — теперь кивнул на бригадира, — дерется сильнее, жестче и результативней пока. Но переучивать его — целое дело, уличная школа все портит, а ты прекрасный

материал для работы...

— Мне танец нужен, а не чемпион или количество изувеченных — напомнила Эльвира свое задание.

— Ах, да... Приступаем.

Вот, кто был настоящий режиссер-постановщик! Он ставил им ноги в правильную позицию, регулировал взмахи рук, угол и силу удара — чтобы не нанести вред, но выглядело эффектно. Тут выход, столько-то шагов, разворот, удар, блок, снова разворот, прыжок в кусты, беречь глаза... Заставлял повторять еще, и еще раз, мелкий и жилистый ползал между ними, казалось, совсем не боясь, что ему случайно попадет — лихо уворачивался, как со скоростью света перемещался, ставя неуклюжие ноги своих бойцов...

— Да ты крутой чувак, тренер — с восхищением сказал бригадир, — Научишь меня? В клуб твой ходить буду, платить...

— Мой клуб закрытый, всех не пускают, — улыбнулся тренер, — а вне клуба времени нет. Но запомню вас, бегемотий балет... Десять минут перерыв.

Макс в туалет хотел пойти, в конец парка, но Эльвира непустила — будет бродить целый час, а время тренера денег стоит. Пусть найдет себе подходящий куст неподалеку... Макс проклиная тот миг, когда он связался с этой рабовладелицей, пошел куст искать. А возвращаясь увидел спины Эльвиры и тренера — в обнимку сидели на скамейке. Первый раз он видел Эльвиру нормальной — она смеялась над шутками тренера нормальным смехом и говорила по-человечески. Обычно она была доминирующей, саркастичной, соблазняющей, льстивой, нарочито деловой или полностью невменяемой — нормальной не была никогда. Никогда не была товарищем. А тут она сидела с этим тренером так, как вот Макс недавно сидел со своим армейским приятелем в этом же парке. Макс замер в тех кустах, стал любоваться нормальной Эльвирой — в такую он мог бы даже влюбиться... А подслушивать он стал, когда услышал от нее знакомое словосочетание “мутный тип”. Эльвира спрашивала приятеля о чем-то, слышно было не очень.

— Я не знаю подробностей, честно, — низкий голос тренера слышно было лучше, — Сейчас статус “без вести”, хотя розыск не сняли.... Да нормальный человек, я много лет его тренирую — может, он и псих, но с понятиями. Если вы ту чокнутую девчонку не поделили, то это не значит, что он гнусный...

Эльвира что-то там раздраженно говорила, он успокаивал ее:

— Ты сама зарываешься... Тебе дали соскочить, дали возможность вести свой бизнес, чего тебе еще надо?

“Главное — рост!” Не слышал тренер что ли?

Но Эльвира не это сказала — по нормальному, по настоящему, громко, что Макс все расслышал:

— Хочу, чтобы не принимали меня за второй сорт. Из-за того, что я женщина и деревенская цыганка необразованная. Пусть и так, но я же лучше всех — умнее, изворотливее, профессиональнее, а все равно второй сорт...

Тренеру нечем было ее утешить, потрепал по плечу. Сказал заботливо:

— Не переходи дорогу серьезным людям, Эльвира, не пересекай черту...

Она снова бубнила невнятным голосом, потом, в трогательной слабости, положила голову на плечо тренера и он ласково гладил ее по волосам...

Под ногой Макса хрустнула ветка. Эльвира встала, и сказала в кусты своим обычным нежно-доминирующим голосом:

— Максик, если я велела сходить в кусты, то это не значит, что надо делать свои дела прямо у меня на виду... Перерыв закончен!

К концу тренировки достигли вполне приемлемого балета.

— Завтра я еще смогу найти пару часов, — сказал тренер, — отшлифуем лучше. На дилетантов произведет большое впечатление.

— А не на дилетантов? — поинтересовался бригадир, — Чтоб серьезных людей впечатлить, кто в теме, сколько времени нужно заниматься?

— Годами нужно заниматься, — снова улыбался тренер, — чтобы обмануть, что бьешь — учиться еще больше времени нужно, чем уметь побить по настоящему... Кроме того — нельзя пить, курить, употреблять, от дам стоит отказаться... Много самоограничений.

— Ты восхищаешься этим гнусным занудой! — почему-то так странно отреагировала на невинные слова тренера раздраженная Эльвира

— Конечно. Он мой лучший ученик.

Шоу прошло, как надо, подтвердив еще один принцип работы мадам Эльвиры: секрет успеха операции в тщательной подготовительной работе.

Макс шел с секретаршей по аллее парка, они целовались на ходу — с ней он познакомился в баре несколько дней назад отлично проводили время — а Эльвира еще и платила за его гулянки. Почти пришли к месту пикника, всем помахали издалека. Ну, тут из условленного куста хулиганы выскочили, наезжать стали, ведь парочки — излюбленное развлечение гопников. У девушки сумку вырвали из рук, парня за руку схватили — золотые часы содрать...

— Беги! — драматическим голосом героического рыцаря сказал Макс своей даме. И началось...

Антилопа, ускоренными тренировками подтянутая до буйвола, и носорог, из которого кое-как сделали бизона, сошлись в эпической битве — они мужественно махали руками и ногами, разворачивались в прыжке, набрасывались друг на друга, полностью соблюдая хореографию шоу... Три остальных хулигана, в основном, создавали шумовые эффекты — они орали страшными словами, хватали Макса за рукав, пытались содрать у девицы цепочку с шеи и почему-то прицепились к ее туфлям, желая их снять...

“В общей драке смотрят на вожаков, чем эффективней будет их драка, тем меньше внимания статистам...” — учил тренер, поэтому вожаки очень старались. Тем более, что они знали, что где-то в кустах сидит с биноклем их начальство, которое “не знает, что с ними сделает, если увидит малейшие халтуру и безответственность”.

Поскольку драка сопровождалась нецензурными словами и громкими криками, она не могла не быть замечена, компанией с работы девушки, собравшейся на корпоративный пикник. Мужчины и женщины встали с ковриков, стояли, открыв рты, и смотрели на драку. Наконец, один из мужчин в компании, потянулся к телефону...

По сценарию мадам Эльвиры, это было сигналом к отступлению хулиганов — “разборки с полицией в нашем деле лишнее” — и началу второго этапа.

Хулиганы мгновенно исчезли в кустах. Лохматый Макс в рваной рубашке(после долгой торговли, мадам Эльвира согласилась компенсировать половину стоимости дизайнерской рубашечки. Почему половину? Да пусть спасибо скажет, что хоть что-то дала, у них в контракте не оговорена спецодежда!) обнял свою девушку, осмотрел в порядке ли его дама, поцеловал ее страстно, она погладила красную ссадину на скуле его прекрасного лица...

“...следы после постановочной драки должны быть обязательно”- учил тренер, — “без крови не бывает шоу, людям нужна кровь. Но нельзя допускать травм.”

Макс обернулся к компании. Расставил ноги, развернул плечи, кулаки сжаты, локти расставлены... Волосы развевались по ветру — мадам Эльвира сама делала ему укладку с утра, добавив искусственных волос к его прическе — “должно выглядеть, как грива льва, ты должен стать вожаком стаи: у кого больше грива, тот и вожак — невербально люди понимают это так, мы не работаем с мозгом, мы работаем с инстинктами...”

— Пойдем разберемся, — суровым голосом обратился к мужской части компании Макс, кивнув на кусты, — Нельзя так это оставлять...

Тут нужно быть внимательным, помнить про руки, ноги, ритм и глубину дыхания, выражении лица, тон голоса, и, чтобы волосы развевались на ветру...

“...Максик, это тысячелетняя наука. Используя все эти невербальные способы влиять на людей, ты превращаешься в вожака этого офисного планктона, а твое “пойдем разберемся” превращается в “пойдем и убьем тех, кто, хотел украсть наших женщин”, даже если никто никого не собирался красть, и женщины вообще-то не их... Нужно у этих воинов компьютерных игр вызвать первобытные инстинкты...”

— Нас восемь, — этим “нас” Макс так обозначил то, что он командир отряда мужчин, которых он видел первый раз в жизни, — А их четверо, мы справимся...

“...упирая на перевес сил, необходимо обозначить, что битва безопасна, но появится, приятная для любого первобытного дикаря, возможность пинать более слабого ногами... Конечно, найдется кто-то, кто скажет тебе...”

— Может, в полицию обратиться? Ну, чего это нам разбираться? — сказал толстяк, что был главой отдела.

“...Это будет тот, кто был вожаком раньше. Но вожаком у рациональных людей большого города. Теперь ты вожак дикарей... Ты не смотришь на него, не слушаешь, он уже свергнут тем, что не участвовал в драке. Ты смотришь на свой гарем... Да, все эти офисные самки — теперь твой гарем. Пересчитай их глазами. Развернись задом. Качни бедрами. Они должны принять решение и быть на твоей стороне — если ты не возьмешь их в свой гарем, они умрут от голода или их растерзают звери, покажи им, что альфа — ты... Стань, заслонив их от того, другого, и скажи...”

— И что, они наших девочек будут трогать, а мы молчать?

“...Нависай над ним, доминируй. Жми, пока он первый шаг в сторону не сделает. Девчонки пусть на зад твой сзади пялятся, переминайся с ноги на ногу... Они должны видеть, что твои развитые ягодичные мышцы позволяют тебе быстро бегать и поймать для них добычу. Девчонки пошлют сигнал всем остальным мужчинам, остальные должны тебя поддержать, чтобы и им что-то перепало из гарема... Минута, не больше. Затем ты скажешь, кивнув на кусты...”

— Пошли, — “скомандуешь, Максик, а не скажешь!” — Пошли! — и он кивнул на кусты.

“...Если судить по опыту, пойдет семьдесят пять процентов группы. К сожалению, двадцать пять процентов человеческой популяции сохраняют критическое мышление. К ним тоже есть подход, посложнее, конечно, но сейчас хватит того, что есть...”

Шесть человек отправились за Максом. Это были обыкновенные офисные сотрудники от двадцати пяти до тридцати пяти лет, никогда в руках, ничего тяжелее компьютерной мышки, не державшие. И всего за пять-семь минут мадам Эльвира превратила их в

первобытных дикарей, которые с гигиканьем помчались в кусты под предводительством незнакомого человека, с желанием “изловить хулиганов и передать в руки полиции”... Конечно, на самом деле, они хотели бы пинать хулиганов ногами, но стеснялись признаться. А чтобы не стеснялись и пинали, мадам Эльвире нужно часа полтора...

... - Ты просто монстр, — сказал потом Макс Эльвире, когда осуществил ее сценарий, пораженный тем, как до минуты, до слова, совпадали реакции людей с предсказанными, — как ты до сих пор не стала властелином мира?

— Сама удивляюсь, — ответила Эльвира, — видимо родилась не в подходящей колыбели. Будь я, как ты — хорошеньким, беленьким мальчиком без экзотического происхождения, то наверное могла бы стать...

Какое счастье! Какое счастье, что Эльвира не беленький, хорошенький мальчик. Страшно представить, что это был бы за мир, где Эльвира была бы властелином...

— ...Поэтому и вожусь с тобой, Максик. Возвращаю себя в тебе — в беленьком, хорошеньком мальчике...

А вот дулю тебе, Эльвира! Не будет Макс таким, как эта ужасная женщина. Может он пройдоха и даже проходимец, но мир на разграбление он ей на блюде приносить не будет!

— ... ты же помнишь, что главное?

— Помню, помню... Главное — рост.

— Не пускают расти ввысь, буду расти вширь. Меня будет много.

Макс представил себе мир, состоящий из эльвир, и вот эту Эльвиру, всеми заправляющую... Вот это и называется Апокалипсис — он прочитал, пока к роли патера готовился. Блудница вавилонская со скипетром в руке и чашей, где все нечистоты людские...

...Конечно, никаких хулиганов они не нашли. Но, шастая по кустам и заглядывая под мостики, они испытали возбуждающее чувство охоты — вот она, добыча, совсем рядом — ветка хрустнула, старший щелкнул пальцами, замерли все — прислушались, пошли дальше...

Что-то подобное было у них в детстве, после просмотра боевика с друзьями — воображали себя храбрыми спецназовцами, которые пробираются по джунглям, раскрасив лицо камуфляжем... И этот незнакомый паренек дал им иллюзию того, что они — офисный планктон! — герои, они могут защитить своих женщин(хотя женщины были вовсе даже не их).

Потом наконец-то приступили к еде. Макс сидел посередине, причесавшись, разделив волосы на пробор. Режиссер велела ему инсценировать картину Леонардо ДаВинчи “Тайная вечеря”..

... - Отличная вещь, — рассматривала репродукцию с восхищением, — Влияет на человека. Явно художник был в теме, не только рисовать умел... Я все картины его пересмотрела — людей насквозь видел. Вот, что значит мастер! — эгоцентричная Эльвира все-таки восхищалась профессионализмом других, — А Джоконду видел? Откуда на нее не посмотри, с любого угла, кажется, что на тебя смотрит — точно ведьма...

...на этом пикнике отмечали победу. Повод, по которому собирались, был давно позабыт, вытесненный охотой на хулиганов. Иисус смотрел одобрительно на каждого из своих апостолов, рассказывал дамам, какой вон тот и вон этот герои... Он в точности повторял инструкции режиссера — наклонял голову, улыбался, возлагал руки... Он, самый

младший по возрасту, был альфой в этой группе.

Вообще-то сам Макс никогда не был альфой ни в какой группе — ни до, ни после. Он послушный и исполнительный, но ленивый, безответственный, малоинициативный и ведомый — никакая не альфа. Но он может альфу ловко сыграть! Если будет делать, как говорит режиссер. Исполнительный солдат магических войск делал, как надо.

И на следующий день получил пропуск на режимный объект.

Он же был герой. Он же был душой компании. Его все знали.

— ...Зачем?

— Ну, что ты за человек такой, Максик! Ты пойми главное: если ты знаешь что-то, то тебе придется отвечать, когда спросят. Ты хочешь отвечать на вопросы, рембо недоделанный?

На вопросы отвечать Макс не хотел. Но вдруг это слишком мерзкое что-то.

— Не сильно, — придется ей верить. Или уходить. Почему он не уходит?

Макс должен был прийти в обед к секретарше. Поболтать с ней, прошвырнуться по кабинетам, навестить новых друзей. И в каждом кабинете оставить ручку. Да совершенно обыкновенную ручку, сам пусть посмотрит — во всех офисах такие.

— Вот тебе пять ручек. Не вздумай потерять — убью!

Ручки надо оставить тайно. Чтобы появление новой ручки никак не было связано с новым блондином. Это ему больше всех надо — пропуск выписан по паспорту, на настоящее имя...

— Меня посадят! — снова начал Макс свой вечный плач.

Раздраженная Эльвира вырвала у него свои ручки.

— Перестань валять дурака, Максичек! Если бы ты действительно был таким святошей, которого передо мной изображаешь, давно бы ушел и начал жизнь честного человека — на работе с девяти до пяти. А ты остаешься — нарушаешь заповеди, нарушаешь законы... Да ты баб готов трахать до упаду, пока не сдохнешь! И не за деньги, а чтобы я тебя не выгнала. Так?

Макс смотрел в пол. Это было так.

— Вали уже со своей совестью, надоел! — показала она ему на дверь, — Надоело оберегать нежную совесть Максика от травм... Сколько у меня проектов, в которых можно было тебя использовать, но я понимаю, что некоторые — слишком для моего совестливого принца, нужно пощадить...

Совестливый принц смотрел в пол.

— ...И мне надоело! — продолжала Эльвира, — Убирайся. Могла бы на помойку выгнать, где я тебя подобрала, но я дам тебе рекомендацию к своему стилисту в модный бутик. С такой смазливой мордой и навыками, которым я научила, ты подымеешь им продажи на миллион процентов — будут ценить и совесть чиста. Работа с девяти до пяти, два выходных, отпуск двадцать один день, проценты с продаж, потом получше чего найдешь...

Макс представил себе эту жизнь. Неужели она серьезно? Он же ее Максик. Она растит в нем себя... Ну сидела бы Эльвира в таком бутике? Да сожгла бы его с тоски...

— Легче всего обманывать самого себя, мой дорогой, — Эльвира не успокаивалась, — убедить себя, что ты несчастная жертва блудницы вавилонской. А ведь тебе самому это нравится, в животе текает, да?... На самом деле это твой личный выбор. И прими

ответственность за него, как мужчина. Или выбери что-нибудь другое...

Макс все еще смотрел в пол. Ну, какой бутик, в самом деле... Какой модельный бизнес... И театр ненастоящий, и кино все фальшивое — не то, что у Эльвиры... Ну, не на стройку же ему идти, а из армии его выгнали...

— Давай уже свои ручки, — пробубнил он. Он сам блудница вавилонская, чего уж там юлить.

— Сначала ты должен определиться, чего ты хочешь, что тебе нужно. Скажи сам. Я приму любой твой выбор.

Макс молчал. Эльвира открыла дверь пошире.

— Ну, это... — начал Макс бормотать.

— Следи за речью! Подлежащее, сказуемое, другие члены предложения!

— Я хочу эту работу, — сказал Макс, не отрывая взгляд от пола.

— Смотри мне в глаза!

— Не хочу уходить, — Макс посмотрел в глаза Эльвиры. Они были не черные, темно-зеленые, просто зрачки расширены, Эльвира любила кокаин.

— Ты отдаешь себе отчет, что иногда работа может иметь противозаконный характер?

— Да, — странно признавать это почти через два года, но когда-то нужно.

— Как твой работодатель и друг, я обещаю сделать все возможное, чтобы тебя не посадили, но не могу полностью гарантировать, что этого не будет. Ты отдаешь себе в этом отчет?

Видимо, как не убегай, тюрьма у него на роду написана. И там люди живут. Он уже не такой как раньше, много знает, много умеет, приспособится как-то к тюрьме...

— Да, — Эльвира протянула ему руку, а он добавил торопливо, — но я не буду делать никаких аморальных гадостей против людей, которых знаю лично!

"Номер два" еще давно советовала ему внести изменения в контракт, когда Макс будет продлевать. Это не контракт, это устное соглашение, но нужно выторговать для совести хоть что-то. И протянул Эльвире руку.

— Мальчик вырос, стал мужчиной, — довольно сказала Эльвира, крепко пожимая Максу руку.

— А где ты того крутого тренера нашла? — спросил Макс. Он решил заранее подготовиться к жизни в тюрьме, раз такие дела, и научиться драться по взрослому, без всякого там спорта.

— Вот, все брошу и начну все рассказывать... Давай лучше про то, что с ручками делать проинструктирую...

Гораздо позже Макс все-таки узнал, как Эльвира познакомилась с тренером.

Давно, когда Эльвире было едва за двадцать, она исполняла танец живота в портовом кабаке в одной из весьма неблагополучных стран. Место было крайне гнусное и публика соответствующая. Невысокой, и тогда еще тощей, Эльвире, сложно было конкурировать с рослыми плясуньями, обладающей пышными формами, а оплата танца была очень простой — посетители кидали деньги в медную миску, могут много кинуть, а могут и ничего... Мелкой танцовщице нужен был свой танец, своя фишка, чтобы отличаться, чтобы медная миска заполнялась быстрее — так и появился ее танец с тростью. Танец Эльвиры весьма отличался от классического народного танца с тростью — обычно его исполняет, одетая в народную одежду, женщина с покрытой головой, а на Эльвире из одежды был только

блестящий лифчик и что-то вроде юбочки, да и движения были куда откровенней. В древнем народном танце и в эротичных телодвижениях Эльвиры общим было одно — украшенная блестками, палка с загнутым концом. И все ведь понимают, что в танце означает эта трость? С древних времен, в архаичных и патриархальных культурах, любая палка символизировала фаллос, а танцы с тростью — любовные игры.

Ну, и, понятное дело, во все эти игры Эльвира играла куда лучше прочих, да и выплясывала так, что, бывало, из медной миски деньги вываливались наружу. В отличие от танца народного, где трость почти не касается тела танцовщицы, эльвирина трость, как будто плясала по всему телу: голове, плечам, проходила между крупных грудей, между коленями и повыше... Эльвира подбрасывала трость вверх, почти давала трости упасть, ловила — и трость снова победно устремлялась вверх загнутым концом...

Публику воспламеняли эти танцы. Не смотря на грубость и неотесанность страшных, портовых посетителей, это было слишком экстремально даже для них — это не был отстраненный западный стриптиз, основанный на эротизме раздевания и обнаженности, это не был весёлый восточный танец, эротичность движений в котором имела выраженную эмоциональную и артистическую окраску.

Это было ведьминский, шаманский ритуал, задача которого было задействовать самые древние символы, воздействовать на самые древние, самые первобытные зоны сознания, заставить самого грубого, самого страшного трепетать, бояться, поклоняться древней богине, от танца которой зависит его плодовитость, мужская сила и мужская самооценка... Тогда, конечно, Эльвира еще не могла объяснить механизм этого шаманского воздействия, но владела им в совершенстве.

Но однажды публика подобралась особенно омерзительная. Не смотря на гнусность той портовой клоаки, там тщательно следили, чтобы танцовщиц не хватали руками, а тут охране было тяжело сдерживать толпу, даже миску ее перевернули... И вот, когда перевернули миску с ее деньгами, Эльвира вдруг вышла из себя, почувствовала отвращение и ненависть — ну, это были ее обычные чувства по отношению к мужчинам, но в тот момент сильнее, чем обычно...

И тогда она совершила очень глупый и очень опрометчивый поступок: в конце танца, подняла голову, посмотрела прямо в зал своими глазами — как та джоконда, будто в лицо каждому, подняла свою блестящую, сверкающую в лучах прожектора, трость высоко вверх — и с силой, и с треском, и с чувством сломала пополам дешевый пластик... Барабаны смолкли. Зал замер. Организатор шоу закрыл голову руками. Он знал, что сейчас будет. Такой же, как и все они, он знал, что значит — вот так сломать эту палку...

— Ведьма! — раздался первый крик из зала, — Сглазила!

— Ведьма сглазила! — заревел зал. Эти люди жили в современном мире, но сейчас они не думали головой, да и секс им сейчас был не нужен. Всей толпой овладел первобытный, иррациональный страх, что секса у них больше не будет. Ведьма сглазила.

— Лови ведьму! — закричал кто-то и толпа полезла на сцену...

Неизвестно, чем бы для Эльвиры это закончилось, но вдруг раздались выстрелы, там-та-ра-рам, осколки люстр посыпались вниз и свет погас. Во тьме началась давка и драка, все слепили друг друга фонариками, была суета... И когда наконец свет включили, то ведьмы на сцене не было. И нигде ее не было, хотя все перетрясли. Сгинула танцовщица, как и полагается ведьме, без следа.

Ее увез в багажнике своего автомобиля тот тренер, который тогда был в расцвете лет и

весьма недурен собой. И это был единственный мужчина за всю ее жизнь, который вернулся за ней, и спас ее совершенно бескорыстно — он не ждал от нее ни денег, ни секса. Просто помог девчонке в беде.

И сообщил, что совершенно не испугался сломанной палки, но Эльвире так и не удалось проверить это лично. И, если Эльвира до сих пор не уничтожила и не прокляла весь мужской род, то только из-за этого тренера.

А что делал в том гнусном портовом кабаке тот тренер, так и осталось неизвестным...

...Когда Макс показывал свой пропуск охране, было немного страшно. Он делал все упражнения, которым учила его Эльвира, но все равно боялся...

“Не смотришь в глаза, смотришь на переносицу, считаешь дыхание... Ни в коем случае не ускоряешь шаг на пути к лифту. Остановись, поправь шнурки, ты никуда не торопишься...”

Макс сначала зашел к своей девушке, договорились, что пойдут вместе обедать. Помурлыкали немного. Во время мурлыканья Макс осматривал приемную на предмет расположения камер — босс проинструктировала его, где они приблизительно могут быть. Найдя камеру Макс разворачивался вместе со своей дамой, чтобы положить ручку на стол так, чтобы было видно только его спину, но не руки...

“...эту ручку случайно могут найти через день, могут через годы, а могут никогда не найти — выбросят, когда перестанет писать. Но, в любом случае, она никак не должна быть связана с тем блондином — с тобой...”

Девушка очень жалела своего спасителя — все-таки он пострадал во вчерашней драке, вся рука была забинтована и в пластырях.

“...незачем оставлять свои отпечатки пальцев на этой ручке, но было бы странно прийти в перчатках в теплую погоду. Дракой в парке мы решили два вопроса — доверия и безопасности...”

Потом девушке надо было работать, но она сообщила в каких кабинетах сидят новые товарищи, Макс отправился поприветствовать их. Когда шел по коридору, понял, что страх совершенно прошел, все получалось. В одном кабинете стол был совершенно пустым, новая ручка бросалась бы в глаза, поэтому Макс ловко кинул ручку в сумку, что висела на стуле, полагая, что хозяин сумки, удивленно обнаружит ручку в своей сумке и сам положит ее туда, куда нужно.

Все были рады увидеть этого компанейского парня. Девушка даже приревновала его к сослуживцам, потому, что все вместе отправились обедать в их столовую. Но Макс обещал ее забрать после работы и повести в ресторан...

— И это все? — спросил у режиссера, — Столько подготовки, столько времени потрачено, только для того, чтобы распахать эти ручки?

Уж что там в тех ручках, не стал спрашивать. Не сибирская язва и уже хорошо.

— Не все. Еще раз пойдешь туда. Проверишь, не обнаружили ручки, не было ли скандала... Не бойсь, если обнаружили, то никто не подумает на тебя, особенно если ты придешь еще раз.

— Может, не надо?

— Иди... Я же вижу, тебя просто прет от этого всего.

Иногда да — очень перло, но иногда было очень страшно.

С той секретаршей еще неделю встречался, нельзя было сразу уходить. Потом ее

ревностью извел. Эльвира сказала, что это такие минусы у brutальных альф. Вот и ревновал ее ко всем этим лысеватым и толстоватым сослуживцам. Переругался со всеми, а девица сама ему дала от ворот поворот, пропуск с работы отняла и охране вернула...

Отлично! Ничье сердце не осталось разбитым. Потирая руки и насвистывая, довольный отправился к своей ушастой секретарше. Настроение было прекрасным. Иногда что-то щелкало в голове — “что там в этих ручках?”, но быстро проходило.

8. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ СОТРУДНИКОВ АГЕНТСТВА

Тот случай он вспоминает с удовольствием и со стыдом — это, смотря из какой своей личности наблюдает.

Выполняли стандартный заказ и работали по стандартной схеме: одна дамочка умоляла всемогущую ведьму отвадить своего мужа от молодой любовницы, поэтому Макс принялся охмурять молодую любовницу, выигрывая возрастом, внешностью и богатством, про которое он наврал, у мужа заказчицы. Любовница упиралась, корчила из себя недотрогу, утверждала, что занята, что у нее любовь... Какая у нее там любовь, к хренам! К тому старому деду?!

Макс улыбался конечно, а внутри кипело раздражение — он, СуперМаксик, не справляется с какой-то девицей, да что ж такое... Сидели в маленьком, но модном и атмосферном, ресторанчике, всего несколько столиков в зале... Эта недотрога выбрала самый дорогой десерт из меню, лопала, аж за ушами трещало, добавки захотела... А до того целого омара слопала, в один присест — ну просто обжора какая-то... Если он не сделает дело, Эльвира не станет компенсировать расходы на ресторан — “мало старался”, так скажет, ведьма...

И уже почти сдался, почти смирился с неудачей и со счетом за этот десерт, как случилось происшествие. В этот маленький ресторан ворвались два каких-то сумасшедших наркомана, один стоял возле двери, засунув руку в карман, а другой капюшон своего худи надвинул на лицо так, что лица не разглядеть, и, размахивая пистолетом, приказал всем посетителям выкладывать деньги и драгоценности на стол.

Ну, что за черт! Еще этого не хватало... Это ему наказание за жадность — пожалел девочке этот десерт и того омара, и теперь лишится своих дорогущих часов и всех денег...

Наркоман в с пистолетом приближался к их столику. Девица жалостливо попискивая, положила на стол свою сумочку и браслет. Макс тоже положил на стол свой бумажник, а руку с часами заложил за спину, вдруг обдолбанный придурок внимания не обратит... Обдолбанный придурок собрал ценности с их столика, посмотрел на Макса и сказал:

— Эй, ты, руки держи на виду! Показал руки быстро!

— Делайте, что он говорит! — закричал администратор ресторана.

Но Макс уже понял, что виолеттины часы он наркоману не отдаст. Потому, что внимательный Макс заметил, что в руках у наркомана деактивированное оружие — с просверленным стволом и спиленным бойком, на таких муляжах в армии учили технике стрельбы на первых занятиях... И, скорей всего, у того наркомана, что возле двери, вообще ничего нет, недаром он руку в кармане держит не доставая.

— Не надо нервничать, братишка, никаких проблем, — Макс встал, подняв обе руки вверх. Золотые часы сверкнули, на пару секунд поймав взгляд наркомана...

...сдвинуть переднюю ногу в направлении оппонента, вес переместить на заднюю ногу, развернуть туловище и бедро, плечо выставить максимально назад... удар по дуге, в подбородок... черт, неправильно поставил кисть, как же больно...

Под аккомпанемент визга своей девицы, Макс нокаутировал наркомана своим хуком справа, который так хвалил тот эльвириин тренер. Тот наркоман, что возле двери, сразу убежал, точно, для виду руку в кармане держал.

Макс вытащил из их сумки свой бумажник, вещи той девицы и потащил ее к выходу.

— Идем в отель, — сказал ей серьезным голосом.

— Хорошо, — сразу согласилась эта недотрога.

Администратор ресторана кричал что-то вслед, что нельзя уходить, нужно полицию подождать, но Макс сказал, что у него тут замужняя дама и ее репутация важнее всего — и парочка исчезла за дверь.

В том отеле почему-то получилось горячее, чем обычно, Макс даже удивился — ведь эта девица не очень была ему симпатична, да и как профессионал, он крайне редко был вовлечен эмоционально, а тут как для себя все делал, так, как ему нравится. А та девица как вовсе спятила — визжала на весь отель...

“...Механизм этого явления крайне прост, Максик. Психика воспринимает такую стрессовую ситуацию, как угрозу гибели организма. И организм должен выполнить свою основную задачу, реализовать основной инстинкт — размножиться... Да, кажется нелогичным, что в минуту опасности, под взрывами бомб, во время землетрясения, некоторые парочки начинают совокупляться, но их ведет не разум, их ведет инстинкт — мужчины хотят оставить свое семя перед тем, как погибнуть, а женщинам хочется семя принять, пока еще хоть какие-то мужчины остались...”

Рука только болела очень, вся распухла, к врачу придется идти...

— Хорошо, что в другом городе был тот ресторан! — начальство вообще взбесилось, — ты понимаешь, рембо недоделанный, что ты рисковал операцией, рисковал собой, рисковал всем моим бизнесом! Идиот!

Вот, не очень-то это приятно, когда тебя, героя, спасшего ценности посетителей и их достоинство, идиотом обзывают.

— Теперь ты свидетель происшествия, дурак! — орала Эльвира, — смазливая морда рембо недоделанного есть теперь в полицейском деле!

— Да, ну кто будет меня искать, там дело ясное, столько свидетелей — он мне угрожал пистолетом, всех ограбил... Без меня справятся.

— А если нет? Нельзя рисковать безопасностью. Есть ситуации, когда героизм не уместен.

— Не стал бы я ему отдавать виолеттины часы... Да и перед девчонкой неудобно было — как не вмазать, если я могу, — оправдывался за свой героизм Максик и вдруг понял, что не отдал бы виолеттины часы, даже если бы пистолет был настоящий.,

— Так Максик у нас не только рембо, но еще и рокки-боксер, — с сарказмом сказала Эльвира, — А что это у нашего рокки за варежка?

— Трещина, — скромно ответил Макс, показав гипс, — Сказали, быстро заживет... Ну, Эльвира, ведь так ведь вышло хорошо, я не смог бы ту девку завалить, если бы не грабеж этот, очень уж упиралась. А тут она сразу согласилась переспать после моего героизма — так кричала, что уши заложило...

— Это что? — взяла у Макса счет из ресторана

— Это омар и дорогой десерт, — объяснил Макс, — сама велела “выгулять достойно”.

Эльвира положила счет себе в карман, но денег не отдала. Сказала, уточнит, что в тамошней полиции на него имеется, и если нужно будет решать, то заберет деньги в качестве компенсации за свои хлопоты, а если нет — то отдаст.

Вот, зараза! Как же, отдаст! Он так и знал, что за омара ему платить. Даже не попробовал этого омара, да всего один раз в жизни до этого омара ел...

— Сможешь ли работать одной рукой, любовник рокки? — мерзко съязвила Эльвира, —

телефон нечем держать будет.

Да сколько можно припоминать тот телефон! Один раз такое было. Или два...

...А, так любопытно, что была за операция? Рутинная магическая услуга — отворот/приворот(один алгоритм работы и цена одинаковая). Они минимум раз в месяц такое проделывают, по всей стране ездят, где закажут, со своим магическим шапито.

Когда Макс отмечал победу над грабителем с дамой в отеле, паренек из эльвириной бригады делал компрометирующие фото и видео этой разлучницы. Компрометирующий материал был подброшен старому мужу заказчицы(новому любовнику той девушки), что весьма охладило его любовный пыл — кроме неприятной досады от измены, он испугался, что фото сделал частный детектив, которого жена наняла, но с женой это, понятно, не обсуждал. Жена никого не нанимала, она просто пришла к мадам Эльвире на картах погадать, а потом заплатила за дорогостоящий “обряд приворота и возвращение блудного мужа в семью”

С другой стороны, к блудному мужу подкатывала барышня дивной красоты, как раз его типаж — моделька из эскорт-агентства. Моделька была моложе и красивее его прежней пассии, это уменьшило страсть к неверной любовнице еще больше... Типичная схема, проверенная годами, даже при многократных повторах работает — потому, что и в жизни случается. Но это была так, артподготовка. Затем начинался основной бой:

Макс трепал нервы любовнице(“объект”), она срывалась на своем старикане(“клиент”). Моделька крутила носом, динамила и поощряла одновременно — трепала нервы похуже любовницы. Старая жена(“заказчица”), приведенная Эльвирой в порядок физически и психически, всегда с нежной улыбкой, пирогами и фотографиями детей, ждала его в теплом, родном доме, в который старый муж возвращался, как в тихую гавань после дурдома, на который его обрек “бес в ребро”.

А после того, что, как они все (Макс, любовница, старикан, моделька и ее любовник — оказалось, что у модельки тоже любовник есть) встретились, переругались и подрались, старый муж вздохнул, решил, что он стар для всего этого дерьма, и вернулся домой. Бес убрался в преисподнюю, мадам Эльвира пересчитывала наличные, Макс все-таки получил компенсацию за омара и десерт... Все закончилось хорошо, рутинная услуга.

... - Но, только это... ну, это... может, ты захочешь знать, Эльвира, — Максик очень стеснялся рассказывать, — я когда расставался с той любовницей... ну, ты же знаешь, мне неприятно бросать женщин, не люблю быть плохим...

— Что натворил?!

— Ну, это самое... мне же нужно было как-то красиво уйти, да и объяснить как-то, почему в полицию не пошли после происшествия — она спрашивала... И я ей сказал, что я спецгент и сотрудник разведки, уезжаю навсегда, прости, дорогая...

Макс думал, что Эльвира будет его ругать за самодеятельность, как обычно, но вместо этого она захохотала, на диван упала, от смеха ногами дрыгала...

— Хватит ржать! — обиделся Макс и ушел. Пойдет омара себе купит. И съест сам.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ СОТРУДНИКОВ АГЕНТСТВА

Весна — самое напряженное время в работе агентства магических услуг. Гормоны

играют, коты кричат, у психопатов обострения... Женщины, как созданы более нежные, в группе риска. И Макс был на передовой битвы с их кризисами, работал как Фигаро — то там, то тут, ужасно замучался, ждал лето...

Утешал несчастных с низкой самооценкой, умерял гордыню возомнивших о себе, развлекал одиноких, но платежеспособных старушек, рассказывая им всякие сказки, которые им нагадала мадам Эльвира... А с одной старушкой однажды даже был котом.

Спятившая бабушка весьма преклонного возраста, гадала сама себе на картах, для развлечения. И видимо, что-то у нее в старческом мозгу помутилось: старушка вспомнила котика, который жил у нее в детстве. И теперь, поскольку старушка буддистка, она нагадала сама себе, что тот, давно скончавшийся котик, воплотился в человеке... Обрадовшись, решила перепроверить данные у специалиста по гаданию.

Макс считал, что грех брать за такое деньги, а следует рекомендовать человеку обратиться в специализированное учреждение — о чем он Эльвире прямо и сказал, потрясая своими четками.

— Ну, куда ей эти деньги девать, в могилу заберет их что ли, — ответила бессовестная Эльвира, — вот возьму денег за воплощение ее каприза, а потом вместе подберем ей подходящую богадельню. Сам и отвезешь, раз такая мать тереза.

— А какой у нее каприз?

— Она хочет перед смертью встретиться со своим котиком, который воплотился в человека.

— Ой, Эльвира... — Макс понял, кто будет этим котиком.

— Мяу-мяу, — сказала начальство, — Это тебе нужно, Максик....

Эльвира не дала никакого сценария. Она терпеть котов не может, пусть сам придумает что-нибудь. У Макса была бабушка и был кот, и Эльвира достаточно давно его учит, чтобы он придумал что-то на месте — вводные он все получил в желтой папке.

Признается, что нервничал, когда стучал в старушкину дверь. Да ну вообще, ну какой кот... Чушь какая!

— Привет, Тили, — светловолосый красавец улыбался сухонькой и седенькой старушке, что открыла ему дверь. Было бы странно назвать ее “госпожой Матильдой”, как полагается, ведь тот ее котик знал женщину маленькой.

— Пушистик! — бросившись Макс на шею, старушка завизжала детским голосом, — вот именно таким я тебя и представляла.

Разговаривали долго. Макс переживал, что не знает, как по кошачьи себя вести и что говорить, но оказалось, что говорить не нужно, нужно слушать. Малышка Тили пересказывала Пушистику, что тут произошло за все время, пока он отсутствовал — за семьдесят лет. Макс кивал, когда старушка засыпала во время беседы, будил ее вопросом про кого-то, обозначенного в желтой папке, и старушка радостно продолжала... Показала Пушистику его фотографию, когда он был котом.

— Ну, очень ведь похож! — погладила пальцем фото, потом начала гладить волосы Макса. Он положил голову на колени и старушка долго гладила его волосы, чесала за ухом — он заснул даже, так расслабился. Проснулся от запаха оладьев — именно такие жарила его собственная бабушка.

— Ты так мурчал, — довольно сообщила старушка. Наверное, храпел, как слон, а слабым старушкиным мозгом, это как мурчанье воспринималось, — Не хотела будить.

Ели олады, пили чай. Потом Пушистик повесил красиво шторы, починил шкафчик, мусорный бак, выровнял картину. Старушка восхитилась умениями, которые приобрел Пушистик с тех пор, как воплотился в человека. И как же он помнит ее?

Макс тут начал нести какую-то ахиною, подготовленную начальством, что типа, мадам Эльвира разбудила в нем память прошлых перерождений и он почувствовал призыв своей маленькой хозяйки... А потом вдруг сказал:

— Так хочется быть нужным тебе, Тили, — он себе это сказал. Он сам хотел быть кому-то нужен. Не потому, что он красивый, сексуальный или очень хитрый, а просто так, бескорыстно, любим — как нужен был своей бабушке...

Пошли в сад. Старушка показала Пушистику, что где-то вон там его закопали — не помнит где точно, много лет прошло... Темнело. Старушка уже зевала, Макс засобирался... Говорил что-то дежурное про то, как счастлив был повидаться, спасибо мадам Эльвире...

А старушка и говорит:

— Приходи еще на неделе, — рассказала, что не может больше одна жить — старая слишком, нужно переезжать в дом престарелых. А он один помнит всех тех, кого уже нет, не чужой человек, а любимый котик, поможет разобрать старые вещи — цел еще пуфик на котором Пушистик дремать любил...

— Я приду, — ответил Пушистик. Подумал, что придет, даже если Эльвира ему не заплатит.

Но Эльвира заплатила. Она организовала старушке место в хорошем доме престарелых(директор платил ей солидные комиссионные за каждого клиента и Эльвира сплавляла туда уже много стариков, которые толпами валили к ней за утешением), и велела Максу помочь старушке собраться. Оплата по обычному тарифу(“без сексуальных услуг”).

— Всех бабки бесят, — сказала Эльвира, — всех раздражают, всем они воняют, люди без души работают... Один ты можешь с стариканами общаться, ты у меня на гериатрическом направлении — профессиональный внук. Иди!

Макс приехал на арендованном фургоне, недолго собирали вещи. В отличие от многих других стариков, Тили легко расставалась с материальными свидетельствами своей долгой жизни — взяла только самое необходимое и фотоальбомы.

— Тебя хотела бы с собой взять, Пушистик, — почесала его за ушком, — но только никто не понимает, что ты мой котик, не разрешат...

Пушистику подарила пуфик, на котором тот любил дремать, пока был котиком. Ну и что ему делать с этим антикварным хламом?... Поблагодарил любезно. Пока ехали, старушка все передавала приветы и благодарности мадам Эльвире — этому ангелу, этой добрейшей женщине, воплощению Шакти в теле современной женщины — в общем, несла всякую чушь... И случайно проговорила, сколько заплатила за то, чтобы мадам Эльвира вызвала память предыдущих перерождений — очень дорого, но так хотелось с Пушистиком встретиться...

Блин! Старушка совсем уже ориентиры в математике потеряла, Эльвира за такие гроши даже карт бы из стола не вытащила, не то, чтобы котов воплощать... Да нет же — старушка отлично считает деньги. Даже может рассказать какие купюры были...

Блин! “Это тебе нужно, Максик...”

Ведьма, которая видит людей насквозь, конечно знала все слабости и уязвимости своего Максика. То, что он не был готов к бабушкиной смерти — внезапно скончалась, оторвался тромб и все... То, что он не попрощался с бабушкой. Потерянный рай и одинокий ребенок...

Дом престарелых был вполне приличный. Расставили вместе все старушкины вещи. Макс представился персоналу и соседям дальним родственником(ну, не котом же!). Долго прощались и обнимались.

— Ты наверное, не сможешь меня навещать? — грустно сказала старушка.

— Я далеко живу, Тили, — жалко оправдывался Пушистик, — теперь я человек, у меня много всяких человеческих дел... Но возможно мы встретимся в следующем перерождении.

— Наверняка! — обрадовалась старушка. Она ведь буддистка, — Дашь мне какой-нибудь сигнал, что это ты, Пушистик...

Макс ночью ехал на фургоне обратно, Так это было все странно — будто он вернулся на много лет назад и попрощался с бабушкой.

Чертова ведьма Эльвира!

Эльвира, не смотря на позднее время, еще сидела в офисе. Макс заехал отдать счет за аренду фургона. Посмотрел, как сосредоточившись на работе, ссутулившись, она сидит за столом, почувствовал странную нежность — ну, он ведь всегда знал, что она не такая сука, какой всем кажется, спасибо хотел сказать за бабушку, за этот отдых — ведь устал сильно за весну... Но Эльвира начала орать на него — заметила разницу в заявленном километраже и фактическом, неправильном оформлении расходной сметы всего дела, начала гроши эти пересчитывать на калькуляторе, упрекать в расточительности, если не в воровстве...

Такая она сука и есть, как всем кажется! Достала уже своими придирками. Швырнул ей на стол эти деньги, которые утаить хотел, ушел хлопнув дверью...

* * *

...как-то ему нужно было придумать псевдоним для одного дела. Ну, он возьми и скажи с ходу — “Пушистик”. Все ржать начали... А по его мнению, вполне нормально — можно подумать, что кот... Тем более, он тогда стриженный был, совсем не пушистый...

...а пуфик тот оказался ценным антиквариатом, продал за приличные деньги. Не продавал бы, но переезжать все время надо. Не с пуфиком ведь.

* * *

В общем, продыху не было в работе магического менеджера до самого лета, пока не случился тот пожар.

Мадам Эльвира не делала разницы между большими проектами и мелкими, однократными чудесами, все должно быть сделано хорошо — и большие, опасные проекты и ерунда с котом — она профессионал и гордится этим.

Макс, как обычно, был занят в проектах с дамами. Но это были обычные привороты, отвороты и снятие порчи, никаких околошпионских дел, типа, как с подкидыванием ручек. Ничего такого Эльвира ему больше не поручала. Макс понимал, что обсуждать нельзя и не спрашивал — да и спокойней с магией как-то...

Эльвира набирала работы больше и больше, вообще не спала, увеличила персонал, стала нервной и злой, редко была нормальной — чаще под кайфом или под шофе.

— Сохнет по той ассистентке, — со знанием дела определила причину уборщица. А секретарша сообщила, что да, еще тогда, прошлой весной, Эльвира с ассистенткой рассталась — “номер два” вернулась к своему хахалю, уволилась и уехала куда-то...

У Эльвиры появилась новая ассистентка — тоже весьма сообразительная особа, ловко придумывала всякие затеи, но Макс крайне редко к ней обращался(и уж точно не по личным вопросам). По той же причине, по которой сама Эльвира не смогла создать с новой ассистенткой пару(хотя пыталась): “она не леди”.

Неизвестно зачем такой бесстыжей и беспринципной, как Эльвира, понадобилась леди, но для самого Макса было важно слышать нежное “...я, конечно, не вправе советовать вам, Макс, но было бы благоразумным сделать так-то, подумайте о вашей жизни, Максик...”. Если леди таким образом, с таким уважением, говорит с таким проходимцем, как он, то он уже, вроде как, и не такой проходимец...

...Так вот, однажды вечером, — проведя, как медиум, несколько сложных магических сеансов, практически чокнувшись от рабочего напряжения и кокаина, Эльвира начала палить из своего огнемета по бывшему кабинету “номер два”(по сведениям секретарши) и здание загорелось... Пожарные приехали вовремя, никто не

пострадал, да и ущерб зданию был не критичный, но офис требовал ремонта.

К тому же, во время расследования пожара страховой компанией, выяснилось, что огнемет не театральный реквизит(а пожар для страховой был представлен как несчастный случай во время магического шоу с огнем), а настоящее, хоть и старое, боевое оружие и дело принимало неприятный оборот.

— Мне продали его в интернет-магазине подержанного театрального реквизита, — хлопая ресницами, сказала утомленная директор консалтингового агентства магических услуг следователю из страховой, — как я могла знать, что это такое, я не солдат! Посмотрите на меня, ну, какое боевое оружие, я слабая женщина, я даже поднять его не смогу, с моим-то ростом...

И очень быстро спряталась — Роберт увез ее в какой-то рехаб, дело с пожаром замяли покровители Эльвиры. А весь персонал ушел в отпуск. Да просто даром небес был тот пожар, который опалил крылья икара и отправил икара в рехаб, а сотрудникам дал отдохнуть.

У Макса появилась куча свободного времени, но он не знал, что с ним делать. Все курсы, на которые его сначала отправляла Эльвира, а потом и сам привык ходить, летом были закрыты. На девок вообще смотреть не мог, он так хорошо их знал — изнутри и снаружи, что интереса даже общаться не было, какая уж там любовь. В двадцать три года он стал циничен и толстокож, представить себе не мог, что влюбится хоть когда-нибудь.

Раньше тусовался в клубах, но так много ходил в них по работе, что отдыха в них не чувствовал. Да и что, один будет туда ходить? С друзьями? Да какие у него друзья, собутыльники разве, а пить ему не нравится. Нормальные друзья разъехались, кто куда... Пару раз ходил пить пиво с бригадиром из эльвириной бригады, они сошлись немного после совместных занятий спортом, да и внимание “крутого пацана” все-таки как-то компенсировало социальную позорность того, что Макс всяких баб ублажает. Но общего у них было мало, да еще показалось, что тот выведать про Эльвиру хочет что-то, дружба не заладилась. Съездил в гости к армейскому приятелю, но там семья, ребенок родился, особо в гостях не засидишься... Одинок очень в этом отпуске. Когда все время работаешь с людьми, то не замечаешь, что на самом деле совсем один.

Ну, конечно, была еще ушастая секретарша — лучше, чем ничего, но только Эльвира с собой ее забрала. Сначала в рехабе Эльвиру нянчить, а потом на водах, куда Эльвира отправилась поправлять здоровье, прислуживать.

И поехал на море один. Валялся целыми днями на пляже. Мысли всякие в голову лезли от безделья — кто он, зачем родился, что за жизнь у него и все такое прочее. За такие мысли плохая компания в его школе била таким мыслителям морду...

Потом к нему на море приехала ушастая секретарша — ох, как Макс ей обрадовался, хоть совсем не любил и относился довольно потребительски. Но все же лучше, чем одному. И уши у нее такие замечательные, особенно после купанья, когда капли воды блестят на солнце...

Секретарша привезла интересные сплетни. Представляет Максичек, кого встретили в отеле на водах? Ни за что не угадает. “Номер два”! Собственной персоной. Страшная такая, как после войны — седая вся, тощая, одета ужасно... Ну, понятно,

Эльвира сразу разум потеряла. Да и "номер два" не лучше — секретарша только за покупками вышла на полчаса, а эти уже в номере закрылись и табличку повесили "не беспокоить".

Секретарша хихикала, стесняясь и оглядываясь по сторонам.

...А потом "номер два" в эльвирин номер переехала с чемоданом. А секретарше Эльвира велела убираться ко всем чертям, потому, что секретарша "пялится". Да на что там смотреть — старая и страшная, что только Эльвира в ней нашла!... Или это "номер два" на молодую секретаршу пялится? Не поняла толком, но убралась тут же... Чокнутые они там. После пожара от Эльвиры всего можно ожидать...

...А что хахаль? Пропал. Эльвира надеется, что хахаль "сдох, как собака", а "номер два" на обратное надеется, поскольку после таких слов Эльвиры начала горько плакать — действительно, очень нечутко, так с бедняжкой-то...

Так это далеки от Макса все эти сплетни теперь. Раньше он хотел узнать, как выглядит "номер два" и кто она такая, чем привлекла ведьму — больше Максика! — а сейчас нет, ему интересно только, каковы на вкус уши секретарши после морских ванн...

— Ах, Максичек! — никто не смотрел на него так, как эта секретарша, не прижимался так, не выполнял любой каприз. Она гладила его по волосам и улыбалась.

Это его отпуск. Он будет думать только о себе. А ушастой секретарше он нравится настолько, что она тоже будет думать только о нем...

Отпуск начался пожаром, а закончился скандалом. Секретарше позвонили из полиции и пригласили, как свидетельницу, дать показания по уголовному делу.

— Что случилось?

Оказалось, что мадам Эльвира, которую секретарша оставила поправлять здоровье на водах, попала в тюрьму за наркоторговлю, похищение и убийство.

Не может быть! Практичная, предусмотрительная Эльвира позволила отправить себя в тюрьму? Хотя... после истории с пожаром...

— Я так и знала, что так будет, — ныла секретарша по дороге домой, — так хорошо, что я уехала, а то и меня бы укокошила от своей ревности.

Но все закончилось через пару дней после возвращения. Все сотрудники получили приказ выйти на работу с понедельника. Хватит уже валять дурака, отбились от рук, никто работать не хочет... Мадам Эльвира была в своем неласковом репертуаре, а в понедельник уже в офисе. Как ни в чем не бывало, раздала каждому план работы, провела обычную планерку по телефону...

Макс не хотел встречаться с Эльвирой после случившегося. Секретарша, не смотря на запрет следствия, пересказала Максичку, что полиция интересовалась отношениями Эльвиры и "номер два" в том отеле. Потому, что "номер два" внезапно исчезла и у полиции есть основания полагать, что она стала жертвой конфликта с мадам Эльвирой... Но эльвирины адвокаты подсуетились, ведьму под залог выпустили.

Макс зашел в кабинет начальницы и не мог на Эльвиру смотреть. Все понимал, он сам чуть не убил трех человек в аффекте. И убил бы, наверное, если бы не оттащили... Конечно, потом он, по решению суда, много с психиатром занимался, учился гневом управлять... В общем, не ему судить других.

...Но это же “номер два”. “Номер два”! Нематериальный, женский голос, который утешал и наставлял его, был опорой и надеждой, часто последней. Голос, из-за которого он чувствовал себя человеком, а не шпаной... Это же ее “номер два”! Неприятно теперь смотреть на “номер один”...

“Номер один” смотрела на Макса. Не могла поймать его взгляд.

— Ну? Ты такой же как и все — бросишь в беде, будешь крысой, что бежит с корабля? — голос ее был не очень веселый.

Вот, уж, несправедливое обвинение! Не поэтому, совсем не поэтому...

Макс протянул ей газету со статьей про похищение и убийство известной прорицательницей местной жительницы на любовной почве. И первый раз посмотрел на Эльвиру. Он не видел ее больше трех месяцев. И такой худой он не видел ее никогда. Впали щеки, кожа обвисла, глаза казались еще больше, взгляд был потухший и несчастный, стало видно, что ей уже много лет... Да, убивать, кого любишь, не так просто...

— Чушь какая! — сказала Эльвира, прочитав статью, — Никого я не убивала. На мне глупое дело про наркотики висит, но оно в любом суде развалится. И вообще, не понимаю, почему должна перед тобой оправдываться...

— Это же “номер два”...- прошептал Максик, который будто снова лишился матери, — “номер два”!

Эльвира барабанила по столу пальцами, размышляя, потом достала из сумки бумагу.

— Первый и единственный раз я разрешаю влезть в мои личные дела, Максик, раз это так для тебя важно... Вот, посмотри, эту бумагу получили мои адвокаты, чтобы снять обвинения.

Это был справка от пограничной службы, что некто(фамилию и имя Эльвира предусмотрительно закрыла пальцем) покинул страну, и на дату ареста мадам Эльвиры был жив и здоров.

— Никого я не убивала, — сказала Эльвира жестко, — А твоя распрекрасная “номер два” ограбила меня — большие деньги отняла, и сбежала. А меня подставила с наркотиками. Вот, какая твоя замечательная “номер два” — настоящая леди...

Потом заявила, что больше не будет ни с кем это обсуждать. Надо работать. Большие расходы у нее возникли, на ремонт, на суды...

Через пару дней на местном телевидении, в женской передаче, появилась известная, несправедливо обвиненная прорицательница. В скромном, наглухо закрытом черном наряде, как из монастыря, без макияжа, она начала рассказывать о тяжелом пути женщины в патриархальном мире, особенно тяжело женщине средних лет. О угнетении и пренебрежительном отношении к представителям меньшинств, о том, как тяжело честной женщине вести бизнес. Ее бизнес — помощь людям, добрые

дела. Она творит чудеса, решает кризисы людские. Да, любые! Любовные, возрастные, житейские... ммм... производственные тоже!

Определитесь, что вы хотите от Вселенной, Вселенная даст вам это! За очень небольшую плату... Да, некоторые считают, что дорого, но, поверьте, бесплатных чудес не бывает! Звонить можно круглосуточно. Не откладывайте решение ваших проблем на завтра — к мадам Эльвире всегда большая очередь!...Ну, и все в таком духе.

Телефон разрывался: на передачу звонили благодарные разведенные, одинокие старушки, матери взрослых дочерей, мужья и жены, получившие неверных супругов обратно, бизнесмены средней руки, бизнес которых пошел в гору, после консультаций мадам Эльвиры с астральными телами... Святая женщина! Всю себя отдает помощи людям...

Эльвира смотрела вместе с Максиком запись передачи и потирала ручки. Глаза снова загорелись, щеки вернули форму, нос задрался вверх:

— Отлично получилось, выгляжу великолепно. Готовься к напряженной работе, Максик, люди пойдут... Меня не сломить такой ерунде, что случилась... Главное — рост! Главное — рост!

— Это ведь не ерунда, Эльвира, — Макс свою взял начальницу за руку, вспомнил, как они поклонялись друг другу, как были близки...

— Все ерунда, Максик, — мягко убрала Эльвира его руки, — Все ерунда, кроме денег. А рост денег — самое главное.

Да, заказов прибавилось. Чтобы разгрузить Максика, да еще и потому, что он “принц недоделанный”, не хотел быть плохим и играть плохие роли, Эльвира наняла еще одного паренька на романтические проекты. Нашла его в университете — редкий пройдоха, чем-то там торговал, схемы какие-то придумывал с экзаменами, в доверие ко всем втирался... Верткий, быстрый, выглядит, как мальчишка, хотя постарше Макса будет. И работы у него больше, Эльвира больше денег ему платит.

— Мне он не нравится, — сказал Макс, как опытный сотрудник, свое мнение насчет этого новенького.

— Он и не должен нравится, он твой антагонист — и псевдоним у него такой, будет делать всю грязную работу, раз ты не хочешь ручек марать, принц недоделанный... Без грязной работы проекты с людьми усложняются и стоят дороже... Не ревнуй, Максик. Сам понимаешь, что ты для меня больше, чем сотрудник...

Услышав это “больше, чем сотрудник”, Максик попробовал предложить Эльвире кое-что, “как в старые, добрые времена”, но получил по морде за непристойное предложение, поскольку она приличная женщина, а не та, за кого он ее принимает, и все у них давно кончено. Иди-ка, Максик, к своей малявке-секретарше, не беспокой взрослых тетя.

Микки — тот, кто разбивал сердца, облегчал кошельки и всегда выбирал плохую сторону, очень Макса бесил. Впрочем этот Микки тоже Макса недолюбливал. А Эльвира считала, что они представляют классическую пару бабников: Макс — казанова, ублажающий дам, и Микки — дон-жуан, разбивающий сердца, появляется

много вариантов для манипуляций, то, что нужно. Вот, пожалуйста, новая работенка...

Обрабатывали одну тридцатилетнюю дамочку. Нужно было показать ей очень наглядно, на личном примере, разные паттерны отношений, разные типы мужчин, она должна своим мозгом подумать, а потом с мадам Эльвирой проработать, что с мерзавцами водиться не стоит, а с джентльменами, наоборот, нужно — это только кажется очевидным, а многие сам почему-то не понимает, обжигаются который раз.

Платила за работу подруга, она же деловой партнер, которой надоело быть жилеткой, а также все время переживать, что подруга пустит по миру их общий бизнес из-за пристрастия к мерзавцам(тяжелый семейный анамнез, неприятный первый опыт, низкая самооценка — типичный случай...).

В общем, долго они возились, нетипичный заказ, два кавалера сразу — от одного хлопоты, от другого — на контрасте! — радость. Закончить демонстрацию плохого и хорошего должны были пафосной, постановочной дракой из-за клиентки, которую Микки обидел и разбил сердце, а Максик должен защитить честь дамы первобытным мужским способом.

Битва Добра и Зла — так назвала мадам Эльвира эту драку в сценарии. Добро должно победить — мадам Эльвира продает чудеса, а не тусклую реальность.

...Блин, так это получилась ни хрена не постановочная драка, а самая, что ни на есть, настоящая. Этот Микки дрался лучше Максика, он куда лучше следовал правилу тренера — “сила не туловище, сила в кисти”, мелкий, верткий и злой, был куда сильнее. Отбивался Макс по-настоящему, как мог, но слабел и проигрывал... Ненавидел этого мерзавца. За что он его ненавидел? За то, что он мерзавец или за то, что тот может себе позволить выглядеть мерзавцем, а не притворяется “принцем недоделанным”?

...Короче, Максика тогда этот Микки избил, как следует, по настоящему, куда сильнее, чем полагалось по сценарию, потом ловко поддался и проиграл — мерзавцу бы очень влетело от начальства, если бы не лег. Но Максик знал, что на самом деле проиграл он, принц недоделанный, и впервые без удовольствия принял восторженные взгляды дамы, впервые не узнал, чем закончилось дело с его клиенткой, пошел к врачу и взял больничный. Никогда еще так не переживал из-за проигрыша. И Эльвира, на поддержку которой он рассчитывал, отругала: “а ты, Максик, нарушил главное правило — перевел рабочие отношения в личные, решил решить ваш личный конфликт в постановочной драке, вот и получил”.

Сидели как-то с Робертом во дворе на скамейке, кофе пили. Ну, вот, Роберт — нормальный чувак, Макс его даже к Эльвире не ревновал никогда, даже не стесняется признаться, что вместе в одной гигантской эльвириной кровати спали, пока жили в одном доме все вместе. Роберт хороший человек, а тот Микки — сволочь ненавистная.

— Блин, он мне так не нравится, — сказал Макс, увидев, проходящего по двору Микки.

Роберт с сочувствием посмотрел на избитого Максика, забинтованные руки, пояс на ребрах...

— Не в этом дело, — смутился Макс, заметив его взгляд, — у нас хороший коллектив, а этот может все испортить.

— Я сообщил мадам Эльвире, что мне он тоже не нравится, — поддержал Роберт, — он социопат, но мадам Эльвира слегка не в себе после того, что случилось там, на водах, плохо соображает.

— А что случилось на водах? — поинтересовался Макс, не надеясь на ответ.

— Мадам Эльвира получила то, что заслужила, но сделала неверные выводы. Это пройдет. Она разумная женщина, одумается...

— Че-то мне не нравится этот хмырь, — подошел к скамейке бригадир эльвириной бригады, — мадам Эльвира совсем нюх потеряла, что ли...

9. РЫБАК

Макс старался вернуть доверие начальства и свой статус примы-балерины, но получалось не очень. Максику доставались скучные старушки с наследственными делами и деревенские мужики — им Максик продавал трактора эльвириных деловых партнеров — она еще и продажами сельхозтехники занялась.

Деревенские мужики, после нехитрых манипуляций, полагали, что если они купят именно этот трактор, то сразу станут такие ловкие и молодые, как этот белобрысый паренек. Максик ездил по фермам и агропредприятиям и продавал прочую сельскохозяйственную технику — из актера и жиголо превратился в коммивояжера, Эльвира всем занималась, за что платят. Нет, ну, конечно, он приобрел полезный навык продаж, но все равно странно, какая связь у магического агентства и сельскохозяйственной техники?

— Эльвира уже больше года, как дилер той тракторной фирмы, — рассказала секретарша, — это просто сейчас дела наконец-то пошли... Лежит она, как-то, обдолбанная, на диване, ругает всякими словами хахаля «номер два» — это как раз после первого разрыва было, а потом вдруг, как подскочит, да как закричит: «фирма по продаже сельхозтехники, это будет моя фирма по продаже сельхозтехники! Добро валяется на дороге! Главное — рост! Главное — рост!»...Ну, и купила какую-то обанкротившуюся фирму, потом дела ее долго проверяла, счета, корреспонденцию... Почему-то сама всем занималась, я не думала даже, что какие-то сеялки и веялки Эльвире так интересны...

В общем, занялся Макс эльвириными "Сеялками и веялками«(так фирма называлась). раз больше нечем. Ну, оно и полезно, хоть с какой-то нормальной работой познакомится, новый опыт.

Когда разобрался в теме, уже не только по полям путешествовал. Ездил в порты, оформлял логистику, общался с экспедиторской фирмой, ну и сам продавал клиентам. Работал с девяти до пяти у Эльвиры в кабинете — как главный босс, а она принимала людей в магическом зале. Скукота, скучнее, чем с теми тетками на сексуальных галерах, но исполнительный Максик очень старался, чтобы доказать, что быть хорошим — лучше. Он лучше, чем этот мерзкий Микки.

Из женщин у него была одна ушастая секретарша, никого больше не хотел. Зачем ему еще кто-то, с кем про работу говорить нельзя. А зачем женщина, если с ней не говорить, секса на работе ему хватило на сто лет вперед... Он даже думал, что практичней будет съехаться, приглашал к себе — его квартира была лучше, но кроткая секретарша отказалась, сказала, что «Максичек любит жить один, не хочет ему надоест». Это было так, но он приходил к секретарше почти каждый день, размахивая руками, рассказывал про изменения на рынке сельхозтехники и серьезных трудностях из-за нечестных конкурентов.

— Да ты что! — с участием говорила секретарша, внимая и кивая. Потом вместе повторяли урок иностранного языка — Максичку было скучно самому заниматься, он целовал прекрасные уши и ложились спать, во время просмотра кино Макс засыпал. И секс у них был раз в дней десять, а потом и реже... СуперМаксик, бог секса, который за несколько ночей с богатыми тетками мог заработать столько, сколько продавец тракторов за два месяца, погрузился в сельхозтехнику полностью — хотел сам себе доказать, что еще что-то может, кроме как людей облапошивать и баб трахать. И Эльвире доказать, что от Макса больше пользы агентству. он лучше этого мерзавца Микки. Антагонист... Сволочь он просто,

а не антагонист.

Гораздо позже Макс узнал, что карьеру продавца испортила секретарша. Она пришла к Эльвире и сказала:

— Тетечка! — это значило, что вопрос личный, — Тетечка! Максичек со мной не спит.

— Оборзела совсем! Я не могу личные проблемы решать за тебя... Займись мальчиком, внимание удели, собой займись, похожа на неизвестно кого, причешишь...

— Это вы виноваты, тетечка! Вы его совсем загоняли. Он спятил из-за ваших сеялок и веялок. Работает на износ, чтобы вам угодить. Решил специалистом стать, на курсы по продажам записался, еще и на бухгалтерские, на иностранные языки не попадает, дома учим, голова болит от иностранных слов... А на меня ни времени, ни сил — падает в кровать и храпит...

— Это его работа. Это нормально для мужчины — так работать. Не ной.

— Тетечка! Ведь проблемы не только у меня. Он поднял все бумаги за несколько лет, хочет со счетами разобраться, со всеми поставщиками, найти старых клиентов, чтобы увеличить продажи... Это вам нужно, тетечка? Чтобы подымали старые дела того мутного типа, которого вы так не любите? Это ведь его обанкротившуюся фирму вы купили на аукционе?

Секретарша, эта забитая пигалица, стояла и прямо смотрела в глаза Эльвире. Эльвира не ожидала такой прыти от ленивого и безответственного Максика и такой наблюдательности от этой бестолковой тихони. Назначая Максика менеджером «Сеялок и веялок», Эльвира не думала даже, что он таким станет, просто хотела дать своей фирме легальное движение — ну, не ей же самой ездить по полям и втюхивать какие-то плуги и запчасти! А Максик-то, как раздухарился... Черт... А все-таки какая у нее команда! Вот так посмотришь со стороны — фрики, извращенцы и мелкие уголовники. А ведь каждый — бриллиант. И никто не поймет этого, не догадается, кадры — ее главный актив...

В общем, после того как Макс не спал пятьдесят часов, а затем свалился в обморок(и не спал и свалился он не просто так) очень ласковая Эльвира велела сделать ему перерыв в тракторной работе — «все равно сейчас не сезон», и на время вернуться к магической практике. Нужно помочь человеку.

— Ты же любишь быть хорошим, Максик.

РЫБАК

Заказчицей была сестра клиента, давняя знакомая Эльвиры, поэтому в магическую обертку проект не заворачивали. Клиент шестидесяти лет был болен, у него был неоперабельный рак, прогнозы конкретные и неутешительные, времени немного. Вдовец, детей нет, сестра далеко живет. Закрылся от всех, замкнулся, ни с кем не общается. Ему плохо. Он переживает, что после него на земле ничего не останется. Нужно с ним побыть, поговорить, не оставлять одного... Сестра предлагала психолога, с горьким сарказмом брат заметил, что западная цивилизация придумала самую востребованную услугу — поговорить за деньги, но ему психолог не нужен, будет один, раз близких людей не нажил...

Пусть с ним посидит кто-нибудь, хоть помолчит рядом. Ну, как психолог, как социальный работник. Но только, чтобы брат не знал, что за это платят, типа, случайно... Ну, как Эльвирочка может.

Макс прибыл на место рано, едва рассвело, полчаса пешком от метро шел — рассветом любовался, последние теплые осенние рассветы. Он редко просыпался в такое время, да и негде в городе наблюдать рассвет. Клиент каждый день отправлялся к городскому водохранилищу на утреннюю рыбалку. Вот и Макс туда поехал — неформальная обстановка, то, что нужно. Не совсем понял свое задание, но да ладно, на месте разберется.

Тот рыбак сидел один на причале. Макс поздоровался, тихонько извинился, что нарушает одиночество, но причал тут один. Клиент молча кивнул, даже показал место, откуда удобней удочку забрасывать.

Макс ничего не смыслил в рыбалке. Посмотрел пару видео в ютубе. Купил спиннинг в охотничьем магазине — снова очень переживал, компенсирует ли Эльвира реквизит, кто ж мог подумать, что дурацкая удочка так дорого стоит, надо было самодельную смастерить... Тайком глядя в телефон, пытался произвести впечатление на клиента тем, как ловко забрасывает. Макс вообще зарабатывал себе на хлеб тем, что ловко забрасывал удочки — но только в переносном смысле. В прямом получалось очень плохо, не смотря на ютуб. А вот в переносном получилось хорошо, как обычно — клиент, посмотрев на его жалкие попытки справиться с дорогим спиннером, сам подошел и молча показал, как правильно.

Макс рассказал ему, что рыбачит первый раз в жизни. У него нервное переутомление после тяжелой работы, упал прямо на улице. Доктор прописал гулять, медитировать и соединяться с природой — то есть, ходить на рыбалку... Рыбак молча кивнул и занялся своей удочкой.

Потом Макс показалось, что клюет. Он так суетился, что потерял в воде свою приманку, запутался в леске и чуть не свалился в воду сам. Рыбак распутал леску, поделился приманкой. Макс чуть не плакал. По настоящему — он взрослый человек, он в армии был, а не может с удочкой справиться. Вот был бы у него настоящий отец, всему бы научил... Макс не сказал этого всего вслух, но рыбак подошел и ободряюще похлопал по плечу.

Потом у рыбака начало клевать. Он очень ловко то отпускал, то придерживал спиннинг и вытащил на причал большую форель.

— Круто! — искренне восхитился Макс, — Вот это так рыба!

Рыбак сфотографировал форель и выпустил обратно. Блин, это, что, даже съесть нельзя? Так рыбака и спросил. И впервые услышал его голос:

— Неспортивно есть. Так вся рыба и закончится. Еду я и в магазине могу купить... Но тебе можно, если повезет. Девушке своей отнесешь добычу. Есть у тебя девушка?

Макс сначала хотел ответить, что нет, какая там у него девушка, на девушек он смотреть не может, а потом вдруг вспомнил ушастую секретаршу... Блин! Да у него же есть девушка — они почти два года вместе спят, ездят вместе в отпуск, последнее время практически вместе живут — а он никогда не думал про ушастую в таком контексте. Его девушка, надо же...

— Да все сложно, — ответил Макс, — вроде бы есть... Но духовного родства с ней нет.

Откуда Максик вообще понабирался таких слов и почему вдруг ему нужно это самое родство?

— Духовное родство с людьми всегда сложно, — сказал рыбак, загрустил и надолго замолчал.

Блин! Поручили развеселить человека...

— Тогда с природой сродниться нужно, — выкрутился Макс, забрасывая удочку еще

раз.

— Хорошо получается для первого дня, — похвалил рыбак.

Говорили о рыбе и методах ловли. Макс уже поймал свою первую рыбу — так радовался и скакал, что даже невеселый рыбак смеялся... Потом, рыбак посмотрел на небо, заметил, что солнце уже высоко, пора идти, у него дела. Предложил подвезти Макса до метро. В машине Макс спросил, что если рыбак не против, то он хотел бы с ним еще порыбачить — постарается не мешать, не болтать... Просто хочет научиться.

— Хорошо, — ответил рыбак и они договорились.

Макс принес ушастой секретарше свою мелкую и кривую рыбешку, она визжала от счастья, будто принес какогонибудь огромного палтуса. Уши ее горели от возбуждения. Пожарили рыбку и съели вместе.

Духовное родство... Да с кем у него есть духовное родство? С родителями у него не было никакого духовного родства — даже с мамой, слабой и созависимой жертвой более сильного. С бабушкой не помнит. С друзьями нет. Со школьной девушкой было что-то вроде, но недолго. С Эльвирой? Прекрасной богиней, которой он когда-то принадлежал полностью... Это ему раньше, юному и неопытному, хотелось с ней сродниться, а она, бедняжка, не может иметь духовного родства с мужчиной — уж слишком они ее обижали... «Номер два» — незримый дух, нематериальная, эфемерная мать, которая относилась к нему так, как к такому, каким он хотел бы быть. Но не бывает духовного родства с духом...

— Почему у нас нет духовного родства? — спросил секретаршу.

— Ах, Максичек, ты такой умный! Ты слишком много учишься, слишком много всяких книжек читаешь... Эльвира сказала, что ты из тех, кто кому нужно вникнуть в суть всего, а это так все осложняет. А я довольствуюсь тем, что на поверхности, здесь и сейчас. Сейчас ты у меня и мы вместе едим рыбку, что ты поймал...

А у меня есть эти замечательные уши — подумал Макс и обнял свою секретаршу.

Каждый день Макс вставал на рассвете, отправлялся на водохранилище и ловил там рыбу. Рыбак редко что-то говорил, но всегда то, что нужно было Максиму, понимал его. И Макс вдруг понял, что вот с этим малознакомым, молчаливым, невеселым, умирающим человеком у него есть духовное родство...

... когда умерла мама, Макс был совсем один. Папаша даже не похороны не явился, шлялся где-то, как обычно... А потом явился и давай делить их пожитки бедняцкие, материны сережки золотые (подарок на ее конфирмацию) искать по шкафам, кричать, что куда, мол, запрятала золотишко эта дуреха, прежде, чем помереть...

И вот тогда Максиму сорвало крышу в первый раз, так, что себя не помнил. Нет, с папашей он не первый раз дрался. Как только здоровый стал, начал маму защищать от этого придурка — драки были еще те, и нередко, папаша побаивался... А тут Макс был такой слабый после долгого умирания мамы, такой худой, что папаша снова заборзел... И Макс теперь не просто защищал маму — не было мамы, а хотел, чтобы отца — того, кто испортил всем жизнь, не было.

На крики прибежали соседи, папаша уже вообще никакой был, а Макс весь в крови, вот это все... Ну, сосед один, тоже не подарочек, сказал, что пора бы сыночку драпать, ну Макс схватил рюкзак с двумя трусами и одними штанами, мамины фотки и свой паспорт, и убежал. Прятался у приятеля некоторое время. И тогда готов был в тюрьму пойти, жалел

только, что не до конца дело довел. Но почему-то никто в тюрьму его не забирал, может отец не жаловался, может потому, что Макс несовершеннолетний считался... А через пару месяцев исполнилось восемнадцать лет и Макс завербовался в армию. Так он первый раз чудом избежал тюрьмы...

И это рассказал Макс рыбаку. Тот похлопал Максика по плечу. Сказал, что не смотря на все эти травмы, не стоит списывать все свои жизненные неудачи на то, что у него папа плохой — теперь он взрослый мужчина, который отвечает за себя сам.

— Я его ненавижу, — пробормотал Макс.

— И что? Как эта ненависть улучшит твою жизнь? Плохих людей нужно вычеркивать, ценить хороших. Были ведь хорошие?

Да полно! Макс даже не считал раньше. Каждый раз, когда казалось, жизнь идет в пропасть, находился кто-нибудь, кто протягивал руку... Он же Максик-везунчик.

— Я везунчик, — объявил вдруг рыбаку.

— Цени это. Если поздно поймешь, будешь жалеть — рыбак грустно призадумался. И молчал настолько долго, что Максу пришлось свалиться в холодную осеннюю воду, чтобы отвлечь. Хорошо, что запасная одежда была у рыбака в машине...

Рыбак научил Макса разводить костер без спичек, вязать всякие узлы, разбираться в деревьях и грибах. По грибы тоже ходили. Макс боялся есть то, что собрал, но его ушастая подружка все слопала. Вроде ничего, цела... Пару раз сыграли в мяч, который тоже почему-то оказался у рыбака в машине. Еще бы играли, но Макс помнил, что рыбаку нельзя напрягаться...

Говорили про жизнь. В основном Макс говорил, конечно — про армию рассказал, про суд с модельным агентством, про связь со старшей и сильной женщиной, про ушастую... Так толком и не удалось из рыбака вытянуть, что беспокоит его так сильно в последние месяцы его жизни, и почему он так одинок.

А потом наступила холодная, поздняя осень. Рыбак сказал, что ему нельзя в такой сырости и холоде рыбачить — проблемы со здоровьем. В больницу нужно лечь. Макс — отличный парень, все у него будет хорошо. Очень рад знакомству, если будет время, пусть позвонит.

Потом Макс завертелся как-то, всякой другой работой был занят. Сестра клиента не проявлялась, потому, что ей платить было нечем за услуги компаньона, другие, серьезные расходы появились.

Эльвира, пока Максик был еще в философском настроении, отправила его утешать одну вдовушку — «слишком она утонула в своем вдовстве, жизнь продолжается!». Вдовушку привел в чувство, развеселил, на работу вышла, на людей смотреть смогла...

Потом очень ныла одна постоянная Эльвирина клиентка — ей просто срочно понадобился СуперМаксик. Чокнутая нимфоманка! Но предложила столько, что СуперМаксик не смог устоять. Эта чокнутая любила бдсм. Макс бдсм не любил, он слишком еще молодой для подобных стимуляторов либидо и компенсаций чувства вины и стыда. Поэтому всегда уваливал от таких дурацких заказов с плетками и прочей гадостью.

А тут вдруг пошел и отхлестал эту тетку, как она всегда хотела. Всю душу вложил. Все там было, кроме секса. Думал про смерть, про несправедливость жизни, про своего папашу... Блин, чуть не пропустил «стоп-слово»!

— Ну, ты и разошелся, — сказала довольная нимфоманка, — а так стеснялся...

Так раздражила его этим, что вмазал ей еще пару раз — верещала на весь отель, пришлось рот ей заткнуть... Ох, вроде утомилась — кончила наверное раз пять... Ну сколько ей нужно, может отцепится уже? А она давай к нему приставать еще, вроде как, теперь сама ублажать его хочет, она же, типа, его рабыня...

— Дулю тебе! — грубо сказал СуперМаксик, застегнув штаны. Забрал свои деньги и ушел. Он же, типа, доминатор, вот и командует.

Думал, влетит от Эльвиры за хамство клиенткам, но клиентка прислала восторженный отзыв. Эльвира даже поинтересовалась, как у Макса получилось войти в роль, он же не любит все эти straponы и прочее.

— Вспомнил своего папашу, — ответил Макс. Эльвира погладила его по голове.

На деньги этой чокнутой мазохистки купил для ушастой серьги с бриллиантами. Первый раз в своей жизни деньги на женщину потратил, а не они ему платили.

— Ах, Максичек... — ну, может, духовного родства у них и нет, но слышать это Максцу приятно.

Дел было полно — сначала готовил отчет по «Сеялкам и веялкам», Эльвира разрешила ему вернуться, с обещанием не перерабатывать, она лично следить будет.

Потом Макс экстренно заменял инженера сцены в магическом зале — тот лег в клинику, а Макс достаточно уже изучил все простые трюки, чтобы очередь, жаждущих чудес, не застаивалась.

Особенно ему удавался полтергейст. Макс ловко орудовал электромагнитами под сценой и за кулисами, так, что Эльвира поражала воображение простодушных граждан тем, что она силой мысли или, договорившись с духами, может заставить перемещаться металлические предметы... Также ловко управлял магическими буквами: простодушные граждане задавали духам вопрос, Макс, висая на балке, над сценой, получал нужный ответ на свой телефон и управляя системой магнитов, перемещал металлические буквы в воздухе, составлял левитирующее слово... Это было сложная работа, требующая координации и точности. И Макс вообще ни о чем не думал, кроме как не уронить букву, полностью сосредотачивался...

Это вообще было удивительно, что в век интернета и космоса находятся доверчивые простаки, которые верят в весь этот цирк!

— Даже если люди будут жить на Марсе, то все равно найдутся готовые платить за чудеса, — объяснила мадам Эльвира, — потому, что некоторым(да большинству!) не нужна правда, им нужно то, что они хотят видеть или слышать. Нужно снять с себя ответственность... Что такое чудо, Максик? Это когда что-то случается, но ответственности за это нет. Чудо. Карма. Воля небес.

...В общем, не скоро нашел время рыбаку позвонить. А теперь телефон не отвечал. Макс звонил и звонил — без толку. Пристал к Эльвире. Она долго упиралась — телефоны заказчиков не раздает кому попало, но потом сдалась.

— Максик, ты снова слишком увлекаешься, — пожурела Эльвира его, — это напрасная трата твоего эмоционального ресурса, нельзя так работать с людьми — быстро выгоришь, — но продиктовала номер той сестры.

Сестра рассказала, что рыбак сейчас в хосписе, при смерти, вопрос дней. Она приехала,

чтобы его провести. Да, Макс может прийти. Наверное, не против, но ему тяжело говорить...

— Привет, — сказал рыбаку, пожал руку. Тот сжал пальцы как мог, — ну, это... простите, что не приходил, так на работе завертелся...

— Хорошо, что работа есть, — сказал слабым голосом рыбак, — Рыбачишь?

— Да холод ведь собачий... И, это самое... И сам я не хочу, с вами хочу рыбачить, — Максик вдруг стал маленьким мальчиком, вцепившимся в руку.

— Ну-ну, малыш, — сказал умирающий человек взрослому, малознакомому мужчине, — Я бы рад, но тут такие дела, сам понимаешь... Поймаешь еще большую рыбу. Найдешь большую любовь... Ты же везунчик.

Медсестра добавила еще лекарства и больной заснул. Макс отправил сестру отдохнуть, раз уж он пришел, а то вид у нее был не очень. Сидел в кресле, думал себе, думал... Как ему бы хотелось вот такого папу. Чтобы рыбу ловить, мяч кидать и «ну-ну, малыш» говорил. И Макс вообразил себе, что этот рыбак — его папа, Макс ведь актер и мог вжиться в роль персонажа полностью, и на этот раз он был режиссером сам для себя.

— Максик, — позвал его рыбак. Он помнит имя своего случайного приятеля по рыбной ловле.

— Я тут, — Макс сел на кровать.

— Мне, Максик, всегда хотелось такого сыночка как ты. Чтобы после меня осталось что-то на земле... А ничего нет.

— А можно я буду вашим сыночком? — семилетний Максик вцепился в руку, — ну, если никого нет, можно мне быть? — Макс ныл так, как когда маленькое дитя просит купить что-то дорогое. Самое дорогое.

— Хорошо, — ответил рыбак. И умер.

Ну, это... Суэта началась. Макс медсестру вызвал, доктор пришел, сестра несчастная прибрела — вот только она на минутку отлучилась... Макс, со стеклянными глазами и окаменевшим лицом, сидел с сестрой, пока муж той не приехал.

— А вы кто? — спросил муж сестры.

— Я никто, — ответил Макс и ушел. Ну, не скажет же он этим людям, что хочет сказать.

Шел по улицам, ноги сами свернули на улицу, где жила Эльвира. Макс всего раза три был у нее дома, она категорически запрещала являться без приглашения.

— Эльвира, Эльвира... — бормотал Макс в домофон. И она впустила его.

Он лег на ее мягкий белый ковер, положил голову ей на колени и начал рыдать. Да такой истерики у него в жизни не было — ни до, ни после! Маленький Максик плакал по бабушке — единственной, кто его любил. Плакал по маме — той, кого Максик любил больше всех. Плакал по папе, который у него был целую минуту! Он такой несчастный, он такой одинокий, никому ненужный и плохой, ревел, как белуга, в голос, бил пятками по ковру... Короче, ему было всегда стыдно это вспоминать. А Эльвира, к ее чести, никогда не напоминала.

Эльвира гладила своего, давида с распухшей рожей, по волосам, говорила какой Максик замечательный и очень хороший. Мама его любит. Папа Максика любит. Бабушка и дедушка. И Эльвира его любит, своего маленького Максика... Ах, какие у него глазки, какой носик... И он такая умница, такой помощник. Очень ей помогает, только ему может доверить важное... Малыш уже совсем большой. Он проснется и станет взрослым.

— Я лучше этого Микки! — басом заревело двадцатичетырехлетнее дитя.

— Конечно, котик. В тысячу раз лучше этого мерзавца...

Эльвира зажгла свои курительные палочки и принесла свой чай. Снова положила голову Максика на свои мягкие колени и пела ему колыбельные песни, как маленькому. Песни были странные. На груди болтался кулон с сердечком — это сердечко подарил ей на какой-то праздник, оно было дешевое, Эльвира его не носила, а теперь сердечко качалось перед самым его носом... Макс знал, что это все ее ведьминские штучки, чтобы привести его в норму, не стал противиться, поддался, лег на спину, расслабился и качался на волнах теплого океана... Волны унесли его в прекрасную страну, где он — замечательный Максик, играет с папой и мамой на вот таком ковре, сверху запрыгивает большая собака... У мамы счастливое лицо, папа обнимает маму и они вместе обнимают очень хорошего Максика...

Проснулся Макс на следующее утро. На диване спала, свернувшись в калачик, секретарша. Эльвира вызвала ее стеречь этого «гигантского младенца», как бы ничего не натворил у нее в доме.

Но Макс не собирался ничего творить. Из него вылились все слезы, что накопились за всю жизнь, больше он не плакал никогда. Он был сдержан и спокоен. Все проблемы его детства были решены. Больше не переживал не из-за кого. Может, он выгорел, как и предупреждала Эльвира, а может, все-таки наконец-то вырос. Ведьма знает свое дело, умеет работать, недаром люди платят такие деньги!

10. ГЛАВНОЕ — РОСТ!

Первым делом Максик решил все-таки известить гнусного Микки. Конечно, Эльвира их ловко разводила по разным углам, чтобы не встречались даже, но секретарша донесла, что Микки глаз положил на “Сеялки и веялки”, хочет Максичка подсидеть и сам там менеджером быть, Эльвиру охмуряет.

Его “Сеялки и веялки”! Его первый опыт честного бизнеса. Да он лично демонстрировал, как пахнут его трактора — весь в пыли перемазался! Его чуть не ограбили в порту пару раз. Он дрался и обманывал за прибыль, а тут этот, своими гнусными лапами, хочет изгадить все его сеялки и все его веялки!

Это был риск, конечно, идти против Эльвиры и вредить ее бизнесу но, обычно неконфликтный и незлопамятный, Максик не мог отступить и превратился в матерого интригана, готового на все расходы и риски.

Сначала он сорвал несколько злых операций Антагониста(победа над злом доставила отдельное удовольствие “недоделанному принцу”). Так, Микки должен был подрезать на автомобиле одну зазевашуюся девицу и сделать ее виновной в мелкой аварии, чтобы использовать в дальнейших манипуляциях. Но Макс, взяв прокатный автомобиль, изменив внешность, сам подрезал Микки так, что девица благополучно уехала вперед. Дальше, после того, как злой Микки разбил сердце одной особе и довел ее до слез(планировалось, что униженная дама вернется в семью), появился идеальный молодой джентльмен, который бескорыстно утешил ее, профессионально убедил, что она умница и красавица, и пусть принимает такие решения, какие считает нужным. И никто ей не указ!

Черт! Да за такую нелояльность не сносить Максу головы, если вскроется все, но остановиться он не мог.

Эльвира начала сердиться на Микки. Называть его не антагонистом, а олухом, который “свое бестолковостью кидает ее на деньги”.

Потом пришлось вступить в сговор с бригадиром — “ему тот хмырь давно не нравится”

...Юная парочка шла по темной улице, Микки с ребятами из бригады(тридцатилетний, крупный бригадир был староват для таких молодежных дел), должны были пристать к парочке, настучать парню, выставить его в неприглядном виде перед дамой... Но бригадир призвал каких-то других своих ребят, и они настучали Микки с ребятами, паренек подпрыгнул, тоже кулаками пару раз махнул, и стал выгладеть в глазах дамы, наоборот, героем.

Макс удивился, что бригадир готов пойти настолько далеко, чтобы дать побить собственных ребят. А флегматичный бригадир заявил, что его ребята, они, к битью привычные, а для него главное — бизнес и его безопасность. Если мадам Эльвира нюх потеряла, спятив на любовной почве, то верные товарищи должны подсуесться и прикрыть все ее косяки...

— Ты, Макся, нормальный пацан, не смотря на свою позорную работу, в корень зришь, разобраться хочешь...

Раздраженная Эльвира орала на всех: столько неудач подряд случались редко — “а у Максика никогда!”. Микки чуть не пинком прогнала с глаз, бригадир невозмутимо извинялся за бестолковость своего отряда и клялся, что “не повторится”.

Последней сорванной операцией была компрометация одного командировочного. Микки ждал его с какой-то бабой в отеле, но командировочный туда не дошел, потому, что на улице ему встретила несчастная девчушка с зареванным и очень простым лицом, студентка, которая потерялась в чужом, большом городе...

— Тетечка превратит меня в жабу, в пыль, — секретарша очень боялась, — она разотрет меня в порошок... Я не могу идти против тетечки!

— Ты на ее стороне, ты спасаешь тетечку, — ласково убеждал Максичек, целуя розовые ушки...

Секретарша была отвратительная актриса, ничего не могла сыграть толком. Но ужас и страх(перед всемогущей тетечкой) были такими натуральными, что внутреннее джентльменство у командировочного оказалось сильнее, чем похоть, и вместо свидания с той бабой(которое должен быть задокументировать Никки), командировочный отправился спасать несчастную студентку. Бабе пришлось заплатить, а скомпрометировать не удалось, командировочный уехал, совершенно невинно накормив мороженым перепуганную студентку с оттопыренными ушами...

Но неудачи у всех случаются, теперь нужно было переходить на личности — второй этап интриги. У уборщицы на работе пропали деньги, крупная сумма.

— Старуху ограбили! — драматичным голосом профессиональной скандалистки, выла верная партнерша “внебрачного сына” и “профессионального внука”.

У Микки была возможность взять эти деньги, воровство он, конечно же отрицал — его слово против слова уборщицы. Но уборщица все-таки родственница Эльвиры, пусть надоедливая и нелюбимая, а Микки до денег очень падок, осадочек остался неприятный...

Макс завершил операцию элегантно: старуха гадала Эльвире на картах(“ну, ты же знаешь, деточка, что самой себе грех гадать — счастье спугнешь”) и предсказала, что от этого новенького жди беды.

— Ну, где тут “беда”, где? — раздраженно смотрела Эльвира на карты.

— Да вот же, вот...

Может, у старухи-уборщицы и не было такого дара гадать, как у Эльвиры, зато бабка была отличным шулером и подтасовывала карты.

В конце концов, Эльвире это все надоело и она очень тактично спланировала Микки к каким-то другим проходимцам, дав отличную рекомендацию “редкого мерзавца и ценного работника”, смирившись со своей несчастной судьбой, что ее чудеса будет нести людям этот “принц недоделанный”, вводить ее в расходы и мороку, чтобы только ручек не замарать...

... - Да, Максик, я верю в свои карты. Успеха можно достичь в том деле, в которое веришь, продать то, чем пользуешься. А что такое карты? Это всего лишь материализация образов, которые в голове у гадающего. Наше сознание очень медленно обрабатывает информацию, не учитывает невербальные и иррациональные

факторы. Другие части психики работают куда эффективней, но мало кто может управлять этим процессом, его контролировать и визуализировать в случайно выпавших кусках картона. Я — могу. У меня дар выше среднего, с рождения тренировки технике, какой две тысячи лет, да и современной науки я понахваталась, как могла... И у тебя дар тоже, я сразу увидела. Но без техники он мало чего стоит, да к тому же, у тебя такой дефект... Ты — мужчина, — Эльвира так вздохнула жалостливо, будто у него глаза не было или ноги.

Макс всегда гордился этой своей первой, очень удачно проведенной, интригой, даже когда у него появился богатый опыт подобного. Этот проект он провел сначала и до конца, и так и остался незамеченным “серым кардиналом”, мозгом операции, который использовал свою команду, внушив всем, что это все их идеи. А он, кроткий Максик, все время скромно полтергейстил в магическом зале.

И он провел Эльвиру! Саму Эльвиру! Макс испытал сладкое и возбуждающее чувство, что вот сейчас ученик превзошел учителя — первый раз особенно запоминается... И нет у него никакого дефекта, сама она сексистка. И расистка в придачу!...И бабка-уборщица давно с ним занимается ихними штучками — он ведь эльвирочкин внебрачный сын и имеет право на знание.

Макс спас “Сеялки и веялки” от опасности. Радостно разложил перед собой каталоги и начал всем звонить:

— Добрый день! Это Макс из “Сеялок и веялок”. Рады приветствовать вас перед началом нового сезона. Появилась прекрасная, качественная, рассадопосадочная машина — роскошные урожаи и бесперебойное техобслуживание...

Довольно долго ничего не случалось, Макс занимался продажами, изредка чудесами, от романтических проектов старался увильнуть — надоело с чужими тетками кувыркаться, а для себя у него есть ушастая секретарша. Копил деньги, мечтал, как выкупит у Эльвиры “Сеялки и веялки”, станет настоящим бизнесменом. Скучновато, конечно, но так хочется быть членом общества — все взрослые так скучно живут, жизнь налаживалась...

Но видимо не судьба была, все пошло наперекосяк после того дела.

Макс вообще не из трусливых. Но, как все лентяи, что боятся ответственности, был осторожен и осмотрителен — как бы потом не возиться и не разгребать.

Последнее дело напугало Макса довольно сильно. Эльвира поручила познакомиться с одним мужчиной, пообщаться с ним про жизнь, выяснить, что за образ жизни, что за настроение — вот список совершенно невинных вопросов... Как обычно. Ничего опасного или незаконного.

— На каком основании мне знакомиться? Что у нас общего?

— Он был военным, служил там же, где и ты — вот тебе общее, разговори. Кроме того, он...эээ... любит мальчиков.

— Но я не люблю! Мы это обсуждали много раз — я бы и рад, но просто не

получается.

— Он не знает, что у тебя не получается. Ты не можешь не понравиться, сам ведь знаешь — подмигни ему.

— Такие ребята видят своих, сразу выкупит, что я самозванец...

— Тогда дай ему собой полюбоваться, все любят прекрасное, — Эльвира потрепала его по волосам. Максимум неудобно стало. Ну просто проклятье какое-то — эта его внешность. Всегда хотел быть попроще, как другие парни.

Пару раз встретился с этим типом. Станный он какой-то, нервный. Но армейское прошлое сблизило их, было о чем поговорить — того полковника оба ненавидели, все знали, что он мразь... На третий раз этот бывший военный в дом его пригласил.

— Он будет ко мне приставать, — беспокоился Макс.

— Откажешься деликатно, но твердо. Если что — двинешь пару раз, напрасно я что ли вычитаю с твоей зарплаты за спортзал! ...Запомнишь расположение комнат, обстановку, зарисуешь потом, смотри по сторонам внимательно, право и лево не перепутай! Выясни, где он держит свой ноутбук...

— Эльвира! — как-то чувствовал, что она залезла туда, куда им обоим не было доступа, пересекла какую-то черту.

— Перестань дрейфить, Максик! Ты ничего не нарушаешь. Ты не за что не отвечаешь. Я за все отвечаю. Ты идешь пообщаться с новым приятелем и ничего больше. Ты профессиональный жиголо и никто больше. Понятно тебе?

И Макс, который всегда стыдился того, что он жиголо, и хотел быть кем-то большим, очень теперь этому обрадовался. Он жиголо и никто больше.

Пошел на свидание к мужику! Докатился... Потом вспомнил, что все-таки он не совсем жиголо и стало полегче. Блин! Да чего же он хочет на самом деле?! В “Сеялках и веялках” ему скучно, а тут страшно...

Когда зашел в подъезд, почувствовал странную, необъяснимую тревогу. В лифт еще два мужчины зашло, один спросил на какой ему этаж. И Макс автоматически, не специально, сказал на три этажа выше, чем ему было нужно. Лифт поехал. Было страшно, Макс вспоминал, чему учила Эльвира, чтобы то, что он нервничает, не было видно со стороны — нужно сосредоточиться на сокращении и расслаблении ануса, вдох и выдох в такт... Эти мужчины вышли там, где было нужно Максимум — на том этаже был какой-то шум, он поехал дальше. Вышел из лифта, тяжело дыша. Посмотрел в окно, там у подъезда еще стояли какие-то люди, машины... Не мог рискнуть выйти, тошнило, пот лился от страха. Показалось, что кто-то там снизу подошел к лестнице, стал прислушиваться... Начал звонить во все двери, никто не отвечал — середина дня, все на работе... Он же Максик, везунчик, прима-балерина, что-нибудь придумает... Наконец открылась одна дверь — старушка, божий одуванчик, не смогла устоять и смотреть всего лишь в глазок на такого красавца. Хотя дети строго запретили открывать дверь незнакомцам.

— Добрый день! — белозубо улыбаясь, сказал незнакомый красавец. Он представлял фирму по борьбе с плесенью. В нескольких квартирах этого дома плесень, значит у нее тоже. Он может, не тратя деньги клиента на дорогой анализ, начать борьбу с плесенью.

— У вас же астма? — участливо спросил борец с плесенью, отметив покашливание старушки, — из-за плесени, конечно. Ужас, как вредно...

Макс ловко просочился за дверь. Не смотря на строгие указания не пускать всяких проходимцев-представителей, старушка не стала возражать. Старушка даже не удивилась тому, что бороться с плесенью этот милый мальчик будет без всякого оборудования, видимо, взглядом этих дивных синих глаз...

Макс просидел у нее до темна, выпил пять чашек чая, съел все печенье, пересмотрел все альбомы с фотографиями и узнал от чего умерли все старушкины подруги. И все еще боялся выйти, хоть машины и люди уже не стояли возле подъезда. Ему было так хорошо с этой старушкой, так умиротворенно, печенье было такое вкусное, он так был счастлив, что у него нет тех болезней, от чего умерли все эти подруги... Но скоро должна была прийти старушкина дочка, а вот она бы принесла некоторое беспокойство в спокойный мирок этой бабушки и профессионального внука своими вопросами.

Наконец решился выйти, поцеловал старушку в щеку и поцеловал ей руку, она хихикала, как девочка. И только когда Макс уже вышел за дверь спросила, а что же там с плесенью? Макс сообщил ей, что провел тщательный первичный осмотр и на следующей неделе придет со специальным пылесосом. Будьте здоровы!

На улице никого не было, никто его не хватал. Никто не шел следом. Два раза менял такси — видел в кино, что так нужно.

Блин! Вот так номер! Он ведь ничего не знал, ничего не видел, он точно не знал, в какую квартиру ехали те ребята из лифта и кто они такие — может всего лишь настоящие борцы с плесенью, но каким-то странным чутьем понял, что надо драпать... А вдруг ошибся? Вдруг тот странный, нервный тип грустно сидит в своей квартире на четвертом этаже и плачет, что свидание не состоялось. Не хотелось бы проверять...

Он хотел позвонить Эльвире, но вспомнил ее инструкции, как действовать в подобных случаях. Нужно позвонить связному... Ох, что это за термин такой — “связной”, откуда Эльвира все эти слова знает? Куда он попал? Что натворил? ... Ничего он не натворил, он всего лишь жиголо. Поверят ли в это?

“Связным” оказалась еще одна старушка, которая была глуховата. Максимум пришлось неконспиративно орать на всю улицу, чтобы передали Эльвире, что все совсем не по плану, все плохо прошло, а ему, Максимуму, очень страшно...

— Все Эльвирочке передам, — обещала глухая старушка, — не беспокойся, мальчик... Как там тебя, не расслышала?

— Макс. Максик я!

— Сколько тебе лет? Ты потерялся? Ты Эльвирочкин сын? Ты не голодный?

Глухая тетеря! В кино других связных показывают... Во что он влип? Что с ним будет?

— Да, я потерялся. Я — Эльвирочкин сын Максик, — сказал Макс и выключил телефон. Пришел домой, лег в кровать и накрыл голову подушкой. Что еще он мог сделать?

С утра позвонила Эльвира с незнакомого номера. Утешила, сказала, что все в

порядке, чтобы Максик не переживал, она все уладит... Но только неплохо бы Максику отдохнуть на море. Там у нее домик оплачен, хоть и ранняя весна, но дни такие солнечные... Свою малявку пусть возьмет. Отдохни, котик, с недельку...

Котик трясся целую неделю. Во первых от холода — не сезон еще для морей, ветром все продувает. Во вторых, от страха. И даже не мог поделиться с секретаршей, как обычно. Опять интуитивно понимал, что есть вещи, про которые не болтают... Всмотривался вдаль, не идет ли кто к их домику. Секретарша очень его жалела, Эльвира ей сказала, что у Максичка “нервы”. Да нет у него никаких нервов! Но что-то тут не то... И вдруг вспомнил ручки. На режимном объекте...

Интересно, сколько за такое дают? Или сразу голову рубят?... А если он скажет, что не знал? Конечно, Максик, двадцатичетырехлетний лоб, ты не знал, что обманом не проникают на режимный объект и ничего там не разбрасывают? Это все она! Ага, Максичек, злая тетенька обманом заставила маленького мальчика... конечно, конечно... Нет, Максичек, тебе самому это нужно было. Выпендриться. Кураж почувствовать. Вне правил, хитрее всех... Вот и будешь отдуваться. Успокоился, смирился с судьбой, и пошел с секретаршей кувыркаться. Интересно, как часто свидания в тюрьме разрешают? В его справочнике ничего про это нет.

В конце недели вернулись в город. Эльвира на звонки не отвечала. Роберт тоже. По номеру бригадира отвечала какая-то женщина, что никогда не слышала о таком. Пошли в офис. Офис был опечатан, вывеска исчезла. В будке охраны сидели незнакомые ребята. Сказали, что не знают ничего, охранная фирма провела ротацию сотрудников, такое у них бывает.

Секретарша начала подплакивать:

— Что будет, что будет...

Да уж понятно, что ничего хорошего.

11. ПЕРЕСЕЧЬ ЧЕРТУ

Подобно тому, как в других учреждениях проводятся учения на случай землетрясения или теракта, Эльвира регулярно дрессировала свой персонал на случай контакта с полицией. Поэтому, когда Макс полиция в дверь постучала, он, был готов. Не нервничая, уже давно связавшись с адвокатом, отправился давать показания по делу о “мошенничестве в особо крупных размерах”. С другой стороны, в полицейский участок ехал опытный, в таких делах, адвокат. Пока Макс давал показания следователям — ведь он репетировал ответы на все вопросы много раз и держался неплохо, адвокат доказывал в суде, что лишать свободы его подзащитного на время следствия не за что, подзащитный готов сотрудничать со следствием и ни в чем не виноват...

— Сирота и ветеран вооруженных сил, — с трагическим придыханием сообщил адвокат судье, — Вот справка из армии о контузии.

Ну, если честно, то это не совсем контузия. Это сотрясение мозга, в драке полученное, когда его оттащивали. Но военврачи в справке подробностей не пишут — ударенный на голову и все тут! Судья велел предъявить сиротку.

Контуженный ветеран в строгом костюмчике и при галстукe снова скромно сидел напротив строгого судьи. Очень честное, доброе, открытое, вызывающее доверие, красивое лицо.

Нет, он, Макс, сирота и ветеран, никого не обманывал. Он делал жизнь людей лучше. Он актер, у него способности...

— Вот, пожалуйста, справка из актерской школы, отличные характеристики, — суетился адвокат. Овечка смотрела на судью честным солдатским взглядом, отвечая конкретно и четко, будто выучила текст.

... он работал в консультационном агентстве магических услуг в качестве консультанта. Да, он взрослый человек и не верит в магию, конечно. Но он многократно видел счастливых людей после сеансов мадам Эльвиры, это может оправдать их... эээ... розыгрыш. А так он, в основном, занимался продажей сельскохозяйственной техники. Менеджер фирмы “Сеялки и веялки”. Особенно хороший у них ассортимент рассадопосадочных машин... И вообще...

Возможно, это была дерзость конечно, но адвокат разрешил сказать судье жалостливо:

— Ну в чем же я виноват, раз потерпевших нет? — и посмотрел сиротским взглядом овцы.

То же самое, но довольно борзо он спросил у, замученных и уставших полицейских, которые возились с ним несколько часов:

— Где потерпевшие? Кто меня обвиняет? В чем?

Ответа не было, поэтому, социально неопасного консультанта по магическим услугам, выпустили в тот же день, с запретом покидать город до окончания следствия.

...Агентство сдал полиции Микки.

Агентство магических услуг, расплзающееся, как спрут, на всю страну, давно мозолило полицию глаза. Чудеса, вызывающей дамочки, с очень темным прошлым, явно пахли мошенничеством, а судя по ценам, которые она назначает за свои магические услуги, в особо крупных размерах. Ведьма вела наследственные дела, семейные споры, улаживала денежные дразги — это только то, про что писали в глянцевах журналах и она сама рассказывала по

телевизору, а что было скрыто — представить страшно! Наверняка отмывание денег криминала и выполнение щекотливых поручений разных лиц. Получала оплату наличными — объем деятельности вычислить невозможно. Ее пытались прижать много раз — и полиция, и налоговая. Но все бумаги, вся бухгалтерия были в полном порядке, закон не позволял шмонать это магическое гнездо без жалоб и серьезных оснований, да и вроде несовременно как-то предъявлять обвинения “в колдовстве” (хотя много кто с радостью сжег бы эту ведьму на костре), а за “нечестное колдовство” статьи нет.

Много раз пытались внедрить в агентство своего человека, но безуспешно — ведьма оперативников чуяла за километр, еще и смеялась, чуть ли не в лицо — что “легавую морду она повсюду вычислит”. А Микки не был оперативником, он был просто информатор — действительно, редкий мерзавец, но с кем только не приходится работать, чтобы жизнь в городе стала чище... Так вот, на Микки ведьма купилась, когда еще тепленькой была — в себя не пришла после той своей драмы на болотах, удалось подсунуть ей паренька. И он, насколько мог раскопать, рассказал про их внутреннюю кухню — а ведь сколько лет не получалось узнать.

Но это так, для внутренней информации было, поскольку коллеги из...смежных ведомств, очень просили мадам Эльвиру не беспокоить, убеждали, что от нее есть польза, которая компенсирует некоторые неудобства обществу. И, одновременно, с другой стороны, серьезные люди покрывали эту мадам так, что полицейские — эти чернорабочие на фронтире битвы за закон, ничего не могли сделать.

А тут вдруг шепнули, что покровители мадам Эльвиры уже не при делах, как бы сами не в тюрьме — там свой внутренний скандал. Пока она без “крыши” и не нашла другую — надо брать! Вот полиция и накрыла магический притон. Но, как обычно, опоздала. Мадам Эльвира без вести исчезла, лично унеся с собой вывеску и оставив записку: “Хрен вам, а не мое агентство!”.

На границе удалось задержать ее водителя, по сведениям Микки — доверенное лицо мадам Эльвиры. Перерыли все — и машину, и самого водителя обыскали в самой жесткой форме, ничего не нашли — ни денег, ни ценностей. Начали допрашивать. А водитель предъявил бумагу, что он законный супруг мадам Эльвиры и имеет законное право не раскрывать рта. А его привлечь, ну, совсем не за что — очень положительные характеристики отовсюду, адвокат лучший... По истечении двадцати четырех часов водитель вышел, сел в машину и пересек границу.

Кто еще остался у полиции из персонала?

Технический персонал в виде курьеров, уборщиц, техников вообще не при делах — один наркоман, другой дебил, третий инвалид, бабка полунемая какая-то...

Бухгалтерша лежит в психиатрической больнице, в следственных действиях судом отказано — давно они знают эту бухгалтершу, у нее все клиенты такие, а она, как чуть кого повяжут — в сумасшедший дом!

Карманный бандит мадам Эльвиры, числившийся завхозом — уж кого наверняка было за что привлечь! — пропал. Три паренька из бригады пока молчат, но если будет нужно — все на себя примут и в тюрьму пойдут, такое прикрытие часто бывает.

Секретарша — по сведениям Микки, дура набитая. Очень старалась, бедняжка, всем угодить, все рассказывала чистосердечно, показывала свой диплом отличницы из секретарского колледжа. Кивала головой на любое слово, на все вопросы отвечала, редела

без перерыва... Толку никакого с нее и, опять же, адвокат, как ястреб нависает...

Две консультантки. Одна полоумная писательница-графоманка, она, типа, писала романы, мадам Эльвира их воплощала, как режиссер. В магическом агентстве, как показала писательница-сценаристка, такое было реалити-шоу. Ну, разве садят людей в тюрьму за реалити-шоу? Так подите, весь телевизор пересажайте! Она деньги за свои сценарии получала, при чем какое-то мошенничество, разве реалити-шоу это мошенничество.... У другой консультантки муж оказался иностранным дипломатом, соответственно и у нее дипломатический иммунитет. Еще и извиняться пришлось.

Большинство актеров из этой банды нанимались разово, они действительно не понимали, в чем участвуют. Был только один постоянный актер, по сведениям Микки, любимец мадам Эльвиры, ее ученик. Может быть, даже родственник. Сын внебрачный или приемный, или что-то в этом роде...

Ученик был под стать своей бандерше. Он вел себя уверенно, говорил подготовленный текст, знал заранее, что его спросят. Да вся эта банда была отлично подготовлена к допросам, включая глупую секретаршу...

... - Эльвира, ну почему ты дерешься? Почему опять по морде?

— Забочусь о тебе, Максик, котик мой. Чтобы ты в не попал в свою любимую тюрьму... Ну-ка, повторяй еще раз! С выражением! Глаза! Полицейским — одни, судье — другие!... Теперь все вместе. Ну-ка, собрались! ...Кто там в телефон смотрит, сейчас засуну этот телефон в задницу тому, кто отвлекается...

Но у этого ученика было уязвимое место. Не просто было узнать какое, но удалось.

— СуперМаксик? — спросили его насмешливо.

...Вообще бессовестная сволочь. Нет, ну постыдился бы хоть чуток. Что за молодежь пошла!

— А что? — СуперМаксик смотрел также насмешливо, — Разве это наказуемо? — и вызывающе прочитал им наизусть статью закона, про то, что за проституцию(если они докажут факты предоставления сексуальных услуг за деньги) ему грозит небольшой штраф(который он, как законопослушный гражданин, оплатит вовремя), а ответственность на его сутенере.

— Вы уже поймали моего сутенера? — дерзко осведомилось эльвирино отродье. Может, он правда, ее сын, как болтают... Как же, поймали, ищи ее свищи, дрянь бывалая... А потом этот борзый мальчик по вызову полицейским и заявляет:

— Где потерпевшие? Кто меня обвиняет? В чем?

Черт! В этом и проблема. В основе всего дела — оперативная информация, добытая Микки. Но он не сотрудник полиции под прикрытием, а просто информатор, и в суде его показания не рассматриваются. Рассчитывали, что на основании оперативной информации, можно подсобирать заявления потерпевших и выстроить дело. Ну, не может быть, что нет потерпевших от эльвириных чудес! Люди платили деньги за чудеса, а не за аферы и обман...

— ...и получали, что заказывали. Честный бизнес, — отвечал адвокат, — Спросите любого, вам скажут, мадам Эльвира — святая женщина, что помогает людям.

...наверняка, есть те кто страдали. Брошенные любовницы, облапошенные женихи, что не хотели жениться, старушки, оставившие наследство не тому, кому хотели изначально —

другая сторона(та, о которой не думал “недоделанный принц”, когда не хотел марать ручки, но вмешивался в чужие жизни) страдала. Вот они и потерпевшие. Мы всех найдем, телевидение подключим...

— Нет, — твердо ответил адвокат. И показал многостраничный документ — экспертный вывод уважаемых психологов, психиатров и юристов. Вкратце, там говорилось, что:

— нельзя беспокоить людей, которые выиграли от эльвириных чудес. Кроме того, что выяснение и раскрытие правды нарушает права человека, право личности на приватность, охрану персональных данных, кучу других законов, это станет жестокой травмой для замешанных лиц... Ну, вот каково будет, к примеру, жене знать, что муж бросил любовницу в результате искусных манипуляций, а не потому, что раскаялся? Внучка, что получила наследство только потому, что ее мать заплатила, чтобы на старушку повлияли в выборе наследника, обойдя других, может испытывать жестокое чувство вины, хотя вины нет... И тому подобное...

— еще бережней нужно отнестись к пострадавшей стороне — они ведь не знают, что они пострадавшие. Эти люди пережили и отстрадали свои потери, живут дальше. И каково им будет узнать, что случилось, если статус кво вернуть уже все равно невозможно?

Поскольку каждый индивидуальный случай рассмотреть невозможно, то, в интересах, всех участвующих в деле лиц, суд постановил запретить огласку данного дела полностью. Потерпевшие не знают, что они потерпевшие, и не нужно им этого знать.

Дело развалилось полностью. Это была идеальная афера.

Блудница вавилонская, в порфире и багрянце, на звере с семью рогами с чашей нечистот людских в руках своих, промчалась над полицейским участком и прокуратурой, огнями дьявольскими оставляя на ночном небе записку: “Хрен вам, а не мое агентство!”

Единственный вопрос, что остался у сдавшейся полиции — почему мадам Эльвира, при такой юридически идеальной схеме, лучших адвокатов и очень подготовленном кризисном плане, бесследно исчезла, в течении нескольких часов за бесценок продав всю свою недвижимость и прочее имущество. Ей, при ее юридической поддержке, несложно было бы выпутаться, как было уже не один раз.

И куда делся бумажный архив агентства, который, как показал персонал, много лет хранился в подвале. Что-то тут не то...

Макс старательно играл роль борзого мальчика по вызову, который чавкал жвачкой и разваливался на стуле, а на самом деле очень боялся. Не смотря на многократные репетиции допроса, выученные назубок ответы и крутого адвоката. Макс боялся, что спросят про то, что он делал на режимном объекте, про ручки эти. Про военного...

“Помни, Максик, что ты жиголо и никто больше. Не умничай, как ты любишь, будь проще, эти мальчишки только одно обычно умеют... С мальчика по вызову никакого спроса”.

Вышел из участка уверенной походкой. Все тетки-полицейские пялились на его зад — остановился, элегантно им поклонился. Помнит, в самом начале Эльвира хореографа приглашала — элегантно поклон тренировать. “Это сделает из тебя джентльмена, Максик!”

...Ну, и что дальше? Что ему делать? Адвокат сказал, что подписку о о невыезде пока еще не сняли, еще придется на допросы ходить, нужно вести себя скромно, ничего не

нарушать и все будет хорошо... Нет, вряд ли агентство восстановит свою работу.

— И что мне теперь делать? — несчастным голосом спросил Макс

Адвокат сдержанно улыбнулся:

— Мадам Эльвира просила вам передать, что вы уже большой мальчик и справитесь без няньки, еще о и малявке обязаны позаботиться, — подвез Макса до дому и уехал.

Про ручки на режимном объекте полиция не спросила. Про военного дядьку, на этаже которого творилась странная кутерьма, тоже. Но вдруг спросят... Что ему отвечать? Чтобы не подставить себя, чтобы не подвести Эльвиру. Даже прима-балерина не может работать без сценария. С кем ему посоветоваться? Адвокат вряд ли в курсе этих дел, иначе он сам бы сказал... Бригадир пропал, да и Эльвира не хотела, чтобы он знал про эти ее дела, иначе не лезла бы сама в чей-то дом. С кем ему посоветоваться? Ну, как он раньше звонил “номер два” и она направляла его. Он, Макс, не может быть старшим...

Блин! Тренер! Тренер из какого-то закрытого спортклуба, приятель Эльвиры, умеющий драться, чтобы убить и драться, чтобы обмануть, как никто другой...

Отправился к секретарше. А почему нет, в протоколе записано, что она его девушка, вот он к ней и ходит, дело молодое... Секретарша однажды звонила тренеру, переносила тренировку, в парке дождь был. У нее должен быть его номер!

Да откуда! Это год назад было, столько в истории телефона звонки не хранятся. Может, в телефонной компании... Но она даже не помнит, когда звонила.

Когда это было, когда это было?... Помнит, с парнями ходили после той первой тренировки в бар, там показывали футбол... Кто играл? Блин! Он так плохо разбирается в футболе. Одну команду только помнит. Но бригадир хвалил игрока из другой, типа, результативный.... Где футбольный сайт?... Вот они, вот эта игра! Есть дата.

Поволок секретаршу (ведь звонили с ее номера!) в телефонную компанию. Отказывались предоставлять такую услугу, не обязаны. Долго пришлось убеждать, рассказывать сказки, что вопрос жизни и смерти, улыбаться и заглядывать в глаза, выталкивать вперед зареванную секретаршу — пожалейте девочку... Короче, получил он тот номер. Позвонил с нового телефона.

— Добрый день! Это... это звонят из... — блин, как бы представиться, чтобы не подставить, — из балета бегемотов. Я тот, который антилопа... Ну, помните, вы нас тренировали?

На том конце молчали. Кто ж вспомнит антилопу из балета бегемотов, подумает, что телефонные хулиганы шалят...

— Как же, — сказал тренер, — помню, помню, способный парень... Вы по поводу тренировок? Я тут занят, перезвоню позже, — и прервал звонок.

Макс вздохнул. Понятно, конечно, что общаться не хочет, но попытаться стоило. Но скоро тренер позвонил с другого номера.

— Раз у тебя хватило ума найти мой номер, значит стоит тебя выслушать, сынок. В чем дело?

— Тут такое случилось...

— Я знаю, — прервал тренер, — Тебе что нужно?

— Ну, это... я совсем один. Я не знаю, что мне делать...

— Ты беспокоишь незнакомого человека, чтобы понять? Что тебе нужно?

— Я боюсь, что меня в полиции спросят про ее дела... это самое... немагические ее

дела. А я не знаю, что отвечать, чтобы себя не подставить и ее не подвести... Вот, послушайте! Когда вы тогда нас тренировали, она велела мне...

— Стоп! — очень быстро сказал тренер, почти закричал, — Не нужно мне об этом говорить, мне неинтересно... Если тебя спросят об этом в полиции — хотя вряд ли, то ты без адвоката даже не раскрывай рот, вообще ничего не говори, а если спросят не в полиции....

Ох! Это где еще?

— ...а вот, если не в полиции, то никакого другого варианта, кроме того, как сказать правду у тебя нет. Довольно глупо будет выкручиваться, если ты к этому не готов, гораздо лучше сотрудничать. Нужно извлечь правду и ее предоставить...

Какая странная, кривая фраза — “извлечь правду”, люди так не говорят...

— Из всей информации, что у тебя есть, нужно извлечь правду, — тренер вздохнул, видимо, удивляясь, отчего антилопа такая тупая, — Понятно?

Вообще-то не очень. Тогда, как и полагается, тренеру, тот перешел к практическим занятиям.

— Ну, вот, к примеру, спросят тебя, звонил ли ты мне и что я тебе сказал? И ты честно ответишь, что, мол, звонил и тренер посоветовал сотрудничать и говорить правду. Это ведь так?

Блин! Да что же это все значит? Правильно ли Макс тренера понимает?

— ...Я не учил тебя, как не давать прямых ответов, не учил, как видоизменять вопрос допрашивающего в своем сознании, а соответственно и свой ответ. Я ничего тебе не сказал, как можно жонглировать частицами “не” и прочими отрицаниями, что делает любые показания неоднозначными. Я не учил потому, что невозможно этому научить за пять минут человека, который дерзко беспокоит незнакомых людей. Только посоветовал извлечь правду и сказать ее, когда будут спрашивать... не в полиции.

— А где меня будут спрашивать?

Тренер проигнорировал вопрос.

— Удачи, антилопа! Не нужно мне больше звонить, я ничем не могу помочь, правда, — тренер повесил трубку.

Спокойствия не прибавилось. Оказывается, полиция это не все, что Максугрожает. Ох, кто же еще собирается его опрашивать, кому еще интересна Эльвира и ее магические дела?

Еще два раза допрашивали в полиции. Одно и тоже спрашивали, потом на налогах пытались его поймать. А он все налоги платил! Со своей мизерной ставки менеджера, что в бумагах отражалась. Пытались общие дела с бригадиром навязать — тот у полиции давно на карандаше, а какие у них общие дела, может, кофе пили пару раз во дворе, да этот бригадир вообще презирает таких, как СуперМаксик, какие у них могут быть общие дела... Да Макс не знает, как этого человека зовут, он так и называл его — “бригадир”! И никого он не знает, как зовут, только по псевдонимам, вот всех написал... К совести пытались воззвать, да ну какая может быть совесть у проходимца, каким он является... О проникновении на режимный объект не спрашивали. Отправили восвояси.

И Макс уже было расслабился, уже надеялся, что может обошлось. Он все понял. Он начнет новую жизнь. Очень, очень честную... Но не успел он дойти домой, как рядом остановилась машина, двое людей вежливо, но твердо, предложили Максиму “пройти поговорить”. Ну, глупо было бы сопротивляться, конечно. Тренер, видимо на это и намекал. Поэтому без вопросов Макс сел в машину и его увезли в неизвестном направлении.

Нет, город Макс знал хорошо и направление бы вычислил, но только ему, как в кино, надели мешок на голову, вежливо при этом извинились, и он не мог видеть, куда едет. Когда приехали, провели куда-то, аккуратно на лестницах поддерживали, чтобы не свалился. Мешок сняли в комнате без окон, когда за стол усадили. Два человека напротив, один в углу, с какой-то аппаратурой.

Тот, который повыше был и, видимо главнее, не представившись (про адвоката спрашивать смысла, понятно, не было), сказал Максиму, что его пригласили (ну, вообще-то это “похитили” называется, а не “пригласили”!), с целью задать несколько вопросов о противозаконной деятельности мадам Эльвиры.

Ну, вот, начинается. Сейчас спросят про ручки... Это все она! Это все Эльвира, так он скажет. Но спросили другое:

— Вы главный менеджер компании “Сеялки и веялки”?

От сердца отлегло. Какое счастье! Про “сеялки и веялки” Макс все может рассказать. Это единственное, чем в чем он может считаться честным человеком — в своей деятельности на посту главного менеджера “Сеялок и веялок”.

— Да, это я, — сказал Макс, подумав, как приятно быть честным человеком, которому нечего скрывать.

Тут его давай обматывать всякими проводами и присосками. Ну, Макс не дурак, в кино такое видел — детектор лжи. Будут извлекать правду. Ах, вот, что это значит!

Сначала спрашивали обычное — где родился, где учился... Есть ли девушка, любит ли собак, кошек. Потом приступили к вопросам по делу: — где работал, какие обязанности... Но спрашивающих пока вообще не интересовала деятельность агентства магических услуг и аферы Эльвиры, они интересовались только “Сеялками и веялками”. Очень странно. Ну, Макс тут разошелся: как профессиональный

коммивояжер, он все рассказал про “Сеялки и веялки”, про успешные продажи и ответственных поставщиков... А вот клиенты бывают разные... А какой у них ассортимент рассадопосадочных машин! Ах, какой ассортимент рассадопосадочных машин... Вот, если у вас есть ферма, выберете нашу рассадопосадочную машину, она еще и мульчирует. Это ведь очень важно для корнеобразования, бережное мульчирование почвы...

От страха Макса несло, он не затыкался ни на минуту.

— Бред какой! — сказал тот, что пониже, — Какое мульчирование...

— Достаточно, — сказал Максу тот, кто повыше. Макс сразу заткнулся, он же был в армии, знает, что сразу надо заткнуться, когда велят.

Потом начали расспрашивать о клиентах и поставщиках. О всех. На робкое замечание, что Макс не помнит всех, ему было сказано, что в его интересах напрячься и припомнить. Потом Макс рассказал о транзакциях. О счетах. Счетов, конечно, Макс не помнил, но банки мог перечислить... Потом занялись ассортиментом продукции. Ну, тут Макс был отличником — он бодро продекламовал список всего, чем торговал, хотя по прежнему не понимал, зачем серьезным ребятам в костюмах это надо и когда его начнут уже бить за те ручки...

— Это мадам Эльвира дала вам этот список и приказала продавать то, что по списку?

— Нет. Мадам Эльвира приказала оживить фирму и показать реальные продажи. Я изучил рынок, спрос, предложение и сам список составил. Я на курсы маркетинга записался, — Макс был очень горд собой, он поставил перед собой цель стать честным человеком и почти цели добился.

— Это на курсах маркетинга вам сказали, какая сельхозтехника должна быть в вашем списке?

— Что вы! На тех курсах учат только общим принципам бизнеса, в сельхозтехнике вообще не смыслят. Я ассортимент составил, попробовал с клиентами на ближайших фермах, оставил, что лучше пошло, сначала в основном мелочь — плуги и запчасти, но потом и крупные агрегаты получилось продать...

Спросили что за курсы и что за фермеры. Тот, что повыше, посмотрел на оператора полиграфа. Оператор кивнул. Он извлекал из Макса только правду.

Продолжили. Макс рассказал, что он, чтобы маржа “Сеялок и веялок” была выгодней, лично в порт поехал, договариваться о логистике... Представляете, а его там ограбили! Ну, грабить было особо нечего, только сумку с каталогами отняли. Какой разгул преступности... Нет, не заявлял, ну не заявлять же про сумку с каталогами. Копия каталога в офисе есть, конечно, может принести...

— Это мадам Эльвира приказала вам ехать в порт и дала список контактов?

— Да при чем тут мадам Эльвира! — Макс даже обиделся, — Я сам нашел в архиве фирмы адреса старых экспедиторов и лично поехал договариваться.

У него способности к продажам, на курсах говорили. Он актер, на актерских курсах учился. Очень способный. Он со всеми может договориться, он очень активный. Из-за этого и случаются некоторые недоразумения...

— Вы совершали противозаконные действия?

— Никогда, продавая сельхозтехнику, я не совершал противозаконных действий, — вот эту правду он мог предоставить. И даже рискнул спросить:

— И вообще в чем дело? Что противозаконного в продаже сельхозтехники?

Макс заметил, что эти оба переглянулись между собой. Блин! И тут что-то не то... А ручки тут причем? Когда будут бить за ручки на режимном объекте?

На время оставили “Сеялки и веялки” в покое. Вернулись к агентству. Но про магические аферы тоже не спрашивали. Велели продиктовать имена всех, с кем общался на работе.

— Но я не знаю имен, только псевдонимы. Мадам Эльвира запретила разглашать личную информацию сотрудников даже друг другу. Я только водителя знаю, как зовут, и секретаршу!

— Почему только их?

Блин! Правда так нелицеприятно выглядит... Ладно.

— Потому, что они честные люди и не при делах.

— А вы при делах?

— При некоторых, — Макс скромно потупил взор. Есть смысл разыгрывать сиротскую карту или тут не прокатит? — очень незначительных делах. Я хотел помогать людям...

Полиграф подтвердил.

— ...и немного подзаработать.

Полиграф согласился.

— Ну, и какой ваш псевдоним? — спросил тот, кто повыше.

— Да ну как-то я стесняюсь...

— Не валяйте дурака!

— Прима-балерина.

...- Эльвира, это девчачий псевдоним! Я хочу, может, “человеком-пауком” быть!

— Перехочешь. Для конспирации лучше, когда пол не определить. Ты что-то имеешь против девчонок? Сказал, что девчонки второй сорт?

— Ничего я такого не говорил. Просто нескромно, я стесняюсь.

— Максик, ты весь нескромный. Очень тебе подходит...

...В углу там еще был стол с бумагами. Тот, что пониже, покопался в них, принес Максу несколько, выбрал, где “Прима-балерина” попадалось часто. Это были копии эльвириных отчетов, с этими всеми буквами и цифрами.

— Что это значит? Ну, Прима-балерина, расскажите нам.

— Это Эльвириин шифр.

— Расшифруйте.

— Я не знаю всего. Никто не знает полностью. Могу сказать, что это, — Макс показал на свое Л-17, - это значит “вступить в сексуальную связь”...

И давай суетливо рассказывать про свою сиротскую судьбу, отсутствие образования, одиночество, тяжелый путь сироты в большом городе... Он так опустил, такой стыд... Ну, и это самое... Мадам Эльвира всему его научила, она

столько всего умеет... Тантрический секс, знаете... это вообще... Ну, и от сиротской судьбы своей поддался несчастный Макс на легкий хлеб — оказывал дамам сексуальные услуги за деньги... СуперМаксик. Узнаете, если погуглите, много хороших отзывов. А тот случай с телефоном — досадное недоразумение, обычно СуперМаксик очень ответственно подходит к делу.

“Помни, Максик, ты жиголо и никто больше. Ты не за что не отвечаешь, я за все отвечаю..”

...ну, это, типа, незаконно наверное, но не так, чтоб сильно, да?...А потом мадам Эльвира дала ему возможность реабилитироваться перед обществом, начать жизнь честного человека — рулить “Сеялками и веялками”...

— Достаточно.

Вытянули из него весь шифр, что знал, дали воды и сводили в туалет. Ничего туалет, приличный. Окна нет.

Продолжили. Из кучи фотографий предлагали опознать тех, кого он видел. Макс опознал только бухгалтершу, бригадира, одну клиентку СуперМаксика, парикмахершу Эльвиры и тренера. Максиму было бы занятно узнать, что среди фотографий, что ему показывали, были и “номер два” и даже ее хахаль, но он их никогда не видел, поэтому не опознал.

Еще раз прошлись по персоналу агентства, остановились на “номер два”, выяснили в каких они были отношениях и что Макс про нее знает. Спросили, не она ли дала идею Максиму заняться “Сеялками и веялками”?

— Она уволилась за год, до того как я про сеялки и веялки узнал!

— Может, этот ее... как вы сказали... хахаль, вам посоветовал?

— Да я его не видел никогда и никогда не разговаривал, как он мог мне советовать?

И вообще, каким боком “Сеялки и веялки” к “номер два”? Когда уже про ручки на режимном объекте спросят? Что-то он устал...

— А у нас информация, что вы занимались с ним сексом.

Ох! Бред какой... Лучше бы уже начинали бить за те ручки.

— Вот, хотел бы отдельно заявить о своей гетеросексуальной ориентации, — сказал Макс, — отметьте, пожалуйста, — обратил Макс внимание того, кто за аппаратурой сидел, — Я не гей. Ну, я против ничего не имею, даже интересно было попробовать, но не получается...

— Это с этим хахалем вы проводили ваши сексуальные пробы?

— Да нет же! Это Эльвира меня попросила так охране сказать, чтобы не позориться, что она этого хахалю испугалась... Она, вообще-то, никого не боится, а с этим у нее был личный конфликт.

— Они обсуждали “Сеялки и веялки”?

Да что они с ума посходили! При чем тут “Сеялки и веялки”?

— Нет, они не поделили “номер два”.

— А вы что?

— А меня там не было! Я позже пришел...

— Когда вы последний раз видели этого хахалю? В этом году?

— Я никогда его не видел! — а он причем? Кто это вообще такой?

— С кем вы связывались в порту по поводу доставки рассадопосадочных машин?

Да что же это такое? Что им нужно? Да у него в бумагах все это отмечено, все накладные...

— А вон те два иностранца, с которыми вы были в сексуальном сожительстве, они упоминали о “Сеялках и веялках”?

— Я с Эльвирой был в сожительстве, не с ними! Они с другой стороны кровати спали. Я не гей!...Ничего они не упоминали. Как они могли упоминать, если даже Эльвира тогда не знала про эти сеялки.

— А когда она узнала?

Макс, чуть не плача, пересказал, что от секретарши узнал. Ох, ну, хоть бы уже скорей начали бить за подкинутые ручки, ну, сколько можно слушать этот бред. Запутать его хотят...

Понеслось по новой, в мозгу все вертелось и переворачивалось от этих вопросов: транзакции, контрагенты, договора поставки, чернозем, суглинистые почвы, сексуальное сожительство, “номер два”, “джон дир”, бесперебойное техобслуживание, СуперМаксик, роскошные урожаи, подданный японского императора в одной постели, иностранный агент, “сеялки и веялки”...

— Я внебрачный сын мадам Эльвиры — вдруг спокойно сообщил Макс. Полиграф показал, что это правда.

— Что? — удивились допрашивающие.

— А, может, и нет. Наверное, все-таки я сын тех, кто указан в свидетельстве о рождении, — полиграф отметил правдивость сказанного.

— Но я так плохо помню раннее детство. Эльвира меня им подкинула, — полиграф согласился с правдивостью этого заявления.

— А мой отец — японский император! — полиграф не смел сомневаться.

Макс не еще умел тогда жонглировать частицами “не” и прочими отрицаниями, не умел еще не давать прямых ответов, не мог ловко видоизменять вопрос допрашивающего в своем сознании и свой ответ, как ему советовал тренер. Но Макс был хороший актер, ему нравилась система Станиславского, он мог испытать чувства, которые играл, поверить в то, что говорил... Он не понял тогда, но в тот момент он интуитивно поймал свой способ обмануть полиграф — полностью верить в любой бред, что говорит, да так, чтобы все физиологические показатели это подтверждали...

- “Джон Дир” самый лучший трактор...

- “Джон Дир” значительно переоценен...

— Мадам Эльвира — блудница вавилонская!

— Мадам Эльвира — святая женщина и помогает людям!

Макс стал красный и потный.

— Перестань паясничать! — получил подзатыльник от того, кто постарше. И получил бы второй, если бы оператор полиграфа не хлопнул раздраженно ладонью по столу.

— Нет, ну я вообще не могу так работать! Он слишком возбужден. Приведите его в норму.

Дали отдохнуть. Принесли обед. Вывели на воздух. Было уже темно. Забор только видно. Предложили сигарету. Макс давно бросил курить — Эльвира заставила, дамам неприятны прокуренные морды, но сигарету взял...

Надо сдать самому. Нужно перехватить инициативу. Надо дать им что-то, чтобы перестали по этому безумному кругу водить. То, что они и так узнают, то, что не противоречит всему прежде сказанному. Его ведь видели в лифте...

Поэтому когда начали по новой, с другими дознавателями, Макс не дожидаясь, пока снова спросят про “Сеялки и веялки” или его иностранных сексуальных партнеров, сказал, что если они действительно интересуются незаконными делами мадам Эльвиры, а не только запутанной личной жизнью ее сотрудников, то возможно их заинтересует эта история — и рассказал им, как мадам Эльвира поручила ему — он только жиголо и никто больше! — подмигивать одному бывшему военному. И когда Макс ехал к тому на свидание, там в подъезде произошла странная кутерьма и на свидание Макс не попал. Сообщил адрес, просил в протоколе отметить свою сознательность и готовность сотрудничать...И то что он не гей. А военному подмигивал по наущению мадам Эльвиры и должен быть дать военному в глаз, если тот к Максусу целоваться полезет... Это единственное, что, как ему кажется, может их заинтересовать из всего, что он знает.

Это действительно их отвлекло, они что-то там долго шушукались. Показали фото, Макс подтвердил. Сразу сам заявил, что к “Сеялкам и веялкам” это не имеет отношения.

И ничего из того, что они у него спрашивали, не имеет отношения к “Сеялкам и веялкам”! И уж, тем более, ни “номер два” и ни ее хахаль, которых он никогда в жизни не видел! А также японец с индейцем, эти иностранные граждане тоже никак не относятся к “Сеялкам и веялкам”! “Сеялки и веялки” — это самая честная часть его жизни, он очень гордится своей работой в “Сеялках и веялках”!

Макс извлек правду и предоставил ее этим людям. Пусть делают с ним, что хотят.

Почти через двадцать часов после того, как Макса посадили в машину на этом перекрестке, его высадили там же, предложив подписать бумагу о “конфиденциальности беседы” (Беседы?! Это, типа, поговорили так?), поблагодарили за сотрудничество, посоветовали быть осторожней в знакомствах, и уехали. Макс отделался всего одним подзатыльником, а про ручки на режимном объекте вообще не спросили.

...И причем тут “Сеялки и веялки”? Эльвира, дрянь, как-то и с этим подставила, не судьба быть ему честным человеком. А ведь он старался.

Макс не мог думать. Он еле держался на ногах. Не спал больше суток, ел один раз. Купил себе кофе и булочку, ел на ходу — брел домой пешком, недалеко, знал, что если сядет в такси — уснет там, не растолкать. Сложно было ключом в дверь попасть — руки почему-то тряслись, но предвкушал, как упадет на кровать и накроет голову подушкой...

Но на его кровати лежал бригадир. Макс даже не удивился. Он как-то перестал удивляться чему-либо, да и бояться, после этих двадцати часов напряжения, уже не было сил. Раз кровать была занята, то лег прямо на пол.

— Привет, Макся. Загулял ты что-то, так жду тебя долго, что закемарил тут...

— Чего тебе? — спрашивать, как тот попал в закрытую квартиру смысла не было.

— Тут такие расклады неприятные... Мадам Эльвира, ведь, имеет покровителей не только там, — бригадир поднял палец вверх, но а там, — бригадир многозначительно показал пальцем вниз, — я в агентстве за ней присматривал, уж больно женщина она пряткая... “Крыша” сверху прохудилась и мадам Эльвира дала деру, прихватив, кроме денег, кое что...

— Я тут причем? — и вообще какой debil доверил Эльвире ценное “кое что”, чем бы это ни было.

— К тебе, Макся, претензий нет, ты пацан четкий, я тебя уважаю, не смотря на твою позорную работу, но только... без обид, Макся, ничего личного... ты нужен, чтобы мадам Эльвиру выманить на живца. Говорят ты ее сын внебрачный...

— Ну, какой я ей сын, — устало возразил Макс, — бабка полоумная ляпнула глупость.

— Да ну я тоже так своим сказал, я же знаю, что вы жили вместе — ну, не с мамашей же! А мне ответили, что от этой бабы неуправляемой всего можно ожидать... Да и, если не сын, ты все равно кадр ценный — она тобой больше других дорожит. А если не выманит мадам Эльвиру, то найдем, талантам твоим выдающимся, применение...

Лучше умереть. Он еще в прошлый раз с той компанией понял, что не сможет, что лучше умереть в луже рыгачки. Тогда он был ребенком, сиротой, который ничего не умел. А теперь...

— Нет.

— Так я не спрашиваю тебя, Макся, у тебя не то, чтобы есть выбор... Без обид, братишка, я лицо подневольное. Собирайся.

Лучше умереть. Эти заставят его “на доверие” работать, проституткой сделают без права выбора. И не сможет вырваться. Никогда не сможет, если пойдет.

Макс лежал на животе, уткнувшись носом в пол Бригадир смотрел на него с сочувствием и протягивал руку. Макс схватил его руку, с трудом поднялся.

- “Сеялки и веялки”? — спросил, — Вам нужна информация по “Сеялкам и веялкам”, да? Это Эльвира унесла?

Бригадир кивнул, несколько удивившись осведомленности Примы-балерины.

— Так, вот, вы опоздали, — вяло, но не без злорадства, сказал Макс, — “Сеялками и веялками” уже вплотную занялись, — Макс показал палец вверх. Он так и не понял в чем секрет “Сеялок и веялок” и не знал, куда показывал пальцем, но просто чувствовал, что сегодняшние ребята с полиграфом круче этих, из подземного мира. Макс решил прикрыться ними, сыграть, что выбрал он сильную сторону — хотя те ничего ему не предлагали, растрясали, как грушу и высадили посреди улицы.

— Вот, двадцать часов допрашивали, — сообщил Макс, — сказали наблюдать за мной будут, велели место жительства не покидать... Вот, я и не покину. Не хотелось бы с ними связываться. Без обид.

Бригадир задумчиво чесал голову. Потом пошел на кухню по телефону “со своими перетереть”. Когда вернулся сказал, что люди они разумные, в отличие от мадам Эльвиры, берега попутавшей, и серьезным людям дорогу не переходят, место свое знают. Поэтому пусть сидит уже Макс на своем месте жительства раз велено, без него разберутся...

— Но мой тебе совет, Макся, — тут бригадир еще раз три сказал, как он Макса уважает, не смотря на позорную работу, — ты, как только место жительства покинешь — затаись, на дно уйди, а то все, кому мадам Эльвира должна, к тебе придут... В порядок себя приведи — ну, что ты как павлин ходишь, не по пацански! — постригись, одежду носи нормальную — как все, от побрякушек избавься. Внимания не привлекай, займись чем-то простым, на что никто не взглянет, себя не проявляй, будто ты — не ты... Пересиди шум, потерпи.

Бригадир еще раз глянул на, валяющегося на полу, Макса, взял его на руки и положил в кровать. Направился к двери.

— Пока, Макся! Всех благ. Без обид?

Макс начал убеждать, что какие могут быть обиды, извинялся, что не провожает гостя до двери, жулик и бандит еще некоторое время упражнялись в витиеватых любезностях друг другу, как какие-то лорды. Наконец незванный гость сказал просто:

— Как пришел, так и ушел — и захлопнул дверь за собой.

Макс сразу погрузился в сон, этот жуткий день закончился наконец.

И снилась ему блудница вавилонская в порфире и багрянце. Оседлав трактор “джон дир”, с сеялкой впереди, неслась она по полю с суглинистой почвой, разбрасывая семена обмана налево и направо, обещая роскошные урожаи и бесперебойное техобслуживание...

Бригадир действительно очень выгораживал своего коллегу по агентству перед своим подземным начальством. Человек по рангу небольшой, много брал на себя, ручаясь за Макса и отговаривая старших связываться с “серьезными людьми из-за какого-то дурачка”. Он с радостью схватился за то, что “внебрачным сыном мадам Эльвиры” занялись уже другие люди и убеждал своих, и убеждал... И не потому, что особенно Макс симпатизировал — еще чего, наоборот, боялся слухов, что нравится ему этот смазливый проститутка, а потому, что бригадир был мудр и дальновиден. Этот шум с сеялками и веялками уляжется, а Макся может далеко пойти — с его-то рожей смазливой, с его-то талантом к брехне, с чутьем, как у ведьмы этой... Может Макся и

за него словечко замолвит в нужную минуту, ведь пацанские законы знает — свой за своего, ни разу не подводил.

Да и это... ну, оно, стыдно признаться, конечно... Но не хотелось бы в жабу обратиться, мало ли. Рассердится еще ведьма, что тронули “ее Максика” — сын он ей не сын, а жабой быть не хотелось бы. Все знают — кто мадам Эльвиру обидел, долго не живут... Сделал все, что мог для вашего Максика, мадам Эльвира, не обижайтесь!

...- Максик, ожидание чуда — страшного или приятного, полдела в нашей работе. Вот, как ты думаешь, почему цыганки, что облапошивают людей возле вокзалов и рынков, тусуются там в своей цыганской одежде? Казалось бы, нужно как все выглядеть, чтобы жертва не заподозрила, не напрягалась, в контакт вступая — это логично... Но парадокс человеческой психики заключается в том, что срабатывает вторая сигнальная система и, когда ты увидел цыганку в цыганской одежде, ты вызвал в своей голове, отвлеченные от этих конкретных обстоятельств, образы — обманщицы, что выманивает деньги, и себя, обманутого, денег лишившегося. Ты готов быть обманутым, когда обратил внимание на ее наряд. Ты сдался, чувствуя опаску, когда цыганка проходит мимо...

— Не совсем понятно.

— Ну, вот, смотри: если бы я выглядела, как твоя секретарша — мы ведь похожи, она моя родственница, то разве люди бы слушали то, что я говорю, верили бы в мои чудеса? Нет, сказали бы — что за чушь про порчу несет эта дамочка средних лет? А когда им эту чушь скажет ведьма, которая выглядит, как ведьма — с копной черных волос на голове, в корсете с декольте, гигантскими ресницами, расширенными зрачками и хриплым голосом, то все — все, Максик! Даже умники с образованием и критическим мышлением! — почувствуют холодок в животе...

Макс уже почувствовал холодок в животе. Он всегда чувствовал холодок, когда она вот так на него смотрела.

— Я ведь Максик, сначала как все хотела выглядеть, чтобы никто не догадался, кто такая — волосы красила, как учителька одевалась, приличной притворялась, ну, типа, как “номер два” выглядит — из культурных. Стыдилась этого ремесла колдовского, гадания дурацкого, расизмом считала... А потом посмотрела фильм “Эльвира — повелительница тьмы” — в Голливуде лучшие идеи, и украли образ совершенно бесстыже! И меня осенило: я создам империю, магическую империю, монетизирую то, что мне досталось по праву рождения. Я не буду стыдиться этого, а обращу в деньги. Ведь что главное, Максик?

— Главное — рост.

— Себя не спрячешь, Максик, и от себя не убежишь. Направление только одно — вверх...

Макс спал двенадцать часов и проспал бы еще столько же, но в самые дальние участки его мозга, в которых хранилось чувство вины и долга, пробивалось робкое позвякивание и пошкрябывание. Кто-то звонил и стучался в дверь. На пороге стояла ушастая секретарша, в вот этом своем дебильном берете, прижимающем уши, и с

чемоданом.

Ох, а с ней что еще!

А ее выселили из квартиры. Ну, потому, что она давно не платила — как работу потеряла. А денег не накопила — немного Эльвира ей платила. Последнюю неделю света не было и газа... На работу ее не берут — она же под следствием еще, да и кто ее возьмет — без рекомендаций, с ее-то ушами... Какую найдет еду — такую и ела... А потом к подружке пошла переночевать, а к подружке друг приехал, неудобно стало беспокоить... Сережки есть, дорогие, что Максичек подарил, хотела продать, но давали всего треть цены — так жалко, и кто ей еще в жизни подарит такую вещь! ... Не знает, что ей теперь делать. Может, Максичек подскажет, он такой умный.

Макс приготовил этой бестолковой завтрак, сварил кофе. Застенчивая девочка набросилась на еду, как голодная кошка — урчала и причмокивала. И с каждым причмокиванием его раздражение нарастало. Он эту дуру просто ненавидел.

Ну, почему, почему она ему не сказала! У него куча денег, уж накормить бы смог. И он давно ей предлагал к нему переехать, а не тратиться на свою дыру! А теперь столько всего сразу навалилось, ему надо драпать, надо прятаться, а тут еще эта со своим чемоданом!

Он ненавидел эту дуру, но понимал, что ненавидит себя, его чувство вины ловко перекладывает на секретаршу то, что он ненавидит больше всего — ответственность.

Он — скотина и сволочь, потребительски относился к этой забитой девочке. За все это трудное время следствия он интересовался ее жизнью, только когда ему было нужно. Да, как и всегда, впрочем... А секретарша ведь настоящий товарищ, хороший человек, всегда была на его стороне, всегда выгораживала, помогала и выслушивала — одна из всех его женщин. А Макс ненадежная сволочь, вот, почему она ему ничего и не сказала! Его женщина ходила голодная и не сказала ему не слова. Пойди, Максичек, и повесся от такого позора!

Макс смотрел, как жадно секретарша ест и ненавидел Эльвиру — ну, как можно было воспитать такое забитое, боязливое, все время стыдящееся и стесняющееся себя, существо. Ведьма, тварь, рабыню себе воспитала, прислугу, чтобы бегала на посылках! ...А теперь ведьма отправилась в бега и такая: “Максик, а ты обязан позаботиться о малявке!”. Конечно! Она воспитала несамостоятельную дуру, а Максичек возись!...И нечего валить на Эльвиру, Максичек, сейчас это твоя женщина и ты должен нести за нее эту... ответственность эту гнусную.

— Почему ты мне не сказала? — спросил, — Я бы помог. Ну, как можно было не сказать, я же не чужой человек. Я бы помог.

— Не хотела беспокоить. Не хотела причинять хлопоты, чтобы не разонравиться тебе, Максичек. А теперь совсем все плохо, больше некуда идти. Меня даже на панель не возьмут, потому, что я некрасивая.

— Нормальная ты. Симпатичная.

— Я же знаю, что нет. Просто ты такой добрый, Максичек, и умеешь обращаться с дамами, вот так и говоришь.

— Нет. Ну, вот, ты считаешь ведь меня красивым? А я встречаюсь с тобой почти два года. Значит и ты красивая, — неумело принц недоделанный пытался осенить

своей красотой весь окружающий мир.

— Ты со мной не поэтому встречался, просто больше не с кем было, чтобы от работы не отвлекаться и работу обсудить можно было. У нас служебный роман.

Макс захотел разбить голову о холодильник. Он, выдающийся плейбой, и способнейший обманщик, не смог обмануть единственную женщину, которая была достойна его добрых слов. Небось, и в постели он был так себе, на троечку... Потому, что никогда о ней не думал, только о себе, расслабиться хотел. Вот, черт! Вот, где СуперМаксик по настоящему облажался, это вам не случай с телефоном...

— Ты ведь считаешь мадам Эльвиру красивой? — спросил Макс: простейшая манипуляция первого уровня, использование авторитетов, безусловный рефлекс, личный эмоциональный контакт, стандартная техника...

— Конечно! — сразу сказала девушка, — Эльвира — самая красивая на земле.

— Ты родственница Эльвиры и очень на нее похожа, можешь сравнить фотографии. Это значит, что ты тоже красивая. Просто Эльвира может преподать себя, у нее была тяжелая жизнь, как могла так и выживала, а у тебя есть образование, ты в другом мире живешь, тебе это не так нужно...

Секретарша немного приободрилась, но что-то про уши оттопыренные начала бляеть. И Макс, этот извращенец-любитель ушей, сказал ей чистую правду, что ее уши ему нравятся куда больше, чем уши Эльвиры — он пробовал те, и другие, и может сравнивать... Секретарша заулыбалась и просила добавки. Он искал вкусы в холодильнике и решил, что у его девочки будет самая лучшая работа, с самым выгодным контрактом... Он все исправит, все. За один день.

Повел в спальню, хотел ей показать все, что умеет СуперМаксик, а девчонка испугалась.

— Ой, Максичек, — робко сказала, — это все такой разврат... Не надо так.

Разврат?! Ей двадцать три года, а она как старушка!

Тетечка ее очень строго воспитывала, не разрешала с мальчиками дружить, “чтобы не стала гулящей и не принесла в подоле”. У нее до Максичка был только один мальчик в колледже. А тетечка их застукала как-то, так секретарше пару оплеух досталось, а мальчика тетечка избила его собственным ремнем до крови, весь синий ходил за то, что “совратил ей девку”. В полицию обращался, ну тетечка решила вопрос с полицией, конечно, но только от мальчиков больше предложений не поступало, потому, что у нее тетечка — злая ведьма...

У Макса волосы шевелились на голове. Это что, средневековье? Околица мира где нет электричества? И Эльвире ли, называть кого-то гулящей?!...А потом вдруг жалость, острую жалость почувствовал к всемогущей Эльвире, которая не может допустить даже, что какой-то мальчик может быть хорошим, так как сама не видела таких никогда.

...Тетечка ее выкупила у родственников. Те, когда тетечка поднялась, пришли денег у нее просить, тетечка сказала, что денег даст в обмен на “это мелкое, ушастое несчастье”. Тетечка свидетельство о рождении получила, опекуницей стала, в школе выучила, в колледже — отличницей заставляла быть, лупила за “четверки”, обещала

в жабу превратить, если диплом с отличием не принесет. Тяжело было, ведь не очень умная, обыкновенная, но диплом был лучший в группе... А не заведи тетечка ее тогда, то и не выжила бы — таких слабых, да с такими ушами, у них не любят...

Макс любил пожалеть себя — сиротку несчастную, а тут, лежа рядом с этой девочкой, не знал даже, что хуже — сдохнуть на помойке или попасть в полную зависимость от такой женщины, как Эльвира. И даже, если Эльвира жизнь спасла и добра желает, то добро это достается дорогой ценой уверенности в себе, достоинства, способности испытывать чувство заслуженного успеха и естественного удовольствия.... Ох, с этими глубокими травмами Макс ничего не сможет сделать — он всего лишь самозванец-шарлатан, напевающий женщинам сладкие песни, чтобы они чувствовали себя особенными.

Одно он может сделать. И не отпускал секретаршу из постели, пока не добился того, что ей нравится и не понял, чего она хочет.

— Ах, Максичек! — и никогда еще ему не было так приятно это слышать.

С утра пошли устраивать ушастую секретаршу на новую работу.

— Ой! — сказала секретарша, посмотрев на высотное здание из стекла и бетона, — Я туда не пойду. Я им послала свое резюме — даже не ответили.

— А сейчас ответят, — убедительно сказал Максичек и поволок свою девушку внутрь.

Он велел ей сесть в кресло, к ресепшену пошел сам, сказал, что ему нужно видеть генерального директора. Там, конечно, сразу культурно послали — он бы еще премьер-министра спросил. Макс настаивал. Ему сказали, что может записаться в журнал, ориентировочная дата — через три недели, секретарь перезвонит... А ему прямо сейчас нужно.... А может быть, ему нужно убраться из их холла? Кто он вообще такой?

Вот не хотел бы прямо тут, на ресепшене, распространяться, кто он такой. Но генеральный директор сразу его примет, поверьте. Покажите фото посетителя с камер, придумайте что-нибудь... Ах, охрану вызовете? Ну, тогда посмотрим, сколько вы тут на работе продержитесь, если охрана узнает, кто он такой... Ладно, если на совещании, дайте личного секретаря, я секретарю скажу, кто я такой... Руки убрали! Да не трогайте своими вонючими руками! Хотите скандал — так получите такой скандал, что все работы лишитесь.

Ушастая секретарша сидела в своем углу, вжавшись в кресло. Закрыла лицо руками, представляя, как сейчас будут бить ее Максичка, а ее саму с позором вышвыривать на улицу... Охрана окружила Макса и ждала сигнала администратора.

— Позвоните личному секретарю, — Макс перегнулся через барьер, взял руку администратора, посмотрел ей в глаза, — вы примете правильное решение, удобное для всех, снимите с себя ответственность.

— Ну, хорошо... — сдалась администратор, начала набирать номер. Мало ли, а она потом крайней будет...

Отлично! А то готов был на скандал сорваться, все испортить, нервы ни к черту... Ладно, скажет секретарю, обычно личным секретарям и не такое доверяют... И отошел с телефоном подальше, оглядываясь на охрану, которая все еще не уходила, готовая за него взяться в любой момент.

— Передайте, пожалуйста, вашему начальству, — вежливо сказал Макс, — что пришел СуперМаксик и ему нужно срочно видеть генерального директора по личному вопросу...

...Такие женщины всегда скрываются, конечно. Называются выдуманными именами, убирают из сумочек документы, визитки и фотографии. Но эта директорша допустила ошибку — в ее сумочке, которую Макс предусмотрительно просмотрел, он нашел рецепт лекарства, на котором стоял штамп корпоративной медчасти, а на дорогом белье была монограмма. В век интернета, дело нескольких минут выяснить, кто эта дама...

— ...вопрос у меня срочный, если она на совещании, так зайдите и шепните ей, что я ее тут жду. Или мне всем на ресепшене рассказать кто такой СуперМаксик?... Большое спасибо! — Макс отдал телефон администратору и, насвистывая, вернулся к секретарше.

— Нас побьют, Максичек, пойдем лучше, — ну, что ж за человек такой! И это Эльвирина родственница?!

— Не побьют, а скажут “проходите, пожалуйста”. Не ной, подождем пять минут...

— Проходите, пожалуйста, — сказала администратор, указав на отдельный лифт.

— За мной! — скомандовал Макс и пошел лифту. За ним, прижав свою сумку к груди,

семенила секретарша, подобно скромной курочке, которая пробирается за своим павлином через джунгли.

Зашли в роскошную приемную. Нехило так устроилась, эта чокнутая нимфоманка, картины красивые, диван роскошный, канцтовары... Ручку, что ли, стащить, никогда таких не видел?... А эта малявка снова на краю кресла примостилась, как бедная родственница. Ну, жутко бесит.

— Сядь удобно, расслабься! — приказал ей. Это вообще нормально — приказывать человеку принять удобную позу?! Хотя... в армии приказывали принять удобную позу. Говорили, кто знает больше и умеет лучше — тот и командует.

Личный секретарь генерального директора, когда думала, что Макс не смотрит, с интересом их разглядывала — шикарного павлина и его скромную курочку. Макс поймал ее взгляд и улыбнулся:

— Я родственник генерального директора. Дальний, — а его ушастая выпучила на это глаза. Ну, что за человек такой — верит всему, что скажут.

Снова открылась дверь из коридора и зашла генеральный директор. Она совсем не была похожа на ту чокнутую дамочку из отеля в розовых труселях. Сдержанная, строгая, надменная, одета так строго, по мужски... Максимум едва кивнула, на ушастую посмотрела, как на муравья какого. Отослала свою помощницу куда-то, закрыла дверь приемной на ключ.

— Вы по какому вопросу? — ну, и выдержка, ничего в лице не дрогнуло! Такие и становятся директорами.

— По личному. Поговорим? — и кивнул на кабинет, — Ты тут подожди, — приказал секретарше.

Предложила сесть. Налила себе воды. Ну, и женщина! Роскошная, уверенная в себе, умная и красивая, богатая женщина — мечта любого! Зачем ей такие, как СуперМаксик?

— Что от меня нужно? — сразу перешла она к делу, — Полагаю, у тебя есть фото или видео, что могут меня скомпрометировать?

Никаких фото и видео у Макса не было, но он кивнул, что есть. Изложил свою просьбу — устроить свою девушку делопроизводителем в их корпорацию. Вакансий у них много, он смотрел, девушка как раз подходит. Резюме у нее небогатое и рекомендаций нет, но диплом отличницы и вообще она очень ответственная... Отличный работник, будете очень довольны.

— Будь я мразью какой, я бы просто доил бы вас каждый месяц и не работал бы никогда, но мне только нужно девушку свою пристроить... — протянул директору резюме.

Генеральный директор читала резюме. Еще никогда она на своем верхнем этаже не просматривала резюме какой-то секретарши.

— ...Вот, я даже контракт подготовил, чтобы время сэкономить. Скачал из интернета типовой и кое-что к нему добавил.

Добавил Макс много — его секретаршу нельзя было уволить без ее согласия, уменьшить оплачиваемые часы, нельзя было понизить в должности и зарплате, урезать отпуск и прочие социальные гарантии, не смотря на то, что она не член профсоюза.

— Это противоречит нашей политике и юротдел обратит на это внимание, может не завизировать контракт, — сказала генеральный директор, снимая с носа очки, — я вообще не подписываю контракты с каким-то секретаршами, это не моя работа.

— Думаю, генеральный директор в силах решить вопрос с юротделом и заключить контракт с секретаршей, я читал ваш устав, не надо мне рассказывать, — строго сказал

Макс, — ваша репутация стоит того. Делайте, что говорят. Потом позвоните в отдел кадров. Не будем ссориться, мадам, решить мой вопрос всем выгодно.

Размашисто подписала контракт, поставила свою личную печать.

— Еще какой-то вопрос? — смотрела на Макса холодно, но надменности не было совсем.

— Нет, это все. Прошу проследить за четким выполнением контракта, если не хотите неприятностей. Спасибо за сотрудничество, — Макс направился к двери, потом остановился, — Вот еще: следите, чтобы в вашей сумке не было рецепта с корпоративной печатью и не носите белье с монограммой — привлекает внимание. Всего доброго!

— Есть ли вероятность того, что СуперМаксик вернется в дело? — спросила его эта тетка.

— Вряд ли, — сказал Макс. Не сможет он больше, перерос. Да и сутенер его сгинул без следа. Взялся за ручку двери...

— Бесплатные обеды в нашей столовой на все время контракта, — раздалось сзади, — Я внесу в контракт. В обмен на секс прямо сейчас, здесь.

Блин! Вообще оборзела. Не посмотрел на нее даже. Начал дверь открывать.

— Три раза в неделю бесплатный спортзал. Очень хороший спортзал — бассейн, корты, сквош... — ну, точно больная нимфоманка!

Макс обернулся. Закрыв дверь.

— Полная корпоративная медстраховка высшего класса, — сказал, — Обеды, спортзал и медстраховка. Переписывай контракт, пока я не передумал.

Генеральный директор очень быстро распечатала новый контракт и подписала. Макс внимательно проверил — знает он этих теток при деньгах, те еще проходимки.

— Ну? Чего ты хочешь? — отбросил вот эту свою вежливость и почтительность к старшей женщине, генеральному директору. Эта тетка доминирует над всеми — и на работе, и в жизни, а в сексе доминатор нужен ей. СуперМаксик — профессионал, он даст даме, что ей нужно, — У тебя есть принадлежности какие, как ты любишь?

— У тебя есть ремень, придумай что-нибудь, — начала аккуратно снимать свой деловой костюм, чтобы не измять — она же на работе.

Тьфу! Ремень потом новый покупай... И настроение не особо на секс, надо как-то настроиться. Виагру он с собой не носит, вроде как не в том возрасте... Макс представил, как его ушастая секретарша играет в теннис в дорогом спортзале, как задирается ее юбочка, а а она там без трусов... Как ушастая секретарша плавает в дорогом бассейне с прозрачной водой и купальника на ней нет... Своим красивым пальчиком зачерпывает черную икру из тарелки с бесплатными обедами и облизывает пальчик красивым язычком...

— Только заткнись и не ори громко, — приказал временный повелитель генерального директора, — Не пугай мне ребенка в приемной, она разврата боится... Стоп-слово тоже самое? Начинаем...

Весь вспотел. Не так легко, как можно подумать. И штаны без ремня спадают, похудел он за последнее время... А без штанов никак нельзя — нельзя так просто отдать штаны, она должна заслужить, эта плохая девочка... Или хорошая?... Вот, черт, забыл, как надо говорить... Эльвира всегда ему двойки ставила за это бдсм, говорила, что тупой. А он не тупой, он нормальный...

Ну, вроде бы довольна директорша, притихла — ремня, обзываний, понуканий и небольшой стимуляции достаточно оказалось... Пойдет он лучше, пока не передумала...

— Хочу тебя ублажить, — жалостливо просила директорша, валяясь на полу.

— Нет! — доминатор грубо пихнул ее ногой, пробираясь к двери. Директорша ловко поймала его ногу, давай ногу целовать и умолять позволить потрогать его “вон там”.

— Обойдешься! — как бы ловчее по морде ей попасть, чтобы макияж не испортить, бедняжке еще работать...

— Десять дней к отпуску ей добавлю! Дай вон там потрогать....

Макс представлял себе, как десять дней его голая и мокрая секретарша проводит на пляже, на белом песке, песок на влажной груди, песок на прекрасных ушах...

После того, как директорша потрогала, чего хотела, то вообще спятила — начала нецензурно орать, что нужно с ней сделать, так себя вела отвратительно — плохая девочка! — что вывела доминатора из себя на самом деле...

— Возьми меня, СуперМаксик, — стонала директорша, — Премия девчонке раз в квартал! Внесу в контракт...

Черт с тобой! Хочешь жесткого секса, так получишь жесткий секс — не жалуйся! Капиталистка! Эксплуататор трудового народа!

— Рождественский подарок внесу в контракт! Только не убирай руку с шеи! — умоляла директорша.

— Дорогой подарок, а не сувенир! — орал на нее доминатор, угрожая тем, что перестанет душить.

— Стоимость подарка обсудим в дополнении...

— Придушу тебя, капиталистическая сука! — продолжал описывать мерзкими словами, что он проделывает и проделает еще много раз с этой гнусной тварью, которая его насилует в то время, как он насилует ее...

— СуперМаксик! Ты самый лучший...

И вот вообще не прикольно было это слушать... И всегда было противно вспоминать.

— Довольны, мадам? — осведомился СуперМаксик.

— С тобой приятно иметь дело, СуперМаксик, — поправляя прическу, сказала директорша, — Жаль, что вышел из бизнеса.

— Все наши договоренности в силе?

— Конечно. Отнесите контракт в отдел кадров, им позвонят. Всего доброго!

— И вам. Хорошего дня.

Макс вышел из кабинета генерального директора изрядно потрепанный. В руках держал контракт, в котором генеральный директор, разве что, ноги мыть его секретарше не обещала. Макс очень хотелось в душ, а потом в монастырь навсегда. Вышел без ремня — его он оставил директорше на память. Ушастая секретарша смотрела с ужасом — слышала, что там творилось.

— Говорил же, рассмотрят твоё резюме в первоочередном порядке. Теперь в отдел кадров идем.

— Максичек... — хотела что-то спросить.

— Лучше молчи, — он уже проклял тот миг, когда решил быть благородным джентльменом.

В отдел кадров позвонили с самого веру и велели принять в работу особый контракт,

подписанный самой генеральной директором. Но когда этот контракт принесла какая-то невзрачная, лопоухая девица, претендовавшая на должность младшего делопроизводителя, очень удивились — с чего бы это генеральному директору (которую большинство сотрудников отдела даже не видело никогда) лично заниматься какой-то секретаршей? Пытались у девицы выяснить, но она мычала что-то маловнятное.

— Какие-то проблемы? — из коридора в отдел зашел светловолосый красавчик. Наверное, это тот скандалист, про которого рассказывали сегодня на ресепшене. Он был очень зол и очень нагл. У него не было уже сил кокетничать и улыбаться. И из роли доминатора он еще не вышел, — Что-то непонятно по контракту?

— Все понятно, не беспокойтесь, все оформим, — никто не хочет связываться с доминатором, особенно если у него генеральная в приятелях. Приняли девчонку без рекомендаций, без собеседования, не зная, что она умеет и куда ее поставить... Сказали приходить в понедельник, выписали пропуск.

Лопоухая девица благодарно кланялась, отступая к двери. А злой красавчик задержался.

— Вы тут это... следите за психологическим климатом в коллективе — сказал этот наглый тип, — если хоть кто-нибудь ляпнет моей девушке про ее уши, или по другому ее обидит, я приду и всех поубиваю... Она очень застенчивая, я переживаю, — наглый тип немного сдал назад.

Его заверили, что все будет хорошо, пусть успокоится. И странная парочка убралась наконец. А в отделе их до вечера обсуждали, не часто встречается — контракт младшего делопроизводителя с обычной зарплатой, но с условиями принцессы, генеральной ручкой подписанный.

— Внебрачный сын! — предположила одна тетка, — А как еще это можно объяснить? И похож — волосы светлые и такой же злой и наглый...

Отдел с этой версией согласился. Внебрачный сын.

— Максичек, не знаю, как тебя благодарить, — сказала ему дома ушастая секретарша, — На такое ради меня пошел...

— Отблагодари тем, что нормально к себе относишься, как к человеку, а не как к бедной родственнице, — Максичек все еще был чернее тучи, — раз на такое пошел, то ты того стоишь. И не нужно больше это вспоминать.

Но не успели они лечь спать, как в дверь позвонили два одинаковых человека, они дали Максиму подписать ворох одинаковых бумаг по поводу ликвидации фирмы “Сеялки и веялки”. Мадам Эльвира, как владелица, была признана судом “пропавшей без вести”, а главным распорядителем ликвидационной комиссии суд назначил Макса, главного менеджера.

Два часа подряд, не отрывая головы, Макс подписывал ворох документов. Два одинаковых человека с, ничего не выражающими лицами, сидели с двух сторон и проверяли, как подписал. Сначала Макс пытался читать, что подписывает, а потом плюнул...

Мечта разбилась. Не стать ему честным бизнесменом, уважаемым продавцом таких солидных вещей, как трактор “джон дир” или таких прекрасных, как рассадопосадочная машина. “Сеялки и веялки” были его билетом в нормальную жизнь — не моделькой, ни продавцом дамского платья, а в нормальный мужской бизнес. Очень расстроился. Если бы не эти нависали, то может и плакал бы...

Эти одинаковые забрали свои бумаги, поблагодарили за сотрудничество и ушли. Секретарша, которая все это время пряталась на балконе, зашла в комнату, вся дрожа.

— А что не так с “сеялками и веялками”?

— Понятия не имею, — и это было обидней всего.

У секретарши могли быть какие-то свои мысли по этому поводу — ведь она знала, кто был владельцем до Эльвиры, но секретарша промолчала — не очень умная, всегда понимала, что нельзя лезть не в свои дела и никого туда втягивать.

— Отдохни, Максичек, — сказала ласково, — завтра тебе будем работу искать. Поспи...

Но поспать толком не дали. Позвонил бригадир, по старой дружбе сообщил, что, оказалось, много у кого зуб на мадам Эльвиру, а оттого и претензии к ее внебрачному сыну. Сам бригадир человек маленький, прикрыть не может, но очень советует место жительства сменить срочно...

— Пора тебе сваливать, Макся...

Всю ночь упаковывали вещи, с утра приехал грузовик, на складское хранение забрал. Макс в грузчика переоделся — волосы под форменной фуражкой не видно, а секретаршу в диван засунул, в отделение для белья — хорошо, что мелкая, отлично поместилась! Мало ли, вдруг кто-то из тех, у кого “зуб на мадам Эльвиру” пасет их возле квартиры, лучше, чтоб не видели куда пойдут... Ну, и куда же они пойдут?

И пошли они в дом престарелых, куда бабка-уборщица переселилась после того, как агентство накрылось. Эльвира, к ее чести, дом престарелых заранее забронировала и за три года вперед заплатила, сказав директору «или бабка очоурится или я на белом коне вернусь». Там были комнаты для посетителей, пару дней там пересидеть можно...

В доме престарелых Макс перезнакомился со всей администрацией, произвел впечатление заботливейшего внука, «такого милого мальчика», всем понравился настолько, что получил для своей секретарши постоянную комнату для проживания всего лишь за три часа волонтерской работы в день. Пусть тут пока посидит, а то мало ли — вдруг эльвириным кредиторам, за отсутствием внебрачного сына, пригодится и троюродная племянница.

Позвонил адвокату, поручил найти того судейского, с дочкой которого работал в монастыре. Просил передать, что патер, который направил его дочь на путь истинный, в беде и очень нужно помочь — подписку о невыезде быстрее снять, ведь претензий у закона к Максу не может быть никаких...

Все сделал, что должен. Никому он ничего больше не должен. Посмотрел на себя в зеркало — чужого красавчика в модной одежде, побрякушками украшенного, с прической стильной... Он сильно отличался от того, каким до агентства был. Позволил себе признаться, что он любит все красивое, что папаша «педиковским» называл, первый раз себе нравился в зеркале, перестал наконец стыдиться того, что красивым уродился. Был благодарен Эльвире за это, считал, что она раскрыла его — теперь он нарядный, столичный мальчик, который читает книжки и говорит на иностранных языках, к любому подход может найти, любую даму влюбить... И слишком это для него все оказалось — вспомнил было страшно в той комнате без окон с полиграфом, как нависал над ним страшный бригадир, как он, глотая слезы, подписывал отказ от «сеялок и веялок» одинаковым людям со стеклянными глазами...

Что ж, ведь заслужил. Жулик, который обманывал людей за деньги, придумывая себе всякие оправдания. Принц недоделанный!

Вспомнил, что бригадир говорил: «В порядок себя приведи — ну, что ты как павлин ходишь, не по пацански! — постригись, одежду носи нормальную — как все, от побрякушек избавься. Внимания не привлекай, займись чем-то простым, на что никто не взглянет, себя не проявляй, будто ты — не ты...». Бригадир нормальный пацан, знает жизнь, знает, как надо... Так и нужно сделать. По бригадирской инструкции, Макс все может по инструкции сделать...

Пришел в салон, куда Эльвира его привела три года назад и сказала мастеру: «сделайте мне брильянт из этого куска угля, который я нашла на помойке». Хороший мастер справился, прима-балерина у него получилась вместо чумазого провинциала.

А теперь Макс сел в кресло и просил постричь все. Ну, как для армии...

— Нет, Максичек, не могу, — сказал мастер. Для успешного маркетинга парикмахер изображал, что гей, хотя у него была любимая жена и трое детей. Макс иногда подыгрывал ему перед голубыми клиентами, изображая любовника, так было ржачно, особенно когда ребята верили. Да и просто тренировался — наблюдал, как голубые ребята себя ведут, чтобы, если нужно, сыграть их четко... Как будто миллион лет назад это все было.

— Я не могу уничтожить прекрасное, я художник, — сказал мастер — Зачем это тебе

это?

Ну, не скажет ведь Макс постороннему человеку, что он, теперь снова не он, что нет уже примы-балерины и никогда не будет больше. Макс не справится быть собой, он слабохарактерный и ведомый, его используют во вред. Блудницы вавилонской, которая прикрывала и понимала, больше нет... Придется, ему как все быть. Придется обратно углем стать.

Не говоря ни слова, встал с кресла, пошел в цирюльню на углу. Там за двадцатку его постригли машинкой. Мальчик из цирюльни, правда, тоже колебался:

— Под машинку стричь? Все?

— Все стриги.

Мальчик из цирюльни бросал на него жалостливые взгляды, наверное, думал, что рак у молодого клиента...

Потом Макс купил себе в магазине китайских товаров спортивный костюм и ужасно уродливые кроссовки. В руках даже держать противно было это уродство, но он больше не прима-балерина, он неблагополучный мальчик из провинции, таким он должен быть, чтобы никто не заметил, не нашел... Переоделся прямо в этом магазине всякой дешевки, посмотрел на себя в зеркало — увидел неуместно шикарную серьгу в ухе, снял и сжал в кулаке. Это был подарок Эльвиры — черная пантера с изумрудными глазами обвилась вокруг золотого обруча...

Не смогу продать, — подумал, — это не смогу. Часы виолеттины себе оставил и эту сережку с пантерой, все остальное в ломбард отнес — на его костюм со стрижкой смотрели с пониманием. Видимо подумали, что он обчистил мажора какого. Все шмотки его дорогушие секретарша пусть продаст, будут ей деньги до зарплаты..

Брильянт, принявший исходную форму, вернулся в свой дом престарелых.

— Ой, Максичек, — испуганно сказала ушастая секретарша. Прекрасный принц превратился в кусок угля. Ей тетечка запрещала дружить с такими мальчиками.

Может, разонравится ей в таком жутком виде? А то очень напрягает, когда она ему в рот влюбленно заглядывает, а он ничего такого не чувствует, неловко как-то...

— Правильное решение, — одобрительно сказала бабка, она сидела в комнате у секретарши и гадала, — Затаись на время. А то меня тут родственники спрашивали про эльвирочкиного сына. Что-то там Эльвирочка им обещала....

Ох, теперь еще и их родственникам он тоже что-то должен. Сколько миллионов этих родственничков?

— Ну, вот зачем ты выдумала, что я Эльвирин сын? — устало спросил Макс

— Я не выдумала, я нагадала, — гордо ответила бабка, — Если она тебя не родила, то воспитала, всему научила...

Спасибо большое! Вот так ляпнула бабка, а он теперь всем должен почему-то за эльвирину науку...

Теперь бабка гадала ушастой секретарше на эльвириных картах.

— Сперла, когда Эльвирочка дала деру, не пропадать же семейному добру, — сообщила бабка и нагадала секретарше хорошего мужа, троих детей и то, что секретарша умрет во сне в возрасте девяносто одного года

— То, чего и хотела для тебя Эльвирочка, — довольно сказала бабка. Ушастая секретарша с надеждой посмотрела на Максичка, робко улыбаясь. А Макс попросил и ему погадать, в надежде, что этот самый муж навсегда — не он. Ни в какое гадание не верил, но

на бабкину поддержку рассчитывал, чтобы тактично внушила секретарше, что не судьба, мол...

Бабка изменилась в лице, раскинув карты на Макса. Носом водила. Заинтересованная секретарша заглянула ей через плечо, она ведь тоже разбиралась чуток.

— Ой, Максичек, — несчастным голосом сказала секретарша, — Ой!

— Что там? — обеспокоенно спросил Макс. Вот он не верил ни в какое гадание дурацкое, а холодок отчего-то в животе есть, — Что, очень плохо?

А как еще может быть? Люди с полиграфом, бандиты бригадира, одинаковые люди со стеклянными глазами, цыганские родственнички... Еще кто-нибудь занял очередь за Максиком?

— Запутанно очень, — ответила бабка, — Столько всего... Я слаба в гадании, не могу разобрать точно... Много событий, опасных и страшных... и не очень страшных... И кудри у тебя отрастут прекрасные, Максик, много будет женщин — белых, черных, желтых и всяких прочих...

Черт! Он уже думал, что завязал с этими бабами навсегда.

— А спортивная машина? — спросил, чтобы разрядить обстановку. А вообще всегда такую хотел. Ламборджини или Феррари.

— Не могу сказать... — размышляла бабка, — вот эта дама, видимо, Эльвирочка — мать ужасная... А это не пойми кто... И это не знаю, как рассказать... А вот тут у тебя будет что-то с животом... Запутанная судьба у тебя, Максик. Умрешь несколько раз, но проживешь долго... Нутро не спрячешь, как не старайся... А вот это что? Не понимаю...

Ну, и гадание, смех один! Вот, Эльвира гадала, так гадала... А почему Эльвира никогда на будущее Макса не гадала? Она же часто карты раскидывала, чтобы «мысли структурировать», по ее выражению... Или при нем не хотела?

Черт! Он взрослый человек и ни в какое гадание не верит. Пойдет он спать. Бабка смотрела на Макса с нежностью и жалостью, а секретарша расстроено сопела, поняв, что Макс в мужья ей не достанется...

— Ах, Максичек, — ночью в постели нежно гладила ушастая секретарша колючий ежик на его голове, — Мне всегда с тобой хорошо было, даже без этого твоего разврата, не переживай... Ты сам по себе такой хороший, про девочку думаешь, не только о себе... Ты не бойся тех карт, это и без карт было понятно, что судьба такая. Слишком ты не как все, Максичек. Прима-балерина, — вцепилась в него, понимая, что больше не обнимет своего Максичка никогда. Все-таки у нее был дар куда больший, чем предполагала тетечка.

...На вокзал за ним увязалась. Он против был, вдруг кто увидит, но не смог прогнать, ведь с большим мужеством приняла то, что Максичек уезжает не только из города, но из ее жизни тоже. Оставлял ей распоряжения насчет имущества из квартиры, наставлял насчет работы...

— Я справлюсь, Максичек, — убеждала она, — ты меня очень укрепил, я все могу, не беспокойся.

Он инструктировал, как ей себя вести с мужчинами, просил высылать регулярные отчеты, чтобы он вовремя заметил, если кто, что худое задумает... Он, как Эльвира, хотел полностью ее контролировать, чтобы уберечь.

— Я сама разберусь, Максичек, спасибо, — уверяла его она.

Макс, забросив спортивную сумку на плечо, как прашу, стоял на платформе с напряженным и сосредоточенным видом, будто перед боем. Он вроде бы смотрел на свою секретаршу, но был уже не с нею. А она подумала, что он никогда еще не был так похож того Давида так, как сейчас.

— Увидимся, — сказал Макс, зная, что врет.

— Увидимся, — ответила секретарша, зная, что он врет.

У него ничего не осталось от той секретарши — ни колечка, ни сувенира. Но к каждой женской фотографии в мужском журнале или журнале мод, ему хотелось пририсовать большие круглые уши, так казалось гораздо красивее. У него больше никогда не было женщины с такими красивыми ушами.

И через много лет понял, что все-таки любил ту секретаршу, и это был не только служебный роман.

Он ехал туда, где родился. Полгода назад, перед тем, как погорело агентство, встретил дядьку двоюродного, на промышленной ярмарке, где Макс одну барышню окучивал, а дядька покупал оборудование для нового бизнеса. Долго на строительную фирму работал, а теперь свой бизнес начинает — установка канализационных систем. Это, значит, все устанавливает — и канавы копает, и трубы туда кладет, и унитазы ставит... Все хорошо, но деньги закончились. Инвестор нужен и помощник. Ну, работа, она, грубая, физическая, такому моднику, каким Максик стал, наверное, не подойдет, но если жизнь прижмет, пусть просигналит...

Вот и просигналил, когда жизнь прижала. Макс может быть инвестором — его спортивная синяя сумка была полна наличных денег, он копил все три года, что работал в агентстве и получал, не учтенные нигде, наличные деньги. Макс давно перестал кутить, все реже ходил в клубы, одевали его богатые дамы, ел он мало, только на учебу тратил — и каждый месяц откладывал... Всегда хотел честный, мужской бизнес приличного человека. Вот и пожалуйста — что еще более мужское, чем установка канализационных систем — дядька сделает его акционером, в долю возьмёт. Брильянт превратился в уголь, это самое для угля занятие — канавы рыть и унитазы ставить... Будет помощником... Тьма на горизонте рассеивалась, а жизнь налаживалась.

Теперь он всегда будет честным человеком. А то, что же это такое — он за двадцать четыре года три раза был под следствием. Сам виноват. Теперь нет, новая жизнь. Ничего не будет нарушать. Переходить дорогу по пешеходному переходу только. Будет налоги платить. Полностью, а не утаивая жульническую наличность. Ну, если появится на унитазажном деле наличность какая... Голосовать начнет... Вот, ни разу в своей жизни не голосовал, а теперь изучит за кого нужно — и пойдет...

Раздали бесплатную прессу, Макс бездумно листал журнал и вдруг сердце защемило — он увидел рекламу «Сеялок и веялок». Он сам заказал эта рекламу — на целый год выходила просто смешная сумма, а пару раз звонили и даже продал, из-за этой рекламы в поезде, одну рассадопосадочную машину... С ностальгической нежностью Макс погладил свою картинку. И его так грызло, что он так и не знает, что там с этими «Сеялками и веялками» было не так(ведь он все знал про «Сеялки и веялки»!), и почему эта фирма так всем понадобилась...

...Конечно, эта секретная информация не для его ума, он птица, совсем еще не того полета, чтобы “Сеялками и веялками” интересоваться! Но, в исключительном случае, в качестве живописного примера разгильдяйства, безответственности и феерического, незамутненного идиотизма, эта история может быть внесена в учебники и рассказана молодому дарованию в назидание.

“Сеялки и веялки” — фирма по торговле новой и подержанной сельскохозяйственной техникой, что было первым и легальным видом деятельности, существовала несколько лет. Торговала не то, чтобы слишком в большом объеме, но участвовала во всех ярмарках, выставках, публиковала свою рекламу во всех каталогах бизнеса, была контрагентом экспедиторских фирм во всех портах... короче, все, кто в теме, знали “Сеялки и веялки”.

Эта популярность и мобильность очень удобны, как прикрытие, для другого, теневого и незаконного вида деятельности “Сеялок и веялок” — торговли оружием. Ну, торговля оружием, это, конечно громко сказано. В сравнении с миллиардными и миллионными игроками огромного, незаконного бизнеса, жалкие слезы “Сеялок и веялок” могли рассчитывать на несолидный титул посредника или перекупщика всякого старья для африканских диктаторов не первого десятка, хотя на серьезных игроков тоже пару раз удавалось выйти...

Худо-бедно, но этого было достаточно, чтобы прикрыть третий и основной вид деятельности, “Сеялок и веялок” — контроль над незаконной торговлей оружием. Контроль — сказано более, чем громко, на самом деле, жалкие попытки хоть как-то отследить трафик, понять направление движения и участие официальных лиц в этом бизнесе...

Номинальный владелец этой фирмы и руководитель проекта очень ответственно относился к работе, это был его самый масштабный и длительный проект, он им очень гордился. Этот господин всегда считал себя очень умным, а оказался феерическим идиотом — он проявил такую, неуместную для нынешних времен, прыть в этой работе контроля и отслеживания, и отследил трафик и участие официальных лиц в этом бизнесе настолько хорошо, что ему пришлось бросить все, бежать и спасаться от этих самых официальных лиц, которые были под самым его носом, и хотели избавиться от него за неуместную старательность. Большой был скандал, да... И как этот феерический идиот не увидел этого вовремя, ну, просто самодовольный придурок! Никогда не думайте, что вы самый умный, Максик, всегда предполагайте, что вы идиот, это бодрит... Никому не доверяйте, за врагами следите не только в бинокль, но и под носом смотрите, чтобы с вами не было, как с тем, феерическим господином, он до сих пор простить себе не может...

Так вот, “Сеялки и веялки” остались без номинального владельца. Документация фирмы, как легальной деятельности, так и фактической, считалась пропавшей, вместе с владельцем, наследников нет, из-за юридической коллизии, легальную деятельность фирмы продолжать невозможно, нужно закрывать... Тут следует заострить ваше внимание, Максик, что вот такая формулировка “считалась пропавшей” вообще не должна приниматься — или есть документы, или их нет.... Было принято слишком поспешное и разгильдяйское решение признать документацию утраченной и приступить к официальной процедуре ликвидации фирмы.

Перед полной ликвидацией, “Сеялки и веялки” попадают на аукцион — такая законная

процедура, вдруг найдется какой-то дурак, купит фирму-банкрот и заплатит ее долги, а, если нет, в государственном реестре статус предприятия “активно” меняется на статус “ликвидировано”. За этим процессом обычно наблюдают, чтобы не ввести случайных игроков в эти дела.

Дальше происходит то, что сложно разделить на разгильдяйство, безответственность, преступление или идиотизм, скорее всего, все вместе... В государственном компьютерном реестре происходит техническая ошибка, в течении двух часов существуют две фирмы “Сеялки и веялки” — у одной статус “ликвидирована”, а у другой все еще “на аукционе”. Конечно, технические ошибки случаются, даже на уровне государственных реестров, но можно ли считать это случайной ошибкой, если некая ловкая мадам в течении этих двух часов очень оперативно, за гроши, купила “Сеялки и веялки”? И соответственно, если есть новый владелец, то, при обновлении реестра, ошибочным был признан статус “ликвидирована”, а “Сеялки и веялки” получили нового владельца и новую жизнь... И я не знаю, можно ли назвать сотрудниками спецслужб тех, кто увидев статус “ликвидирована”, успокоились и спокойно пошли спать, не увидев дублирующую запись, не проверив, ушла ли запись в архив, не перепроверив, что дальше, это же серьезные дела... Видимо их нельзя назвать сотрудниками спецслужб, только халтурщиками или идиотами. А нормальные сотрудники спецслужб должны были прозябать в бегах и пасти верблюдов, пока безответственные разгильдяи творили вот такое... Короче, на некоторое время “Сеялки и веялки” выбыли из наблюдения полностью.

Новая владелица “Сеялок и веялок”, обладая учредительными документами фирмы, а также, после нескольких запросов в разные места, получила, по решению суда, и всю прочую документацию, которая хранилась в ячейке банка. Да, именно там прежний владелец хранил все документы, а не бегал с ними подмышкой, как видимо полагало его неблагодарное и тупое начальство...

Возможно, вам интересно, как вообще эта ловкая мадам узнала, что за честной вывеской “Сеялки и веялки” есть чем поживиться? Человеческий фактор! Человеческий фактор, Максик, вообще причина, как множества несчастий, так и удивительного везенья... Началось все с еще одного незамутненного и феерического идиота. То есть идиотки, поскольку лицо женского пола. Эта дама состояла в отношениях с прежним владельцем “Сеялок и веялок”, а также была подружкой ловкой мадам, к несчастью, подружкой весьма близкой. И вот, когда они были в сауне... Представляете, пока этот феерический придурок спасал мир и чужих людей, ловкая мадам окучивала его малышку в саунах!

...Так вот, в сауне, эта, удивительная в своей наивности, дурочка рассказала ловкой подружке про сельскохозяйственный бизнес своего жениха, с названиями, каталогами и всем прочей легальной и невинной информацией, что знала, к примеру, какой у того ее хахаля любимый банк... Ловкая мадам мотала на ус, понимая, что это можно использовать в дальнейшем. Потому, что ловкая мадам, вследствие причин, которые нельзя называть из-за обязательств перед третьими лицами, прекрасно знала настоящий род занятий этого коммерсанта, и поняла, конечно, что “Сеялки и веялки” — фирма прикрытия. Фирма прикрытия — это вообще лакомый кусочек для особ такого рода, способ проникнуть в песочницу взрослых...

...И вообще непонятно как, при чьем попустительстве, было допущено существование этого вашего “агентства” — этой преступной самодеятельности, пародии на частную спецслужбу, под руководством мутнейшей женщины, которую выгнали из минимум трех

спецслужб мира. Почему не прибили? Все спрашивают. Ну, очередь желающих была большая, конечно, но, считается, что практическая польза, которую эта ужасная женщина иногда приносит, немного компенсирует ее вред обществу...

Так вот, довольно скоро, новая владелица “Сеялок и веялок”, обладая немалыми умственными способностями, а также редким, просто редкостным, инстинктом обогащения, разобралась, чем занимаются “Сеялки и веялки”, и очень осторожно начала проникать в этот суровый, мужской бизнес торговли оружием. Конечно, ничем бы она торговать не смогла, туда годами нужно пробираться, да и не с ее репутацией — разумный человек не доверил бы ей даже театральные огнемёт, но у нее было то, чем она умеет торговать куда лучше многих — информация. Накопившаяся за много лет, информация о поставщиках, о клиентах, о способах доставки, схемах оплаты — даже устаревшая, эта информация нужна очень многим — от желающих купить и продать, до тех, кто хочет утопить конкурентов...

Однако, важным условием нормальной работы фирмы прикрытия и того, что она прикрывает, является легальное функционирование и реальные продажи. Ловкая мадам, при всех ее необычайных способностях, весьма распыляется и не может заниматься чем-то одним, для продажи тракторов ей нужен был помощник. И тут на сцену выходит, последний из феерических и незамутненных идиотов этой истории — главный менеджер.

И во всей схеме единственная ошибка новой владелицы — выбор главного менеджера и слабый контроль его работы. Эта ошибка может служить отличной иллюстрацией того, как регулярное употребление наркотиков вредит даже самым выдающимся мозгам, помните об этом, Максик!

Ловкой мадам всего лишь было нужно, чтобы кто-нибудь давал рекламу, звонил по объявлениям, продал один трактор или три сеялки в сезон — больше не требовалось. И она никак не ожидала, что ее малоинициативный, ленивый и безответственный протеже развернет такую бурную деятельность, а особенно станет изучать старые папки, пытаться понять старые схемы работы, чтобы вернуть “Сеялкам и веялкам” былую славу, а самому стать успешным бизнесменом.

Торговля сельскохозяйственной техникой была выбрана, в качестве прикрытия, потому, что это удобно — крупные размеры, подходящие по размеру упаковка, вес, транспорт, все прочее, да и в настоящем каталоге под видом сельскохозяйственных агрегатов и аксессуаров можно предложить совсем другое — один легальный товар представляет другой, нелегальный...

Короче, когда главный менеджер начал звонить очень серьезным людям и предлагать купить у него рассадопосадочную машину, улыбаясь во все свои зубы, произошел немалый переполох... Ах, Максик, если бы знали, что на жаргоне значит рассадопосадочная машина, то залезли бы под кровать и просидели бы там от страха целую неделю...

Когда вы приперлись в порт, к людям, что кормятся там десяток лет с этой незаконной торговли и никто их не может поймать, и, опять же, улыбаясь и, строя глазки, как вы умеете, начали просить доставить морем две ваши рассадопосадочные машины, то они очень удивились — так ведь не делается, даже посланный оперативник не стал бы так по идиотски делать, никто бы не стал. Кроме главного менеджера “Сеялок и веялок” — честного человека, вы были необычайно убедительны. Вас потрясли в том порту, чтобы узнать кто вы, и не кинули на корм рыбам только потому, что хотели узнать побольше — проверили, что вы действительно сотрудник “Сеялок и веялок”, человек с настоящим паспортом, связей с полицией или спецслужбами не имеющий... Согласились принять ваш груз наконец, вы

взяли небольшую предоплату, удивившись, как она велика, груз ушел... А, представляете, как удивились получатели, которые получили рассадопосадочные машины?! Покупатели заказывали “рассадопосадочную машину”, а получили всего лишь рассадопосадочную машину. Вам заплатили за товар и не сказали ничего, конечно, чтобы не нарушать конспирацию, приняли обратно деньги, который честнейший главный менеджер принял за ошибочную переплату и вернул... Но таких людей нельзя держать за дураков, а вы лично, милый Максик, проделали это несколько раз! Такого бреда не было никогда! Никто в этой отлаженной системе не был готов к такому идиотизму.

Не знаю, чтобы вы еще натворили, если бы вашу прыть не остановили наконец — ваша начальница, видимо подлечившись в очередном рехабе, очнулась и узнала, что творит у нее под носом главный менеджер. Но было поздно, на разных концах света полетели головы, полетели погоны — схемы были нарушены, все разваливалось. Ну, не из-за вас конечно — не думайте, что вы пуп земли, много всего накопилось, но ваше, именно ваше белозубое и бодрое “Добрый день, “Сеялки и веялки” снова в деле!” запустило крах...

Тут и те разгильдяи, кто должны были следить за “Сеялками и веялками”, проснулись и последними узнали про этот скандал. Именно из-за этого покровители вашей мадам попали в тюрьму и ваше жульническое гнездо стало некому прикрывать, именно из-за вас, Максик, главный менеджер и незамутненный идиот, пострадало агентство, а спецслужба, которой фактически принадлежали “Сеялки и веялки”, стала испытывать значительные сложности... И вы же прикрыли свои “Сеялки и веялки” от полицейского агента, а соответственно от огласки — и мало кто верил, что вы сделали это из чистой и незамутненной любви к сельскохозяйственной технике, а не из-за ваших личных, любовных связей с японским императором... Короче, один бред накручивался на другой и спираль, наконец, лопнула...

Ловкая мадам обладает удивительным чутьем, когда надо драпать — она исчезла в один день, оставив отдуваться за все главного менеджера — этого незамутненного идиота и своего внебрачного сына, как оказалось.

Полиция была не в курсе, но само наличие честной торговой фирмы внутри жульнического гнезда, было подозрительным, особенно, если главный менеджер на все готов, чтобы прикрыть свои сеялки любимые. Вас бы ни за что не спустили с крючка, пока не выяснили, что там за сеялки такие. И сделали бы виноватым, ведь подписи везде не владелицы, а главного менеджера.

Бандитские покровители ловкой мадам тоже давно интересовались “Сеялками и веялками”, имея представление о том, что это может быть, и желая в схему внедриться — это ведь мечта любого мафиози средней руки — попасть в такой бизнес. Тут и сынок этой “гнусной бабы” пригодился бы, чтобы мамаша все документы отдала.

Тормозная служба, совершенно ошалевшая от этого сюрреалистического бреда с рассадопосадочными машинами, прибывающими в горячие точки мира, конечно, выяснила, что главный менеджер — просто идиот, связей с японским императором у него нет, но вернуть статус кво уже не удалось... Да и документация, как и вначале этой истории, снова исчезла...

Короче, Максик, ответить на вопрос — почему вы остались в живых? — невозможно. Это досадное упущение, еще одно проявление непрофессиональной и безответственной работы всех сторон. В живых вы остаться не должны — таков четкий протокол, когда прибирают после скандала, типа вашего. Но вам повезло, уж не знаю как.

Есть вероятность, что мадам все-таки прикрыла вас — у нее свои способы работать с

людьми и обширные связи, кроме того, вы проявили, удивительную для невинного младенца, прыть, ловко и неожиданно для всех, избавились от, удерживающего вас на месте, судебного запрета покидать город, и вовремя исчезли. А потом стало не до вас.

...И, кстати, прежний владелец очень вам благодарен за этот весь идиотизм, так как скандал ослабил его врагов, а, исчезнувшая документация “Сеялок и веялок”, помогла потом восстановить честное имя.

Нет, вы не можете узнать, что такое “рассадопосадочная машина”.

Да, вас еще могут побить за те ручки, которые вы разбрасывали. Неизвестно, что это за ручки и не стоит этим интересоваться.

Всегда за что-нибудь могут побить. Иногда даже ни за что.

Вам рассказали эту секретную, но очень поучительную историю для того, чтобы не совершали ошибок, как все эти люди. И наконец перестали ныть, в тысячный раз рассказывая, как вам грустно было в поезде и как же вы скучали за “Сеялками и веялками”. И начали радоваться, что так удачно тогда унесли ноги...

* * *

Совсем в другом поезде и в другую сторону ехала немолодая цыганка. Она была неопрятна и неприятна — старая, засаленная одежда, давно крашенные волосы, перемешанные с седыми прядями, были прикрыты ярким платком, кожа была покрыта пигментными пятнами, золотые зубы привлекали еще больше внимание к тому, что парочки зубов уже нет... Эта тетка вытянула ноги на сиденье напротив, вела себя довольно борзо — пассажиры отсаживались на свободные места, а проводник не хотел связываться.

Она хотела побыть одна, подумать, выстроить стратегию.

Как же, испугалась она! Еще всех переживет. На время на дно уйти придется, с новыми документами возиться, к новому имени привыкать, но не в первый раз, справится. Этот раз еще не самый худший. В неприятных волосах под ярким платком были спрятаны бриллианты, в подкладке длинной юбки, в белье и на теле — денежные купюры в разных валютах, а вон та вся дешевая грубая бижутерия, которой была обвешана беззубая женщина, на самом деле была дорогущим антиквариатом средневековых времен.

В кошельке цыганки лежало несколько таких же, неприятного вида, засаленных купюр и карточка с социальным пособием. Она раскрыла кошелек, но не пересчитывала свой небогатый капитал, а смотрела на вырезку из какого-то журнала с изображением итальянской скульптуры и на фотографию женских ног большого размера.

Хотела бы быть, как они, — подумала цыганка, — но не получается. Нутро не скроешь, буду уже какая есть....

Она придумает новую схему. Честнейшую. Идеальную. Не в смысле идеальную аферу, как обычно, а на самом деле идеальную. Будет честной женщиной. Начинает новую, честную жизнь.

Раньше ей нужно было миллионами денег ворочать и миллионерами управлять, а теперь она будет управлять миллионами нищих дураков. Она найдет миллион дураков и они будут делать, что она говорит. Вот скажет каждому принести каждому по одному евро — миллион и накопится, совершенно честный миллион. Все налоги будет платить, станет ответственной налогоплательщицей...

Если она легко управляет малой аудиторией, то и с миллионом людей справится...Рост! Главное — рост! Рост целевой аудитории, окучиваемой одновременно.

...Где собирается миллион людей, которые принесут ей по одному евро? Никакой стадион не вместит.... Секта? Секта — отличный вариант, но долго надо раскручиваться, без команды плохо, команды у нее нет... Политика? Неплохой вариант, хоть и ненавидит всех этих подлых лицемеров, но нужен серьезный инвестор. Пока инвестора нет... Порно? Там, где оно законно, конкуренция большая, не дадут сексисты и расисты пробиться, сволочи...

Перебирала варианты, глядя в окно. Пасторальные пейзажи не прибавляли идей. Стала смотреть на людей в вагоне.... Вот, оно! Вот, оно будущее...

Восемь из десяти сидят с телефоном. Прошла по проходу, наглая цыганка может себе позволить заглядывать каждому в лицо, люди шарахались и убирали телефоны, но социальное исследование удалось провести. Двое из восьми читают книгу, шестеро в социальных сетях. Шестьдесят процентов любой аудитории, вне зависимости от возраста и образования, сидят в соцсетях. Ну, неужели она не найдет свою аудиторию — миллион дураков, которые принесут ей по доллару или евро? Это будет ее личная империя! Нужно идти в ногу со временем... Главное — рост!

Но пока нужно подумать, как выбраться, как минимизировать потери. Как отомстить — кто обидел мадам Эльвиру, долго не живет — нельзя терять репутацию... Черт, придется обращаться к этому мутному типу, живучий оказался, сволочь... И теперь они на одной стороне, общие враги. Отдаст этому дьяволу все бумаги его “Сеялок и веялок”, потопит своих врагов чужими руками — он такой псих, она его накрутит так же, как и всех других, так же заставит сделать, что ей нужно. На спине мутного типа обратно на вершину взберется... И всем еще покажет, всем отомстит за все свои унижения, за пренебрежительное отношение...

Поезд подъезжал к ее станции. Цыганка волокла к выходу свою пластиковую, клетчатую сумку. В сумке вперемешку с старыми вещами лежали каталоги сельхозтехники, прочая макулатура для всяких гигиенических нужд, а еда и грязное белье были завернуты в, видимо найденные на какой-то помойке, листы с подписями и фиолетовыми печатями...

На станции встречала кузина. Кузина была такого же невысокого роста, с очень похожим и таким же пятнистым лицом, разноцветными волосами и золотыми зубами...

Ну, что за страшила, ну, как же можно себя до такого состояния довести, — подумала приезжая, хотя выглядела ничуть не лучше.

И у этой дуры паспорта трех стран есть! Зачем ей три, дуре неграмотной! Она читать хоть научилась, или и без этого жизнь прожила... И зачем ей имя такое шикарное, на ее-то помойке — красивое имя, подойдет...

— Афродита! Сестричка моя любимая! — приезжая широко распахнула руки, приветствуя кузину, — Кто же еще поддержит в беде, как не родня дорогая...

* * *

Влюбленная парочка средних лет, ожидавшая в аэропорту свой самолет, собиралась лететь куда-то далеко. Судя по тому, что они повторяли испанские фразы из учебника, — в Южную Америку.

— Все закончилось, наконец, — радостно сказала женщина, — теперь новая жизнь. Очень честная, понятная жизнь обыкновенных тружеников.

— Конечно, — согласился ее спутник, немного слукавив. Он так хотел получить эту честную, понятную жизнь обыкновенных тружеников, а теперь не был рад почему-то. Стыдился признаться — ведь он втянул свою малышку во все это, а потом долго убеждал вытянуть его обратно... А когда ему только вчера шепнули про то, что все данные “Сеялок и веялок” снова могут быть доступны... Он сможет уничтожить своих врагов, вернуть себе свою репутацию, свою славу, свою работу... Черт, черт, черт! Каков соблазн...

— Кто там знает, что будет дальше, — уклончиво сказал он, — *Pero mañana sera otro día, amor*, — потренировал он испанский, — Завтра будет новый день.

“Номер два” и ее хахаль — а это были именно они — прошли на регистрацию. У них ничего не осталось со старых времен. Кроме маленького рекламного флаера, в сумочке дамы. Там была изображена кудрявая красотка, что сидела на тракторе и обещала покупателям сельскохозяйственной техники роскошные урожаи и бесперебойное техобслуживание. Женщины так чувствительны к собственной красоте — сложно устоять и не сохранить картинку, где ты красивей всех. Но ее спутник проверил сумочку, отругал за нарушение протокола, разорвал флаер на мелкие куски и выбросил в разные урны...

* * *

Довольно долго архив агентства магических услуг гнил в архивах полиции. Но потом кому-то архив понадобился, его подняли наверх и увезли из участка. Те, кто разбирал, делили бумаги на три части — большая часть шла в шредер, часть на макулатуру, а на столе лежала совсем небольшая стопочка.

— Интересный мальчик, — сказал тот, кто изучал личные дела сотрудников, — Прима-балерина...

Задумчиво листал страницы личного дела.

— Перспективный. Прима-балерина может пригодиться...

И уверенно положил личное дело на стол.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ. ГЛАВА ПЕРВАЯ

После того, как Макса в двадцать один год за тот скандал выгнали из армии, было много всякого. Того, что обычно стесняются рассказывать в приличном обществе — пошел по наклонной, плохая компания, интересы запрещенные, дела мутные, такое... Может, совсем бы сгорел в этом аду, если бы не попался на глаза той женщине. Эту женщину, конечно, никто бы не назвал ангелом, скорее наоборот, но все-таки она спасла Макса — дружки сразу отпали, никто не хотел связываться с этой теткой — связи у нее были серьезные, да и сама тетка крутая. А без дружков, самому по себе, Макс у вести социально приемлемый образ жизни было совсем несложно.

Макс толком не помнил, как увидел эту женщину — слишком напился в том клубе, помнит только, как познакомился с ней. Проснулся утром в ее постели. Она разбудила.

— Хватит дрыхнуть! — сказала черноволосая женщина средних лет в шелковом кимоно с драконами, — ты ничего паренек, конечно... даже лучше среднего, но надо не дурака валять со всякими наркоманами, а работать!

Никогда еще на него так не наезжала женщина после секса. Руки в боки, агрессивная такая — прямо, как его мама, когда он поздно после дискотеки возвращался. А ведь он припоминал, что она совсем ему не мама — чего только не вытворяла с ним эта тетка ночью...

— Что ты умеешь? — спросила строго, рассматривая его тело внимательно. Макс не из стеснительных, конечно, но тут очень захотелось прикрыться простыней.

— Ну, я, это... В армии был, там многому научили... На стройке работал — скучно и тяжело. В охране пробовал — но там рекомендации нужны, а у меня не очень рекомендации... Ну, вот, ребятам помогал, чем мог, они платили...

Почему он вообще отчитывается? Кто она вообще такая?

— Если хочешь работать на меня — чтобы этой воровской шоблы и шпаны наркоманской я возле тебя не видела! — заявила женщина, — у меня серьезный бизнес, все как часы работает. Никаких наркотиков, алкоголь умеренно, курение — в отведенных для этого местах. Устраивает?

А что за работа? Если такой режим суровый.

— А что за работа? — спросил Макс, одеваясь. Наконец-то перестала пялиться на него.

— Работа не скучная и не пыльная, — ответила женщина, — вон там кофе, бутерброд себе сделай... Чтобы через десять минут был готов! Поедем ко мне в офис, там расскажу.

Пока ехали в офис, Макс бармен позвонил, рассказал, что всех его приятелей повязали в том клубе вчера ночью, за старые делишки, сразу после того, как Макс ушел с этой ведьмой.

— Какой ведьмой? — недоуменно спросил Макс. Женщина на переднем сиденье оглянулась и хитро посмотрела на него черными глазами.

— С мадам Эльвирой, — ответил бармен, — ты, смотри, осторожней там, у нее серьезные связи и женщина она мутная...

Офис мутной женщины украшала вывеска «Консультационные услуги «Эльвира и Ко». Консультировала мадам Эльвира всех и по всем вопросам — семейным, финансовым, производственным и прочим, за очень приличные деньги. Прикрывалась магией и

колдовством, сама себя называла ведьмой, но работа проводилась реальная и очень серьезная, привлекались специалисты во всех этих областях.

— А я вам зачем? — спросил Макс, — я ничего этого не умею. Я вообще ничего не умею.

— Я за тобой несколько дней наблюдала в том клубе. Ты симпатичный, здоровый парень, очень обаятельный, — прямо назвала мадам Эльвира его главное преимущество, — ты нравишься женщинам, они тебе нравятся, немного потренировать в постели — этим я сама займусь, цены тебе не будет.

— Жиголо из меня хотите сделать? — сначала даже обиделся Макс.

— Да какой жиголо, дурачок... У меня сложная, творческая работа, а не какая-то там проституция. Что-то вроде театра. Задача театра — управлять поведением людей, чтобы решить проблему клиента, чтобы довольный клиент принес нам деньги и рекомендовал нашу фирму знакомым. Проблемы клиента могут быть достаточно деликатными, а способы решения сомнительными. Поэтому нужен бойкий и сообразительный человек, не особенно щепетильный в вопросах морали или закона, но не опустившийся и потерявший все принципы. Обыкновенный актер не годится, а ты как раз подходишь, возьму тебя на испытательный срок, посмотрим, как пойдет...

Эта женщина вообще не интересовалась его мнением, типа, он уже согласился!

— А если я откажусь? — спросил Макс.

— Ты, конечно, можешь отказаться. И отправиться к своим друзьям в тюрьму.

— Я не в чем ни виноват!

— Вот в суде и будешь это объяснять... Подумай, дорогой: с одной стороны, ты получаешь интересную, высокооплачиваемую работу с перспективой роста, наработкой связей с разными людьми, постоянным обучением новым навыкам, а с другой стороны — падаешь все ниже со своими друзьями и, вполне вероятно, сдохнешь в тюрьме. Ну, что выберет любой, разумный человек?... И да, уроки тантрического секса, для повышения твоей квалификации, прилагаются. Если окажешься прилежным учеником, то и жиголо можешь потом так заработать, что строителю и не снилось... Вот, тебе контракт, подписывай давай!

— Я прочитаю сначала, — Макс держался с достоинством, выдернул у этой ведьмы бумаги из рук, начал читать. Ну, вроде откровенно криминального ничего не было, на рабство не особо похоже, жиголо быть контракт не обязывал...

— Читатель! — бубнила мадам Эльвира, — читает он... Ему предлагают новую жизнь, шаг вверх по социальной лестнице, а он тут еще и перебирает, принц с помойки... Вот еще соглашение о неразглашении подпиши — наши дела остаются в этом офисе и наружу никогда не выходят.

Подписал, короче, Макс тот контракт. Ведь тогда, и правда, перебирать было не с чего.

— А что там с тантрическим сексом? — нагло спросил он эту женщину, чтобы хоть как-то компенсировать то, что так быстро согласился.

— Вообще оборзел...

— Сами сказали...

Мадам Эльвира снова оценивающе посмотрела на него с ног до головы.

— Ладно. Раздевайся. Лезь на стол.

Макс вот тут же пожалел, что связался. Последним, кто говорил ему такие слова и таким голосом, был проктолог на медкомиссии в армии...

...Когда позже, его спрашивали, а пошел бы он тогда к Эльвире и стал бы с ней работать, если б знал, как все закончится, то Макс не отвечал прямо, вилял. Ссылаясь на то, что пьян был, не соображал ничего... Но, наверное, пошел бы.

Потому, что уже после того, как все закончилось, он ведь пошел с ней второй раз, и второй стал вместе работать. Дело ведь не в Эльвире, а в нем.

Через несколько лет он случайно увидел Эльвиру в инстаграме. Называла она себя по другому, да и выглядела поначалу иначе, но Макс сразу узнал свою бывшую начальницу. Подписался к ней, не думал, что заметит — миллион подписчиков. Не смог устоять, вспомнил старые времена, их развеселую работу в агентстве, себя вспомнил, такого непохожего на теперешнего — приму-балерину агенства магических услуг, красавца и плейбоя. Вот и подписался, вот и ставил лайк под каждой фоткой в блоге «богини любви и красоты».

И как-то под его фоткой, где он голый по пояс — жара была страшная, укладывает в траншею какие-то трубы, появился комментарий: «Максик, у тебя отросло брюшко! Где же твои «кубики»?»

...Короче, Эльвира снова появилась в его жизни. Сначала в виде «лайков», а потом и лично позвонила. Попросила о личной услуге. Нужно было изобразить бойфренда одной очень богатой азиатской бизнесвумен, которая здесь в командировке. У этой бизнесвумен свидание. С другой женщиной... Ну, а Максик ведь знает, какая консервативная азиатская культура, узнает кто, слухи пойдут, у бизнесвумен будут неприятности дома. А если бизнесвумен будет тусоваться с симпатичным, молодым, типа, любовником, то подозрений не вызовет... Ну, пожалуйста, Максик! Ну, один раз... Ну, сам заскучал уже в грязи ковыряться, пусть припомнит старые времена — было весело!

Блин! Он на столько лет закопал себя в земле, в трубах и унитазах. Столько лет он был спокоен, не текало ничего в животе, кураж потеть не заставлял, один день был похож на следующий, и он, Макс, был как все. Привык быть, как все, смирился... Все хорошо было, только с девушками длительные отношения не складывались — слишком он был циничен, слишком толстокож. Так уже назабавлялся на той своей работе — на сто лет вперед хватит, а любовь все никак не попадалась.

И тут она, прекраснейшая женщина Земли — эта ведьма, снова, щелкнув пальцами только, лишила Макса покоя. Он сразу позабыл, как она кинула его одного всем на растерзание и смылась...

«Ты первый ко мне подписался, Максик, значит это тебе нужно... Это тебе нужно, Максик. Иди ко мне...»

И Макс взял отпуск и приехал к Эльвире. Целую неделю изображал кавалера злой, немолодой тетки, ходил с ней по музеям и ресторанам, фотографировались. Вечером приходили вместе в ее номера, она переодевалась, платок на голову, темные очки — и на свидание, через служебную лестницу. А Макс в роскошном номере на роскошной кровати

валялся, смотрел телевизор, размером с кинотеатр, ел черную икру ложкой, дорогим шампанским запивая... Ничего работенка, не на жаре канализацию устанавливать, а заплатили куда больше.

Потом личная услуга перешла в периодические услуги. Потом услуги превратилась в регулярную работу и Макс вообще перестал появляться на канализационных делах. Наряды себе прикупил, для нового дела подходящие, парикмахерский салон посетил... Дядька, что на канализации с ним работал, смотреть стал косо, даже вздохнул с облегчением, когда Макс убрался. Зачем ему такой помощник странный, на сантехника вообще не похожий, а на принца какого-то...

И опять эта ведьма сделала его жиголо! Только на этот раз жиголо наоборот — ему нужно было притворяться, что у него секс с женщинами, которым почему-то нужна была видимость активных отношений с симпатичным, мужественным кавалером, а самого секса не было вообще. Мужественная, нордическая внешность Макса, знаменитые «кубики» пресса и личное обаяние делали его весьма популярным среди клиенток. Самым популярным заказом было прикрывать стеснительных лесбиянок. Потом вызывать ревность охладевших мужей — тут бывали издержки, один раз даже пришлось подраться из-за бабы, для правдоподобности. Пару раз произвел фурор на встречах выпускников, появившись в форме летчика. Форма летчика вообще самый простой способ произвести впечатление, как и то, как элегантно он берет свою даму под руку и увозит в отель, под взгляды завистливых подруг. Как-то изобразил процветающего внука одинокой, но богатой бабушки, на ее старческой вечеринке — тактично, но строго отказал какой-то пожилой нимфоманке, которая давно заказчицу раздражала... Роль процветающего внука, как и прежде, удавалась ему лучше всего — у одиноких, но богатых бабушек, Макс был нарасхват.

Короче, новый бизнес пошел в гору, Эльвира потирала свои красивые, пухленькие ручки, пересчитывая свои комиссионные — никаких карточек, только кэш! Ох, как далеко они пойдут, как высоко с Максиком заберутся...

И наконец она добилась серьезного заказа — Макс должен был изображать бойфренда самой Милли Филис.

Милли Филис родилась в самой подходящей колыбели для того, чтобы стать богатой и знаменитой. Калифорния, семья с крепкими корнями в шоу-бизнесе, хороший слух, музыкальная одаренность — что еще нужно, с рождения было понятно, что богатой и знаменитой она станет. И даже то, что Милли с детства была отягощена разными неприятными диагнозами, не останавливало честолюбивых родителей и ее саму — первое выступление в восемь лет, первый клип на популярном музыкальном канале — в двенадцать, первая престижная премия в пятнадцать... В свои девятнадцать у Милли уже было пять «Грэмми» — рекорд в музыкальной индустрии, ее называли «голосом поколения». Собственно вокальные данные у Милли были очень даже средние, но оригинальная манера исполнения, искренность, артистичность, интересный репертуар и новый, полностью соответствующий веяниям времени, образ были действительно вне сравнения.

Талантливый имиджмейкер придумал этот образ — мешковатая одежда большего размера, намеренно неопрятные волосы разных цветов, макияж панка — чтобы прикрыть нестандартную фигуру и некрасивую внешность юной певицы, отвлечь от постоянно открытого рта и тяжелого взгляда. Но образ попал в тренд — избавление от гендерных стереотипов, постсексуальная революция и все прочее, на что так легко сейчас подсадить

молодежь.

Обычно на гастроли Милли ездила с семьей, но тут команда имиджмейкеров заявила, что девочка уже большая — все время с мамой ездить, нужно взрослой стать, чтобы расширить аудиторию поклонников. Нужен бойфренд. А для продвижения калифорнийской девочки в Европе, нужен кавалер местный, чтобы ближе к народу быть. И доказать всем злым языкам, что она — нормальная. Это сложно, конечно, грань нормальности найти в ее образе, но совет решил, что бойфренд нужен.

Милли ненавидела парней. При всех особенностях, интеллект у нее был достаточно высокий, чтобы понимать — большинство интересуются ею только из-за славы или денег, врядли такая несимпатичная и проблемная девушка привлекла бы их, не будь у нее «грэмми». Если честно, она всех мужчин боялась, да и любой тактильный контакт, не говоря уже о любовных поцелуях — был ей очень неприятен. Никогда она не испытывала влюбленности, даже дружеских чувств ни к кому из мальчиков.

И это было ее предложение — нанять подставного кавалера и строго описать в контракте условия. Ни с кем она знакомиться не будет! Нет, даже с сыном вон того продюсера. Он ей не нравится. Он противный.

Был целый тендер устроен. Рассматривала кандидатов вся команда. Не связывались с большими агентствами, чтобы не выплыло наружу, что юное дарование подставного кавалера себе покупает. Кандидатура Макса подошла только самой Милли, все были против какого-то сантехника, да и агентство, что его представляло, солидным не назвать нельзя. Но девочка уперлась, пришлось пойти на поводу у юного дарования. Некоторых смущало, что он слишком красив для Милли — светлые волосы, голубые глаза, фигура атлета, да и разница в возрасте почти десять лет — слишком большой контраст привлечет внимание... Милли обиделась, что ее уродины, таким образом, назвали и скандал закатила... И этот Макс моложе выглядит, у него лицо детское, вполне подходит! Хочет красивого. Самого красивого! А не кого попало! Милли Филис выбирает всегда лучшее. Кто-то ее поддержал, все сдались, начали обсуждать договор...

Никаких касаний, если никто не смотрит. Поцелуй на камеру по предварительной договоренности, после предупреждения и разрешения. Двери сама себе может открыть, не надо вот этого... Идиотских анекдотов не рассказывать. Сидеть себе молча, книжку читать. Ее не беспокоить, у нее свое кино в голове.

Этот Макс оказался ничего, контракт выполнял ответственно, не приставал, разговорами не беспокоил. Предупреждал перед тем, как за руку взять для зрителей, перед поцелуем на публику разрешения спрашивал. В ресторане ел культурно, столовыми приборами пользовался лучше Милли, на людях не позорил...

Целое лето с ним ездили по Европе, программа была тяжелая, он смиренно лежал на кушетке за кулисами или спал на диване в отеле, помогал, если надо чего поднести. Ждал своего выхода — обнять ее после окончания шоу, чтобы зрители первых рядов могли сфотографировать и запостить в интернет «парня Милли Филис».

Один раз прямо перед концертом, у нее случилась паническая атака, дышать было нечем, стоять не могла, а таблетки в отеле забыла, ни у кого из команды не было ничего... Этот Макс слез с кушетки, сел рядом на пол, дал ей бумажный пакет подышать, хотел по спине погладить — но не стал, начал бормотать что-то ободряющее, какая она умница и какой герой, сейчас встанет и отыграет концерт лучше обычного... И пришла в себя, и отыграла концерт лучше обычного, совсем немного опоздала. И этот Макс встретил ее

аплодисментами как все, и улыбался. По нормальному улыбался, не по покупному. Потом кто-то из техперсонала фотки слил в интернет, как он рядом сидит и одеялом укрывает — рейтинг рос, настоящее всегда идет лучше притворства...

Не противный оказался этот Макс, вполне себе на свои деньги.

В тот вечер они пошли тусить в один клуб, что у них в программе был. Это не развлечение было, а пиар-акция — ходить в нужные места, чтобы ближе к народу быть. Часа три нужно было пробыть, пообщаться с нужными людьми, поулыбаться толпе, автографы пораздавать... Сидели в вип-зоне в центре клуба, чтобы всем знаменитость было видно, болтали, охрана неподалеку была. Милли Филис со своим «везучим сантехником» — так прозвали Макса в интернете, директор ее команды, директор клуба и еще какие-то люди, подвыпили, расслабились. Макс даже на минуту подумал, что все это по настоящему — он повел молодую девчонку в такой модный клуб и зажигает тут по взрослому...

Так размяк, что даже не понял, с чего началось. Началась драка, охрана клуба пошла разнимать. Не справлялись, охрана Милли стала вокруг вип-зоны, остальные, кроме них с Милли, куда-то подевались...

Судя по всему, дрались банды. Как эти банды попали в модный клуб, не смотря на тщательный отбор на входе — непонятно. Люди вокруг орали, толпа была в панике, разбегались кто-куда...

— Надо сваливать, Милли! — сказал Макс своей нанимательнице, он не раз видел подобные драки и закончиться они могли по разному.

— Хорошо, — ответила Милли, по ее странному лицу было непонятно, испугалась она или нет.

Пробраться к выходу было нереально, там такое мочилово уже шло... Где же эта полиция, черт ее дери! — первый раз Макс так подумал про служителей закона и понял, как они нужны обществу.

— Пойдем наверх, в ту дверь за барной стойкой, — предложил Макс, обычно там были отдельные кабинеты и всякие комнаты для всяких дел — бывал в разных клубах, знал, как устроено, — пересидим там, пока полиция не приедет.

Где же эта охрана, черт ее дери! За что им платят? Вот, он, Макс, ответственно относится к своим обязанностям, давно бы уже смылся, будь он один.

Не предупреждая о тактильном контакте, Макс схватил свою нанимательницу и поволок к спасительной двери за стойкой — одной рукой прикрывая знаменитость от безумных рук, тянущихся оторвать кусок ее мешковатой одежды, другой расталкивая тех, кто мешал пройти. Так и есть, на втором этаже было полно комнат, нашли открытую — там столовая и спальня сзади. Запихнул девчонку в спальню, велел звонить в полицию, своему директору, своей охране, кому-нибудь... Пусть придут и заберут их из этого дурдома! Сам позвонил Эльвире — был уговор сообщать, если что не по плану пойдет. Такого в плане точно не было! Он этой девице не телохранитель!

— Не трус, Максик! Подумаю, что можно сделать, — невозмутимый голос немного успокоил, — полицию вызвали?

— Вроде да... Но никого нет. Где ее охрана, где все? Я не телохранитель, я жиголо! — вот, первый раз сам для себя это признал, раньше отговорки какие-то придумывал.

— Прикрой девочку, по мужски поступи. Я постараюсь помочь через свои связи. Не ной, держись! — Эльвира сама выключилась, расспросив только где Макс находится.

Макс открыл двери в спальню. Милли сидела на чужой кровати, прижав коленки к подбородку. Была не в себе, тряслась и качалась. Вообще не соображала, совсем ему сейчас

не помощник.

— Не бойся, Милли, — сказал ей, — все хорошо будет. Сейчас полиция приедет, разберется...

Но через некоторое время вместо полиции дверь в комнату сломали какие-то здоровенные ребята и агрессивно пошли прямо на Макса, к двери той спальни. Вот, блин! Придется жиголо прикрывать девочку...

* * *

— Макс? — уточнил незнакомец, Макс поднялся и кивнул, стараясь быстрее отдышаться, — Уходим через окно, на первом этаже опасно... Да что вы тормозите?!

— Тут у меня еще девочка, — пробормотал Макс,

— Не было речи про девочку, меня очень просили вывести Макса из опасной зоны, никаких девочек... — незнакомец тщательно осматривал комнату и лежащих людей, руками в перчатках проверял их телефоны и документы, подобрал кочергу, положил ее в длинный карман своей куртки.

Макс открыл дверь спальни, невменяемая Милли сидела на кровати и качалась.

— Это Милли Филис, знаменитость, — представил Макс ее незнакомцу. Теперь тот должен понимать...

— Первый раз слышу, — сказал незнакомец, — Ладно, берите свою девочку, слезаем вниз по веревке, тут второй этаж, не страшно... Судя по общей подготовке, вы справитесь... А вы? — спросил этот человек Милли

Милли не в состоянии была отвечать.

— Это мертвые люди? — спросила она странным голосом, показав на валяющихся.

— Некоторые еще живые, — ответил ей незнакомец так, будто бы она спросила «который час», — Ладно, сам спущу эту вашу девочку... Перелазьте, держитесь тут, а этой рукой обхватите меня за шею... Ну, что вы стоите, как столб?!

— Она не любит тактильный контакт, — пробормотал Макс.

— Потерпит! Или я выкину ее в окно сам! Нет времени уговаривать!

Макс помог Милли перелезть и прицепил ее к незнакомцу:

— Потерпи, Милли, соберись..

— Вы сразу, как только я спущусь, слезаете, — скомандовал незнакомец Макс, — вон та серая машина на углу, бегом.

Незнакомцу тяжело было спускаться с грузом, он кряхтел и проклинал свою судьбу — за что ему такое наказание, опять какие-то добрые дела должен делать... он приехал любоваться архитектурой, а не вытаскивать тяжелых девиц из окон, такая тяжелая эта девица, просто ужас...

— Бегом погнала к машине! — свирепо прорычал он тормозной Милли, — ненавижу наркоманок!

— Она не наркоманка, — вступился Макс, — она такая родилась... Милли даже не пьет, ей нельзя.

— Совершеннолетняя? — поинтересовался мужчина

— Девятнадцать лет.

Схватив ее с обеих сторон, быстро подбежали к машине, сели, двигатель уже работал, и

очень быстро, нарушая скоростной режим в городе, уехали прочь от этого злосчастливого клуба. Макс услышал сирену полиции, которая ехала с другой стороны...

— Телефоны! — приказал он Макс и Милли, — Отдали телефоны, живо!

Милли послушно отдала свой телефон страшному человеку, который орал на нее и хотел выбросить окно, а Макс очень не хотел отдавать свой очень дорогой, блатной телефон — ему богатая клиентка подарила на память, сам не стал бы покупать такой. Не хотел, потому, что предполагал, что будет — незнакомец достал из под сиденья молоток и разбил телефоны в крупу, крупу выбросил в окно. Подумал и протянул руку к водителю

— Твой телефон!

— Зачем? — спросил женский голос с водительского сиденья.

— Потому, что на него звонили! Меньше надо свой номер давать всяким проходимкам, — ворчал незнакомец, разбивая телефон своего шофера, — Остановись, я сам сяду за руль.

— Я тоже могу водить машину! — немного капризно сказала водитель. Ее голос показался Макс удивительно приятным, сразу спокойней от этого голоса становилось. Такой красивый голос.

— У тебя права на ручное управление! Что ты скажешь полиции, если остановят? Хочешь разбирательства? — незнакомец был сильно раздражен, — Мне вообще все это не нравится, пошел у тебя на поводу — добрые дела, добрые дела... Не к добру эти все добрые дела.

Женщина остановила машину. Ее невозможно было разглядеть в темноте, пока они менялись местами — только, что худая и высокая.

— Едем в ваш отель, — объявил незнакомец. Но почему-то развернулся и поехал в обратную сторону, к тому самому клубу.

— Странно мы едем, — осторожно заметил Макс.

— Район вокруг клуба, полагаю, по кругу оцеплен полицией, — объяснил незнакомец, — если мы будем выезжать из него, нас остановят и начнется разбирательство, а меня предупредили, что вам обоим не нужно разбирательство... А если мы будем въезжать, то подозрения не вызовем, второй раз машину, с другой стороны, останавливать не будут... Очень просто, так всегда делается.

Кем делается? Наконец Макс рассмотрел своего спасителя — лет пятьдесят, но совсем седой. Профиль его был очень эффектный, а вот анфас совсем непримечательный, даже сложно было бы описать... Его даму по прежнему не разглядеть было.

Когда незнакомец увидел полицейский патруль, скомандовал Макс строго:

— Ну-ка, быстро Макс, целуйте свою девочку! Так, чтобы не было видно ее лица. С причмокиванием, по взрослому... И не надо мне рассказывать про тактильный контакт! Или полиция заинтересуется с кем был тактильный контакт у кочерги, что у меня в кармане, ДНК на ней ваше... Вот еще — руку под майку ей засуньте, шевелите рукой, так более омерзительно выглядит...

Зачем этому типу, чтобы омерзительно выглядело?

— Добрый вечер, офицер, — подавая документы, обыкновенный, ничем не примечательный, обыватель спросил озабоченным голосом, — Что там стряслось?

— Происшествие в ночном клубе, есть жертвы, пожар... А вы что так поздно? Кто там у вас?

И тут незнакомец уставшим и несчастным голосом начал рассказывать, что он много

работает, устал, как собака, сейчас в отпуске... А подруга жены — редкостная дрянь! — среди ночи звонит, едь, мол, забирай ее сынка-алкоголика с вечеринки. Не смогла воспитать нормально — сама дрянь, а он отдувайся. И не откажешь — вон женушка ноет и пищит — помощи, делай добрые дела, ты джентльмен...

— Она один раз попросила! — повысила голос женщина, — Один раз! Один раз попросила о личной услуге... Раз мы случайно тут оказались.

— Я приехал в отпуск! Архитектурой любоваться, а не доставать с помоек всякую пьянь! Посмотрите на них, господин офицер, — незнакомец сам чуть не втащил полицейского в салон за галстук, — посмотрите на них! Лижутся, как животные, никого не стесняясь! Ну, где это видано, тьфу! И девка ему под стать... Не нужно было забирать с той вечеринки, лучше бы вы их забрали, посидели бы в участке, может ума бы набрались.

— Да везите их уже домой, — успокаивал рассерженного водителя полицейский, не стал разглядывать пьяную парочку на заднем сиденье, — не нервничайте так. Дело молодое, может остепенятся... Нравится вам город?

— Очень красиво. Каждый день гуляем до ночи, — нежным и тонким голосом сказала женщина, — издалека приехали.

— Когда от этих избавлюсь, то и погуляем нормально, — водитель кивнул на заднее сиденье, — весь отпускной настрой испортили.

— Счастливого пути! Я передам по радию, чтобы вас с той стороны не останавливали...

— Всего доброго!

Машина поехала дальше.

— Круто! — восхитился Макс. Он-то знал толк в подобном театре, но чтобы так, в лицо полицейскому...

— Гм, — невнятно пробурчал водитель, но было понятно, что восхищение Макса ему понравилось.

— Позер! — сказала женщина, — Зачем Эльвиру обругивал?

— Говорил правду, как ты любишь... Клуб горит, смотрите.

Как раз проезжали мимо клуба — стояли полицейские, пожарные машины, мчалась «скорая помощь»...

— Офигеть! — сказал Макс, увидев клубы дыма из окна комнаты, из которой они вот только недавно вылезли, веревки не было видно, сгорела наверное...

— Замечают следы, что ли? — незнакомец разговаривал сам с собой, — очень странно.

— Я думала, это ты поджег, — сказала женщина.

— Почему если что-то где-то горит, то сразу я? — возмутился незнакомец.

— Извини...

Почти подъехали к отелю. Водитель сказал, что к двери подвозить не будет, вон на том темном углу остановит, сами дойдут, с ними и так было полно возни, а он в отпуске...

— Передавайте Эльвире привет, — приветливо сказала женщина, — приятно было познакомиться...

Но не доехав до темного угла, водитель вдруг резко развернулся и быстро поехал прочь

— Черт, черт, черт! — раздраженно кричал он, — и зачем мне это надо! — и очень быстро, и очень запутанно ехал в другую сторону.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила женщина.

Незнакомец не ответил. Он посмотрел на пассажиров и громко приказал:

— Раздевайтесь! Полностью! — а потом обратился к своей спутнице — проверь их

одежду!

— Я не могу на ходу! — женщина щупала куртку Макса, — тут темно.

— Раздевайтесь! И вы, девушка, никто не будет тут на вас смотреть... Пусть ваш парень вам поможет, он наверняка видел вас голой... Нет, не видел? Ох, горе мне с вами....

— Нужно остановиться, — сказала женщина, — я не могу на ходу.

Незнакомец резко остановил автомобиль. Приказал Максу выйти.

Женщине велел «разобраться с девчонкой».

— Кажется, она меня боится, — заметил мужчина, — сама с ней возись.

— Конечно, боится. Ты пугаешь детей, как обычно. Будь милым! — и захлопнула пассажирскую дверь.

— Ну, Макс, надеюсь, с вами мне необязательно быть милым? — незнакомец сел на землю и начал ощупывать джинсы Макса, — вот вам фонарик, светите мне, ни хрена не вижу...

Милли было очень плохо. Она вообще не соображала. Практически выключилась еще тогда, когда в клубе взбесилась толпа. Милли вообще не любила толпы, боялась, когда много народу. На концерте — другое, там толпа была снизу, отдельно, а рядом с людьми даже на домашней вечеринке было некомфортно. Она долго тренировалась у терапевта, чтобы можно было вот так, для промоушена, в клубы ходить, среди людей сидеть — вроде бы начало получаться. До того момента, как толстый канат, отгораживающий VIP-зону, был сорван толпой и Макс схватил ее за руку и поволок куда-то — страшные люди хватили ее за руки, за одежду, за волосы...

...В соседней комнате страшно кричал Макс, раздавались страшные звуки. Страшные люди валялись по всей комнате. Страшный человек сказал, что выбросит ее в окно. Макс вступился за нее — он знает, что она — Милли Филлис и стоит много денег.

Потом страшная, безумная гонка на страшном автомобиле. Почему она не начала кричать, когда остановила полиция? Потому, что Макс прижал свой рот к ее рту, закрыв его. Милли думала, что если Макс запустит свой язык к ней внутрь, она умрет на месте — парализовало от ужаса. Но Макс не стал этого делать. И даже его рука на ее теле не была так отвратительна, как обычно человеческие руки — он поддерживающе похлопывал ее по боку, как обычно делал добрый доктор во время неприятных процедур... Она не позвала полицейского на помощь — она Милли Филлис, юное дарование, вневозрастная девочка-припевочка с неопределившимся гендером, пропагандирующая здоровый образ жизни. В этот образ не входит скандал с полицией. Милли — флагман семейного предприятия, она дает работу десятку своих родственников, не может испортить все...

А потом страшный человек приказал раздеваться. Что он хочет с ней сделать? Сможет ли Макс ее защитить, он сам боится...

— Не бойтесь, детка, — ласково сказала неизвестная женщина, перебравшись на заднее сиденье, — экстремальные ситуации случаются, вы еще неплохо держитесь... Я сама развяжу вам шнурки. Давайте сюда вашу ножку, пожалуйста. Теперь другую, — женщина выбросила вещи в окно, — Подымите ручку, теперь другую... Ох, сколько же на вас одежды... Зачем вам столько?

— Это мой стиль, — пробормотала Милли. Впервые после клуба открыла рот, — А это кто? — с опаской показала на страшного человека.

— Это мой муж, — ласково сказала женщина, — он, конечно, выглядит сейчас не очень

приветливо, но он хороший человек. И хочет вам помочь.

— Он хотел выбросить меня в окно! — пожаловалась Милли доброй женщине.

— Он очень боялся, что не справится с ситуацией, не был готов. Такое и с вами бывает — вы орете на всех, когда боитесь?

Да, Милли часто орет на свою команду, когда боится выйти на сцену, когда боится облажаться в студии...

— Все! — женщина выбросила последнюю тряпку наружу, — Возьмите мой плащ, чтобы не замерзнуть, — женщина с интересом смотрела в окно на голого Макса, который держал фонарь. Свет снизу интересно подчеркивал знаменитые «кубики», а лицо в полумраке казалось совсем юным.

— Такой красавчик! — сказала женщина, — ну, просто очень хорош!

— Я все слышу! — заметил страшный мужчина снизу, — соблюдай приличия, тут посторонние люди!

Женщина закрыла окно, чтобы не подслушивал.

— А вам Макс нравится? — спросила с интересом у Милли.

— Нет. Мне никто не нравится. И я ему не нравлюсь. Он подставной жених, за деньги... — тут Милли испугалась, что выдала тайну своего проекта, но женщина ободрила ее:

— Я знаю. Босс Макса — моя знакомая. Она знала, что мы тут отдыхаем, позвонила и попросила помочь...

— Ага! — раздался крик снаружи, — Я так и знал! Дай мне молоток.

Страшный мужчина рассматривал что-то мелкое в свете фонаря, фотографировал и разбивал молотком. Быстро встал, засунул в машину комок одежды и голого Макса.

— Оденетесь по дороге! Погнались!

Через некоторое время добрая женщина сказала страшному мужчине:

— Мне не нравится, как выглядит девочка, я бы взяла у нее кровь на анализ. Думаю, в больнице смогу договориться, чтобы сделали срочно.

— Мне тоже не понравилась. Но Макс утверждает, что не наркоманка... Ненавижу наркоманок!

— Деточка, вы принимали что-то сегодня? — ласково спросила женщина, — ответьте правду, пожалуйста. Я не буду вас ругать или судить, важно знать.

— Она не наркоманка, — снова вступился Макс, — я знаю точно.

Ну, что он лезет! Милли сама может ответить.

— Нет. Я не употребляю наркотики, не курю и не пью, — твердо заявила.

— Едем к больнице, — скомандовала женщина.

Ехали медленно. Страх уходил. Можно было отдышаться. Посмотрела на Макса. Он протянул ей руку. Она подумала и взяла Макса за руку. Милли этого не любит, но, может, Макс сейчас это нужно. Ведь ситуация вышла за рамки их договора.

Перестали гнать, нормально ехали. Незнакомец явно расслабился. Тогда Макс решил спросить, что это вообще было.

Незнакомец снова напрягся. Оглядел дорогу. Вздохнул.

— Не понимаю, ребята. Расскажу вам, что могу... Мы тут отдыхаем после тяжелой работы. Звонит мадам Эльвира, очень просит срочно помочь “милому мальчику, который попал в беду”... Нет, ну, я всегда предполагаю какую-то подставу, когда слышу про Эльвиру, но мне гарантировали, что все будет нормально, — незнакомец свирепо посмотрел на свою спутницу, — нужно всего лишь “растолкать парочку хулиганов и забрать Максика из клуба”. Парочка хулиганов оказалась командой профессионалов, совсем не случайных клубных драчунов. Поэтому я разбил ваши телефоны — в них могло быть подслушивающее устройство, сейчас это доступно даже ревнивым мужьям. Потом, когда мы подъезжали к отелю и я очень надеялся, что от вас избавлюсь и вернусь к отдыху, заметил там те же машины, что были в паре кварталов от клуба. Нас ждали, знали, куда едем, не смотря на запутанный и сложный маршрут — очевидно, на ком-то из вас было следящее устройство. Устройство оказалось на одном из вот этих жутких одеяний мисс... как вас, пардон, не запомнил?

— Милли Филис, — кажется, Милли немного обиделась, что ее — с ее пятью “грэмми”! — кто-то не знает.

— Милли Филис? Ух, ты! — обрадовалась женщина, — так интересно с вами познакомиться. Вот тут можете автограф оставить? — женщина протянула какой-то блокнот.

— Ты знаешь, кто это такая? — удивился мужчина, — Откуда?

— Конечно, знаю. Я интересуюсь современной культурой, а не задаюсь только потому, что имею хороший слух и музыкальное образование... У нее пять “грэмми”! Что такое “грэмми” ты наверное слышал?

Седой мужчина даже расстроился как-то. Видимо, он был из тех, кто обычно, все лучше всех знают, а тут оказался глупее всех.

— Если вы такая знаменитость, то у вас должна быть охрана. Где она была? — спросил мужчина.

— Не знаю, — ответила Милли.

— Когда началась драка, стояли вокруг VIP-зоны, а потом толпа их смела, — рассказал Макс.

— И они не вывели девушку?! Существует протокол, как поступать во время подобных событий, любая охрана его знает. Где остальные члены вашей команды, вы ведь не одни сидели?

— Не знаю, — грустно ответила Милли. Ее все бросили. Кроме Макса.

— Вот, не знаю, куда подевались, — рассказал Макс, — я оглянулся только, а уже никого нет...

— Согласитесь, странно...

— У меня вопрос, — вмешалась женщина, — как вообще так получилось, что вы,

Милли, гастролируете сама? Вы еще ребенок и я читала, что у вас семейное предприятие, работаете все вместе?

— Родителям сказали, что надо менять имидж, становиться взрослой. Сначала я ездила со старшим братом, а потом он сломал ногу.

— Как он сломал ногу, разрешите спросить? — поинтересовался седой мужчина

— Он катался в парке на велосипеде и в него врезался другой велосипедист.

— Ну, конечно! — седой мужчина выразительно цыкнул и закатил глаза, —
Дальше: выбор вашего подставного кавалера... Почему не выбрали нормальное эскорт-агенство, почему согласились на кого попало?...Извините, Макс, ничего личного, это я про Эльвиру.

— Мне Макс показался самым непротивным, — ответила Милли, опустив глаза, — родители были против, но кто-то из команды меня поддержал.

— Кто?

— Не помню.

— Достаточно... Теперь расспросим вашего кавалера: вы употребляете наркотики? — вот, не хотелось бы, чтобы Милли этот допрос слышала, ну, да ладно...

— Нет. Пробовал пару раз — не понравилось.

— У вас есть проблемы с законом? — да, ну что пристал! Зачем ему это? Он что, полицейский или священник? — Отвечайте честно, я предполагаю, что, если вы связались с Эльвирой, то наверняка рыльце у вас в пушку.

— Ну, это... Давно было всякое, очень незначительное... Ничего серьезного, правда. И давно было. Я член общества, у меня честный источник дохода — бизнес по установке канализационных систем. Правда! — почему-то ему было неприятно, если Милли будет думать, что ее благородный жиголо — какой-то ворюга.

Может, от слова “канализация” не веет чем-то благородным, но уж точно не таким дерьмом, как мелкое воровство.

Уже приехали на стоянку возле местной больницы. Седой водитель сидел, откинув голову на кресло, и молчал. Его спутница что-то там искала в багажнике. Вынесла медицинский чемоданчик.

— Не бойтесь, — ласково сказала, — я лицензированная медсестра. Расслабьтесь, пожалуйста...

— У Макса тоже возьми, на всякий случай, — седой обернулся к ним, — Так, вот, что, ребята: из клуба я Максика вывел, обязательство свое выполнил, скандала не допустил. Я не смог вас выпустить возле отеля, так как был уверен, что вам грозит опасность... Но теперь мое дело сделано. Я на вас не работаю и вообще я в отпуске. Тем не менее, хотелось бы знать, что вы будете делать?

— Надо родителям позвонить, — сказала Милли, — пусть они мне скажут, что делать.

— Такая хорошая девочка, — обрадовалась медсестра, — а ты все время ругаешь молодежь, как старикан, — обратилась к седому мужчине, — а она, видишь, какая ответственная.

— Макс? — седой мужчина смотрел на него.

— Ну, это... Я бы затаился на пару дней, посмотрел что будет, людей порасспросил,

чтобы разобраться, что стряслось, телевизор посмотрел бы — чего там полиция накопила... Там и решил бы. Сейчас не знаю, что делать.

Женщина побрела к больнице. Макс заметил, что она хромает. И Милли тоже на нее глядела. Незнакомец увидел, что они смотрят, как идет его спутница, и сказал строго:

— Полагаю, что если кого-нибудь из вас спросят, как выглядела эта женщина, вы забудете упомянуть о ее походке? Все-таки я спас жизнь Максу и надеюсь на некоторую благодарность.

— Конечно, — сразу сказал Макс. Милли молчала.

— Мисс Милли? Это важно для безопасности этой женщины.

— Хорошо.

Этот суровый человек с нежностью смотрел на свою медсестру. Значит, он не такой страшный, каким кажется, у него может быть сердце или что-то вроде этого. Макс решил рискнуть. Включил всю свою обаятельность.

— Тут это... Сам я не справлюсь. Не могли бы вы помочь? Ну, присмотреть за мной... и Милли, если она захочет... Пожалуйста. Я понимаю, у вас отпуск, но в том клубе было так страшно, я один с этой кочергой... А вы такой крутой, так их раскидали...

Седой мужчина улыбался, почти смеялся.

— Эта чертовка Эльвира может подбирать кадры!... Роль беспомощной овечки вам прекрасно удастся, Максик, честно. Я бы поверил, если бы только не видел результаты вашего махания кочергой. Неплохо, неплохо... И армейскую татуировку на плече видел. Настоящая или чтобы на барышень впечатление производить?

— Настоящая! — Даже обидно стало, пожалуй, это то малое, что у него есть из настоящего.

Вернулась из больницы женщина, сказала, что результаты сообщат по телефону.

— Что решили? — спросила.

— Макс просит присмотреть за ним до выяснения обстоятельств. Малышка, видимо, нам придется в нашем отпуске нянчить Максика... Ты же скучаешь за детьми, вот тебе новый ребеночек.

— А Милли? — женщина смотрела на нее необыкновенно ласково.

— Мисс Милли? — вопросительно смотрел седой мужчина, — я отвезу вас туда, куда вы скажете. Вы знаменитость, у вас, в отличие от Макса, есть все возможности решить свою проблему самостоятельно.

Макс забеспокоился. Он уже почти прибился к сильной стае — это был его давний способ бороться с трудностями, а эта Милли может все испортить! Придется ему с ней переться, не кинет же он девочку одну, а кто знает, что там дальше будет... Так и связывайся со знаменитостями! Да больше никогда!

...Вот, бабушка, процветающего внука которой он изображал, это да, суперклиент — пирогами кормила, платила хорошо, и никакой беготни с кочергой в руке и следящим устройством в свитере... Макс вдруг очень захотел, чтобы у него была бабушка с пирогами — спокойно, безопасно...

— Мне надо позвонить родителям, — твердо сказала Милли, — а потом я бы

хотела поехать с Максом.

— Конечно, он же такой красавчик! — пробормотала женщина...

Что за глупая женщина! Причем тут это! Макс пропадет без защиты. Милли знаменитость, у нее куча денег и связей, она должна за ним присмотреть... Читала его досье, когда кавалера выбирали. Он такой несчастный — папа-алкоголик его бросил, мама умерла от рака, с юности один, никак не может определиться жизни. Знает то, умеет это, а не знает как применить, не боец, не научен добиваться, пробовать еще и еще, не сдаваться, безответственный лентяй... В отличие от нее, Милли — инвалида, которая стала суперзвездой. Милли — флагман, все за ней идут, ее все слушают. У нее пятьдесят миллионов подписчиков в Инстаграме... Макс не смылся тогда в клубе, как все. Теперь ее очередь не бросить его.

— Вот вам телефон, — протянул ей мужчина свое устройство, — его нельзя отследить, но телефон ваших родителей наверняка слушают. Поэтому вы скажете, что живы, здоровы, уехали из клуба раньше происшествия. Никому не сказали, потому, что поехали порезвиться с Максом, потом позвоните еще...

— Но родители никогда не поверят, что я поехала с кем-то там резвиться! Ни с кем я не резвлюсь. Тем более с Максом!

— Именно поэтому. Очень подходящая формулировка. Родители поймут, что вы живы, контролируете ситуацию, но все таки в беде, может, выяснят что-то, примут меры для собственной безопасности.

Слово какое противное — “резвиться”! Что это вообще такое?

Взяла телефон страшного человека. Телефон, как телефон. Почему по одному можно звонить, а другой молотком нужно уничтожить? Станные дела. С такими делами Милли не знакома, а этот страшный человек и его жена видимо достаточно... И зачем им вообще это надо?

— Потому, что он — джентльмен, — мягко ответила женщина на вопрос, который Милли не произнесла вслух.

Что за ерунда! Она еще и мысли читает! Ну, уж нет, не позволит она, Милли Филлис, суперзвезда с пятью “грэмми”, читать свои мысли.

— Ничего я такого не думала! — заявила. Милли не любила, когда кто-то другой мог видеть то отдельное от всех кино, что было у нее в голове.

— Конечно, — сразу согласилась женщина. Пожалела уже, что кино внутри странной головы Милли захотела посмотреть...

— И вообще, прежде, чем ехать, я должна знать, кто вы такие! — она — Милли Филлис, суперзвезда, никто не будет ее мысли читать! — Может, вы сами похитить меня хотите!

— Это вам надо с нами ехать, девочка, мне вы даром не сдались, — заносчиво сказал мужчина, — я вообще про вас только сегодня услышал. Можете выметаться из моей машины, и “грэмми” свои не забудьте! — он открыл пассажирскую дверь.

— Милли, не дури! — сказал тихо Макс

— Не нужно проявлять неуважения, детка, — ласково сказала женщина, — никогда не знаешь, как все повернется, а в вашем нынешнем положении это вообще

очень неблагоприятно. Я могу вам дать денег на такси, вон там за больницей стоянка, езжайте себе...

Макс весь вспотел. Эта Милли набычилась, смотрит исподлобья. Такая тихая была, когда не соображала ничего от страха, а теперь вернулась прежняя Милли Филлис — танк, что идет напролом.

— Милли, мы ведь не знаем толком, что случилось, — сказал ей Макс, он очень боялся, что седой тип вытолкает их из машины и они останутся темной ночью одни, — Скорей всего, из-за тебя все в том клубе случилось — ты же знаменитость, а я никто... Но мне с тобой придется идти — нехорошо девочке одной шастать, раз расклады такие. И мне некому помочь, некому прикрыть... А ты единственным людям, которые могут мне помочь, хамишь...

— Я не могу идти с людьми, которых не знаю, — ну, что за тупая девка! Она и так в полной власти этих людей с тех пор, как седой зашел в ту комнату, как не понимает!

— Звоните родителям! — седой напомнил, зачем Милли телефон в руках держит.

Милли позвонила. Не нервничала особо, но только говорила невнятно — Макс знал, что она очень много занималась с логопедом, чтобы дикцию поставить, а в стрессе снова говорила плохо. Родители уже слышали про драку и про пожар, данных про Милли еще не было, очень беспокоились. Милли, глядя седому прямо в его холодные глаза, сообщила родителям, что на несколько дней уезжает порезвиться с Максом. Так и сказала, как ей было велено — порезвиться. Родители видимо ошалели от такого. Видимо переспросили.

— Да, порезвиться! — с вызовом сказала Милли, — Я видела Макса голым и он мне понравился. Еду резвиться!

Женщина начала хихикать. Макс не знал куда себя деть, хотя, конечно, не ему стесняться. Лицо седого, как и странное лицо Милли, ничего не выражало. Милли вернула ему телефон.

— Хочу все-таки знать, как вас зовут — хоть какие-то гарантии...

Ну, и дура! Ребенок идиотский. Какие гарантии! И вообще кто ей правду скажет... Вот, на месте седого, он бы еще и пинка дал бы этой Милли под зад.

— Мне тоже нужны гарантии, — вдруг сказал седой, — вы тут сами отказываетесь из моего транспортного средства выходить, а потом будете жаловаться, что я вас похищаю, — мужчина включил диктофон, — вот заявите тут, что отправляетесь со мной совершенно добровольно.

— С кем отправляюсь? Мне же надо как-то вас назвать...

— Я подскажу по ходу... Говорите: Я ... имя по документам... совершенно добровольно и в здравом уме...

Что за цирк! Есть тут кто-то вообще в здравом уме! Опять Максик попал! И чего ему не сиделось на канализационных работах...

— Я, Миллисент Пират Филлис...

— Пират?! Ваше второе имя Пират? — даже у седого, с его невыразительным лицом, выпучились глаза. Женщина хихикала и бормотала, что, типа, какие мудрые родители — Милли очень подходит это дополнительное имя. Макс вспомнил, что долго

смеялся над этим вторым именем.

— Да, это мое второе имя... Добровольно и в здравом уме отправляюсь с господином, который называет себя... Ну?

— Называет себя... мудрая формулировка, молодец девчонка.... называет себя... эээ... сэр Артур.

Женщина не могла уже сдержать смех. Милли твердо повторила, с трудом, но четко выговаривая слова:

— Я, Миллисент Пират Филис, добровольно и в здравом уме отправляюсь с господином, который называет себя “сэр Артур”... Довольны?

— Отлично, — сэр Артур запрятал телефон в карман, — попробую найти для вас укромное место на несколько дней.... Девочка узнаваемая, нужно сделать что-нибудь, — обратился к своей даме.

— Возле вокзала есть круглосуточный хозяйственный, — сказала его дама, — там купим что нужно... Сэр Артур, это же надо! А я...

— Прекрасная Гвиневра, конечно! — Сэр Артур поцеловал руку своей дамы.

Милли смотрела вперед, не опуская головы. Да и Макс расслабился, как-то пришел в себя.

— Тут направо, а потом еще раз направо, — женщина показывала дорогу к магазину, — а тут налево... Осторожней, не гони.

И, услышав эти слова, Макс вспомнил, почему голос этой женщины казался ему таким родным.

Именно этот голос он слышал в наушнике, когда только начал работать с Эльвирой в первый раз, много лет назад. Не может быть, чтобы та самая...

— Поворачиваетесь налево, — говорил ему ласково голос в наушнике давным давно, миллион лет назад, — Голову элегантно склоняете направо... Осторожней, не гоните, не переиграйте. Не нервничайте, Макс, у вас все хорошо получается...

Макс никогда не видел лицо голоса из наушника, но голос навсегда запомнил, он снился ему долго этот голос. У этого голоса Макс спрашивал во сне, как ему жить... Это же “номер два”, это ее голос!

Макс очень хотел похлопать эту Гвиневру по плечу, даже обнять, заглянуть в глаза, сказать преданно “вспомните меня, ну, я же Макс... Максик я, помните как вы вели меня в самом начале?”. Но побаивался ее седого и злого мужа, врядли ему понравится такая фамильярность. Вспомнил, как тогда давно даже Эльвира боялась этого таинственного “хахаля”, теперь понятно почему. Помолчит Макс лучше. Посмотрит, что дальше будет.

Звякнул телефон. Женщина посмотрела, что там, показала мужу, потом Милли.

— Это все вранье! — заявила Милли, — Ничего подобного.

— Это официальный документ, деточка, — сказала женщина, — но я не сомневаюсь в вашей честности. Вы приняли все это, даже не заметив. Подумайте, и напишите вот тут, что вы ели и пили с утра...

— Что там у Макса? — спросил мужчина

— Макс чист, — медсестра показала ему телефон, — Ну, что скажешь?

— Предположу, что жертвой должен был быть Макс, — рассуждал сэр Артур, — это

самый простой вариант...

Что это значит, “жертвой”? Макс снова вспомнил ту комнату в клубе и человека который сидел на нем сверху. Простой вариант, это же надо!

— Что это значит? — хрипло спросил.

— Ребята, я понятия не имею, что там у вас в клубе затевалось, но по опыту...

По какому это опыту?

— ...по опыту, могу предположить распространенные варианты. Чаще всего на звезд нападают всякие сумасшедшие и даже охране не так просто их вовремя выявить и обезвредить — уж слишком нелогичны. Это не тот случай — организованная группа отлично постаралась, все как полагается — драка, пожар... Второй распространенный вариант — похищение, чтобы деньги получить, ну, или чтобы торговаться за освобождение каких-нибудь мучеников. Но мне кажется что это тоже не то — иначе все сделали бы быстрее, без цирка с дракой... Остается третий вариант — репутация Милли Филис, голоса нового столетия, кумира молодежи, вне гендера, вне рас, вне политики, вне стереотипов — ответственное потребление, глобальное потепление, здоровый образ жизни, все такое... Эта репутация — очень ценный актив, на самом деле. А в этом клубе могло получиться так, что эта Милли Филис, нажравшись наркоты, уколошила своего подставного парня и устроила пожар в клубе, ну, или еще чегонибудь натворила... И в один миг превратилась бы из символа нового века и носителя новых ценностей в обычную девку из числа золотой молодежи, обесценив все, за что боролась...

— Я бы никогда такого не сделала! — перебила Милли.

— Во первых, под наркотой человек может сделать все, что угодно. А во вторых, совершенно не важно, что там было на самом деле, важно, что скажут по телевизору. А по телевизору скажут...к примеру... что охрана клуба обнаружила мертвого “везучего сантехника”, а рядом невменяемую Милли Филис, анализ показал наркотики в крови... Вполне вероятно, что все организовано так умело, что экспертизе будет нелегко установить правду — я, вот, сразу удивился, почему в результате драки Макса с теми ребятами, на нем почти нет следов. Потому, что его не нужно было бить или убивать, его должна была убить Милли Филис, а она, как мы помним, была готовенькая... И только кочерга, которой, как ни странно, орудовал Макс вполне умело, отдала этот сценарий, а там и я появился...

Макс снова вспотел. Вот это был бы номер! А этот седой откуда про все это знает?

Борзая Милли так и спросила:

— А вы откуда все это знаете?

— Я не знаю. Я предполагаю. Этой схеме много десятков лет, она есть в учебниках и я бы сам ее выбрал...

— Только не начинай про это, не пугай детей, — перебила его женщина.

— Да сколько попало известных людей на подобном, дети должны понимать, чем рисковали... Так, вот: если кому-то нужно утопить Милли Филис, то была бы полиция и скандал. Но, если кому-то что-то нужно от Милли Филис, то ей предложили бы сделку — сокрытие улик в обмен на что-то

— Кто предложил бы? — спросила Милли. Что она, как фельдфебель, пристает к

человеку. Вся ее команда жалуется на “Милли-танк”, оборзевшая в конец девка.

— Понятия не имею, — пожав плечами, ответил седой, — Это вообще не мое дело. Я бы не поехал в тот клуб, если б знал, что такие дела.

И что бы тогда было? Везучий сантехник понял, что он очень везучий. С благодарностью вспомнил Эльвиру, именно поэтому она не сказала про Милли этим своим знакомым — чтобы не спугнуть.

— А что за сделка? — не могла угомониться девчонка.

— Не знаю и не знать не хочу... Это вы должны понимать, чем вы ценны, Милли Филис. Я вам объяснил предполагаемую — заметьте, предполагаемую! — схему того, что произошло. Думайте сами!

Приехали наконец к магазину. Эти двое вместе пошли в магазин.

— Кто они такие, Макс? — спросила Милли, — Что такое говорил этот человек?

— Знаю не больше тебя. Я позвонил своей начальнице, просил помощи. Она прислала этих... Что будем делать, Милли?

Двери машины были открыта. Их никто не держал. Рядом был освещенный магазин, стоянка, ходили прохожие — ведь недалеко вокзал. У Макса остался в кармане кошелек, немного наличных... Но куда им ехать? Милли теперь боится своей команды, своей охраны, всех боится, родители далеко. А Макс вообще не по себе с тех пор, как узнал, что он назначен на роль “жертвы”

...А чего он хотел, болван? Ведь когда ставил “лайк” под эльвириной фоткой знал, что может быть что-то вроде этого, разве нет?

— Посидим с этими людьми, если не прогонят, позвоним родителям — может они выяснят что-нибудь, — сказала Милли, — Я бы никогда не стала тебя убивать, Макс, глупости говорит этот сэр Артур, — тихо, опустив глаза, пробормотала Милли.

— Я знаю, Милли, — поддержал девочку уверенной репликой, но он слишком долго был в эльвирином “театре”, чтобы понимать, что инсценировать можно что угодно, и заставить кого угодно сделать что угодно — тоже. Только обычно он был с другой стороны. И все-таки никого не убивал.

Потом вдруг вспомнил, что Милли сказала родителям, что уехала с Максом. И теперь, если что-то случится с девчонкой, считаться виноватым будет он. Кто поверит жиголо-сантехнику и в эту странную историю. Придется идти с Милли, куда бы она не захотела. Черт, вот так влип!

Вернулись сэр Артур с Гвиневрой. И в каком-то темном парке начали преобразать Милли, чтобы никто бы ее никто не узнал.

— Будете, как в сказке, как халиф на час — бродить по улицам обыкновенным человеком, искать вдохновения в приключениях, познавать жизнь, — шутила женщина, покрывая краской волосы Милли.

Макс снова держал фонарь, думал, что вот он никакой жизни знать не хочет, не хочет нести ответственности ни за что, даже за себя. То армии себя перепоручает, то друзьям, то Эльвире... Теперь вот с этими странными людьми связался. Не хочет быть один.

— Ты делай не так, чтобы красиво, а так, чтобы никто не узнал! — руководил парикмахерскими процедурами сэр Артур.

— Она же девочка, нужно красиво, — возражала Гвиневра.

— Да она не то, чтобы красиво до того выглядела... Мешки какие-то напаяли на себя, на голове черти-что... Давай макияжем займись сам, ты опять красиво будешь делать, а надо не красиво, а так, чтобы даже система распознавания лиц не узнала Милли Филлис.

— А так можно? — удивился Макс. Он сам этим давно интересовался, для своих дел.

— Можно попробовать, — сэр Артур видимо был из тех, кто любит учить, поэтому с удовольствием рассказывал, — система ориентируется на расстояние между глазами, форму носа, толщину губ, расстояние между носом и ртом, угол носогубной складки...

— Не нуди, — остановила женщина, — мальчику не интересно так подробно.

— ... короче, шестьдесят восемь точек. Кое-что можно изменить с помощью умелого грима — разный тон левой и правой стороны очень меняет симметрию лица и путает алгоритм, а правильный макияж глаз значительно меняет их форму... Тут, из подручных средств, мы вряд ли сможем сделать что-то приличное — хоть как-то бы прикрыть все ее грэмми, но с моими домашними принадлежностями я за полчаса могу сделать из вас совершенно другого человека.

— Хвастун! — заметила женщина, — Вот нужно тебе, чтобы дети смотрели, рот открыв...

— Прекрасная Гвиневра, а вы разве не сама такая? Я считаю все разы, когда вы подмигивали Максику...

— Ничего я не подмигивала! Правда, Макс?

Макс молча держал свой фонарь, ответить что угодно — было бы глупо. Блин! Неужели “номер два” его не помнит?

— Ну, как вам, Милли? — спросила женщина, подведя ее к автомобильному зеркалу.

Ух, ты! Неизвестно, как там искусственный интеллект, конечно, но Макс вообще не распознал Милли Филис в этой девушке. Она была похожа на выпускницу католической школы — две светлые косы были аккуратно причесаны на ровный пробор, макияж изменил черты лица — лицо осталось таким же странным, но появилось новое выражение лица — честной, не очень умной, но очень старательной девочки из провинции. На Милли надели нежный, розовый, кашемировый свитер Гвиневры, он был маловат и непривычно обтягивал — Милли стеснялась.

— У вас прекрасный бюст, — убеждала Гвиневра, — я всю жизнь мечтала о таком.

— Это сексуализация женщины и объективизация, — чуть не плакала несчастная Милли, — Я не могу так ходить.

— Чушь какая! — сказал седой, — причем тут сексуализация. Я вас совсем не сексуализирую, честно, вообще не смотрю, очень надо... Макс, а вы сексуализируете это милое дитя?

Макс снова промолчал. Опыт жиголо ему подсказывал, что некоторые дамы, на самом деле, страдают, что их недостаточно сексуализируют, и сказал тактично:

— Да чего ты, Милли, вполне нормально... Не привлекаешь внимания, как все выглядишь.

Наверное, это было оскорбительно для самой Милли Филис, с ее пятью “грэмми”, выглядеть как все, но сейчас так нужно.

— Сюда крест нужен, — Макс показал на грудь, — тогда будет законченный образ. Сэр Артур посмотрел на него со странным интересом.

— Теперь что? — спросила Милли.

— Теперь едем в безопасное место, там решим что дальше... Макс, сядьте за руль,

мне нужно кое-что изучить в телефоне... Ну, и отпуск!

Но в безопасное место они не попали. Потому, что позвонили. Сэра Артура прямо перекривило всего, когда увидел, кто звонит. Но ответил ровным голосом:

— Слушаю.

Он слушал. Потом сказал, что он в отпуске. Да, он в досягаемости и всегда на связи. Но у него отпуск.

— Вообще офигели! — сказал он кому-то довольно грубо, — Следите за мной, знаете где я. Это вмешательство в мою частную жизнь, так мы не договаривались...

Велел остановить машину, вышел, разговаривал снаружи, позвал свою Гвиневру. Вернулся очень злой, Максу приказал двигаться дальше.

— Ну, что за мерзавцы — дали этот телефон, который нельзя отследить, чтобы следить за мной! Всегда не любил эти телефоны.

— Когда ты был начальником, то сам всегда со всеми так делал, разве не так? — пыталась утешить его Гвиневру, — меня до сих пор всегда контролируешь.

Начальником чего он был? Что-то припоминает, про этого “хахалю” Эльвира говорила, что “при должности” был...

— Что будем делать, малышка? Отпуск совершенно испорчен, — сэра Артур расстроился.

— Вроде бы недалеко и задача несложная, на один день работы.

— Так и сказали — вы там рядом, вот и решите вопрос... Но я же в отпуске.

— Какой уж тут отпуск, — Гвиневру смотрела на Макса и Милли. Вокруг была темнота, совершенно пустая дорога, Макс прижался к Милли, а она не толкалась, как обычно.

— С ними поедем, что ли? — спросила.

— А куда их девать. Завтра пристроим куда-то... У нас тут изменились планы, ребята, пока не можем вашим вопросом заниматься. Высадить вас тут или поедем дальше? — Макс заметил, что он включил диктофон на своем телефоне. Видимо, не хотел, чтобы юристы Милли Филлис с ним судились.

— Поедем дальше, — ответила Милли. Эта девчонка себя воображала капитаном. Ладно, пусть...

Проехали километров пятьдесят, свернули на дорогу, что вела к дому на горе. Дом был похож на замок.

— Да это же... — Макс много раз видел фотку этого красивого дома на горе в разных глянцевого журналах, — Это же Дом графа Витторио...

Граф Витторио был гуру таких пареньков, как Максик, а стать таким сеньором Витторио было хрустальной мечтой любого начинающего жиголо.

Где сеньор Витторио родился, где он учился, чем занимался и кто он по национальности, не знал никто. Вряд ли его звали Витторио, да и итальянцем он не был, не смотря на свою эффектную южную внешность. Но именно в Италии он женился на престарелой графине, которая оставила ему в наследство титул и кучу денег. В Италии не остался — там полно таких, переместился туда, где его образ жизни, его внешность, были непривычны, а оттого очень востребованы.

Самые веселые вечеринки были в Доме графа Витторио. Самые веселые женщины всех рас были там. Шампанское текло рекой, оркестр играл до утра...

Эльвира еще давно показывала Максу журнал со статьей про “Витторио — дамского угодника”, как доказательство, чего можно добиться, если есть дар и старание. Макс прочитал все, что про этого графа было, но даже не мечтал, что когда-то попадет к нему в дом.

— Вы знаете, кто там живет? — спросил сэра Артура и ударил себя по лбу, — ну и тайная операция, ну и позор....

— Тайно, аккуратно, деликатно... — с сарказмом сказала Гвиневра.

— Молчи уже...

Им сразу открыли ворота, машин было немало, видимо какое-то мероприятие. Макс глазел по сторонам — вот, она, красивая жизнь! — огни, музыка...

Пошли в дом, сказали, что хозяин сейчас придет, провели в маленькую комнату. Макс прямо замер в предвкушении. Блин, как в том журнале все... Откуда эти Витторио знают?

Двери распахнулись, сеньор Витторио появился театрально, в лучах света из коридора. Распахнул руки. Сказал очень нежно и с чувством:

— Дружище! Дружище, я так рад тебя видеть! Вот уж не ожидал...

Сэр Артур бормотал себе под нос, что не ожидал такой фамильярности и не так уж они и дружили. Но оказалось, что хозяин дома обращался не не сэру Артуру. Это выяснилось, когда Гвиневра бросилась на шею этому Витторио со словами:

— Я так тебя искала! Так долго. Так переживала...

Они начали обниматься и целоваться. Макс было неловко, ситуация была явно деликатной. У Милли был ее обычный, равнодушный и тормозной вид. А сэра Артура покраснел и снова пробормотал себе под нос:

— Вот, никогда я еще не чувствовал себя таким дураком!

Глава вторая

— Сожалею, ничем не могу вам помочь... — Эльвира нетерпеливо поглядывала на солнце, — скоро закат, а она еще не закончила съемки в парке. “Богиня любви и красоты”, популярная блоггерша, занималась йогой, рекламируя спортивный костюм — “элегантный, удобный, стопроцентный хлопок...” Стояла на голове, когда к ней подошли незнакомые люди в костюмах. Вот, ненавидит людей в костюмах — или адвокаты или из налоговой!

Эти оказались адвокаты. Но к мадам Афродите Карамболь у них не было претензий. Они интересовались ее знакомой. Этой знакомой престарелый дальний родственник оставил наследство, а они никак не могут ее найти. Тому, кто поможет, полагается награда за хлопоты...

Вот, дурочка! Наследила, а она, Эльвира, за ней подтирай! Перевернулась в нормальное положение, продолжила разговор.

— ...давно ее не видела, — сказала Эльвира, — Мы редко общаемся. Когда-то давно работали вместе, не очень близки.

— А нам по ее домашнему адресу сказали, что вы... весьма близкие подруги, — с намеком, сказал один из адвокатов

Эльвира оскорбленно задрала нос.

— Я уважаемая, замужняя женщина, — заявила Эльвира, — что вы такое говорите!

— А ваш инстаграм? Ваша “таинственная возлюбленная”, которой вы слагаете оды? Мы полагали, что это и есть мадам Лидия, которая нам нужна.

Эльвира засмеялась.

— Вы как маленькие дети! Инстаграмм — это мой бизнес, загадочность — инструмент маркетинга. Сейчас модно вот это... лгбт, все такое... нужно быть в тренде, привлечь больше аудитории. “Таинственная возлюбленная” — нанятая актриса... Только не говорите никому, пожалуйста, не вредите моему бизнесу. На самом деле, я — нормальная, обыкновенная женщина, не извращенка какая-то...

— У мадам Лидии есть семья? — не отставали адвокаты

— Кажется, нет. Я никого не знаю..

— Мы выяснили, что она не замужем. Но, может, у нее есть мужчина?

— Откуда мне знать! Лидия симпатичная, но такая неразборчивая, у нее полно мужиков. Про всех рассказывать до утра можно...

Вот. Дожилась до того, что выгораживает этого гнусного дьявола.

— Говорят, такой седой был, средних лет. Может, знаете как зовут, где живет — через него ее разыщем.

— А, помню такого... Неприятный, мутный тип. Всегда отговаривала ее от глупой связи с этим типом... Но, кажется, они расстались.

Зачем она опять его выгораживает? Потому, что слишком они связаны в этом треугольнике, сволочной дьявол ее за собой в ад потянет... Конечно, адвокаты это, как же... Глаз у нее наметанный — на адвокатов и на... всех прочих. С этой конторой она

никогда не работала, иначе они бы знали куда больше, да и как седого дьявола зовут, знали бы...

— Сожалею, что не смогла быть полезной, — еще раз сказала богиня любви и красоты, — извините, не могу уделить вам время, мои съемки зависят от светового дня...

Адвокаты распрощались и убрались наконец. Оставили визитку, клятвенно обещала позвонить, если Лидия появится.

Во что там еще втянул лапочку мутный дьявол? Отдувайся тут за них... Что они там еще натворили?

Этим вечером в инстаграме “богини любви и красоты” появилось ее фото с красной сумкой, в волосы были собраны в деловой “пучок”, хотя Эльвире не очень шла такая прическа.

Сделала для них все, что могла!...И она не при чем! Знать не могла, что так получится! Ох, хоть бы ее малыш уцелел...

На следующий день Эльвире позвонил человек, которому она была очень обязана, попросил принять его знакомого и ответить на все его вопросы. Честно ответить, а не как обычно.

Симпатичный, светловолосый мужчина пришел вовремя. Принес торт, хотел неформальной атмосферы. Подали кофе. Интересовался Лидией, предупредил о конфиденциальности разговора.

Ну, конечно! Да что же там с ними стряслось! Вряд ли это из-за Максика столько шуму. Телефон Максика недоступен, но в новостях ни про него, ни про эту его борзую девку ни слова, значит живы, здоровы.

Светловолосый мужчина точно знал про их давние и странные отношения, то, что Эльвира — “контактное лицо номер один” Лидии, настоящее имя Эльвиры и очевидно читал старое досье. Потом он упомянул Майки — про все это могли знать только те, кому достались материалы его почившей конторы... Вот, Майки вообще не хотела бы обсуждать, не любит он такого, не нужны неприятности, связываться с этим психом...

— Это, может, кажется, что он тихонький такой, культурный, но на самом деле, больной на всю голову...

Не смотря на предупреждение о недопустимости вранья, Эльвира утаила то, что звонила своей лапочке несколько дней назад, с просьбой помочь Максика и отлично знает, где они тогда оба находились. Сообщила правду, что давно не видала обоих. Изредка Лидия звонит с разных номеров.

Нет, Эльвира не знает, где Майки. Надеется, что наконец отправился в ад, этот мутный тип!...Нет, она не знает, вместе ли они. Но возможно, что они расстались. Последний раз, когда видала Лидию, еще давно — та приезжала к ней улучшать внешность после ссоры с Майки, она была с молодым любовником. Светловолосый мужчина заинтересовался этой информацией. Попросил описать.

— Выглядит, как дитя, мелкий брюнет... Ангелочек, вид вызывает доверие...

... Какой там просто знакомый, видел бы этот блондин, как они друг на друга

смотрят... Эльвира в этом разбирается.Ну, и что с того, что моложе намного. У самой Эльвиры, муж на пятнадцать лет моложе. Лидия может привлечь любого мужчину, сама учила как...

— Вы что сексист? Или эйджист? При чем тут возраст!

Приятный блондин смущался и убеждал, что не сексист и не эйджист.

— Если вдруг объявится... — начал светловолосый мужчина

— Знаю, знаю, — перебила Эльвира, — зафиксировать, не дать убежать, провести первичный опрос... Не в первый раз. Но только сейчас я не у вас на работе, давно я таких услуг не оказываю. Я законопослушная гражданка трех стран, в которых у вас нет власти, и ответственная налогоплательщица. У меня адвокатов уйма, денег кучищи, оставьте в покое!

— Ради ее же блага! Чтобы Лидия не попала в беду! — участливо сказал приятный блондин, — Она же не посторонний вам человек.

Она уже попала в беду, когда связалась с этим мутным типом!

— Что там случилось? — все таки спросила Эльвира

— Не могу сказать, — ответил блондин, — пропал важный груз, она видела груз последним. Майки тоже вне досягаемости. Я очень беспокоюсь...

Наконец-то засобирился. Тоже оставил визитку. Эльвира поколебалась, но потом ей чутье подсказало, что все-таки стоит ему сказать, что про Лидию уже спрашивали. Показала визитку тех, других. Блондин обеспокоился, расспросил. Снова очень просил сообщить Лидии, если появится, что он на ее стороне. Предупредил о неразглашении. Посмотрел на на Эльвиру еще раз и у двери спросил, не знает ли она, где архив “Сеялок и веялок”? И где находятся сережки Марии Антуанетты?... Типа, намекнул, что знает, за что мадам Карамболь можно привлечь.

— Понятия не имею, сдала в архив в установленном порядке, — уверенно ответила Эльвира. Если еще и с этой историей начнут разбираться, то до такого можно докопаться, что многие головы полетят...

Убрался этот блондин наконец. А в инстаграме богини любви и красоты произошел небывалый случай — она второй раз сфотографировалась с одной и той же красной сумкой. И волосы снова собрала. Только на этот раз на ней был белый парик.

Утром следующего дня у Роберта заболела мать, он уехал навестить ее. Эльвира никогда с ним не ездила — эта тетка была почти ее возраста, но выглядела старухой, терпеть не могла Эльвиру, считала, что эта ведьма окрутила ее мальчика.

Самой оставаться в большом доме было страшно, после всех этих странных визитов к "контактному лицу". Наняла частную охрану. В солидной фирме, за приличные деньги. Пришла опытная команда, начала устанавливать сигнализацию, камеры... Закончили, собрали оборудование, устроились во флигеле, во дворе, чтобы Эльвиру сторожить. Из машины вышел старший в команде, чтобы работу принять, совсем седой...

— Привет, мадам Эльвира, — сказал вежливо отвратительный Майки, очищая свою лживую униформу от несуществующих пылинок.

Гнусный дьявол добрался до нее! Посмотрела на ворота, которые вот только что заперли его люди.

— Не надо нервничать, мадам Эльвира, — вежливо сказал отвратительный Майки, — ничего не случится, надеюсь на ваше понимание...

Вот, еще не хватало, чтобы этот дьявол видел, что она его боится! Понимание ему подавай. Вежливый дьявол!

— Я не нервничаю. Что там с Робертом? — теперь она уже и в болезнь матери не верит, — А куда ты дел Максика, негодяй?

— Макс в безопасном месте. С Робертом все в порядке, он отлично проводит время с мамой. И с ним будет все в порядке, если вы, мадам Эльвира, будете благоразумной. Отдайте телефон.

— Чего от меня надо? — не склонит голову она перед этим мерзавцем! Но телефон отдала.

— Контактное лицо номер один, — пробормотал Майки негромко, — как в прошлый раз.

Зачем она вообще с этой дурочкой связалась! На работу взяла. С болота вытащила. Человека из нее сделала. Красавицу! Отдувайся теперь всю жизнь за свою доброту...

В общих чертах мутный дьявол сообщил, что крошка Лидия снова потерялась. Да, снова в состоянии стресса выше среднего...

Нет, он ее не избивал. И тогда он ее не бил, Эльвира прекрасно знает, для чего был тот подвал, не нужно делать из него монстра... Ладно, он монстр. И если мадам Эльвира не заткнет свой черный рот, то монстр сам его заткнет!

...Затерявшись, Лидия унесла кое-что, что ей не принадлежит, что может навредить многим важным людям... И именно поэтому ее все ищут. Из разных мест. Не только те, что приходили... Могут быть серьезные неприятности. У всех. У Эльвиры, кстати, тоже — если вскрыются старые делишки...

А он куда смотрел?! Профессионал несчастный. Как вообще мог ее упустить! Эта дурочка в рот ему заглядывает, все делает, что мутный дьявол скажет... Идиота кусок!

Дьявол смотрел на свои ботинки и молчал. Даже на оскорбления не отвечал.

Потому, что был согласен с каждым словом. Идиота кусок.

— Надеюсь, она придет сюда, — сказал дьявол, — иначе ее найдут и убьют. Кто успеет раньше.

Эльвира помалкивала. Вид у Майки был очень неприятный.

Но лучше неприятный Майки, чем кто-то другой, кого Эльвира не знает. Все эти мутные ребята неприятные... Вообще, жить с ним было неплохо, особых неудобств не доставлял. Разве, что домработницу пришлось отпустить и съемки отменить. Головорезов своих в дом он не пускал. Сам готовил обед — не доверял еде из Эльвириных рук, варил кофе и даже подавал Эльвире его в постель. Потому, что они спали в одной комнате, не хотел ее из виду упускать даже ночью. Эльвира, конечно, хотела чары свои пустить в ход, но безуспешно:

— Кажется, мы с вами это уже обсуждали, мадам Эльвира. Мне неинтересно. Тем более, не хотелось бы придавать нашему дурацкому треугольнику еще более замысловатые формы.

Точно дьявол! Всем интересно, а ему, значит, нет.

Целый день сидел в компьютере, по телефону трещал... Лапочка не объявлялась. Майки явно нервничал. Через три дня ему кто-то позвонил, и, вопреки обыкновению, по телефону он не разговаривал, а орал, Эльвира все слышала:

— Да, я ее контролирую! Даже, если не знаю, где она... И не знаю, где она, из-за вашей некомпетентности и проблем с коммуникацией... Дайте мне несколько дней, она сама придет, принесет извинения. Гарантирую, что не нанесет вреда. Потому, что она не делает того, что “нехорошо”, без моего указания, вы сами это знаете... Дайте мне несколько дней!

Майки отложил телефон. Вид у него был уставший, видимо, ему не дали тех дней, что ему были нужны...

— Вот, черт, — сказал невесело, — придется применять форсированные методы... Так уже надоело быть злым.

... В тот день трансляция на канале богини любви и красоты началась позднее обычного. Локация была странная — плохо освещенное пустое помещение. Богиня любви и красоты сидела, привязанная к стулу, рот ее был заклеен скотчем, под глазом был синяк, а сами глаза были полны ужаса.

За ней стоял человек в маске. Измененным специальным устройством, голосом он говорил, что надо поступать правильно. Надо руководствоваться разумом, а не чувствами. Ну, а если угодно слушать кашу в свой голове и размазывать сопли, то можно увидеть, как страдает тот, кого ты любишь... Вот, пожалуйста.

Террорист схватил богиню любви и красоты за волосы и потянул их к себе. Она жалостливо застонала.

...вот, каково на это смотреть? И такое случится с тем, кто не слушает доводов разума, а бежит от проблем. Он, например, смотреть на подобное не хочет, а ведь это случится, как не прячься.

Непонятно, обращался ли террорист к кому-то конкретному или сразу ко всему человечеству, но говорил с душой... После некоторой паузы, будто что-то вспомнив,

довольно роботически сказал, что эта женщина с черными волосами — выдающаяся блудница и поэтому должна быть наказана за свой... эээ... блуд публично...

Потом опять продолжил страстно про то, что у каждого есть своя уязвимость и иногда она единственный путь к разуму. Беречь тех, кого любишь. Надо поступить правильно. Сделать так, как он сказал. Иначе богиня любви и красоты лишится головы... И не только она. Все рискуют.

— Кажется, кто-то из публики мадам Карамболь интересовался, как рубить головы? — спросил террорист, накручивая волосы богини любви и красоты себе на руку, — так я могу показать.

Он вытащил из-за пояса мачете, размахнулся и одним махом отсек волосы, поднял их вверх. Голова несчастной осталась на плечах, но поникла — видимо, она потеряла сознание от ужаса. Террорист проверил ей пульс, осмотрел глаза.

— Пока все в порядке, — сказал он, снова показывая публике черные волосы, — но в следующий раз это будет ее голова...

Потом роботическим голосом зачитал совершенно идиотские требования о полном запрете порно, уголовном преследовании проституток и штрафах Инстаграму за то, что разрешает существование такого безнравственного канала.

— И помните, — сказал напоследок, — что есть еще мальчик и девочка, всех найдут, ставки слишком высоки, никто никого жалеть не будет...

Трансляция закончилась. Началось дело о террористическом акте и захвате заложника...

— Простите за волосы, мадам Эльвира, — вежливо сказал Майки, — нужно было что-то эффектное, чтобы малышку пробрало.

Цирк и балаган! Все к чему она приближается, превращается в цирк и балаган. Он сам превратился в циркача!...Вниманию публики: смертельный номер!

— Псих! — кричала Эльвира, как только он освободил ей рот, — ненормальный придурок! Договаривались немного припугнуть ее, а не рубить мне голову... Развяжи мне руки, скотина! Я отключилась от ужаса и, кажется, описалась.

— Такое со всеми случается, не переживайте. Я вас уже передел, пока вы были в отключке. Никуда не смотрел — я же джентльмен...

— Ненавижу тебя! Дьявол во плоти...

— Вы мне льстите, мадам Эльвира....

Раздался звонок телефона.

— Ну, вот, видите, как быстро, снова ревную — даже часа подождать не смогла, сразу клюнула, переживает за вас, — сказал Майки Эльвире и ответил на звонок: — Привет, малышка. Ты как?...Да, у меня нет ни совести, ни сердца, но я поступаю правильно. Ради тебя, малышка... Я на твоей стороне, я всегда на твоей стороне...

* * *

Случаи когда он, знаменитый Майки, облажался и провалил задание, можно

пересчитать по пальцам одной руки. И это был один из них. Хотя казалось, задача была ерундовая — работа курьера, а не задание для блистательного Майки. Раз они там были в отпуске неподалеку, то ему надо было съездить к этому “графу Витторио” и забрать кое-что, привезти в главный офис лично. Почему он должен заниматься такой ерундой, еще и в своем отпуске? Потому, что это “кое-что” — весьма деликатная информация, а Витторио — давний знакомый Майки. Ведь именно Майки привел этого человека в их бизнес и довольно долго был его куратором. У них сложились личные отношения.

Это было так. Более того, Витторио доверял Майки больше других, потому, что тот не только привел Витторио в их дела, но и позволил из них выйти. Такое случалось нечасто, но Майки старомодно считал, что человек, которого удерживают против воли, сотрудник неэффективный, и помог соскочить, организовал новые документы, прикрытие, новую жизнь...

Однако из игр нельзя выйти насовсем. И та итальянская графиня, которая оставила Витторио титул и деньги была совсем не простой старушкой, еще во время войны начала работать в их сфере, совсем девочкой. И к концу жизни у нее скопился крайне ценный архив, который достался Витторио со всем прочим наследством. Сначала он отрицал наличие архива, потом, после ограбления и неудачных покушений, понял, что хранить его — слишком большая ответственность, которая несет опасность, начал торговаться. Службе почти удалось с ним договориться, но убедить окончательно, а тем более забрать ценный архив, мог тот, которому он доверяет, человек с безупречной репутацией — Малыш Майки, если он жив еще.

Малыш Майки оказался не только жив, но и совсем рядом. Вот, пусть и поедет, пообщается со старым приятелем. А Марципановый Леденец пусть пустит в ход свои фокусы, если этот липовый граф вздумает что-то выкинуть и передумать. Получите ценный груз и гуляйте в своем отпуске дальше. Вы одни?

Майки стоял с телефоном на обочине, смотрел на машину, увидел, как на него смотрел Макс взглядом беспризорной овечки, а эта беспардонная, мелкая знаменитость прижала свой нос к окну — окно запотело, она, рисовала пальцем...

— Я один, — ответил Майки. Вот, черт! Еще не врал он начальству из-за кого попало... И куда он денет этих идиотов! Ну, Эльвира, опять подставила! Что ж за человек...

Пришлось с собой этих детей брать. Не оставишь их, раз взялся за такое странное дело. И дело показалось еще страннее, когда ему выслали опись того, что обязательно должно быть в том архиве.

Эта итальянская старушка была дама довольно богемная, в разных кругах общалась, в свое время на короткой ноге была с режиссерами, спала с кинозвездами, в тусовке тогдашнего шоубиза была своим человеком. И, как человек с непростым прошлым, накапливала информацию. Некоторая информация, с течением времени и изменением общественных нравов, превратилась в компромат.

Так, к примеру, милая вечеринка тридцатилетней давности у одного продюсера, с течением времени стала называться “оргией”, а его счастливый и, одаренный

шелками, гарем, оказывается, страшно страдал от харрасмента. А вон известный режиссер, который когда-то публично унизил своего помощника — вроде как обыкновенное дело — начальник разорался, но этот режиссер попал — помощник-то оказался геем и теперь, в его лице, оскорблено все ЛГБТ-сообщество, и поэтому, за скандал двадцатилетней давности придется отвечать сейчас — терять заказчиков, рекламодателей и сотрудников... А сколько в том архиве было пленок — старых кинопленок, посовременней кассет VHS — где молоденькие старлетки рассказывали, что с ними вытворяли начинающие политики, которые сейчас занимают весьма солидные посты. Старлетки улыбались, были довольны и принимали подарки — по тем временам ничего такого, но сейчас эти тайны из прошлого могли на многое влиять... Не преступления, а обыкновенные ошибки, вполне приемлемые с точки зрения того времени, могли разрушить карьеру во времени нынешнем...

Розочка всегда говорила, что все то, чем он занимался всю свою жизнь — беготня ерундовая, затыкание дыр, мир надо менять в принципе, главная битва — битва за умы. Странное, психопатическое честолюбие его малышки помогло ей сразу это понять и выбрать именно этот участок работы.

— Инфлуенсеры! — повторяла Розочка это модное слово, — Это пушки современности. Интернет — ядерная бомба. У кого они в руках, чьим рупором они являются, тот и победил.

— Сама хочешь в рупор кричать? — посмеялся он над своей интриганкой и любительницей паутин.

— Конечно, — с ним Розочка не изображала божьего одуванчика, как со всеми, могла позволить себе собой быть, — Но я слишком мелка и ничтожна, я слишком поздно начала, и у меня болезнь вот эта — “хорошо”, “нехорошо”...

— Раньше ты называла эту болезнь “совестью”...- снова смеялся он.

Розочка начинала раздражаться и топтать ногами, как обычно, когда он выводил ее на чистую воду...

...Большинство персоналий, на которых была информация в том архиве, были уже не так молоды, некоторые активны, некоторые давно оставили свою профессиональную деятельность и инфлуенсерами не могли быть. Но их почему-то тоже оставили в том списке.

— Вот, черт! — так сказал Майки, когда увидел в описи имена родителей той девушки, что сейчас сидела у него в машине. С двух сторон подкатывают или разные службы? И в чем смысл? Будет нехорошо, если потом выяснится, что он ребят со своей же конторы там укокошил... Ладно, что сделано, то сделано.

Пирожочек заставляет спать в машине — нельзя нарушать режим сна. Не может спать, укачивает. Почему он так беспокоится из-за такого ерундового дела? Эти молодые ребята его напрягают- не по правилам получается. Он если не по правилам все делает, очень раздражительный. Проблемы контроля...

Красивый дом на горе. Максик смотрит во все глаза на эту красивую жизнь, наверное все время об этом мечтал, а ей почему-то все равно. Столько всего уже повидала, что безразлично все...

Нет, ну, конечно смешно — идут за секретными материалами такой толпой, еще бы кота с собой взяли!

Долго еще ждать этого прохиндея, этого знаменитого Витторио!

Ну, вот двери распахиваются, любит он театральные эффекты... и сердце замерло, и дыхание перехватило, и глазам своим не поверила...

— Дружище, дружище...

Не может быть такого! Чтобы тот, кого она искала, кого думала, что потеряла навсегда и даже тело оплакать его не сумела, стоит вот тут — немного располневший, постаревший, но по прежнему прекрасный — ее подземный принц.

Конечно, по протоколу она не должна проявлять чувств. Не должна реагировать на узнавание. Не должна позволить для первой встречи большего, чем вежливая улыбка.

Но она же психически нестабильная. Это в досье записано. Ей можно броситься на шею к этому человеку, прижаться к нему и бормотать на ухо все то, что хотела сказать ему двадцать лет назад...

Двадцать лет назад она была очень влюблена в этого человека, которого звали тогда совсем по другому. Их отношение совсем не вписывались в рамки стандартного романа, они были большим, чем возлюбленные. И даже большим, чем друзья, они были товарищи, партнеры... Этот мужчина волновал ее куда больше, чем все прочие, единственный, от кого она теряла голову, единственный с кем ей в тот их единственный раз было хорошо...

Сидели за столом, ели. Хорошо, от этих дурацких детей удалось избавиться — за другой стол посадить, но так, чтобы в пределах видимости были. Он с этой Милли Пират глаз не спустит, пока не выяснит в чем дело.

...До деловых вопросов все никак не дойдет. Конечно, какое может быть дело, если эти двое никак не могут расцепить объятия и все время говорят друг другу “а помнишь?”, Розочка чуть не на колени к этому Витторио уселась, навалилась просто неприлично. Но не будет же замечание ей делать на людях.

— А помнишь...?

— А помнишь...?

Задолбали уже! Целоваться еще начнут тут... И никогда он не поверит в такие чудесные совпадения. Эта белобрысая сволочь, воображающая себя начальником Малыша Майки, наверняка выяснила, что Витторио — юношеская, потерянная любовь его Розочки, поэтому их и прислали, чтобы хранитель архива размяк от эмоций, вот как сейчас, и не рыпался. Ну, элегантно, конечно, он бы сам так сделал... Но не с собой и своей Розочкой! И почему белобрысая скотина знает то, что не знает он — ведь все про свою Розочку знает, несколько блокнотов исписал... Вот, черт! Вот так старался не лезть ей в душу, проявлять тактичность, не бередить раны... И остался дураком, которого обвели вокруг пальца. Розочка принадлежит ему полностью, безраздельно, умом и телом, но у него нет того, что имеет этот Витторио — общую с ней юность...

Вежливо кивал, слушал слащавые сопли, как они плавали в парке на лодке, кормили уточек и ходили на рок-концерт. Чтобы успокоиться, сопоставлял даты, вспоминал, что же он делал в это время. Много чего он делал, все больше нехорошее... Смотрел на свои руки, никакой крови там не видел, а ведь она была... Эти рассказывали всякие смешные истории, как в университете они кинули в суп муху, чтобы в ресторане получить бесплатный обед... Розочка смеялась, как школьница.

Ну, она же взрослая женщина! Первый раз так про Розочку подумал. И тянет же ее ко всяким проходимцам! Почему не вышла за кого-то, типа, того доктора со своей работы — приличного человека! Смотрел на Витторио, на свои руки... Что же с ней не так! Почему такие, как они?

Красные щеки, блестящие глаза, губы облизывает... На кокаин похоже... может, когда он в туалет ходил... ну отвернуться нельзя, ни на минуту без присмотра ее оставить! Зрачки вроде нормальные... Это не кокаин, это ее так прет от старого любовника. Тьфу!

— Малышка, — сказал заботливо, — Ты не спала почти сутки, нужно прилечь.

На удивление не стала спорить. Наверное, понимала, что неожиданное возбуждение может привести к последствиям, знает уже себя.

Витторио пошел организовывать ночлег. Этим детей представил ему как племянника с подругой. Но сказал, что спать будут все в одной комнате.

— Как знаешь, — сказал Витторио, удивившись, — Но тебе самому надо прилечь, видок у тебя еще тот... О деле поговорим завтра.

— Давай сейчас.

— Завтра.

Не будет наседать. Завтра, так завтра. Действительно сил нет. Да что ж это за отпуск такой! Наверное, кто-то проклял, за грехи его...

Почему это такой большой дом, а спать они должны в смежных комнатах, с открытой дверью? Потому, что этот тип не хочет выпускать ее из виду! Конечно эти улеглись на здоровенную кровать, а им с Максом достался диван. И почему это она должна спать на диване вместе с каким-то Максом. Он шевелится. Ее вообще раздражает, когда кто-то шевелится. Она — Милли Филис и хочет спать одна!

— Я на полу могу лечь, — кротко сказал Макс.

— Ерунда! Будете спать на диване! Нужно нормально отдохнуть, неизвестно, что завтра будет, — строго сказал этот седой тип. Он положил посередине дивана свернутое одеяло, — Достаточно места для двоих. Мисс Милли, закройте рот и ложитесь спать, не вздумайте телевизор включать — моей даме нужна тишина, прекратите уже ворчать из-за этого дивана... Макс, перестаньте изображать овечку, вы совсем не овечка. Разделись, легли и заснули оба! Выполнять.

Что этот тут так раскомандовался!

— Мне надо почистить зубы! — она, может, и не очень симпатичная, но зубы у нее красивые, орудие производства — она певица, — Где можно найти зубную щетку?

— Почистите пальцем! Завтра найду вам щетку.

— Но нужно сейчас...

— Милли, перебор! — прошептал Макс, — не нужно так себя вести. Никто тебе тут не обязан подавать щетку. Сейчас четыре часа утра...

Милли включила телевизор. В новостях ничего не было про исчезновение Милли Филис. Про пожар в клубе и драку только. Даже обидно. А был бы неплохой пиар...

— Мисс Милли, не заставляйте меня вставать, я предупреждал насчет телевизора. Вы мне страшно надоели за сегодня...

Макс мягко забрал у нее пульт и выключил телевизор.

— Спокойной ночи, Милли! — сказал Макс и отвернулся.

Милли подумала, что было бы неплохо, если бы он поцеловал ее в лоб, как папа. Так она лучше спит. А то сегодня было много страшного, не может заснуть... Вообще-то Милли платит за то, чтобы Макс делал, что она хочет... Хотела растолкать его и потребовать папиного поцелуя в лоб...

— Мисс Милли, еще один звук и я выброшу вас в окно!

Да что же он за маньяк такой. Не сэр Артур, а целый Мерлин!

— Пирожочек, ты шумишь больше всех, — пробормотала сквозь сон его Гвиневра, — Отдохни. Расслабься. Не переживай, все пройдет отлично. Ты самый лучший...

Пирожочек?! Пирожочек! И бывают же такие глупые женщины, что так сюсюкают с какими-то хамами и тиранами.

Макс снова развернулся. Милли молча показала ему на лоб. Макс очень нежно поцеловал ее туда, где она показала, и Милли сразу заснула.

С утра сам отправился говорить о делах. Потому, как не хотел больше слышать вот это “а помнишь...”. Нет времени, еще с детьми этими разбираться.

Но сложно этого Витторио было привести в деловой настрой. Он все трюндел про чудесное совпадение и какое счастье — увидеть лучшего друга своей юности...

Друга? Полагал они были возлюбленные? Розочке нравилось рассказывать ему про свою жизнь до него и он, конечно, много слышал про ее страстную любовь, предмет которой таинственно исчез.

...Да какие возлюбленные! Ну, у них было что-то там пару раз — такое себе, но они были гораздо больше, чем любовники...

Вот, черт! Это хуже всего.

... Майки ведь знает, с какими женщинами он водится, и кто он такой. А малышка Лидия была совсем другой — настоящей леди. Конечно, он видел, что внутри нее черт из табакерки сидит, иначе, как бы она с ним связалась. Но у него не было лучше приятеля, интересней собеседника, надежней помощника...

Вот, черт! Это все его, Майки! Если бы у этих всего лишь был секс, как у кроликов, было бы куда лучше.

... И принял решение от малютки Лидии отказаться, чтобы оградить от опасностей, которые мог принести...

Вот, черт! А Майки не смог, слабак! Не смог отказаться от малышки, захотел, чтобы его малышка была его дружкой! Вот, смог ведь человек ее защитить!

...Но его милый черт из табакерки достался Майки. Теперь жалеет, что малышку отпустил, раз все равно не судьба ей жить спокойно, ведь Витторио так и не нашел никого лучше, часто про нее думал...

Вот, черт! Пусть даже не думает!

...А ведь чувствовал, что так может быть — в том спа-салоне где они с Майки познакомились, Майки увидел ее мельком, и тот, кого еще не звали Витторио тогда, сразу понял, что малышку надо спасти от Майки...

Вот, черт! Любому это было понятно. Кроме самого Майки! ...Но не много ли совпадений для одной жизни — отлично помнит длинную девицу в махровом халате, что шла к освещенной двери и медные волосы сверкали на солнце... Вот, дурак! Надо было тогда не вербовать этого дурня, а хватать девицу в халате. Тогда бы юность Розочки была бы тоже его!

...Почему-то считалось, что после каждого крупного дела ему нужен отдых. Не нужен ему отдых! Отдых — это значит думать, размышлять, оценивать свою жизнь, задавать себе вопросы... Но начальство настаивало и вот он, взрослый мужчина, лежит на мягкой кушетке в этом их закрытом спа-клубе для своих, с лицом, намазанным оздоровительной маской и курит расслабляющий кальян... Курительная смесь оказалась весьма забористой — начальство никак не угомонится, все хочет узнать, что же его берет, что бы было за что потом его взять. Все хотят знать слабости Малыша Майки. А их нет! Пусть не надеются...

Хотя да, от кальяна этого немного плывет все в голове, какие-то стихи, давно забытые, вспоминаются, видения детские... Он закрыл глаза и представил свою давнюю фантазию — прекрасная, медноволосая воительница стоит высоко на скале в блестящих доспехах, натягивает тетиву лука... Солнце отражается от ее медных волос...

До чего же тут душно! Это от этого кальяна такое? Он вытер полотенцем эту дрянь с лица и открыл дверь в коридор... Первое, что увидел — медные волосы в лучах солнца. Ну, вот, первый раз с ним такое!

Но нет, это не было галлюцинацией, высокая и худая женщина с медными волосами, в

белом халате и тапочках, шла впереди него по коридору к выходу, ее волосы сверкали на фоне солнца из открытой двери внутреннего двора... Нет менее подходящей одежды для галлюцинаций, чем махровый халат и мягкие тапочки... Почему-то он захотел догнать эту женщину, развернуть и посмотреть ей в лицо. И уже сделал было шаг вперед, как какой-то другой мужчина подошел к ней, улыбнулся, пожал руку, потрепал по плечу, проводил до двери и помахал вслед...

А, этого паренька он знает, давно его заприметил — мутный паренек, симпатичный, сообразительный такой, ловкий, знает, как понравиться людям — такие всегда могут пригодиться. Особенно легко такими управлять, если у них есть так много уязвимых мест, как у этого красавчика — серьезные долги серьезным людям, наверняка проблемы с законом, пожилая мама, немалые амбиции и тщеславие...

Вот и развлечется, поработает с ним, чтобы не валять дурака зря в этом спа, отчего ему мерещится всякое. Майки подозвал этого паренька.

— Нужно поговорить.

Улеглись на кушетки, Майки предложил пареньку кальян. Снова намазал лицо оздоровительной дрянью — после этой пустыни очень сухая кожа, слишком заметно, придется потерпеть...

— Ну? — сказал Майки, — не надоело тебе вот этим... — он брезгливо покрутил руками, — заниматься с тетками всякими? Не очень по мужски, да и не очень перспективно, какой-нибудь муж тебя, да прикончит..

— Надоело, — сказал подземный принц с достоинством принца уэльского, — жду, пока подвернется, что получше. Можете что-то предложить?

— Могу, — но не говорил что. Ждал, пока подействует курительная смесь, мальчик расслабится.

— Что за девица? — кивнул на коридор.

— Клиентка, — равнодушно ответил ловкий паренек.

— Познакомишь? — спросил Майки.

— Я сам с ней почти не знаком, случайная клиентка. Вам зачем?

— Люблю такие волосы, рост... Мой типаж.

— Не могу ничем помочь. Но если вам нужен сводник, то вот, есть у меня визитка... У него всякие есть, всех цветов и оттенков.

Он так и знал! Он так и знал, что на его девочку положит глаз кто-то из этих страшных людей, как только ее увидят. Ну, уж нет! Им она не достанется! — не смотря на забористый кальян, подземный принц вполне владел собой.

Врет! — подумал Майки, — отлично он с ней знаком. Клиенткам так не улыбаются, рук не пожимают, как старому другу. Не хочет ту девицу подставлять... Это неплохо — не смотря на то, чем занимается, все-таки есть базовые этические принципы. Да и точка давления есть, опять же, может пригодиться...

— Ну, так есть вам, что предложить или нет? — высокомерно, как настоящий принц, спросил принц подземный. Он очень боялся, тоже слышал про этого, с кальяном, всякое, но виду не подавал, — Или я пойду, у меня полно дел.

Ему срочно надо ей позвонить, предупредить, чтобы никогда не приходила сюда!

— Ждете, пока подействует эта ваша дрянь из кальяна? — дерзко спросил паренек, — Можете не ждать, на меня не действует, выкладывайте сейчас, что вам надо.

Крутой паренек, подойдет...

И не будет он гоняться за этой его девицей, может не беспокоиться. Очень надо! От женщин одни хлопоты! Всегда будет один.

...- Давай уже ближе к делу, — единственное, что сказал невозмутимый Майки на все эти признания, — Времени мало...

...Давно Витторио Майки не видел, не думал даже, что жив еще — при таком наплевательском отношении к собственной жизни. Не думал, что такой принципиальный дурак, как Майки, уцелел после того внутреннего скандала, к Витторио тоже тогда приходили, опрашивали...

Почти не изменился — такая же невыразительная и, ничего не выражающая морда, седой только. Фигура для его возраста отличная — Майки никогда не мог наслаждаться жизнью, только и делал, что спортом занимался, одна у него была радость... Витторио в радостях жизни толк знал — в женщинах, в еде, в вине, в красивых машинах — и в деньгах, на которые можно позволить себе все радости. А у Майки не было никаких радостей, кроме его беготни, вот он и спортивный такой остался... Что же малышка Лидия в нем нашла? Майки же страшный зануда!

И почему она хромает? Почему такая тощая? Он что, ее не кормит?... Но такая же, как раньше, милая и смешная — смотришь на нее, слушаешь, и понимаешь — что ты еще ого-го! Вот как она так умеет!

Ладно отдаст ему тот злосчастный архив. Ерунда, ерундой, он читал там почти все — даже не понимает, что за него все вцепились, это же не разведанные, а устаревшая публичная информация, просто системно собранная и каталогизированная еще до цифровой эпохи. Конечно, Витторио поторговался бы еще с кем-то, на аукцион бы выставил в даркнете, но боится неприятностей... А тут Майки нежданно-негаданно явился собственной персоной, а он Майки очень обязан, в том числе и тем, что у него сейчас есть деньги, молодые девушки, дом, похожий на замок, и парочка спортивных машин... Не помоги ему Майки, не вышло бы все так. А тут еще и дружище его — малютка Лидия, с ним. Столько лет не видел лучшего друга своей юности. Единственного друга — все другие были коллеги или партнеры, она одна не судила его, принимала таким, как есть, любила даже... Да он так расчувствовался, что за это все может отдать...

— Черт с тобой, забирай! Завтра в банк поеду за чемоданом, — сказал Витторио, шелковым платочком утирая скупую мужскую слезу, — Деньги переведут, не кинут?

— Как только все будет у меня, — Майки протянул руку. Майки всегда любил эти старомодные ритуалы. Типа, если джентльмены руки пожали, то их устная договоренность приобретает силу юридического договора, со всеми последствиями за его нарушение...

...Это чего он удумал, жирный, смазливый крендель! Заявил борзо, что в банк один с малышкой хочет поехать. На своем “феррари”. А он, Майки, тут подождет пусть, отдохнет, в бассейне с подогревом поплавает, выпьет чего-нибудь вкусного...

— Я обещал двадцать лет назад, что покатаемся с ней на “феррари”. Только она и я. Должен закрыть гештальт — прокатиться с моей малюткой Лидией, как ей обещал...

Его малышкой! Его малышкой. А не этого жирного, перезрелого красавца!

— ...кроме того, малышка Лидия будет чем-то вроде залога. Ну, что ты не кинешь, не ограбишь по дороге, а начальство твое заплатит, как договорились.

Вот, сволочь! Очень хотелось расторгнуть сделку и по морде надавать, но на работе же...

— Небезопасно одним ехать, — руки просто чесались... Держался, как мог, чтобы не врезать, — Возьми охрану.

— Я каждый день в город, в ресторан, езжу с разными дамами, поеду в обычное время... Хочу наедине с ней побыть, без чужих глаз.

В лицо это ему говорит такое — “наедине”!

— Я за тобой следом поеду. Пригляжу, — еще его малышку будет сравнивать с всякими своими профурами, с которыми по ресторанам шастает..

— Попробуй, — заносчиво сказал этот фальшивый граф, — догони “феррари” на своем обывательском “вольво”...

Вышла Розочка. Разоделась просто непристойно — костюмчик алый, юбочка коротковата для ее возраста, платок красный, под цвет “феррари”, очки на пол-лица — малышка сейчас так беспокоится о своей уходящей красоте.

— Помни, ты на работе, — наставлял он малышку, — не отвлекайся на воспоминания, выполняй задачу.

Согласилась взять нормальный рюкзак со всем необходимым, вместо идиотской дамской сумочки. Розочка умница, знает, когда не нужно спорить — редкий такт. Выслушала инструкцию, повторяла послушно. А сама на “феррари”- кабриолет смотрела. Села на переднее сиденье, смотрелась в зеркало. Да она просто создана для того, чтобы ездить на такой машине с тем красавцем!

Вот, черт! Вот, уж не думал, что его Розочка падка на такое. И подумал, что сам он никогда в жизни не купит “феррари”, даже если малышка будет очень хотеть. Даже если будут деньги — сейчас серьезно финансами занялся, все равно не купит. Ну, какой нормальный человек выкинет деньги на глупое, непрактичное хвастовство...

Этот Витторио раскланялся картинно, открылись ворота и “феррари” вылетел со двора...

— Быстро в машину! — черт, как бесит эта тормозная Милли, — Макс, хватайте ее быстрее, не развалится от тактильного контакта... Едем за ними!

— Не орите на меня, сама могу! — ну и дерзкая девчонка.

— Мы же все равно не догоним эту “феррари”, - робко пробормотала овечка Максик. На Максика “феррари” произвело большое впечатление. Как и то, что он, король Артур, позволил уехать прекрасной Гвиневре с этим... неизвестно кем.

— Ваша вонючая “феррари”, - “феррари” отличная машина, зачем он это сказал, теперь будет выглядеть завистливым дураком, — может ехать только по ровной дороге с хорошим покрытием. Есть плохая дорога через поля, куда короче... Попробуем!

По этому седому типу не поймешь, чего он задумал. И не показалось ли, что он ревнует свою Гвиневру к графу Витторио? Ну, оно, конечно, понятно — дом такой, “феррари”, да и внешне тот куда симпатичней, хоть и полноват. Зачем только тому немолодая и хромая тетка, если вокруг плейбоя куча молодых девок? Какие-то у них старые дела, Макс сразу понял. Значит, не только личным обаянием граф Витторио добился своего роскошного образа жизни, но чем-то еще... А “номер два” откуда его знает? И как ее все-таки зовут, они все по разному называют....

Сэр Артур дал ему свой планшет и велел следить по карте за движущимся значком в

виде розочки. Розочка двигалась очень быстро.

— Он уже в городе, — сказал Макс, — возле какого-то банка.

— Вот, черт! — ну, понял наконец, что догнать “феррари” невозможно? Вот, вроде разумный человек, опытный, в машинах наверняка толк знает... Вот, поэтому Макс и не хочет влюбляться — чтобы ясность ума сохранять. А то вот такое будет — на “вольво” за “феррари” гнаться...

Седой постоял минуту, растер руки.

— Тогда будем немного впереди их, — вздохнул и поехал обратно к шоссе, — встретим их на дороге, тоже вариант, — разговаривал он сам с собой

— А зачем? — Милли подала голос. Видимо, полагая, что это сэр Артур с ней, выдающейся Милли Филлис, советуется. Сэр Артур проигнорировал вопрос, наверное, даже не слышал.

“Розочка” на карте удалилась от банка. Сэр Артур сказал, не отрывать глаз от карты, докладывать о всех изменениях маршрута или скорости. И уже, когда “феррари” была в паре километров от них, Макс сообщил о изменениях — значок с розочкой замедлился.

— Вот, черт! — сказал сэр Артур и нажал педаль газа до упора, — Так я и знал... Милли, легла на пол! Носом вниз. Не вставать до разрешения...

Обычно Милли никогда не делала сразу, как ей говорят, сама любила командовать, а тут послушно слезла с заднего сиденья и легла на пол носом вниз.

— Макс, достаньте мне то, что под вашим сиденьем! Быстро! — сказал этот странный человек, ускоряясь

Под сиденьем оказалась сумка с оружием и бронежилет. Это что, этот тип в отпуск так ездит? И полиция его не останавливает... Макс придерживал руль, пока тот надевал бронежилет. Почему-то не было страшно. Макс обычно такой трусливый, а тут почему-то не боялся, хотя понятно было, что затевается что-то неприятное.

— А это вам, Максик! — сэр Артур протянул Максу пистолет, — прикроете меня... Станьте на колени на пол, за руль, чтобы вас не было видно, но вы могли просунуть пистолет в щель открытой двери

— Но я не умею, я не справлюсь, — Макс вообще-то жиголо, а не боец. Он работает с нормальными, простыми людьми, с дамами, с бабушками... Он профессиональный внук!

— Вы были в армии. Вспомните по ходу... Вот и они!

Да армия эта так давно была, уже позабыл все. И он же не воевал там, один раз на учениях были “условия, приближенные к боевым”. А тут, Макс боится, не приближенные, а боевые предполагаются.

Дорогу “Феррари” перегородил черный джип. Их “вольво” ехал с другой стороны, ничего не рассмотреть. В “феррари” никого не было видно, но судя по выстрелам, которые оттуда раздавались, кто-то был еще жив, не давал этим, из джипа, подойти. Сэр Артур начал стрелять в черный джип, не остановившись, отвлекал от “Феррари”.

Женщина из красной спортивной машины, воспользовавшись передышкой, стала ногами на сиденье и подняла что-то над собой.

— Ага! — кричала она торжествуя, страшным голосом, — Ничего не получите! Разнесу всех и чемодан ваш тоже!

И еще эта, очень нарядная женщина в европейском костюмчике и юбке выше колена, сказала странное:

— Аллаху акбар! — может Макс послышалось, с чего бы ей так говорить?

...Седой выкатился из машины, начал стрелять снизу...

— Прикройте меня, Макс! Не цельтесь, просто палите...

И Макс палил, чуть ли не с закрытыми глазами, старался в седого только не попасть. Сразу понял свою задачу — создать видимость, что людей много, внимание отвлечь от седого, как та женщина. Видимо, седой считал выстрелы, потому, что как только патроны закончились, Макс услышал:

— Лечь на пол! — и с удовольствием выполнил команду, свернулся в калачик, педали больно упирались в бока.

Выстрелы прекратились. Макс смотрел на, оставленный ему, ключ зажигания — думал, как ему незаметно встать, завестись и дать деру. “Вольво” не “феррари” конечно, но легче и быстрее этого джипа, шансы есть... Надо рискнуть подняться... Но снаружи все уже было кончено — сэр Артур стоял между трупами. Непримечательный, седой обыватель средних лет выглядел совсем по другому в бронежилете и с пистолетом в руке. И лицо его много чего выражало, а не как обычно. Женщина все еще стояла на сиденье, подняв руки вверх, вид у

нее был невменяемый.

— Малышка, — спокойно сказал сэр Артур, — пожалуйста, приведи гранату в исходное положение и слезай, надо уезжать... Что там Витторио?

— Не подходи! — сказала женщина злым голосом, не выполнив указания, — Это ты все устроил! Меня как приманку использовал!...Пусть Макс принесет мне мой медицинский чемоданчик. Ты не подходи.

Сэр Артур махнул Максу, чтобы тот выполнил приказ, и сказал уже неспокойно:

— Я не имею к этому отношения! Приведи гранату в исходное положение...

Макс очень боялся подходить к сумасшедшей с гранатой, но возразить еще больше боялся,

— Ну, ты и сволочь, думала, изменился после всего, — кричала Гвиневра, — Так гнусно! Отнять его у меня еще раз!

— Повторяю еще раз: я не имею никакого отношения к тому, что случилось... Надо торопиться. Приведи гранату в исходное положение... Откуда ты вообще гранату взяла?!

Вот, действительно! Странное содержимое для дамской сумочки.

— Там где взяла, там больше нет! — дерзко и зло ответила Гвиневра, что-то там ковырялась в салоне, — Мерзавец, мутный тип..

— Я тут не при чем!

— А твоя контора?!

Мужчина помолчал некоторое время. Видно, что не был уверен.

— Я не знаю. Полагаю, что тоже нет. Приведи гранату в исходное положение...

— Пусть Макс подойдет сюда, мне нужен ассистент...

— Я могу помочь лучше.

— Нет! Ты, как они, — женщина показала на валяющиеся трупы, — Ты и есть они!

— Совсем нет. Я же помог вам, я всех их устранил. Я старался компенсировать неосторожное и глупое решение ехать одним...

Макс залез в “Феррари”. Витторио был жив еще, но без сознания, весь в крови. Было не страшно, было никак. Макс, как робот выполнял указания Гвиневры — перевернуть, подержать, разорвать одежду — ничего не чувствовал. Гвиневра оказывала первую помощь быстро и ловко — она ведь лицензированная медсестра. Она привела гранату в исходное положение, но положила в карман, граната неприятно выпячивалась сквозь тонкую ткань.

— Поехали быстрее, — сказал сэр Артур, — где чемодан?

— Ага! Вот, ради чего все!

— Не глупи, зачем бы я такой цирк устраивал. Я и так бы получил этот чемодан, была же договоренность...

— Ты один знал куда и зачем мы ехали, каким маршрутом. Ты был заинтересован... не знаю зачем, может, казенные деньги сэкономить...Ты выставил меня, как приманку, использовал мои чувства, даже не сказал к кому мы едем, ввел в заблуждение, использовал ради дела...

— Я сам не знал, правда.

— Как может быть, что ты чего-то не знал! ... Макс, можете идти, спасибо... Знать тебя больше не хочу! Я не приманка и не трофей. И не буду больше нестабильной курочкой, которая несет вам золотые яйца. Теперь я сама по себе. И трофей мой!

Женщина села за руль. Завела автомобиль.

— Остановись, малышка, — сказал мужчина, — Отдай чемодан и делай, что хочешь. Ты

видишь, какие странные дела, тебя убьют из-за этого чемодана... Я разберусь, что случилось, докажу, что я тут не при чем... И у тебя права на ручное управление, полиция выпишет штраф.

— Иди ты к черту! — сказала Гвиневра, мотор загудел, — И вообще: я любила его даже больше, чем тебя!

И умчалась прочь. Блин, а Макс так и не понял, узнала ли его “номер два”...

Макс заметил, что пока Гвиневра заводилась и трогалась, сидела спиной, рука с пистолетом то подымалась, то опускалась, сэр Артур явно колебался... Потом сэр Артур расслабился и спрятал пистолет. Смотрел вслед удаляющемуся “феррари”.

Пока снова в перчатках проверял документы и телефоны убитых, фотографировал место происшествия, Макс рискнул спросить:

— Почему вы в нее не стреляли?

— Вы, что с ума сошли! Не буду я стрелять в свою женщину. Даже, если она спятила.

— Ну, не в нее — в руку, в колесо... Вы дали ей уйти.

Сэр Артур снова с интересом посмотрел на Макса, но ответил сурово:

— Не лезьте не в свои дела... И надеюсь, не нужно предупреждать, что про то, что тут было, не нужно рассказывать полиции. Если вдруг дойдет до вопросов, расскажете, что лежали под машиной, ничего не видели, не слышали... И, кстати, большое спасибо за помощь!

— Да я это... Я так не попал ни в кого, так, для массовки.

— То, что нужно... Спасибо!

Милли смиренно лежала носом в пол. Спросила, как там дела, можно ли вставать.

— Еще минута, мисс Милли, — сказал сэр Артур, вопреки обыкновению, добрым голосом, — вы молодец. Все хорошо.

И разрешил ей встать и размяться только через несколько километров, в лесу. Видимо, не хотел, чтобы девочка видела все то побоище.

— Что будем делать, командир? — спросил Макс. Автоматически так его назвал, как старшего в армии, после тех учений. Они сидели на обочине грунтовой дороги, смотрели, как Милли делает зарядку, чтобы успокоиться, — и это... ну, спрошу наудачу... есть за вашим Круглым столом, сэр Артур, вакантные места?

Сэр Артур опять посмотрел на него странно, последний вопрос проигнорировал. Ответил только, что он отвезет их в безопасное место, как собирался. Но ему нужно по делу позвонить. Отойдя так, чтобы не слышали, с кем-то долго разговаривал по своему телефону. Судя по голосу и лицу, ругался, иногда даже слова долетали.

— К чертям собачьим! — кричал сэр Артур, — почему такие проблемы с коммуникацией?! Почему я не знал... А кто это тогда был? У кого утечка?... Да, найду. Нет, не натворит. Это мой сотрудник, я за нее отвечаю. Да, я ее контролирую... — стал красный, как рак. Не похоже, чтобы он контролировал эту чокнутую с гранатой.

Выключил телефон, выпил таблетку. Сел на землю, минуту сидел с закрытыми глазами. Потом спросил Макса, что там розочка на карте в его планшете.

— Серого цвета. Последняя отметка — больница. Что это значит? — Макс не надеялся, что расскажет. Но сэр Артур ответил:

— Змея сбросила кожу и скрылась в кустах. Теперь ее не найти.

Затем он разбил свой планшет молотком. Такая же участь постигла телефон, который нельзя отследить. Потому, что, судя по всему, случилось как раз наоборот, и теперь у седого

проблемы с его дамой. А у дамы со всеми проблемы. А они с Милли как-то случайно попали в такой замес — то одно, то другое, и как выбраться — неизвестно. И чего этот их за собой таскает, ну, видно же — у человека и без них дел полно...

— Ладно, погнали, — объявил отдых оконченным.

И они погнали. Ехали несколько часов, Макс с Милли заснули сзади, уж слишком много всего было за последние пару дней. Проснулись от команды выходить из машины. Машина стояла в гараже. Прошли в дом. В доме было затхло и пыльно.

— Давно никто не жил, — объяснил сэр Артур, — Вот спальни — спите хоть вместе, хоть по отдельности... там где-то есть шкаф с бельем, вон там все нужное... Это кухня. Вот вам наличные, будете покупать себе еду — магазинчик в конце улицы, экономьте, не прожрите сразу все... Не шумите, соседи пожилые, будут сердиться, еще в полицию позвонят. Не привлекайте внимания, не попадите в историю...

Макс и Милли растерянно смотрели, не совсем понимая его распоряжения. Сэр Артур устало вздохнул и объяснил:

— Как вы понимаете, я сейчас очень занят, мне нужно найти мою даму. Вы свободные люди, можете делать, что хотите, конечно, я вам не нянька. Я всего лишь фея-крестная, которая дает вам возможность пересидеть бурю и подумать, что делать... Но я бы советовал вам затаиться на время — ни в коем случае не платить карточкой, не пользоваться телефоном, почтой, социальными сетями и прочим, дожидаться меня... А теперь, извините, иду спать, очень устал, завтра много дел.

И захлопнул перед их носом дверь. С утра Макс проснулся, чтобы проводить сэра Артура. Тот оставлял ему, как Золушке, много всяких поручений: постричь газон — газонокосилка в гараже, починить окно на чердак — инструменты там же. На кухне, вроде как, течет раковина, но Максик у нас еще и сантехник, сможет починить...

— Откуда вы знаете, что я сантехник? — удивился Макс

— Джентльмен всегда наводит справки о человеке, прежде чем пригласить его к себе в дом, — немного пафосно сказал сэр Артур.

— Это ваш дом? — еще раз удивился Макс. Да уж, не замок графа Витторио...

— Другого у меня нет, — немного грустно сказал сэр Артур, — Вот еще что, — сэр Артур открыл старинный сейф. Там лежал пистолет, — На всякий случай. Исключительно в целях самообороны. Надеюсь не понадобится, но мало ли что. Это законный, зарегистрированный пистолет прежнего, умершего владельца, а наследник случайно забыл его сдать...

— Тут это... А если меня спросят, кто я такой владельцу? Почтальон или булочник спросит... Не покатит, что я просто хату по интернету снял, если я газон буду стричь.

— Логично... Тогда скажете, что вас пустил отдохнуть ваш знакомый по спортзалу... ну, там, где вам выбили зуб.

— Вы и это узнали, за два дня?

— Я не вожу в дом кого попало, все про вас знаю... Так вот, если спросят, скажете, что вы спарринг-партнер господина Мориса, связываетесь с ним по интернету, вот его электронный адрес, если вдруг полиции понадобится...

— Это вы господин Морис? — уточнил Макс.

— И он тоже... Отдыхайте, Максик. Берегите девочку, она совсем маленькая, хоть и выпендривается. Ну, я пошел...

— Вы там... это...осторожней, — пробормотал Макс

— Конечно. Я всегда осторожен, ведь мне нужно беречь мою девочку. Пока!

И обывательская, серая “вольво” скрылась в конце улицы. И Макс снова спать лег, устал после всей этой беготни, а тут так спокойно и тихо.

Почему ему не сиделось в сантехниках! Теперь еще хуже все закрутилось, чем в первый раз, тогда из пистолета стрелять ему не довелось...

* * *

Витторио сказали, что выжил он только потому, что кто-то оказал ему профессиональную медицинскую помощь сразу после ранения, а когда его доставили в больницу, то в кармане пиджака торчал листок, где, по протоколу “скорой”, было указан возраст раненого, время ранения, проведенные мероприятия и введенные препараты, ориентировочный диагноз.

Полиция не получила от него внятных показаний — когда возвращались из города, чёрный джип преградил дорогу “феррари”, люди из джипа начали стрелять, не успели развернуться, его ранили сразу, потерял сознание, ничего не видел ничего не знает. Кто эти люди, Витторио не знал — его образ жизни и прошлое подразумевали, что врагов много, но никто конкретный ему не угрожал... Кто убил этих людей, Витторио не знал тоже. Он действительно не видел. Экспертиза показала, что выстрелы производились, как из “Феррари”, так и с другой стороны от джипа. Точную марку третьей машины установить не удалось.

Что за женщина ездил с ним в город, стреляла в джип, а потом доставила раненого в больницу, граф Витторио рассказывать отказался.

— Это замужняя женщина и я не могу повредить ее репутации. Тем более, если выяснилось, что она спасла мне жизнь. Я имею право отказаться от дачи показаний.

На фотографиях с камер возле больницы видно, что в “феррари” находилась женщина в красной одежде, платке, который скрывал овал лица, огромных солнечных очках и с, очень грубо покрашенным красной помадой, ртом — черты лица невозможно рассмотреть. Домашний персонал в доме Витторио затруднился опознать женщину с фотографии. Накануне была вечеринка, много было народу и с утра разъезжалось много... Из совсем новых людей приезжала только семья с детьми. Ничем не примечательный папа, тощая мама, мальчик побольше, взрослый уже юноша, и девочка с глупым лицом, никто из них, ну вот, ничуть не подозрительно выглядит. Машина у них такая простенькая, семейная... Марку не запомнили, много гостей было. Камер в доме графа Витторио нет — не любят его гости съемок... Прислуга виляла, наверняка связана соглашением о неразглашении, толку от них не было.

Но “феррари”, на котором уехала женщина, не иголка, его не утаишь, да и женщину в красном привлечь за угон можно.

— Это ее “феррари”, - благородно ответил Витторио, — я подарил даме автомобиль, подтверждаю официально. Что такого!

— С какой целью вы с этой дамой были в банке?

— Это очень важная для меня женщина, я дарил ей ценный подарок.

— Какой?

— Я имею право не отвечать.

— Кто стрелял в людей из черного джипа?

— Я не видел. Но, полагаю, я очень обязан этому человеку или этим людям.

Как всегда. Уже не один раз он обязан этому человеку. Им обоим.

Полиция ушла, оставив охрану возле палаты. Когда врачи разрешили, к Витторио повалили посетители. В основном, конечно, дамы. Но и мужчины попадались, полиция всех записывала.

— Очередной кузен! — объявил дежурный полицейский, он раздражался тем, что выполнял функции дворецкого при этом подстреленном графе, но должен выполнять протокол, получать согласие на посещение, осматривать гостя и пациента до и после визита. Пригласил в палату брюнета средних лет, даже немного на Витторио похожего, и вышел прочь.

— Ну, и наглец! — сказал Витторио кузену, — и хватило же совести в больничку прийти после того, что устроил!

— Я не имею никакого отношения к нападению, но я очень старался помочь. Предупреждал ведь — не нужно самим ехать, так, нет! Романтики ему захотелось! Спасибо бы сказал, что я успел вовремя... Я тут вкусности всякие принес, в буфете на первом этаже купил, будешь?

— Не буду я ничего есть из твоих рук!

— Напрасно... Я сам тогда съем, ладно? А то времени нет даже поесть... Малышка сбежала с чемоданом. Испугалась того, что это я натворил — хотя это не я! — и сбежала, обозвав меня мерзавцем... Кофе будешь?

— Нет.

— ...тут все теперь ищут этот чемодан. У нее могут быть неприятности.

— Кто подставил? Твоя контора?

— Говорят, что нет... Не знаю. Так вот, куда она поехала, что думаешь?

— Мне откуда знать. Я без сознания был, ничего не видел, не слышал.

— Полиции будешь это рассказывать...

— Правда. Сказал ей только, когда джип увидел, кому она может “ферарри” за наличные продать. Вполовину, конечно... Машина заметная, по ней найдут, а бросить жалко.

— Полиция тоже так думает. Но следа пока нет. Как сквозь землю провалилась. Давай согласуем, что полиции говорить... Можно я еще и твой кофе выпью?

— Да пожалуйста!... У вас с ней серьезно?

— Думал, что да. Столько вместе всего пережили... А потом она заявила, что тебя любила больше. Вообще оборзела — переспала по пьяни один раз и такое несет своим бесстыжим языком!

Приятно, конечно, что девочка до сих пор помнит их молодые вздохи. Обидно, что он зря от нее отказался, раз она все равно в мутный мир попала. А сколько всего могли бы замутить вместе!

— Чего не скажешь в сердцах, — благородно утешил этого Майки, — Ты лучше скажи — заплатят мне или нет?

— Договаривались, что когда архив будет у меня в руках... Вот, когда будет, тогда и заплатят. Тебе тоже выгодно это фальшивое нападение, продать нескольким может захотелось, разберемся, что там стряслось и кто виноват...

— Да уж, так себе многоходовочка. Не знаю, когда с кровати встану...

— Тогда скажи, кто еще был заинтересован в архиве, от кого поступали предложения?

Майки уже съел все, что принес, выпил две чашки кофе, почистил апельсины, что Виттори гости принесли, их сожрал... Вид у него был странный и неприятный, пришлось все рассказать, что ему надо...

— Выздоровливай, — Майки сам вызвал полицейского, тот осмотрел все и разрешил выйти. Упаковки от еды Майки все с собой забрал, не хочет оставлять свои ДНК, псих, — Увидимся, — закрыл за собой дверь.

Увидимся. Вот не очень-то хотелось бы. А вот малышку Лидию еще бы повидал, конечно...

Вот, черт! Научил прятаться, на свою голову! Все концы оборвала. Конечно, по тому адресу, что дал Витторио, никто на “феррари” не приехал, и Майки был совсем не один, кто там ее ждал. Ну, что она дура — так подставляться, конечно не приехала... Уж этому не мог не не научить.

Перерыл весь кампус, с Марьям глаз не спускал, отвез ее в надежное место к родне, перетрусил родню — его малышка ловко спекулирует тем, что она — Аль-Адиль-Аддин, и паспорт у нее на это имя есть... Нашел “феррари” у одного в гараже — “уважаемая Айша просила приглядеть”. Хозяина гаража даже не смущали пятна крови в салоне — “грех отказать родственнику в помощи”. Пришлось самому возиться с этими пятнами, родственнику предъявил свидетельство о браке с Айшой, за подписью и личной печатью Аль-Адиль-Аддина, тот сразу начал кланяться “мужу уважаемой Айши”. Ну, и талантливая самозванка — что она им напела, чтобы стать “уважаемой Айшой”?

Да неужели действительно подумала, что он мерзавец такой и устроил это нападение? Он не из обидчивых, но тут обидно... Ни на один канал связи не отвечала, хотя давно должна была сделать то, что должна...

А если случилось что? Сдали нервы? В самом лучшем случае, снова опять нажралась какой-то дряни от страха, все сначала начнется...

...Начальство вне себя, все ее ищут. И насчет него снова предписание “препроводить”. Препровождаться не собирался, но честно с начальством объяснился:

— Я приманкой для нее не буду! — и гарантировал, что Марципановый Леденец не принесет вреда, сама вернет чемодан. Она ведь нестабильная — он предупреждал! — нападение напугало ее, скрылась, по протоколу, спасая ценный груз. Какие к ней претензии? Поймет, что опасности нет, сама придет... И что вообще это было за нападение, кто мог знать, куда и зачем Леденец и Витторио едут на том “феррари”?

— Ваша работа? — прямо спросил у белобрысого, который воображал себя начальником. Белобрысый что-то начал блять про то, что, типа, приказа на такую операцию не было — сейчас разбираются, утечка или нарушение коммуникации, проходит внутреннее расследование...

Вот, скоты! Чуть не угробили его малышку своей некомпетентностью! Борзо им заявил, что не явится, пока не разберутся, не завершат расследование. И приманкой для своей малышки не будет...

У Эльвиры прослушку сразу установил, все таки “контактное лицо номер один”. Но и Розочка знала, что он это сделает, поэтому с ведьмой на связь не выходила. В отличие от всех, кому был нужен чемодан... Вот, черт, ну и очередь! Что творится в мире!

Решил эльвирино жилище использовать, как базу — удобно расположено, безопасно, да и эта отвратительная женщина в курсе всех мутных протоколов — задавать вопросов и общаться с полицией не будет. Сдвинулся с места, пошел по следу, но не нашел... Жива, все его объявления в сети прочитала — ответа нет.

Понял, что времени терять нельзя, когда белобрысая скотина сказала:

— Если вы отказываетесь быть приманкой, то, может, приманкой сделаем ее молодого любовника?

— Какого из них? — спросил равнодушно. В досье же написано “не ревнив”, вот он и

может так спросить. В досье написано, что сдержанный темперамент Майки и его старые травмы делают его сексуальную сферу весьма чувствительной, поэтому у Леденца может быть много любовников.

— Того доктора, кто был директором госпиталя, где вы работали. Хоть он и далеко, но на него можно надавить, он женат, из очень консервативной семьи, а у вас наверняка есть доказательства их связи... Что там, кстати, у вас была за стрельба? Дуэль?

— Типа того. Нужно было поддаться мальчику, все-таки он директор, — наблюдали за ними, в постель залезли, фу!...Какое, впрочем, “фу”, он бы сам так сделал — такая работа.

— Так, что насчет того доктора? Начнем разработку? Данные показывают, что Леденец им очень дорожит...

— Доктора я хотел приберечь для других целей, у него серьезные связи дома, — равнодушно ответил Майки, — но ладно, если Марципановый Леденец не появится в течении трех дней, то начнем.

— Нет, начинаем сейчас. Или приходите сами, — теперь куратор равнодушным голосом говорил ему, что раз Майки не контролирует своего сотрудника, то служба справится с обоими и церемониться ни с кем не будет.

— Я ее контролирую! — кричал Майки, — Даже, если не знаю, где она... И не знаю, где она, из-за вашей некомпетентности и проблем с коммуникацией... Дайте мне несколько дней, она сама придет, принесет извинения. Гарантирую, что не нанесет вреда. Потому, что она не делает того, что “нехорошо”, без моего указания... Дайте мне несколько дней!

— Это вам не детский сад, Майки, — раздраженно сказал блондин, — вы отлично это знаете...

Отлично знает! Он делал с другими много раз то, что хотят проделать с ним. С его Сэмми! С его малышкой!

Стоял в гараже и тупо смотрел на стену, пытаясь придумать, чтонибудь, чтобы прикрыть сразу всех. Взгляд упал на инструменты, на нож для кустов — любимое оружие его Розочки...

Ей нужен цирк и балаган? Так получит цирк и балаган! Пусть посмотрит смертельный номер, узнает, как он волнуется...

И вообще, давно хотел это сделать, хоть душу отведет... Выманит малышку на того, кого ему совсем не жаль...

Из вагона метро, вышла женщина с чемоданом. Женщине было лет около пятидесяти, но выглядела она не очень. Рыжие волосы слишком контрастировали с отросшими черными корнями, одежда была неопрятной, висела на очень худой женщине, как обычно висит одежда на наркоманках или пьяницах. На лице были солнечные очки, целью которых, видимо, было скрыть обильные возлияния накануне. Да и сейчас женщина была подвыпившей, шаталась, спотыкалась, еле везла свой чемодан. Жевала жвачку и периодически надувала пузыри, пузыри лопались, оставляя не лице женщины приклеившиеся кусочки жвачки. Она все время терла свое лицо, пытаясь кусочки отодрать...

Был час пик, к эскалатору очередь. Сзади женщины стоял мужчина с темными волосами, который вполне мог составить ей пару — такой же неопрятный и неприятный. Всякие люди ездят в метро.

— Привет, малышка! Ты как? — спросил мужчина, он стоял боком и бормотал, вроде как сам себе.

Женщина не оборачиваясь, ответила:

— Нормально.

— Копии сделаны?

— Конечно. Четыре экземпляра. В обычном тайнике, там, где папка, у двух адвокатов и в ячейке банка.

— Условия выдачи? Дальнейшие распоряжения?

— Отдадут, если будем вдвоем. Или одному с официальным свидетельством о смерти другого. Если нет, то через полгода все материалы поступают в открытый доступ в интернет.

— Отлично... Я с тобой не пойду, исчезну по выходе из метро. Иди ровно, старайся не останавливаться, чтобы не показалось, что ты передумала, не вздумай руку в карман засовывать. Церемониться не будут.

— Понятно.

— Постарайся разыграть все верно — ответственный сотрудник, по протоколу, спасал ценный груз до выяснения обстоятельств, затаился по инструкции. Сейчас обстоятельства разъяснились, поэтому сознательно выполняешь приказ вернуться... Не в коем случае не сорвись, не покажи нестабильности, очень постарайся продержаться — иначе запрут в сумасшедший дом, это будет удобным решением неудобного вопроса с их некомпетентностью... Я-то тебя вытащу, конечно, если сам жив буду, но будет несладко.

— Понятно.

— Обернись, посмотри мне в глаза,ними очки.

Женщина отрицательно помахала головой, не оборачиваясь.

— Не хочу попасть на камеры, жвачкой так старательно перемазалась, зря, что ли... Придется поверить мне на слово — ничего не принимала, это только маскировка. Чтобы идти нестойкой походкой и хромота не была видна.

— Умница.

На эскалаторе скопилось много народу, нельзя было разговаривать, неопрятный мужчина развернулся спиной и, поскольку на ногах стоял еле-еле, навалился на спину неопрятной женщины. Так ехали они среди толпы, спина к спине, целую прекрасную минуту.

Сошли с эскалатора. Неопрятный мужчина по прежнему шел за шатающейся, неопрятной женщиной с чемоданом. Женщина по прежнему не оборачивалась.

— Ты любишь меня больше, чем его, — вдруг совершенно неуместно сказал неопрятный мужчина перед выходом.

— Гораздо больше, — ответила неопрятная женщина и вышла из метро. Неопрятного мужчины за ней больше не было. Он остался в метро, докладывал по телефону, что вот вам Леденец, принимайте, дело сделано.

Идти и шататься было очень неудобно, того и гляди, по настоящему упадешь. А нельзя падать и совершать других резких движений. Старалась не смотреть по сторонам и вверх, не выискивать, откуда в нее целится снайпер.

Пирожочек неважно выглядит, даже в маскировке видно, испереживался весь. А ведь, правда, сначала подумала, что то нападение — его рук дело, что он совсем не изменился, что он такой, как раньше — дело должно быть сделано любой ценой. А ей просто можно не говорить всех обстоятельств — “не могу сказать”.

Но потом он спросил, где она взяла гранату. Хотя сам ей дал в рюкзаке, как раз для

таких целей — уничтожить чемодан и ни при каких обстоятельствах не попасть в плен врагу, для нее это куда хуже, чем умереть. Даже если обменяют потом — она не сможет долго быть запертой, без пирожочка, без своих таблеток, без регулярного лечения... И по вопросу поняла, что командир не владеет ситуацией и дал ей команду бежать и спрятаться. Ведь были свидетели, нужно безупречно все разыграть — они не смогут еще раз потерять все и годами прятаться, не те уже силы... Нужно все подчистить и подготовить себе гарантии безопасности на старость.

И очки не снимала не только из-за камер. Не хотела, что Пирожочек глаза ее видел, расстраивался из-за ее зависимости. Но ей было так страшно одной. Пришлось уйти на самое дно, глубокое дно... И там была тьма. Не могла выйти, хоть и сделала все, что нужно, ни на какие запросы командира не отвечала, было стыдно, что сорвалась — клялась же, что не будет ничего принимать. Боялась возвращаться, было стыдно. Не хотела возвращаться, знала, что придется вот так идти под прицелом и некоторое время все равно быть взаперти.

Безумный Пирожочек был очень страшен, когда держал волосы Эльвиры в руках. И когда говорил, что нельзя убегать, она отвечает за мальчика, может ему навредить... Он был так убедителен, ее Пирожочек. Пришлось выйти на свет.

Почему на какие-то старые сплетни такие высокие ставки? Почему из-за того, кто с кем переспал, или сказал что-то, или написал двадцать лет назад, сейчас убивают людей? Никак не может привыкнуть к тому, что в деле, которым она занимается, это вполне соизмеримые вещи. Так отвратительно в этом участвовать... Нужно отвечать только за свой участок работы, как учит командир, а ей тяжело.

И ее жизнь, тем более, ничего не стоит, и поэтому за ней от метро внимательно следит снайпер, чтобы она вдруг не успела достать гранату и уничтожить ценный чемодан...

Подошла к нужной двери, позвонила в звонок. Открыли сразу.

— Добрый день, — сказала вежливо, — Извините за беспокойство.

Глава третья

Максу казалось, что они с Милли, как в каком-то кино, попали на необитаемый остров. Их прежняя жизнь, тот страшный вечер в клубе, странная гонка на машине со странными людьми остались далеко позади. Ритм жизни невероятно замедлился, жизнь никогда еще не была такой медленной, никто из них не жил такой жизнью раньше...

В начальной школе Макс как-то гостил у тетки, в подобном домике, в маленьком городке, как этот. Но с тех пор его жизнь была совсем другой — жил в маленьких, тесных квартирках, просыпался от городских звуков за окном: шума двигателей, воя сирен... Досуг проводил в клубах, приползал домой едва живой, чтобы сразу вырубиться, а утром все начиналось сначала — вой сирены будил его... Книжек он читал немного, да и те были не очень ученые, на компьютере в игры играл мало — скучно ему, он и на работе своей странной достаточно наигрывался... Друзей у него не было — старая компания перестала ему подходить, а никому поприличней не подходил он, да и постоянной девушки не было по той же причине — отличался необычной разборчивостью, развлечений за всю время его работы было более, чем достаточно...

Милли помнила свое раннее детство сущим адом — детство состояло из больниц, врачей, операций и прочих неприятных медицинских процедур. У нее не было друзей — инвалиду сложно обеспечить нормальную социализацию, только ее брат с ней дружил. Когда Милли, к школьному возрасту, пришла в относительную норму по здоровью, начался ее тяжелый труд на музыкальной ниве — постоянные репетиции, постоянные тренировки, записи, съемки... Она так привыкла к этому, что даже не знала, как это — отдыхать. Конечно, родители возили ее на море, но там, в номере отеля снова работали — обсуждали идеи, репетировали, снимали эскизы... Даже на пляже, даже в воде. Из-за этой гонки, Милли даже некогда было думать, что она как-то не так выглядит, не так ходит, не так думает и вообще не как все — обычные проблемы пубертата, она все время была занята. И чем выше Милли поднималась, чем громче была ее слава, чем дороже она стояла, тем больше было работы.

И то, что она оказалась в этом маленьком домике без команды, без музыкальных инструментов, без задач и целей, да еще и без связи — это как рыбе вне воды оказаться. Милли не помнит дня в своей жизни, который она бы провела без телефона или ноутбука. И одна.

Макс просыпался раньше, шел в магазинчик, покупал булочки — тут они были куда вкуснее, чем в большом городе, еще прихватывал стаканчики с кофе. Милли в это время варила яйца-пашот к завтраку — это единственное, что она умела готовить. Потом решили и кофе варить самим, наличности было не так много. Нашли в шкафу такой красивый восточный ковшик и получалось не намного хуже, чем покупной в стаканчиках. Милли очень нравилось наблюдать, как пенка поднимается вверх и нужно поймать момент, и убрать ковшик с огня...

Потом они валялись на диване, читали книжки — тут полно было всяких книжек, на разных языках. Сначала было очень скучно, но потом втянулись. Играли в шахматы, шашки и триктрак, которые тут нашли. От скуки вынуждены были разговаривать друг с другом, вынуждены были разрушить границы, которые установили для себя миллион лет назад, заключая договор в офисе Эльвиры. Макс рассказывал Милли о простой жизни, с которой

она совсем не была знакома в своей Калифорнии, а Милли воспитывала Макса — пилила за то, что он ленивый, недостаточно старательный, избегает ответственности и ищет лёгкие пути.

Макс варил обед, он же был в армии, все умел — что-то типа супа или жаркого. Оказалось, что если готовить дома — получается не очень дорого, их наличности надолго хватит. Милли никогда не считала денег, ее финансами всегда занимался кто-то другой. Она нашла тут тетрадь и с удовольствием записывала туда расчеты — сколько стоил один обед, сколько будет стоит ужин, чего и сколько им нужно купить завтра... Успешная музыкальная карьера весьма повредила общему образованию Милли Филлис, поэтому успех в несложных бытовых математических задачках очень ее радовал.

Макс сразу ей сказал, что происшествие в клубе приостановило их предыдущий договор, и потому, что Макс старше и, поскольку седой владелец дома дал денег ему и доверил ключ, то главным теперь будет Макс. Милли не спорила, теперь она понимала, насколько плохо приспособлена к жизни, а Макс ближе к народу.

Этих урбанистических робинзонов настолько напугало непонятное происшествие в клубе, а потом еще и эта перестрелка на дороге, что они совсем не хотели обратно, в большой мир, поэтому быстро привыкли жить без телефонов, интернета и телевизора. Мировая знаменитость, миллионерша Милли Филлис и Макс, жиголо и любитель красивой жизни, спрятались в этой глуши и не хотели выходить.

Беспокоились только о том, что делать, если закончатся деньги. Видели в кино, что если платить карточкой или снимать деньги в банкомате, вычислят личность сразу. Чтобы Милли не беспокоилась о деньгах, Макс, жиголо и любитель красивой жизни, сказал, что он ведь еще и сантехник — может чинить что-нибудь мелкое, чтобы на булочки хватило. А Милли, мировая знаменитость и миллионерша, робко добавила, что она может по домам ходить, пыль вытирать за деньги, все такое...

Макс скептически относился к умению Милли вытирать пыль, но ведь он и сам сантехник он был не очень — так, на подхвате... Решил начать с собственной раковины. Возился с раковиной этой уйму времени — протекала и все тут... Ну, хотя это было очень весело, чинить раковину — он стоял на четвереньках, засунув голову под раковину, а Милли, как хирургическая сестра — она отлично знала как это! — подавала ему инструменты и светила фонарем. Милли рассказывала смешные анекдоты. Ей нравились анекдоты, просто некому было их рассказывать. Родителей и брата она стеснялась, особенно если анекдоты были взрослые, а все остальные, возле нее, были ее команда, ее сотрудники — совсем не друзья. Макс был первый друг, который у нее появился, хотя общего у них не было ничего. А теперь она рассказывала ему анекдоты и он смеялся. И вот, от смеха стукнулся головой об шкафчик...

Первый раз у него был появился такой приятель. Милли можно было не стесняться, не казаться лучше, чем он есть — Милли знает, кто он такой: жиголо, который изображает секс, прикрывая что-то другое — уж что может быть ниже и позорней.

Но Милли так искренне смеется его шуткам, что будто бы ее не беспокоит это совсем. И так смеется, что такая, как она есть — толстая и не очень симпатичная, она кажется очень милой — такая талантливая, трудолюбивая девочка, компанейская малышка...

Ударившись от смеха об шкафчик, он отполз на четвереньках от этой раковины, чтобы отдохнуть...

...а Милли уселась на него, как на лошадь, и лошадь катала ее по кухне, сопровождая

бег веселым ржанием. Потом лошадь перешла на быстрый галоп, а поскольку груз был довольно упитанный, то этот боливар рухнул на кухонный пол и перевернулся, а наездница, уцепившись, все равно была на нем, лежала у него на животе и приблизила свое лицо к нему так, что он слышал ее дыхание...

— Только без языка, — предупредила Милли, — я сразу умру, если засунешь мне в рот свой язык.

— Как ты хочешь, — сказал Макс, — никакого языка, не бойся...

Конечно, Эльвира научила его, что нужно делать с девушками в их первый раз — на всякий случай, но опыта не было. Макс переживал, все ли было правильно — по странному лицу Милли было не понять.

— Ну, как, Милли? — спросил осторожно. Кто знает, чего ожидать от этой девчонки.

— Не так противно, как мне казалось раньше, — сказала Милли.

Ну, знаете! Обычно дамы отзываются о его стараниях совсем по другому. Не так противно, надо же...

— Ты не противный. И тактильный контакт может быть не отвратительным. И вот это все тоже...

Спасибо и на этом!

Потом они в постели играли “в города”. Потом в “крокодила”. Потом Милли принесла кофе. Потом сказала:

— Я лучше всех других знаю, как важны тренировки и репетиции для того, чтобы достигнуть успеха. Давай еще раз!

— Милли, тебе это действительно нужно? — спросил Макс. Эльвира учила, что решение девушки должно быть осознанным. Рассказывала о своем печальном опыте, говорила, как нельзя...

— Хочу, чтобы было, как в кино! — строго сказала Милли, — как я могу петь о любви и телесных отношениях, если не знаю, что это такое... Мне надо добиться успеха в этом.

Ох! Макс вздохнул и, стесняясь и заикаясь — что было с ним нечасто, начал читать Милли лекцию про психологию и физиологию сексуальных отношений. У Милли был такой серьезный вид, будто она сейчас конспектировать будет. Эта девушка из калифорнийского шоу-биза, а понятия такие, как будто только с фермы амишей приехала, вообще ничего не знает. Ей же девятнадцать лет, а не четырнадцать...

— Спасибо, Макс, — сказала Милли, законспектировав в уме, — Ты такой умный...

Никто еще не называл его умным за такое!

— ...теперь мне все гораздо понятней. Думаю, будет лучше. Давай еще!

Макс вздохнул, считал это не совсем правильным, но сказал галантно:

— Как хочет моя дама.

Милли смеялась. Ее еще никто не называл “дамой”.

Через десять дней Макс начал беспокоиться. Связи с миром не было, седой “господин Морис” не показывался. Что им делать? Не могут же они тут сидеть вечно. Но принять решения не мог.

Милли снова стала странной. Новый опыт запустил какие-то процессы в ее голове, она стала задумчивой и неразговорчивой. Как обычно, говорила, что в голове у нее “свое кино”, говорила, что думает над новым проектом, Макс ее пусть не отвлекает...

Макс, как золушка, выполнял поручения хозяина — косил траву, чинил чердак, потом взялся за покосившийся заборчик... У забора познакомился с соседом, тот помог ему с починкой. Сосед был очень рад, что дом не пустует. После того, как умерли старички, которые жили здесь, их наследник — какой-то он им там родственник, не жалуется их улицу своим присутствием.

— Нелюдимый мизантроп, этот Морис, — рассказывал сосед, — вот, старички были компанейские, много повидали, много рассказывали... А этот, хоть и поможет всегда, и здороваётся вежливо, за много лет всего пару слов сказал...

Сосед удивлялся, почему новый владелец не продал дом — у них неплохой район, не сдал квартирантам. Даже спросил его как-то об этом. Господин Морис, с несвойственной ему чувствительностью, заявил, что это дом дорогих ему людей, он не может расстаться с ним.

— Но за домом же нужно следить! — сосед был очень недоволен, что пустой дом понижает уровень недвижимости всего района, — Пустой дом разваливается, сами видите... А вы кто господину Морису?

— Я его партнер по боксу, — скромно сказал Макс.

— Да, спорт он любит... Вы же видели спортзал у них в подвале?

Макс подтверждающее кивнул, но ничего не он видел. Тут еще и подвал есть, еще и там надо что-то чинить...

Подвал производил впечатление, там действительно был спортзал — тренажеры разных видов, бойцовские груши разных размеров, прекрасная вентиляция...

— Ух, ты! — восхитился Макс и понял, что теперь скучно ему не будет. Иногда даже Милли присоединялась к нему, в перерывах сеансов “своего кино”, но все чаще она сидела над письменным столом или расстроенным пианино.

Милли заявила, что лучше они будут вместе спать в ее большой кровати. Макс ей подходит, он смирно спит, не дергается... Когда они спали на диване в доме того господина на “феррари”, Макс вообще не шевелился — то, что нужно... И теперь, когда они стали близки, им полагается спать вместе. И теперь пусть целует ее не как папа — в лоб, а как бойфренд — в губы. Только без языка. Если не хочет, чтобы ее парализовало...

Макс очень старался не смеяться. Эта Милли точно не такая, как все — так думает по особому, и говорит... Да уж, конечно, парализует ее от его языка, как от яда змеи. Никогда у него не было такой ржачной девчонки.

Милли Филис — мировая знаменитость и миллионерша — его девчонка? Во сне такое не привидится.

Макс, с помощью хозяйственного соседа, перечинил в этом доме все, что можно, вместе с Милли вымыли все и проветрили. А потом Милли снова погрузилась в себя, сказала, что сочиняет новую песню, а Макс пусть ей не мешает. Он мешает даже, когда тихо сидит. И когда в спортзале тренируется, тоже. Она стесняется сказать почему, но лучше пусть Макс пойдет погуляет.

Макс отправился гулять. А то за все время здесь, он не уходил дальше конца улицы, где был магазин. И даже не знал, в каком городе они находятся. Но и сейчас не мог уйти далеко, только так, чтобы видеть дом, не идет ли кто — Милли там одна. Сел в кафе, возле магазина — оттуда отлично видно их калитку, купил самое дешевое мороженое... К нему тут же подседа пожилая мама соседа. Потом еще две ее приятельницы, тоже с их улицы. Они купили “милому мальчику” самое дорогое мороженое, пирожные и кофе. Макс сначала отказывался, но, почувствовав публику, несознательно вошел в свою любимую роль внука, и с удовольствием начал лопать все эти пирожные. Честно признался, что денег у него сейчас немного, ждет обещанной зарплаты, поэтому одно пирожное завернет для своей девочки... Да, она иностранка, американка, плохо говорит, очень стесняется... Хорошая девочка, из приличной семьи. Нет, не курит... И вон то еще заверните, пожалуйста. Ладно, и это тоже.

Большое спасибо!

Пожилые дамы умилялись, угощали Максика еще и еще, рассказывали все сплетни их улицы. Ну, конечно, Макс не устоял, чтобы не расспросить их про “господина Мориса”. А то Максик знает его только, как спортсмена...

Ну, конечно, они знают милого Мориса. Такой приличный молодой человек!

Какой же он молодой, седой весь!

Ну, это для Макса он не молодой, а они с ним познакомились, когда тот как Максик был. Он племянник их покойной приятельницы. Ой, какой он был несчастный, когда она его сюда привезла, инвалид, еле ходил, с палочкой, в половину от Максика был — такой тощий... Какая-то случилась с ним страшная авария, а больше некому позаботиться было, долго с ними жил... Да и потом регулярно стариков навещал. Пока не женился. На какой-то вертихвостке. Покойная подруга рассказывала, что совсем спятил на любовной почве, совсем ум потерял... Уж вертихвостка его от семьи оторвала или еще что, но только он долго не показывался. И явился только после смерти их приятельницы — она, когда одна после смерти мужа одна осталась, к нему жить переехала, а он потом, такой, приезжает с грустным лицом, наследство оформлять. Подарки привез, письма... Очень приличная семья, такие люди воспитанные, тихие, мухи не обидят...

Макс вспомнил, как выглядел “господин Морис” на той дороге, рядом с “феррари” и черным джипом — мухи не обидит, как же...

...а с вертихвосткой они тоже познакомились не так давно. На вид вроде и не вертихвостка — приветливая такая, взрослая женщина, но, кто ее знает, заморочила Морису голову... Жаль, дом пустует, хороший дом. Не собирается ли господин Морис там жить? А Максик? Господин Морис сдаст незадорого такому милому мальчику, наверное...

Макс вдруг представил себе, как они с Милли живут в этом домике вечно, он работает сантехником, а сама Милли Филис заваривает ему кофе, готовит яйца-пашот и целует, когда он уходит... И почему-то эта мешанская картина не показалась ему скучной, как обычно он про такое думал.

Потом включили в этой кондитерской телевизор, Макс как раз попал на новости. Все ждал, может, про Милли что-то скажут, типа, пропала или еще что — они же как робинзоны тут, ничего не знают, что вокруг происходит. И в самом конце, в скучных новостях культуры, сказали пару слов, что кумир молодежи, “голос нового века”, Милли Филис к сожалению отменила три последних концерта из-за состояния здоровья: показали кадры, где было видно Милли Филис со спины — она заходит в какую-то больницу... Но через несколько дней, перед отъездом, мисс Филис даст пресс-конференцию по итогам своего турне...

Очень странно. Макс оглянулся — все реальное: кондитерская, пирожные, телевизор и старушки, но не покидало ощущение, что он спит и видит сон, а там — в телевизоре! — настоящая Милли Филис идет в какую-то больницу и машет поклонникам рукой... А у него дома(у него дома?) сидит другая нескладная и странная девчонка, для которой он приготовил пирожные в коробочке... И очень странно, но это вариант ему тоже подходил.

Старушки давай расспрашивать, что это Максик призадумался. Он давай им рассказывать, что беспокоится, что не пришлют его деньги вовремя, а у него девочка... Тогда старушки купили ему еще мороженого и соседка пригласила на барбекю во дворе по случаю своего дня рождения. Пусть даже не думает про подарок, такой милый мальчик сам по себе подарок...

Конечно, он же профессиональный внук!

Вечером пошли вместе с Милли на соседскую вечеринку. Милли не очень хотела, но старушки очень просили привести “его американку”, неудобно не уважить... Нет, никто не узнает, она на себя вообще не похожа, да и аудитория не ее. Макс уже не стал говорить, что видел в телевизоре другую Милли Филлис, никто певицу не ищет...

Милли сделала открытку из бумаги и старых журналов — нельзя идти без подарка, Макс ловко сочинил поздравительный стишок, и они пошли. Старушки насмотрелись на Милли, решили, что в Новом свете вообще нет никаких манер — девица нелюдимая и столовыми приборами пользуется неправильно, разрешили ей удалиться “делать уроки”.

— Миллисент делает уроки, готовится к поступлению в университет, — объявил Макс. Эта причина была признана уважительной, старушки разрешили “малютке Миллисент” вернуться к занятиям. А Макс остался, не выпуская входную дверь из виду. Колбаски на гриле шкварчали, пиво пенилось, много было народу, Макс младше всех был, но было не скучно... Вспоминали покойных соседей, молчаливого Мориса, его вертихвостку... Макс подумал, что “господин Морис” наверняка был бы не в восторге от таких сплетен, но Макс тут не причем — они сами болтают. Чтобы поддержать беседу, рассказывал, как помог в трудную минуту господин Морис и как всегда к нему была добра его... ну, он не знает, как ее зовут... но она не вертихвостка!

Это “номер два”! Это его “номер два”.

В конце вечера, расчувствовавшийся и подвыпивший Максик, пригласил всю компанию на ответное барбекю, когда приедет господин Морис.

Ну, никто же за язык не тянул! Зачем он это ляпнул! Эти люди были так добры к нему, так жалели Максика — милого сантехника с материальными проблемами, относились к нему, как к нормальному, а не как к тому, кем он был...

Вот, только что на это скажет господин Морис? Это ведь противоречит его приказанию “не привлекать внимания”.

Макс с утра пошел за булочками и снова сидел со своими пожилыми поклонницами в кондитерской, как увидел, что у его ворот тормозит серый “форд”. Не попрощавшись со старушками толком, Макс рванул по улице — ох, как быстро же он бежал...

— Привет, Максик, — сказал господин Морис, глядя на часы, — неплохой результат — заметил время, когда вы выбежали из того кафе... Полагаю, вы регулярно пользовались моим спортзалом.

— Ох, — сказал Макс, — хорошо, что вы приехали, я так беспокоился. Мы тут робинзоны просто, а в телевизоре там другая Милли, не знал, что нам делать...

— Не так просто быть командиром, да? — улыбнулся господин Морис. Или сэр Артур. Или, черт его знает, кто он там такой, этот хахаль той “номер два”! Сэр Артур открыл дверь автомобиля и помог выйти своей Гвиневре. Она перемещалась с трудом, пользовалась тростью, лицо закрывали те самые огромные солнечные очки, и весь вид у нее был довольно потрепанный.

— Вы как? — сочувственно спросил Макс.

— Все хорошо, Максик, — приветливо сказала женщина, — А как вы? Долго тут продержались. Думали, сбежите, не сможете выдержать так долго мещанской жизни без телефонов...

— Да не, отдохали тут так, как на курорте... А Милли новый альбом пишет, ушла к себе, поэтому в конце стало немного скучновато.

Сэр Артур осмотрел двор, похвалил за работу, порядок в доме ему тоже понравился.

Вышла Милли, даже предложила яйца-пашот и кофе. Приступили к обеду. Милли спросила робко, не связывался ли он с ее родителями, что им...ей... делать.

Сэр Артур сказал, что на днях поедут к родителям, все хорошо. Он хотел уложить свою даму спать, но дама начала раздражаться, говорить, что она не ребенок, не хочет она спать. И главная спальня занята детьми...

Гвиневра протянула руку. Сэр Артур засунул туда какую-то купюру.

— Вот, черт! — расстроился, — Проспорил.

Макс скромно опустил глаза, а Милли наоборот вызывающе посмотрела:

— Я резвлюсь!

— Вы совершеннолетняя, мисс Милли, я слова не сказал, не мое дело... Прекрати хихикать! — строго посмотрел он на Гвиневру.

— Вот именно: прекратите хихикать! — так же строго сказала Милли. Вместе с сэром Артуром вышли в гостиную...

— Такие очаровательные зануды! — тихо сказала Гвиневра Макс, — Но вот есть же люди — на вид обыкновенные, даже непримечательные, но такие выдающиеся...

Макс кивнул. Но только у Милли пять “грэмми” есть, а чем этот ее седой сэр Артур выдающийся?

Гвиневра улеглась на диване, все остальные расположились на полу и в креслах. Сэр Артур сообщил, что, скорей всего, послезавтра будет организована встреча с родителями мисс Филис и представителями посольства, там они сами дальше решат, как дальше поступать. Нет, он не может рассказать подробнее, что в клубе случилось. Он не уполномочен это делать, да и не знает толком. Вот, кто уполномочен, тот и расскажет. Он из гуманитарных соображений в это дело влез. Хотя, ему нужно задать мисс Милли несколько вопросов...

— Мисс Милли, вы вообще меня слушаете?

Милли перебирала пальцами по клавишам. Подняла несчастные глаза.

— У меня не получается... Я не могу одна, без команды. Вот, я слышу в голове, а тут не получается. Только одним пальцем... И записать на бумаге толком не могу.

Никого, кроме себя, эта знаменитая Милли Филис не слушала.

— Как это “не могу записать”? Вы, что не знаете нот? — обиженный невниманием, сэр Артур говорил с сарказмом, но по гримасе на лице Милли, понял, что сказал то, что есть.

— Ну, я знаю, что на какой линейке находится... Но вот эта длительность сбивает меня с толку: четверти, целые... Аккорды буквами могу записывать, а нотами нет.

Сэр Артур позабыл про то, что говорил раньше:

— Так вы, Милли Филис, музыкант, обладательница пяти “грэмми”, музыкальное дарование, голос нового тысячелетия, не знаете нотной грамоты?!

— Меня учили, конечно... Но плохо получается.

— Она даже читает плохо, такая уродилась, — встрял Макс. Он вообще-то вступить за нее хотел, но вышло так, будто тупой обозвал.

— Заткнись, Макс! Я не тупая, просто не могу... Вот, я по своему записала, — она показала бумажку, исчерканную значками, — но нужно же по человечески — нотами!

Сэр Артур взял бумажку, посмотрел, начал улыбаться.

— Посмотри, малышка! — восхищенно сказал он Гвиневре, — какой замечательный шифр! Какая изящная идея! Девочка, которая не умеет читать... Это же ноты зашифрованы, вот, это, я полагаю, соль... Какая оригинальная система! — он сфотографировал бумажку и

бегал с ней по комнате, восхищаясь изобретательностью девочки с дислексией — видимо, разбирался в шифрах.

— Помоги, девочке, — сказала Гвиневра, — запиши, как надо. Сольфеджируй, что ей нужно.

— Вы умеете? — с надеждой спросила Милли

А это еще что — сольфеджировать? Что еще он умеет?

— Чертите пять линеек, подготовьте целый лист, — приказал сэр Артур, — сейчас займемся, — он снял пиджак, сел рядом с Милли за пианино, — и текст мне дайте, я посмотрю, что там за ритм... Гм! Неплохой текст... Да вы настоящая поэтесса, мисс Милли! И...эээ...отдых пошел вам на пользу... Максик, большая честь для вас — быть музой мисс Милли, помните об этом!

Блин! А как же происшествие в клубе? Стрельба на дороге? Отсутствие новостей про все это? Что-то там было про миллино посольство... Серьезные дела вокруг происходят, а эти тут дурака валяют! Ну, ладно Милли, она всегда, как не в себе — поэтесса несчастная, но ЭТОТ-ТО...

— Что они делают? — в недоумении спросил Макс у Гвиневры

— Занимаются творчеством. Он очень устал, — ответила она про своего мужчину, — отпуск испорчен. Дайте ему отдохнуть. Он так отдыхает...

— ...Я буду петь в терцию, — говорил сэр Артур, — и запишу это вот здесь.

— Я такого не сочиняла, — говорила Милли, — не нужно отсебятины!

— Но, согласитесь, так куда музыкальней...

— Красивее. Но это будет не моя песня.

— Это ваша песня, это просто аранжировка... Мисс Милли, так лучше!

Они с Милли долго возились, Макс приносил им чай и кофе, закрывал и открывал окна — музыкантам было то холодно, то жарко, то одно им подай, то другое...

— Тут нужно на два тона выше! — настаивал сэр Артур, — это же правила гармонии, нельзя их менять.

— Можно и нужно... У вас старомодное, закоряженое мышление, испорченное музыкальным образованием и этим вашим сольфеджио... Сыграйте все вместе, спойте... Послушайте, так лучше, так оригинальней, такого больше нет...

Чесал нос. Чесал затылок. Сдался.

— Да, так лучше, по-вашему записываю...

Почти закончили, но чуть не подрались. Ругались из-за одной какой-то ноты. Сэр Артур утверждал, что он халтуру не записывает, а Милли кричала, что автор — она! И все всегда записывают, как она говорит!

Он не за деньги тут работает! А из-за любви к искусству. Вот теми, кому платит, теми и будет командовать!...И вообще чего мисс Милли хочет — настоящий хит или просто на своих прошлых “грэмми” выехать?

Милли разозлилась, слюни летели, когда кричала. Сэр Артур утирал ее слюни со своего лица рубашкой, что висела на стуле — давно уже сидел в нижнем белье...

— Так нравится смотреть, — заметила Гвиневра со своего дивана, — такие лапочки.

Макс попросил у нее телефон, чтобы снять это смешное шоу, но Гвиневра сказала мягко:

— Нельзя его снимать без спроса.

Шоу продолжалось, Макс даже заскучал, на кухню зачем-то снова пошел...

— Максик! Где вы ходите?

— Выполняю ваши очередные капризы, сэр Артур, делаю вам бутерброд с тунцом.

— Бросьте тунца, духовная пища важнее! Идите сюда.

Милли выглядела очень довольной. Она такая хорошенькая была, когда закончила наконец эту свою песню, ну, красивее любой модели — глаза так сверкали, так улыбалась... Максу вручили гитару.

— Вы же любитель веселой жизни, наверняка умеете?

— Ну... это... три аккорда разве что...

— Больше не нужно! — сэр Артур принялся показывать, как надо, — Малышка, не делай вид, что спишь... Вот тебе бубен.

— Но мое чувство ритма... — Гвиневра стеснялась.

— Оно значительно улучшилось... Другой рукой снимай видео. Ты знаешь, как надо... Начинаем. Раз, два, три, четыре... Еще раз. Максик, не тормозите, малышка, ты молодец... Милли, не забудьте, я вступаю через четыре такта после вас... Раз, два, три, четыре...

Потом молчали все минут пять. Слышно было, как жужжала муха... Милли вытерла пот со лба рубашкой сэра Артура.

— Круто, — сказала Милли, — Это будет хит. Я очень довольна. Спасибо!

— Я всегда выполняю любую задачу лучше всех, если берусь, — самодовольно сказал раскрасневшийся сэр Артур. Он лег на ковер, раскинув руки и ноги в разные стороны...

— Это стоило отпуска, — закатив глаза, сказал сэр Артур сам себе и замер, кажется даже дышать перестал.

Макс испугался. Именно так выглядели наркоманы из его компании, наширившись чего-то, именно так лежали и с таким же лицом... Видимо, Гвиневра тоже обеспокоилась, сползла с дивана, села с ним рядом.

— Ты как, Пирожочек?

— Замечательно. Первый раз со мной такое, — глаз не открывал. Гвиневра улыбалась.

— Раскрыта тайна, чем можно взять Малыша...

— Мориса!

— Ага... У Малыша... Мориса тоже есть слабость. И уязвимость.

— Моя уязвимость — это ты, а слабость вот это... А если все вместе попробовать? Что думаешь, малышка? Повеселимся? — сэр Артур взял Гвиневру за руку. Они хихикала и гладила его по волосам. А по ее лицу было видно, что попробовать и повеселиться она не против.

Повелевающим жестом сэр Артур велел Максиму убраться. Ну, Макс, конечно, этот жест понял, он и до жеста засобирался, но Милли пришлось волоком утаскивать, она так и не поняла, что к чему... Кормил ее на кухне тунцом. Сказал, что она такая хорошенькая сейчас... ну, она всегда хорошенькая, конечно... но вот, во время этой всей музыки, была красивее всех других женщин, даже тех, кто худее и нарядней...

Макс был мастер комплиментов, он всегда знал, что сказать, а тут получилось так нескладно и глупо, когда он сказал, что действительно думал...

— Макс, тот сэр Артур правду сказал — ты моя муза! — прошептала Милли, — Так хорошо получилось только из-за тебя. Спасибо!

Максу много раз признавались в любви самые разные женщины, и даже мужчина один раз. Но он еще ни разу не был музой. Странные ощущения.

— Тут это... если хочешь, Милли, я еще на что-нибудь могу тебя вдохновить, — Макс не

обнимал ее без спроса, знал, что такого не любит.

Милли сама его обняла.

— Только без языка! А то меня...

— ...парализует, я знаю. Конечно, Милли, как ты хочешь.

В общем, того тунца так никто и не съел.

...Так и заснули с малышкой Розочкой на ковре, свили себе гнездо из диванных подушек и покрывал. Давно такого огня не было, будто ему двадцать лет снова. А Розочка так смеялась, так хихикала...

Спали до обеда. Понятно, две недели почти не спали толком. А Розочке, малышке, пришлось еще вытерпеть это дурацкое, внутреннее расследование истории с чемоданом — взаперти посидеть, там тоже особо не разоспишься... Но, на удивление, быстро отпустили, дело не ждет — так сказали. Ну, и схема, ну и многоходовочка... Да, не такой дурень этот белобрысый, если он такую схему придумал. Оригинально, элегантно... Но только у Майки не те уже силы воплощать, слишком он уже человек для такой работы. Из-за нее.

Посмотрел на свою малышку. Сопела сладко. Темные круги под глазами... Пусть не рассказывает ему сказок, все он знает — что она там делала, пока пряталась. Но психиатр запретил ее ругать, душить, запирасть, угрожать и все в этом роде, что только и делает с ней ее пирожочек, чтобы спасти... Нужно наблюдать, чтобы на его вахте такого не случилось, сделать вид, что ничего не понимает — чувство вины достаточно малышку мучает...

Поспал бы еще, но эти дети дурацкие топали под дверь и шушукались. Потом без стука, нагло дверь приоткрыли. Он тут вообще-то голый!

— Ну? — никаких манер! Ладно девица с приветом, но Максик-то, дитя улиц, должен понимать. Скоро тридцать лет, а младенца из себя корчит.

— Тут такое дело... — шепотом начал бормотать молодой наглец, — тут скоро гости придут, нужно мяса купить, а у меня денег нет — я же робинзон. Извините, что разбудил, но нужно что-то решать...

— Какие гости? Что вы бредите? — никогда у него не было никаких гостей. Уж точно не здесь.

— Ну... тут это... я тут пообещал всем... случайно, честно... что когда придет господин Морис, мы устроим барбекю. И они увидели машину, и пришли спрашивать, когда приходиться... Я не знаю, что сказать, нужно же колбаски купить, пиво, салат...

— Какой салат? — что-то сообразительный Майки никак не может понять, что от него хочет этот пройдоха с лицом херувима.

— Ну... это... латук... или руккола... Лучше и то и другое, все любят разное. Сыра еще надо купить. Гостей же надо чем-то кормить. Они, конечно, обещали принести с собой угощение, но нельзя же на это рассчитывать...

Может, все это снится? Может, Майки совсем спятил? К нему, Майки, который всю жизнь свою живет под прикрытием, в его тайный дом придут гости?

— Что за гости? — может, все-таки чего-то не понял спросонья.

Макс торопливо и услужливо начал перечислять список гостей:

— Ну, сосед... вон тот, справа... и его мама. Госпожа Мартина, с дома напротив, потом ее бывший муж... он, если вы не знаете, переехал и живет на соседней улице. Еще те две старые девы, через два дома он нас. И их брат. Он сказал, что с вами дружил, вы как-то угостили его пивом, очень соскучился... Потом еще кто-то, кого я не запомнил, но они вас все помнят. И обувщик. Обувщика знает только госпожа Мартина, но тот высокий пожилой мужчина, что жил тут до вас, шил обувь у него на заказ, обувщик надеется, что вам тоже понравится его работа...

Его точно кто-то проклял. В том клубе. Эльвира прокляла, ведьма! Эта сволочная ведьма подсунула своего чертенка!

— Знаете, Максик, — сказал спокойно и строго, — вот тут лежит штопор для бутылок. И я могу метнуть его вам прямо в глаз. И попаду.

— Не сомневаюсь, что попадете, конечно, — ну, и Максик, ну и выдержка, не сменил свой суетливый голос ни на тон, — но только гости ведь все равно придут, а я тут буду лежать со штопором в глазу...

Хотел встать, но девчонка засунула свой нос в гостинную. Глаз даже не отвела.

— Мисс Милли! Вы увидели одного голого мужчину, теперь разглядываете всех голых, кто попадется?

— Пфуу... — оскорбленно выдохнула Милли, — Очень надо! Вы старый и несимпатичный, не такой, как Макс.

— У него штопор, Милли, — предупредил Максик, — он может метнуть штопор тебе в глаз. Не хаами, — аккуратно прикрыл дверь.

Оделся, вышел из комнаты. Выгнал девчонку из кухни, напугал штопором, чтобы не подслушивала. Нависал над Максиком, как гора, строил свирепые рожи. Ну, сколько уже можно быть злым...

— Максик, не смотря на то, что вы очень успешно притворяетесь дурачком, вы совсем не дурачок. Вы не можете не понимать, что такой человек, как я, и посторонние люди — в моем доме! — несовместимы. Кроме того, что приглашать гостей без ведома хозяина, как минимум, некультурно... О чем вы вообще думали, когда всех приглашали?! И откуда вы вообще их взяли?! Какая была у вас инструкция, когда я оставлял вам ключи?

— Постричь газон, починить забор...

— Прекратите валять дурака! — очень хотел дать подзатыльник, но сдержался — все-таки Максик пока не его боец. Да и с солдатами вроде уже так не принято, другие времена... — как вы должны были себя вести?

— Не шуметь, не привлекать внимания, не попасть в историю... — ну, и овечка... Цены нет такой овечке!

— И как в эту инструкцию вписывается несанкционированное барбекю с гостями?! Я очень не публичный человек, никто обо мне ничего не знает...

— Вы ошибаетесь, — Максик поднял голову и смотрел в глаза прямо, как его боец, — они про вас много знают, все вас знают...

— Что? — что он вообще несет? И совсем теперь на овечку не похож.

— Эти люди наблюдают за вами двадцать лет. Они знают, что вы любите зеленый горошек, отбивные из баранины, пива пьете мало, но только темное, а кофе без сахара ... Играете на пианино и любите латынь. Бойтесь женщин, но очень любите свою вертихвостку. Ходили слухи, что мужчинами вы тоже интересуетесь, но пока слухи не подтвердились... Не модник, но очень любите дорогие, кожаные туфли ручной работы — поэтому обувщик в гости и набивается... Вы все умеете делать руками — сосед до сих пор благодарен вам за помощь с крышей, а госпожа Мартина — за спасенное белье из стиральной машины. Вон та старая дева — за снятого с дерева котенка, а ту, которая потом развелась, вы спасли тем, что серьезно поговорили с ее бывшим мужем... Поколотили его, что ли?... Он, кстати, передает большой привет... У вас в жизни была драма, никто не знает какая, но все страшно хотят узнать... Скажите мне, что за драму запустить в народ, я сделаю...

Дыхание перехватило. Не знал даже, что сказать. Все, что о крупицам собиралось в его

досье, как начальством, так и врагами, знают обычные обыватели с улицы, на которой он бывает всего раз в несколько лет... И этот мелкий жиголо знает и вываливает на него все это, и продаст информацию тому, кто больше заплатит... Почувствовал, что снова едет крыша и планку может снова сорвать...

— Ну-ну, Пирожочек, — сказал кто-то сзади, — дело житейское. Ты же их сосед. Все соседи друг про друга все знают, я выросла в маленьком городке, там всегда так, — Розочка проснулась и все это слышала.

— А с ним мне что делать? — спросил у Розочки. Максик опасно косился на штопор в руке.

— Ничего не делать, кажется уже обсуждали это вопрос в прошлый раз, — спокойный розочкин голос расслаблял всех, — кому нужно и так обладают этой информацией, никакой тайны тут нет... Никакой опасности, успокойся.

— Я для вас старался! — с чувством сказал Макс, косясь на штопор, — тут все такие... ну вот, как она сказала... друг за другом смотрят, сплетничают. И если бы я с ними не общался, то начали бы шушукаться — что за наркоманов вы пустили в свой дом. Ну, какая молодежь в такой глуши поселится — только наркоманы или неонацисты... Милли с ее белыми косами и в этом сарафане — очень на нацистку похожа... Стали бы сплетничать, еще в полицию бы донесли. А так они со мной познакомились, увидели, что я не наркоман и не нацист, успокоились... Я привлекал внимание, чтобы не привлекать внимание!... Я сам про вас рассказал, что вы спортсмен, ну, еще там наплел всякого, что придумать смог... Чтобы люди не задавали вопросов, надо все им рассказать первым... Поэтому и вы проявите к людям уважение, пожалуйста, устройте вечеринку, тогда они всегда вас прикроют — вы им всем помогали, вас любят, как и тех людей, что тут жили раньше...

Ну, и Максик, ну и овечка! Чертовка Эльвира умеет подбирать кадры!

— Ладно, — сказал, убрал штопор, — объяснения принимаются. Идите одевайтесь. Едем за продуктами.

Макс встал... Кто-то постучал в дверь.

— Если вы тронете моего Макса, — сказал голос Милли Филис, мировой знаменитости и миллионерши, обладательницы пяти “грэмми”, — Я зарублю вас топором. Топор у меня в руках.

— Все хорошо, Милли! — прокричал Макс, — Не надо нервничать, убери топор и не вздумай хамить. Спасибо, Милли!

Это какой-то дурдом! Сел на стул, закрыл голову руками. Ну, вот все, все, что связано с Эльвирой вот так! Сведет его с ума, ведьма!

— Прекрати ржать! — сказал Розочке, которая откровенно над ним потешалась. При посторонних.

— При посторонних, — сказал ей укоризненно.

— Извини...

— За мной! — скомандовал Розочке. Нужно обсудить с ней новый план, проработать инструкции, — Я буду в машине через десять минут, — скомандовал Макс, — Мисс Милли, отнесите, пожалуйста, мой топор в мой гараж. И, если хотите кого-нибудь зарубить, используйте мачете — нож для кустов номер три, легче держать в руках и замах лучше, — наставлял эту храбрую девчонку...

— ...Все понятно? — уточнил у Розочки, которая вышла проводить, — не теряй времени.

— Да, командир, — как же ему нравится, как она говорит, — Все понятно. Все решу. Позвоню, когда дело будет сделано.

Уже сел в машину, как его увидел сосед.

— Дружище Морис! — полез обниматься.

— Сегодня в шесть! — сказал соседу, похлопывая того по спине. Тот всем обещал передать.

Ну, и дурдом! Может это ему снится? Или нервный срыв? Какие гости, к чертям собачьим!

... - Все это очень гнусно и отвратительно, — сказала Милли, смотрела исподлобья. Ее несимпатичное лицо было очень выразительным сейчас, когда видимо внутри бушевали самые разные чувства, а она держала их, не давала вырваться.

— Понимаю, что вы чувствуете, — лицом и голосом проявила эмпатию, за руку хотела взять, но Милли вырвала руку. Черт, забыла! Милли не любит тактильный контакт. Еще младенцем она перенесла множество неприятных медицинских процедур, а оттого не доверяет людям и их рукам... Ну, как могла про это позабыть, никаких веществ больше!

— Понимаю, как это неприятно, — продолжила беседу, — Но такова жизнь — за славу, за возможность влиять на умы других людей, приходится платить.

— Я думала вы добрый человек, — сказала Милли совсем по детски, — и хотели нам помочь. А вы, а вы... Все было подстроено, все подстроено, даже мертвые люди... Они ведь по настоящему были мертвые, я видела... Я никогда не видела мертвых людей раньше... Как же так можно!

Ох, деточка Милли, сколько лет сама удивляется! Никак не может привыкнуть. Пирожочек учит не задавать себе таких вопросов, отвечать только за свой участок работы.

— Я лично ничего не подстраивала, — сказала девочке мягко, — меня также использовали вслепую, как и вас. И мертвыми люди стали, чтобы вы... по крайней мере, Макс... остались в живых. Высокая цена за возможность сделать вам предложение, признаю...

— Да пошли вы с вашими предложениями... — Милли очень некрасиво выругалась.

Фу, как это молодое поколение выражается! Или это в шоубизе так принято?

— Не нужно грубить, детка... У вас нет выбора. Вы все равно получите подобное предложение, от меня или от кого-то другого. Каждый человек, который достигает определенного уровня влияния на общество, его получает. Вопрос только — в какой форме... Я, вот, кормлю вас пирогами в своем доме, пытаюсь по человечески все объяснить, воззвать к разуму и прийти к взаимовыгодной договоренности. А другие, как те мертвые люди из того клуба, могут сделать вас наркоманкой-преступницей, чтобы банальным и грубым шантажом вынудить сделать все, что угодно. “Все, что угодно” — это значит все, что угодно, в том числе то, что вы считаете нехорошим... Вот, возьмем банальный, самый

невинный пример: вы что-то там говорите в защиту животных, да? Вегетарианкой хотите быть, но вам по здоровью не рекомендуют...

— Откуда вы знаете? Это моя частная жизнь! — Всегда плюется, когда кричит, такая смешная деточка Милли.

— Не перебивайте... Так, вот, не смотря на вашу жизненную позицию, вас вынудят сказать, что сейчас очень модно носить натуральные шубы... ну, чтобы благородно дать работу животноводам... и вы, конечно, это сделаете...

— Не сделаю!

— ...или потеряете все и отправитесь в тюрьму. Существуют редчайшие случаи, когда на шантаж не поддаются, но заканчиваются эти случаи все равно плохо... Так вот, семьдесят процентов ваших поклонников побегут покупать шубы, что и было нужно заказчику... Пример с шубами очень примитивный, вряд ли будут именно шубы, но пример наглядный.

— А вы чем лучше?

— А я лучше тем, что договариваюсь с вами, готова все обсуждать. Я лучше тем, что то, чего прошу я, не противоречит принципиально вашим жизненным ценностям. Я лучше тем, что, если вы откажетесь, я спокойно уйду, не причинив вам вреда... Но, уверяю вас, придут другие. Будут они лучше меня? Не думаю... Вы слишком ценный актив, Милли Филис, вы слишком высоко поднялись, слишком много людей вас слушают, у вас нет выбора. Нужно просто выбрать хорошую сторону. Я хорошая сторона.

— Кого вы представляете?

— Не могу вам сказать. Если мы договоримся принципиально, то вам расскажут об этом...

Говорили уже третий час — то так, то этак... Девочка крепкая, конечно, с достоинством — детские годы в больницах научили ее стойкости. Подкупить ее точно было бы нельзя, да и запугать не так просто, не так много у нее слабостей и уязвимостей...

— Что от меня нужно?

Ну, наконец сдвинулось с мертвой точки! Протянула ей бумагу.

— Для начала вы скажете вот этот текст на пресс-конференции по итогам вашего турне... Как видите, ничего такого, против чего был бы разумный и порядочный человек — стратегия развития общества, популяризация нужных взглядов... Вы же голос тысячелетия, это ваша обязанность — донести своим голосом эту стратегию до масс. Прочитайте внимательно, что-то вас смущает?

— Вот, это, — Милли показала пальчиком.

Отлично. Начинает торговаться. Значит, согласилась.

— Хорошо, можно убрать, — вычеркнула, демонстративно тщательно, маркером, не понравившийся пункт.

— И вот это, — ну, да, тут пункт, конечно, спорный... На месте Милли тоже бы засомневалась.

— Нет, Милли, это нужно оставить. И сказать слово в слово — над этим текстом, согласованием слов, выбором выражений работали специалисты в этом деле, чтобы воздействие на публику было максимально эффективным... Понимаю, что вас смущает, но это вычеркнуть нельзя.

Топала ногами и шипела.

— Нет, Милли, — хотела ей сказать “вырастите — поймете”, но подумала, что подростки не любят, когда им так говорят, — это сказать нужно, топайте, не топайте... Или я уйду и другие будут с вами разговаривать.

— Тогда вот это вычеркните!

Этот idiotский пункт специально написали, чтобы объект, возмущившись idiotизмом, потребовал вычеркнуть. И с этим требованием нужно согласиться, чтобы угодить, сгладить обиду от предыдущего пункта. Сделать вид, что поддались, что это не вербовка, а переговоры. Командир называет такой прием “дать коврижку”...

— Хорошо, вычеркиваю. Дальше?

— А это политика какая-то... Я в этом ничего не понимаю. Я политикой не интересуюсь, я певица!

— А вот поинтересуйтесь! Не нужно отгораживаться от мира, это ваш долг сделать мир лучше. Хотите, спросите родителей, хотите, я вам расскажу... Но вы должны сказать именно так, как написано, даже если не понимаете...

Пошли обсуждать текст второй раз, потом третий... Для девочки с дислексией вчитывается она неплохо, хоть и медленно. Может, дислексия ложный диагноз, просто ее образованием толком никто не занимался из-за музыкальной карьеры? А теперь тычут всем ее диагнозами для пиара...

— А что я получу за это? — деловым голосом спросила Милли, успокоившись и вытерев слюни с лица.

Ну, и дети сейчас пошли! Впрочем, этот ребенок — флагман семейного бизнеса, предприниматель и миллионер...

— Ого, Милли! Восхищаюсь вашей деловой хваткой... Чего вы хотите?

— Я хочу площадки для концертов, промоушен в СМИ и... я подумаю еще, напишу вам список.

— Я не уполномочена отвечать, передам ваши пожелания... Но обсуждать их будем после вашего успешного дебюта на пресс-конференции. Проявите добрую волю, сделайте все, как можно лучше. Проанализируют результат, там дальше можно будет торговаться... Ну?

— Что “ну”?

— По рукам?

Милли елозила и вертелась на кресле, в глаза не смотрела. Не из тех, кто сдается. Не может сдаться...

— Это не бой, вы не проиграли, Милли, — помогла ей, — Это взаимовыгодный договор, в котором приходится идти на компромиссы, я вас ни к чему не принуждаю. Вы можете отказаться. Но не отказываетесь, потому, что на сегодня это самое лучшее решение... Так?

Милли кивнула. Протянула руку. Пожала руку крепко, без кокетства.

— Только помните, что текст должен быть произнесен точно, слово в слово, это важно.

— Я могу выучить текст, — гордо сказала Милли, — я профессионал.

— Приятно иметь дело с профессионалом, — сказала правду. Куда лучше, чем с какой-то дурой, которую надо обмануть, соблазнить, обыграть и все в этом роде. Хотя с дурой проще иногда, конечно, и моральных мук никаких...

Милли вдруг отняла руку.

— У меня еще одно условие...

Ох, снова все сначала... Думала, закончила уже.

— Ну?

— Присмотрите за Максом. Позаботьтесь о нем. Он такой хороший, способный парень, а такой ерундой занимается... У него нет семьи, некому наставить на верный путь. Он вашему мужу в рот заглядывает, его послушает. Пристройте его куда-нибудь в приличное место...

Ух, ты! Люди раскрываются с неожиданной стороны. Впрочем, после сцены с топором стало понятно, что Милли Филис — вожак стаи, даже если младше и слабее всех. Убьет всех, кто тронул ее щенка. Как говорит Максик... “такая родилась”.

— Я не могу решать за Макса, как ему жить, — уклонилась от прямого ответа, — но подумаю, что можно для него сделать. Если ему это нужно. Не пытайтесь осчастливить других насильно, Милли, не получится... Извините за личный вопрос, а что вы с ним собираетесь делать? Будете вместе дальше?

Танк, по имени Милли Филис, заглох. Она опустила голову, закрыла голову руками, вздохнула.

— Не знаю... У нас ничего общего, ничего — ни в интересах, ни в образе жизни, ни в целях, он почти на десять лет старше... В этом доме все было как на необитаемом острове — он последний мужчина, а я последняя женщина на земле... Так романтично, так нежно, как... как в кино — вот как! Но это ведь ненормально все было, ненормальные обстоятельства нас свели, никакая не любовь... ну, какая у нас может быть любовь! Кроме того, договор, который мы заключили в офисе той странной женщины, всегда будет между нами...

— Может быть, нет? — ну, невозможно смотреть на Милли без слез. Вот, говорила с ней о деле и только как “объект” Милли воспринимала, а тут почему-то проникается, лично переживает. Командир будет недоволен, когда ему расскажет о таком проколе...

— Лучше не портить то, что было, — сказала Милли Филис, подняв голову. Танк “Милли Филис” снова завелся, — Хороший первый опыт. Лучше, чем у всех девочек, которых я знаю, все было очень мило... Вы видели, я целый альбом сочинила, Макс вдохновил, из-за него все так хорошо получилось, из-за чувств...

— Очень хороший альбом. Вы очень способная девочка. Далеко пойдете... — с музыкальными способностями, связями, с таким характером и амбициями — вне всяких сомнений. Еще политическую карьеру потом захочет, когда вырастет. То-то за нее все так вцепились, перспективная девочка.

— Теперь после вот этих ваших “предложений”, не знаю, хорошо ли это.

— Хорошо, если выбрать хорошую сторону... И пишите свой список пожеланий... Для меня честь работать с вами, Милли. И если такая ваша судьба — договориться с кем-то вот так, то лучше это буду я, чем кто-нибудь другой.

Очень хочется поступить так, как командир запретил. Это хорошо будет — не дать посадить девочку на цепь... Командир сказал — не лезть, он этого не одобряет, рискованно, девочка может соскочить... О! Не одобряет, но не запрещает... Такой удобный исламский принцип — то, что прямо не запрещено, то разрешено... И вообще, Марципановый Леденеп — психически нестабильна, это в досье записано. Психически нестабильная все, что угодно

может выкинуть. Если попадется — прикинется сумасшедшей, как обычно...

— Подайте мне мою сумку, пожалуйста, — так тяжело ходить, что ж такое! И таблеток никаких нет с собой... Достала из сумки папку, — Чтобы вы убедились, что лично я — хорошая сторона, отдаю вам вот это.

— Что это? — Милли раскрыла папку. На первой странице было фото ее родителей. Милли сразу захлопнула папку, испугалась, — Что там?

— Ничего страшного, Милли. Можете посмотреть. Ваши родители когда-то были юны и неопытны, не понимали, что неосторожное слово или действие вернутся к ним в будущем. Они всего лишь дети своего времени, думали, как все, говорили, как все... Но говорили противоположное тому, что вы говорите со сцены, то, за то сейчас осуждают... И, если бы вы оказались неблагоразумной девочкой и отказались со мной сотрудничать, то мне бы пришлось пригрозить тем, что завтра это все окажется в сети. И если б вы еще раз отказались, то так бы и было. Простите, я всего лишь исполнитель...

— А зачем отдаете? — Милли листала папку, самые разные чувства отражались на ее лице, она уже не скрывала их.

— Потому, что лично я считаю нехорошим воздействовать на человека, угрожая тем, кого он любит. Особенно если мы договорились и так... Постепенно и аккуратно, ваши родители могут первыми обнародовать эту информацию, подать ее так, будто они осознали и раскаялись... Думаю, хорошие пиарщики подскажут как минимизировать ущерб, а то и на пользу пустить скандал...

Спихватилась вдруг. Пришла в себя. Дура набитая! На слезки детские поддалась. Психически нестабильная идиотка с материнскими комплексами! Профнепригодная мать тереза!

— Но вы должны понимать, Милли, что эта папка совсем не все, что есть на ваших родителей. И брата. Поэтому если вы вздумаете нарушить договор, выкинуть что-то на пресс-конференции или позже, мне придется разрушить вашу жизнь... Пусть лучше я, чем кто-нибудь другой.

— Договорились, так договорились, — гордо сказала Милли, — Спасибо!

— Очень прошу не говорить никому, что я отдала вам эту папку, иначе у меня будут крупные неприятности. Ни моему мужу, ни Максу, ни своей команде. Отдайте родителям без объяснений... Ладно, дело сделано, пойдете на кухню, подготовим посуду для вечеринки...

Соседи сказали, что не любят одноразовую посуду, берегут природу. Милли это понравилось, она тоже в защиту природы, весело звенела тарелками...

— Не надо борзеть, Милли! — прочитала длинный список того, что требует Милли Филис (тм) за свои услуги инфлуенсера и лидера общественного мнения, — Я не уполномочена решать, но сразу предупрежу, что сократят, как минимум, вполовину.

— Я знаю, — хитро улыбнулась Милли, — я в книжке по бизнесу прочитала, что нужно просить в два раза больше, чтобы дали, что хочешь.

Такое дитя! Чтобы похвастаться, какая умная, выдает все свои карты... Закончили все с посудой, надо пойти отдохнуть перед этой вечеринкой...

— А можно и мне личный вопрос? — спросила Милли ей вслед.

— Пожалуйста.

— Я думала, что... такие, как вы... бегают, прыгают ловко, накаченные такие, из пистолета стреляют... в кожаных штанах, темных очках... А вы такая... как воспитательница

детского сада...

Воспитательница детского сада! Так ее еще никто не называл! Поедет срочно к Эльвире, пусть отведет к своим специалистам, сделает что-то с лицом, поработает над стилем, ну, что же это такое... Это Пирожочек делает ее такой — воспитательницы детских садов не привлекают внимания!

— ... и вы... ну... извините, конечно... вы ведь...

— Инвалид? — понятно, это любому приходит в голову, сама себе удивляется. Особенно сейчас, когда даже с тростью еле ходит. Нужно отлежаться, нужна неделя постельного режима...

— Я хотела сказать “с ограниченными возможностями”, - вежливо поправила Милли.

— Таких, кто бегают и прыгает, очень много, а я занимаюсь более тонкими вещами, — как бы так ответить, чтобы ничего не сказать, — для этого не нужна особенная ловкость тела, требуются другие умения. Но стрелять из пистолета я умею. И темные очки у меня есть, вы сами видели... — заползла на диван наконец. Милли сама догадалась принести ей подушку под ноги.

— Понимаю, — сказала сочувственно, — у меня была операция, чтобы я ровно ходила и могла танцевать. Теперь в позвоночнике металлическая пластина. И шрам некрасивый. Макс говорит, что ничего, нормально... Но он же такой деликатный, этот Макс, а кто знает, что другие скажут, так стесняюсь...

Видно, что танк “Милли Филис” ни с кем не мог про это говорить. Танк не мог признать, что в его броне дыра. Бедняжка сказала про это малознакомой женщине, которая взяла танк на бордаж... Ладно, устроит девочке цирк. Командир, конечно, отругает, скажет, что она в могилу его сведет цирком и балаганом. Все, к чему она приближается, превращается в цирк и балаган.... Села на диване, сняла футболку, и продемонстрировала спереди и сзади свои “особые приметы”. Одеда футболку, сказала наставительно:

— Вот, вспоминайте это, деточка, когда можете подумать, что ваш жалкий шрам в ваши прекрасные девятнадцать лет, это страшно. Важно, как вы к себе относитесь, — так и прочие будут. Я могу получить любого мужчину, которого захочу. Но только я никого не хочу, кроме моего пирожочка. И его все устраивает, как вы вчера могли видеть, когда мы позволили себе... эээ... некоторые вольности.

Девчонка, конечно, рот открыла. Еще бы, у воспитательницы детского сада таких особых примет обычно не бывает.

— И я не воспитательница детского сада, я — медсестра!

Отвернулась к стене и сразу начала засыпать. Устала, нужно отдохнуть... Надеется, что Милли догадается пересчитать вилки и подготовить салфетки....

Мальш Майки покупает пиво ящиками, набивает тележки продуктами. К Мальшу Майки, рыцарю без страха и упрека, придут гости — старые девы, местные алкоголики, сумасшедшие, которые живут с мамами, обыватели, которых он никогда не видел или не замечал. И обувщик... Соседи, с которыми он никогда не жил рядом. Друзья, с которыми он никогда не дружил. Из-за нее все! Вот, тогда он опрометчиво зашел в тот старый отель, а теперь он толкает тележку с мясом, за ним плетется этот пройдоха, своими светлыми кудрями и невинным взглядом очень похожий на овечку, и ловко разводит его на покупку всяких вкусностей, которые Майки не хочет покупать.

— ...ну, будут же целый год говорить, что господин Морис поскупился.

— Ладно, берите. А это зачем?

— Чтобы сказали, что у господина Мориса хороший вкус.

— Вы меня разорите! — неожиданно запустил в Макса зеленым цуккини. Ну-ка, какая у мальчика реакция? Макс ловко поймал овощ и предложил сэкономить на вине.

— Джентльмен не экономит на вине, это неприлично.

— Это на званом ужине не экономит, а на вечеринке во дворе можно...

— Откуда вы взялись на мою голову, просто наказание... Вон, возьмите те куриные колбаски.

— Зачем?

— Может, некоторые не едят... такое жирное. Берите куриное, говорю!

Так уже бывало, что на всяких мероприятиях была только свинина и Розочка оставалась голодной. Она даже говядине не всегда верит, если не видит этикетки. Его чокнутая малышка...

Что-то долго возится с этой девчонкой. Сколько нужно времени, чтобы малолетку обработать? Ну, Милли, конечно, не простой случай, подождем...

— Идемте к кассе, всего достаточно, — сколько можно, сколько же людей наприглашал этот болван!

Остановил машину возле парка.

— Погуляем, уточек покормим... — надо дать малышке еще времени.

— Но готовить нужно, — торопился Максик

Эта суетливая овечка очень надоела... Но мальчик неплохо держался тогда на дороге, очень пригодился, соображает быстро, людей чувствует, да и вообще неплох... За Круглый стол он захотел!

— Максик, вы меня очень утомили. Нужно отдохнуть.

Кормили уток на пруду. Старался не думать, как его малышка кормила уток с этим жирным, перезрелым красавцем на "феррари", и что тот тогда не был жирным, а был очень хорош... А Майки всегда был обыкновенный, с непримечательной наружностью...

Говорил с Максом, задавал вопросы, слушал, парочку тестов провел навскидку...

— Вот, что Максик, — наконец сказал, — вы как-то лягнули, что хотите получить место за Круглым столом.

— Да, — Макс перестал суетиться и вилять, говорил нормально. Сразу перестраивается, молодец.

— За мой личный стол попасть очень трудно, а вот работу я могу вам предложить. Можете вместо вашего несолидного занятия попробовать что-то еще...

— Ну, это...

— Я не могу гарантировать, что вас возьмут, конечно. Но рассмотрят заявку, — вытащил из кармана визитку с номером телефона, — работа довольно пыльная, может быть скучной, может опасной. Все официально. Социальные гарантии. Хорошая пенсия. Платят неплохо. Но на "феррари" вряд ли накопите быстро, — держал визитку в руке, — Берете?

— Ну, это...

Когда хотел визитку в карман обратно засунуть, Максик остановил руку.

— Давайте.

— Максик, это серьезные дела, которые не терпят несерьезных намерений. Вы взрослый человек, а не ребенок, которому нужна нянька. Подумайте хорошенько, прежде, чем звонить. А то опозорите меня тем, что я даю телефон всяким болванам... Позвонить —

уже очень серьезное решение. Хотелось бы, чтобы вы это понимали. И отвечали не вашим идиотским “ну, это...”, а внятным “да”. Понятно?

— Да.

Макс повертел визитку в руках.

— А кого мне спросить? Тут только номер.

— Скажете, что вы по поводу работы.

— А если спросят, кто дал мне номер телефона?

— Не спросят. Там знают, кто дал номер.

Сегодня поставит пятерку на то, что Максик позвонит. Розочка считает, что этот инфантильный лентяй не станет связываться с такой работой, да и он сам так думал. А теперь смотрит на эту кудрявую башку и думает, что позвонит. Макс не так прост, как кажется. Придуривается овечка. Правдоподобно косит на дурачка, так и не поймешь сразу, что внутри — эльвирина школа!... Розочка продуется наконец, а то он проигрывает несколько раз подряд... Надо выяснить, за что его выгнали из армии.

Пришло смс. “Дело сделано”. Отлично, пора возвращаться.

— Едем, Максик, нужно разводить огонь. Обувщик уже начистил свою обувь...

Не хотела идти на эту вечеринку. Не было сил двигаться, болело все. Макс сказал, что нельзя не прийти — и так считают вертихвосткой, которая отвадила господина Мориса от дома, и не прийти значит проявить неуважение.

Ну, вот скажите, пожалуйста, почему она должна улаживать еще и это, из последних сил выползая на это барбекю. И слушать этого мальчишку.

Но Макс, побегав по соседям, приволок чье-то инвалидное кресло. Сказал, что так будет куда лучше — вертихвостки не раскатывают в инвалидных креслах, теперь она будет приличной женщиной, которая мужественно храбрится — люди такое любят...

Да он хорош, этот Максик. Эльвира должна бы гордиться таким учеником — так тонко чувствует людей, так изящно манипулирует, быстро соображает. Такой симпатичный...

Потом пришел Пирожочек и, не глядя в глаза, дал ей таблетку.

— Твой доктор сказал, что не нужно тебя мучать... Я не хотел тебя мучать, правда, просто сама же понимаешь — так забочусь. Но, если очень больно, то вот... От этого не должно сильно глючить, но, если что, сигнал, я выведу.

Пирожочек — милый дружочек. Все-таки он не такой, как раньше, время меняет его, все больше похож на человека. Боится этого и стесняется...

Выпила таблетку. Надо выйти к гостям и улыбаться. Надо устроить им такой прием, чтобы годами говорили, что как господин Морис удачно женился. Зачем ей эти незнакомые люди, почему не безразлично, что они говорят? Потому, что ей нужен дом... У них с Пирожочком нет дома. Может этот будет?

Все-таки подглючивает от этой таблетки. Теперь ей неудобно перед Пирожочком, очень стыдно за вранье...

...Сидела за столом с приятным блондином третий час. Блондин симпатизирует ей, конечно, но обязан провести допрос по всем правилам. Одно и то же, одно и то же, в разном порядке... Думает, она дурочка, которую так легко сбить с толку. Тем более, она на все вопросы правдиво отвечала. Ну, на все почти...

— Вы сделали копии с конфиденциальных документов?

— Нет.

Конечно, приятный блондин понимал, что Марципановый Леденец врет. Любой из них сделал бы копии для личного пользования и в качестве гарантий безопасности, он тоже. Но допрос был официальный, под запись, поэтому должно быть сказано четкое “нет”.

Потом начал пугать. Так по протоколу допроса полагается, ничего личного. Тем пугал, сем... А она в себя еще не пришла после того, как на самом дне спряталась, вообще не пугалась... Нервничала, конечно, кому это понравится — нависают, давят, свет этот дурацкий, ногти некрасиво ободрала... Не из-за страха, а чтобы не сбиться, быть всегда в состоянии отвечать на вопросы, как ее научили. А потом увидела на столе бумагу и испугалась. Это был бланк анализа крови, она же медсестра, знает, как выглядит. Видимо, блондину дали результат медосмотра, который она прошла, придя в офис.

Позорно выдала себя. Блондин перехватил ее взгляд. Взял бланк со стола.

— Этого вы боитесь?

Конечно, после такого позорного прокола начала что-то бляеть, что, типа, ей просто неловко перед руководством за свои слабости. Но блондин все-таки слишком хорошо ее знает:

— Вы боитесь, что Майки узнает в каком виде вы пришли сюда? И сколько всего в вашей крови появилось за эту неделю?

Еще более жалко начала бляеть про то, что химической зависимости у нее нет, что это ее частное дело, которое никак не влияет на ее работу, что ее взяли на работу, зная об этом... Она не боится ничего, тем более Майки. Но поскольку она приличная женщина, то стесняется того, из-за чего некоторые могут подумать, что она наркоманка. А она не наркоманка, она — ответственная...

— Я отправлю сейчас Майки этот анализ, командир должен быть в курсе ваших дел, — неприятным голосом сказал приятный блондин, — вы не против?

— Не надо! — с треском развалилась вся броня Марципанового Леденца, обнаружив главную уязвимость.

— Вы не боитесь физического воздействия, не боитесь морального давления, вы сейчас полностью лишены гражданских прав, но переживаете, что Майки узнает, что вы употребляете наркотики? — уточнил блондин.

Хотелось сказать, что это не так, ничего она не боится, но это было бы совсем жалко. Раз проиграла, надо признать:

— Малыш Майки очень расстроится. Я ему обещала не употреблять. Вы же знаете, он считает нарушение слова проявлением неуважения... Он может уйти от меня!

— Вы сделали копии с конфиденциальных документов?

— Нет.

И страшно не то, что потеряют работу и хорошую пенсию за должностное нарушение. Страшно, что если она по-другому ответит, придется отвечать где все хранится, все из нее вытрясут.

Это гарантия их старости. Архив. В котором много чего интересного со всех дел, со старой работы, со всех судов, от всех его информаторов... Их архив куда круче и опасней архива итальянской старушки. Марципановый Леденец сама этим занялась, не хочет, чтобы было так страшно, как в прошлый раз, когда все потеряли в один день, — рассчитала все, подготовила... Это их будущее, которое она не сдаст ни за что. Даже, если будущее их будет отдельным...

Марципановый Леденец взяла себя в руки, равнодушно смотрела, как приятный блондин отправляет куда-то результаты анализов. И продолжили все по новой...

— Вы играете в какие-то отдельные игры? — а это еще что?

— С чего вы взяли? — опять эти подозрения в нелояльности!

— Появилось необычное. Раньше Малыш Майки был славен тем, что не оставлял свидетелей в разных щепетильных делах. Теперь оставляет, будто намеренно. Уже не один раз. В происшествии с “феррари” у полиции находятся два выживших свидетеля с другой стороны, они очень точно повторяют ваши показания. Почему Майки оставил их в живых?

— Спросите у него. Люди к старости становятся человечней...

Блондин улыбался, ассистент хихикал. Тут работает особая порода людей, без избытка человечности, часто с полным ее отсутствием.

— Не думаете же вы, что он сговорился с ними? — тоже начала хихикать. Расслабилась. Спокойно, по десятому разу отвечала на вопросы. Ведь самое страшное уже случилось — Пирожочек все узнал...

Приходил психолог, толстый мужчина в очках, изучал их с Майки созависимые

отношения, как они влияют на работу. Битый час ему объясняла, что это не созависимость, просто вместе им удобней и спокойней. Что отношения тренера и ученика куда крепче, чем любые другие. А они еще вместе спят...

Возможно, из-за последнего утверждения приходила дамочка-психолог, про их секс расспрашивала, видимо, узкий специалист. Как возможную причину созависимости. Больная, что ли? Он командир. При чем тут секс?... Нет у них никаких особых пристрастий. Ну, вот, честно, нечего даже рассказать... Ничего не скрывает. Секс, как секс, как у всех.

Дамочка не угомонилась, поинтересовалась нету ли у нее фантазий про секс втроем — с Майки и Эльвирой? Ну, вот, что она чувствует, представляя их всех вместе?

Нет, ну где их готовят, а? Такой бред. Но послушно выполнила упражнение — представила Пирожочка и Эльвиру без одежды. И, если каждый из них, представляемый по отдельности, весьма ее возбуждал, то вместе это была просто какая-то совсем несексуальная гадость. Воображаемая голая, толстенная Эльвира начала драться с воображаемым голым, крепеньким Пирожочком — это было просто омерзительно, они столько гадостей друг другу наговорили. А сама она бросилась, гремя своими костями, их разнимать — ей попало больше всех, как обычно... И тогда они оба начали омыwać ее раны и жалеть — они оба так любят омыwać ее раны, особенно те, которые сами нанесли... Потом начали спорить, кто любит малышку больше всех и драка началась по новой... Вот такой бы у них был секс втроем!

Чушь какая! Пусть эта женщина-сексолог чем-то продуктивным займется, а не перетряхивает чужую постель. Которая вообще никак не касается дела. Хотела отказаться разговаривать, но боялась очередного “минуса” в досье, чего-то этой озабоченной тетке наплела...

Потом блондин опять с чемоданом своим пристал. Про “Витторио” расспрашивал, не с ним ли они в отдельные игры играют? Перехватила инициативу, сама давай приставать, почему не сказали, кто такой Витторио?

— Мой метод в том, — скромно похвастался приятный блондин, — что управлять людьми легче всего, нажав исходную кнопку. Тогда события развиваются сами собой, не нужно никого заставлять, только слегка вести...

Хвастун! Никакой это не авторский метод. Это наука эльвириной бабки, тысячи лет науке!

— Так кто напал на “феррари”? — снова спросила.

— Идет расследование, — коротко ответил приятный блондин, заметив, что вопросы сейчас тут задает не она.

В конце концов, сказали, что дело не ждет, надо работать, а дело с чемоданом вроде бы ясное. Вышла сухой из воды, в общем.

Отвезли в чистое поле и оставили там, сказали ждать. Никого вокруг, она, со своей слабой ногой, может до населенного пункта и не дойти.

Но приехала машина, вышел Пирожочек. Глаз не могла поднять, не могла обнять, так было совестно. Но Пирожочек не был зол, может блондин не отправил ничего, просто пугал?

— Ну-ну, малышка, — сам ее обнял, — Ну, что ты боишься... Все хорошо, малышка, все закончилось...

...Вечеринка уже достигла той стадии, когда гости плотно поели, достаточно выпили и хотят концерта. Часто гости хотят петь, но тут гости были не особо музыкальные, пели

невпопад и черти-что...

Сначала господин Морис вынес свое электронное пианино и играл гостям. Потом ему надоело, видимо этот тщеславный тип не хотел быть просто фоном для трапезы людей. Он начал шептаться с Милли, со стороны Максу даже неприятно было на это смотреть, как будто к чему неприличному ее склоняет.

— Ну, Милли, ну еще один раз... Было же неплохо. Ну, давай, — вот именно так говорят, с таким лицом, когда уговаривают.

— Да вы что... Сырая вещь, вообще не готова. Не могу на людях.

— Ну, Милли... Ну, мне так понравилось! — ныл вообще несолидно для такого серьезного человека, — ну, один раз, завтра уезжаешь...

— Я не могу так. Я только на сцене могу, когда сцена выше. А тут все на меня смотрят... Они меня узнают, я опозорюсь.

— Эти люди не слышали о тебе никогда... И вообще надо расширять целевую аудиторию, чтобы понять чего ты стоишь. Может, Милли Филис — пустой мыльный пузырь, раскрученный современными медиа и больше ничто?

Блин, ну, зачем он с ней так? Так и на девчонок давят, к сексу их склоняя. Макс знает, как это. Нехорошо..

— Нет! — ну, вот, Милли завелась, — Я — профессионал! Я зарабатываю этим деньги с восьми лет!

— Ну, так покажите, мисс Милли, чего умеете... Профессионал может сделать свою работу в любом месте и в любом состоянии, — сэр Артур взял нож, которым резал мясо и эффектно метнул его в дерево. Мужчины, которое рядом с деревом пили пиво, восторженно загоготали, — Возьмите их, Милли! Сколько можно на одних малолетках выезжать!

— Ну, ладно! — вид у Милли был довольно свирепый. В древнем сарафане, который она нашла тут в шкафу, со светлыми косами, уложенными вокруг головы, со своим честным и очень простым лицом, с таким злым и упрямым выражением, она точно была похожа на нацистку... Схожесть стала полной, когда она заорала на Макса сердито:

— Чего ты стал тут, как столб! Где твоя гитара? Шевелись быстрее!

Потом наехала на Гвинеvру:

— Где вы дели бубен? Не надо прикрываться своими ограниченными возможностями! Вчера был у вас в руках... Макс, бубен под диван она швырнула, принеси! А вы, господин Морис, где бумажка с текстом, вы же мой бэк-вокал?

Танк “Милли Филис” почувствовал себя в студии, со своей командой, в своей тарелке и разошелся.

— Мисс Милли, — смеялся возбужденный господин Морис, — тут посторонние люди, потише... А текст я знаю наизусть. Вы такой зайчик, мисс Милли, когда командуете.

— Приятно посмотреть на себя со стороны? — с сарказмом спросила Гвинеvра.

— Что, вот так я ору на людей? — удивился господин Морис. Типа, он не знал.

Макс пошел в дом за инструментами, не дослушал, чем там у них кончилось. А когда вернулся, господин Морис представлял своим соседям свою американскую гостью, которая чуточку музицирует и хотела бы развлечь гостей песней собственного сочинительства. Макс отметил, как бы обиделась Милли, если бы понимала, что он говорит — “чуточку музицирует”.

Милли подышала чуть-чуть, потом кивнула пианисту.

— Раз, два, три, четыре...

Ну, конечно, это была не ее аудитория. И Милли была не в лучшей своей форме, да и песня сыровата... Но они так слаженно играли и чувствовали, что играли — Макс со своими тремя аккордами, Гвиневра с сомнительным чувством ритма, господин Морис, срастившийся со своим пианино... А Милли была очень красивая, когда пела про любовь и смотрела на него, Макса... Макс видел, что поэтому и все на него смотрят и смущался. Обычно серенады поют девушкам, а тут наоборот... Блин! Да никогда еще ему девчонка песен не пела, не смотрела вот так.

Закончили наконец. Милли была вся потная от страха, а ее пианист весь красный. Зрители долго хлопали и кричали “браво” — это были хорошие люди, которые радовались всему, что им покажут, и поощряли любого исполнителя аплодисментами. Кумушки за спиной Макса шептались, что “девочка, конечно, безголосая, но поет с душой”, другие восхищались, что “господин Морис смог создать прекрасный ансамбль из музыкантов, которые ничего не умеют”. Бывший муж госпожи Мартины заявил, что если б ему пели такие песни, он бы никогда не ушел, а тот, с конца улицы, заметил, что “малютка Миллисент” похожа на кого-то из телевизора, только он не помнит на кого...

Макс хотел обнять Милли, спасибо сказать... Но она же этого не любит всего. Просто рядом сел и в глаза смотрел.

Концерт продолжался. Наклюкавшийся сосед, упав в объятия “дружище Мориса” с просьбой спеть. Господин Морис отнекивался, конечно. Но потом посмотрел на свою Гвиневру в инвалидном кресле и объявил, что, в честь своей американской гостьи, он будет петь их народную песню, но петь будет для своей жены. Что-то там возился с гитарой, ныл, что Макс расстроил ее, брынькая как попало... Раз, два... Раз, два, три четыре!

— ...Ты мой солнечный свет, ты делаешь меня счастливым даже в пасмурный день, ты не знаешь, как сильно люблю тебя, но только оставь этот свет со мной...

Английские слова были простые, все подпевали, ритм заводной, все начали приплясывать... Эта песня была публике ближе, чем шедевры постмодерна мировой знаменитости Милли Филлис.

— Никто не станет между нами, ты любишь меня больше всех... — распевал господин Морис, отталкивая локтем назойливого соседа, что мешал играть, — даже если случится что, возвращайся — я все прощу, я всегда во всем виноват... Ты мой солнечный свет, ты делаешь меня счастливым... — пару раз он сбился, но публика не заметила, — я всегда буду любить тебя... — публика уже орала хором пьяными голосами, подпевая.

Макс переживал, что Милли будет ревновать к успеху, но она подхватила Макса и стала танцевать с ним кадрили, так, как танцуют у них в глубинке.

— Теперь моя очередь быть в подтанцовке, — сказала Милли, — я профессионал.

После эффектного финала, господин Морис подошел к своей жене и сказал несколько самодовольно:

— Ну, как, малышка? Могу еще впечатлить девушку?

— Ах, Пирожочек... Все время что-то новое, — Гвиневра смотрела влюбленными глазами.

Кто-то сзади сказал бывшему мужу госпожи Мартины, что, если бы он пел госпоже Мартине такие стансы, то у их брака было бы больше шансов...

Макс заметил, что Милли ушла уже. Она и так продержалась очень долго среди толпы незнакомых людей. Макс не знал, что ему делать — он же организатор вечеринки... А Милли там в доме ждет его.

— Идите в дом, к Милли, — мягко сказала Гвиневра, — мы ведь завтра уезжаем. Робинзон покидал необитаемый остров, но почему-то не был этому рад.

Все, к чему она приближается, превращается в цирк и балаган. Цирк и балаган! В прямом смысле слова. Малыш Майки, чьим главным жизненным принципом было не привлечь внимание, быть незаметным, сам устроил цирк и балаган — с песнями, плясками, метанием ножей и карточными фокусами. Да, он знает много карточных фокусов. А что, думали, он просто так выиграл тогда свою малышку в карты? Сжувничал, конечно, нельзя доверять удаче... Старался, конечно, чтоб не всегда все получалось, натурально выглядело — как у обычного человека, но все равно получалось круто. Нет, ну, он, конечно, знал, что тщеславный болван, но не настолько же... Разве, что стриптиз не показывал и акробатических трюков. Хотя, признается, хотел показать...

— Очень странно, — сказал малышке, — но мне понравилось, как все прошло.

— Да, ты был очень милым, Пирожочек.

— Вот именно! Я был милым, а не притворялся им, как обычно. Оно само — как обычно у тебя получается... А теперь я этого боюсь.

— Чего боишься?

— Я становлюсь профнепригодным. А кто же будет делать мою работу, которую я умею делать лучше всех... лучше многих? — пусть не говорят, что он хвастун. Признает, есть ребята лучше него, раньше вообще были корифеи, которых не переплюнуть и не догнать... Но он хорош.

— У тебя целый блокнот учеников — некоторые очень приличные. Научишь новых, — мир в надежных руках... Кроме того, я, вот, непригодная с самого начала и справляюсь.

— Я воспользовался служебным положением в личных целях, чтобы моя подружка стала моим дружком. Нельзя было тебя брать, не годишься...

— А блондин меня хвалит за результативность...

Промолчал, не стал в который раз озвучивать цену результативности, засовывал посуду в посудомойку.

— Ты как? — кресло отдали хозяйевам, Розочка на полу в гостиной лежала. Не стали детей с большой кровати гнать, ровный пол сейчас ей куда удобней, чем старый матрас... Улегся рядом на лежбище из покрывал и подушек.

— После таблетки могла бы и поплясать. Отлично.

— Минимум неделя постельного режима. Отвезем завтра ребят и в кровать...

— Пирожочек! Ты так пел душевно.

— Там каждое слово правда, это не просто песня, — не смотрел на нее, — про солнечный свет и все прочее...

— А ты говорил, что я “свет, ведущий между скал”, я думала это маяк.

— Это ночью маяк, а днем направление пути определяют по солнцу... Что ты там такое делаешь, тебе же нужно поменьше шевелиться?

— А я и не буду шевелиться. Я буду лежать не шевелясь... Шевелись ты. А я командовать буду.

— Расскажешь потом сексологу, придумай пикантные враки. Они толпой будут изучать твои врунские откровения.

— А ты проверь, чтобы записали, не считали скучной и неинтересной..

Уезжали ранним утром, но незаметно не удалось. Назойливый сосед оказался ранней

пташкой.

— Дружище Морис! Как так? — сосед очень огорчен был отъездом.

— Работа, дела... Рад был повидаться, — изображал печаль и озабоченность.

Сосед не отпускал, клялся в любви и вечной верности. Отдал ему ключи, пусть следит за домом, если хочет. Посчитает, сколько нужно на ремонт, Морис пришлет денег... Да придет. Может и скоро...

Вышла мама соседа, тоже обнимала всех, особенно “малютку Миллисент — такую скромную девочку”. Милли держалась очень мужественно, позволяла себя обнимать какой-то неизвестной старухе.

— Оказывается, в Америке тоже есть приличные девочки, — сказала с умилением мама соседа, ущипнув малютку Миллисент за круглую щеку. Милли была в том старом сарафане, который нашла в шкафу. Попросила разрешения забрать хлам, который называла “винтажными нарядами”, сказала, что будет запускать свою линию одежды, нужны образцы для идей... Ну, и перспективная малютка Миллисент, хорошо, что вовремя ею занялись.

Посмотрел на дом, улицу. Он знал каждый камешек на этой улице, за двадцать лет тут ничего не изменилось. Вспомнил, как каждый день ходил по улице — дальше ему не разрешали отходить — туда-сюда, чтобы разрабатывать ноги, с вот этой самой тростью, которая сейчас у малышки. Как ему было плохо, как ему было больно... Двенадцать тысяч шагов. Он считал каждый день. Это сейчас у розочки такие часы, что считают, а он сам считал вслух. Не мог думать, не мог чувствовать, даже говорить толком, только считал...

Когда выезжали из города, проехали мимо мастерской того обувщика, что навязался на вечеринку и раскрутил его на заказ ботинок. Обувщик стоял на улице и помахал ему рукой.

Сидели с Милли на заднем сиденье молча. В глаза друг другу не смотрели, но за руки держались. Все было понятно без слов, все было правильно. Но как-то невесело было совсем.

И эти двое спереди тоже молчали. Конечно, Гвиневра что-то там болтала сначала, но ее никто не слушал, она и заткнулась, смотрела себе в окно, изредка бросая на них с Милли жалостливые взгляды, отчего Максу было очень себя жаль.

А Милли смотрела вперед, с равнодушным и ничего не выражающим лицом, как и седой водитель. Она же танк, эта Милли Филис. Сколько сантиметров броня танка? Уже и позабыл, а ведь учили...

Часа через три обедали в кафе на заправке. Сэр Артур повел свою хромую Гвиневру в туалет, Макс с Милли кофе пили под навесом.

— Ты как? — спросила Милли. По ее странному лицу не понять, что она чувствует, но равнодушным теперь оно точно не было.

— Нормально. Так лучше всего, Милли, для нас обоих, понимаю.

...конечно, он мог бы навязаться Милли. И она бы его не прогнала — стал бы настоящим “везучим сантехником”, ездил бы с ней дальше и у нее дома, и по всем гастролям... Был бы персональным красавчиком для Милли Филис, единственным, кто может к ней прикасаться и ей не противно... И что бы это было? Совсем не то, что было в этом домике. Он ведь профессиональный “персональный красавчик” и понимает разницу...

— Я буду тебе звонить, — сказала Милли.

— Конечно. И я тоже, — уверенно ответил Макс, понимая, что никто никому звонить не будет. Так только хуже. Нужно взять то, что у них было, законсервировать в банке и запрятать в укромное место. ... Не спрашивая, поцеловал Милли в щеку. И она его обняла.

Увидел, как довольно далеко, позади Милли, стоят сэр Артур с Гвиневрой. Гвиневра держала сэра Артура, показывая на них, и не давая пройти. А он нетерпеливо показывал ей на часы...

Макс сам позвал их.

— Поехали! — ну, сколько можно тянуть! Отрубите уже и с концами.

Приехали на место — стоянка возле большого торгового центра.

— Нас уже ждут, — объявил сэр Артур, достав бинокль и оглядев местность, — Посмотрите, возле цветочного магазина.

— Папа и мама! — радостно сказала Милли. Очень по детски сказала. Она хоть и танк, но совсем маленький, — А кто там с ними? Что за люди? — спросила опасливо, — Вон те дядьки в костюмах?

— Вон тот, высокий дядька в очках — заместитель атташе по культуре, вон те покрепче... эээ... сотрудники службы безопасности, еще одного я не знаю, но уверен, что он не страшный. Не бойтесь, мисс Милли, они все свои... Вы идете сами, я в бинокль посмотрю, как дойдете.

— А вы почему не с нами не идете?

— Не задавай глупых вопросов, Милли, — сказал Макс, — Пошли уже.

— Не подведите меня, Милли, — очень ласково сказала Гвиневра — для меня честь познакомиться с вами, всего вам самого доброго!... Пусть лучше я, чем кто-нибудь другой, — сказала Гвиневра странную фразу.

— Спасибо, Миллисент Пират Филис, за радость творческого экстаза, — вдруг сказал сэр Артур пафосную фразу, — надеюсь, вашей публике тоже понравится песня. Рад, что был полезен. И в музыке и во всем остальном. Берегите себя!

И почему-то почесал ее голову. А она почему-то голову подставила, как бычок. На языке этого странного человека, видимо такого же, как эта Милли, это означало объятия.

— Присмотрите за Максом, — сказала Милли. Это несолидно так было, будто он младенец, хотя почти на десять лет ее старше. Но приятно, что Милли не все равно.

— Конечно, — сказала Гвиневра, — До свидания, Макс. Приятно было познакомиться.

— Я думал вы меня вспомните, — все-таки Макс скажет ей. обидно, что “номер два его забыла” — я же Максик, вы вели меня долго у Эльвиры в агентстве, были моим куратором. Вы же “номер два”!

Гвиневра многозначительно посмотрела на сэра Артура, он протянул ей пятерку. Спорили на то, узнает ли Максик “номер два”?

— Конечно, я вас помню, но некогда было обсудить. Рада, что у вас все хорошо...

— Макс не пропадет, он взрослый человек — уверенно сказал сэр Артур, — Не беспокойтесь, мисс Милли.

Ну, хоть кто-нибудь не считает его идиотом! Даже настолько, чтобы пятерку поставить.

— Идите, вас ждут!

Вышли из машины, направились к цветочному. Их увидели. Мама Милли хотела вперед побежать, но один в костюме остановил ее...

— Спасибо, Макс, — Папа Милли руку ему пожал и обнял, чуваки в костюмах кивнули, приветствуя. Сели в большую машину.

Робинзонов вернули на большую землю.

— Рассказывай, — приказала ему, — и без вот этого “не могу сказать”.

А то начнет снова изображать такого правильного, который строго следует протоколу...

— Стыдно признаться, малышка, рассказать особо нечего. Из меня сделали дурака, — то ли я вообще уже нюх потерял, то ли твой белобрысый оказался не таким дурнем, как я думал, а даже умнее меня...

— Не вилай!

— Схема очень интересная с самого начала... Думаю, наша служба узнала о планах конкурирующей фирмы на Милли. И ей подсунули Макса...

— Макс же не в теме! — и вообще-то девочка сама Макса выбрала, он, не смотря на свою внешность — настоящий и живой. И невинный ребенок и мужчина — очень интересная, нечастая комбинация.

— Во-первых, точно этого мы не знаем. И даже если он не в теме, то появился в команде Милли не случайно, уж не знаю по чьей инициативе. Эльвира прямо не в курсе, конечно, и о подозрениях своих говорить отказалась, я пытался из нее вытрясти — женщина-кремень... Хотел ее помучать, ради информации, но боялся, что ты огорчишься, если я буду пытаться Эльвиру...

— Конечно, огорчусь! — да что ж у них с Эльвирой странные комплексы такие — только дай друг друга потерзать! Вот тут бы той тетеньке-психологу поработать.

— ...В общем, на роль жениха приглашают мальчика с очень сомнительной репутацией, хотя могли взять любую модель. Но мальчика, как ты видишь очень способного — видимо, актеры любительского театра Эльвиры у кого-то на заметке и кто-то в команде мисс Филис участвовал в отборе претендентов, он же согласовал события в клубе. Может, работал на одних и других, может их было два, надо разбираться, пока не знаю ... Каким-то чудесным образом мы случайно находимся на отдыхе в городе, где запланировано нападение...

— Не случайно, — ну, вот все и выплыло наружу. Придется признаваться. Так неудобно, — Тут такое дело... я заранее сказала Эльвире, где мы будем. Хотела повидаться... Только поговорить, честно! Ей очень одиноко, у нее никого нет со старых времен, кроме меня, — вздохнула, как можно жалостливей. Стыд-то какой!

...Ну, вот, честно думает, что только поговорить. Но с этой Эльвирой... разве можно быть в чем-то уверенным... Начинает краснеть. Ох, что ее учили делать, когда начинает краснеть? Давно уже не краснела, но тут так неудобно. Мало ли что он может подумать про "поговорить".

— "Поговорить", пока я буду бродить по музею старинного оружия и делать там эскизы, как планировал? — насмешливо спросил, — Все ждал, пока ты признаешься... Чтобы понять, как это маршрут концертов Милли Филис совпал с маршрутом нашего отпуска. Так и знал, что без Эльвиры тут не обошлось... Эльвира сама тебе предложила? Сказала: какой красивый город, стоит посмотреть, да и есть музей, в котором много интересного для музного типа — он не будет докучать?

Видит ее насквозь, как обычно. Ждет пока сама признается, дьявол. Вот, зачем спрашивать, если и так все понятно. Отвлечет его:

— И что дальше?

— Дальше чудесным образом наш визит совпадает с происшествием в клубе по времени

— видимо, отслеживался мой телефон, который якобы нельзя отследить. С самого начала это было так странно — я успел в последнюю минуту, Макса совсем прижали. Нужно было чудо — спаситель, явившийся с небес...

— Ну, так сильно уж не задавайся!

— ...чтобы объекты были полностью под влиянием и абсолютно контролируемы — таков инстинкт. Они во власти свирепого и злого божества, их жизнь и смерть в руках его...

— Опять задаешься!

Да Пирожочку на сцене играть! Зевса-громовержца. Как он на вечеринке раскрылся...

— ...потом они попадают в объятия нежной богини... Так можно?

— Ладно, согласна на богиню.

— ... раскисают, расслабляются, слушаются... Классическая схема — добрый и злой. Легче всего работать, мы обычно так со всеми делаем. ...Происшествие на дороге, как и это срочное поручение привезти архив, мне совершенно непонятно. Но, как и любое совпадение, очень настораживает, буду разбираться... А вот твой эффектный побег на спортивной машине явно был неожиданностью для всех, судя по переполоху — и это дало мне время навести кое-какие справки...

— Какие?

— Пока не могу сказать, малышка... Так вот, когда ты вернулась и была в офисе, я вдруг получаю задачу — завербовать Милли Филис. Которая сидит у меня в доме. И об этом, типа, никто не знает... Нас использовали вслепую, малышка. Твои материнские инстинкты. Мои комплексы плохого сына и хорошего отца. О них уже знают, они проанализированы и записаны в досье... Задача Эльвиры была убедить тебя, что помощь нужна — "выведите милого мальчика из опасной зоны", ты же всегда симпатизировала этому хорошенькому мальчику из "театра". Был точный расчет, что мы станем спасать детей и не бросим их дальше. И даже происшествие на дороге — смысл его пока не понимаю, возможно действительно какие-то внешние или внутренние разборки, тоже произвело на детей впечатление, мы пережили опасность вместе... Если бы мы просто подошли к Милли с намерением завербовать ее — вряд ли бы получилось так просто, девочка своеобразная... А тут мы ее эмоционально привязали к себе и привязались сами. Это же твой принцип — правда работает куда эффективней лжи, личные отношения куда долговременней и прочнее, чем те, что основаны на шантаже, страхе или подкупе... Нет, ну, я часто так строил отношения с людьми — спасал им жизнь и потом они были мне обязаны, иногда — в интересах дела! — я сам предварительно подвергал их жизнь опасности... Но я всегда знал и понимал, что и зачем я делаю. А тут со с мной поступили так, как я обычно поступал с другими. Не очень-то мне понравилось...

Бедняга! Смотреть на него больно. Кто-то оказался хитрее и умнее Малыша Майки Пирожочек разрушает Малыша Майки, делает его человеком — тяжело это переживает.

— А Макс тут причем?

— Ну, смотри, малышка... опять же, это только мои предположения, данных нет... ты будешь вести Милли некоторое время, но не очень долго — и личная связь ослабнет, да и с тобой может что-то случиться, не молоденькая... А тут Макс — первый мужчина, первые положительные, любовные эмоции — такие интровертные девочки запоминают такой опыт надолго... И как бы высоко не забралась, как бы не зазналась Милли Филис, везучий сантехник может вынырнуть в ее жизни. И будет вести нашего лидера общественного мнения Милли Филис в интересах нашей службы...

Ух ты! Вот думала, что в человеческих отношениях она лучше всех разбирается, но Пирожочек тоже неплох. Она чувствует, а он все книжки выучил.

— Если он позвонит, — обратила его внимание, что его предположения интуитивны, а Макс — безответственный лентяй, зачем ему такая морока — он за несколько дней увидел, какая пыльная у них работа. Ну, какой нормальный человек пойдет на такую работу?

— Двадцатку ставлю, что позвонит, — уверенно сказал Пирожочек.

— Двадцатку? Не пятёрку, как обычно? Почему так уверен?

— Вот для этого в плане нужен был я, а не какой-нибудь другой боец помоложе, что может "растолкать хулиганов в клубе и помочь Максику"... Они же все ко мне липнут — несчастные безотцовщины, летят как мухи на мед! Я почему-то должен их спасать, воспитывать, учить — замещать суровую родительскую фигуру... Эти дети просто разум теряют, когда видят какой я выдающийся: умный, сильный, находчивый, ковбой вне всяких правил, но с кодексом, спортивный, поэтический и музыкальный...

— ... а также удивительно скромный! — съязвила. Но это так. Иногда даже испытывала приступы ревности, видя, как в госпитале, где работали, за ним ходит молодежь, заглядывая ему преданно в глаза и спрашивая, как у божества: "Что будем делать, командир?" или: "Сделай что-нибудь, командир!"

— ... Вот и с Максиком архетип сработал. Он сам, первый ко мне прицепился — захотел за Круглый стол сэра Артура. И я поддался, сделал, что он меня ожидалось — я пригласил на работу очень способного, перспективного для нашего дела, такого нужного для дела с Милли Филис, парня... Я, своим личным авторитетом его спасителя, обрек этого мальчика на постоянный риск, постоянные сделки с совестью, одиночество, потерю своей личности и все прочие недостатки работы, которую я умею делать лучше... очень хорошо. Малыш Майки не переживал бы. Профнепригодному Пирожочку не так просто с этим жить, нести ответственность за судьбу этого малыша.

— Почему же ты это сделал? Мог бы не звать его на работу...

— Потому же, почему проделал это с тобой. Есть люди, которые все равно втянутся в это все — а жизненный опыт Макса показывает, что он как раз из таких, но он может выбрать плохую сторону, может быть использован гнусными людьми, может быть травмирован куда больше... Риск работы становится сопоставимым с тем, что может случиться, оставь я этих людей без надзора... Пусть лучше я, чем кто-нибудь другой.

— Ты отличный тренер, Пирожочек. Всему меня научил.

— А ты моя любимая ученица. "Любимая" во всех смыслах, в смысле "лучшая" тоже. Никогда не учил девочек, ты знаешь мои с ними сложности, но ты — лучше всех!

— Ты предвзят, Пирожочек, — ну, так трогательно он это все говорит. Наверное точно что-то у него с головой случилось, с чего бы вдруг такие признания, — у тебя личные отношения с ученицей.

— Очень предвзят. Очень личные.

... Может, у них действительно созависимость? Может, они просто больные, которые не могут друг без друга? Современная психология так жестоко препарировала любовь, так извращает то, что написали поэты... Ну, и пусть созависимость, как угодно пусть называют! Она чахла без любви половину жизни — вроде и не жила вовсе, а с тех пор, как этот мужчина зашел в ее отель, испытывает такие эмоции, которые компенсируют все, что пережила. Каждый день. И сейчас...

— Мне тетка с работы — ну, та, что нашу созависимость на сексуальной почве изучала,

велела представлять тебя голым и описывать, что я чувствую, — сказала ему, — но я не хочу представлять. Хочу посмотреть.

— У тебя постельный режим. Нужен покой. Половой покой тоже. У меня строгие врачебные предписания, идти у тебя на поводу не буду...

— Я буду только смотреть. Не буду шевелиться. Просто хочу смотреть, как ты делаешь зарядку.

— Я и поплясать могу, если хочешь... Только музыку для стриптиза выбираю сам.

— Пирожочек, ты еще и стриптизер?

— Могу еще впечатлить девушку, да, малышка?

* * *

Пресс-конференция Милли Филис стала значимым событием в мире шоу-бизнеса. Милли Филис очень довольна своим европейским турне, очень благодарит зрителей за теплый прием, извиняется, что два последних концерта были отменены — воспаление легких... Милли Филис понимает, что сейчас она больше, чем певица, у нее есть личная ответственность за будущее...

Далее Милли с выражением прочитала то, что потом в прессе назвали “манифестом Милли Филис” — обозначила ценности и цели современной молодежи и будущее человечества, как она, Милли Филис, его видит. Заметила, что невозможно жить в мире и не отвечать за него...

Зрители удивились, что на этот раз Милли вышла за музыкальные рамки, не сосредотачивалась на музыке, смотрела на жизнь и развитие общества дальше и глубже. Девочка выросла — говорили взрослые, подростки стали считать ее философом.

Пресс-конференция транслировалась во всех социальных сетях. После манифеста предполагались вопросы журналистов по тексту ее манифеста. И тут был, конечно, некоторый риск, что маленькая и неопытная Милли ляпнет что-нибудь не то, вся надежда была на ее родителей и пиарщика, которые смогли бы ловко выкрутиться. Но Милли не подвела. Она на все вопросы отвечала сама довольно ловко, на то, что не знала ответ, давала домашнюю заготовку ни о чем, обещав после развернутый пост или что-то в этом роде.

Милли справилась. Выполнила договор. Дело сделано.

Потом пошли личные вопросы, обсуждение следующего турне... Пресс-конференция закончилась. Обладательница пяти “грэмми”, голос нового поколения Милли Филис, в сопровождении телохранителей, покинула место проведения пресс-конференции, под вспышки фотоаппаратов и крики толпы...

— Это что за отсебятина? — спросил у Розочки строго, — Милли сказала куда больше, чем было в том тексте. Это что такое?!

— Не смогла удержаться, — так скромно глазки в пол опускает, на восточный манер, — но мне так нужен рупор! У меня нет пятидесяти миллионов слушателей, но мне так нужно влиять на мир... Никто не заметит, подумают, что Милли сама это все придумала. Даже похвалят ее за находчивость... Такая возможность использовать служебное положение в личных целях, нельзя было упустить.

Ну, и как ее отругать? Если он согласен, но если он слишком прост, чтобы такое

придумать и слишком труслив, чтобы рискнуть. А его сумасшедшая малышка может. Ну, пусть делает. Если попадетсЯ — он предупреждал с ней не связываться!

Дело сделано. Можно наконец идти в отпуск. А лучше вообще уйти. Не может он работать, когда из него дурака делают. Раньше сам учил, что нужно отвечать только за свой участок работы, дальше не лезть — а теперь почему-то не может так. Майки-Пирожочек не может!

Отправил малышку на лечение, препроводился к начальству. Написал заявление об отставке. По состоянию здоровья, вследствие переутомления и личных причин. Приложил справки. Заявление об отставке была отклонено. Не время сейчас, так сказали. Если не может работать, пусть займется тренерской работой — людей нет. Отправили в бессрочный отпуск. Приказали быть в досягаемости и на связи. Расстроенный, забрал Розочку из больницы.

— А ты приложил им справку, что я нуждаюсь в уходе? — спросила малышка. Думает, как обычно, что она пуп земли.

— Сказали, чтобы ты не симулировала, знают они твои справки, — все их тайны уже не тайны, а пункт в досье. Ее любимый блондин, с которым она все время треплется — постарался!

— Ну, я же инвалид! Лицо с ограниченными возможностями. У меня справка!

— Сказали, что это просто замечательно! Даже до службы добрались все эти квоты на трудоустройство инвалидов, ты очень даже пригодилась. Если уволить тебя, то где им еще подходящего инвалида искать, а тут ты такой результативный инвалид и для количества нужна... Тебя вообще не отпустят, малышка, даже если в поле не сможешь работать — на тебе теологическая переписка Айши, ты должна быть на видеосвязи со всеми контактами. Да и Милли кому-то надо вести... С ней контактировал другой человек, она отказалась с ним иметь дело, только с “мадам Гвиневрой”... Но бессрочного отпуска я добился. Уедем далеко, на острова, скроемся от всех, вне досягаемости и без связи... Может, тогда меня выгонят за эти, эти проблемы... ну, которых у меня нет.

— Проблемы с дисциплиной? — уточнила Розочка.

— С дисциплиной, с лояльностью, с здоровьем, с психикой, со всем прочим... Уйду в завхозы.

— Но ты же не смог быть завхозом. Снова начнешь ныть, как тебе скучно, как ты хочешь делать эту работу, которую можешь делать лучше других.

— Уж ты бы могла бы сказать — “лучше всех”... Очень устал, сейчас никак не могу делать. Доставай паспорт Перейры — меняем кожу, завтра улетаем.

На островах несколько месяцев провели, без интернета, телефона и новостей, отлично отдохнули, даже Розочка поправилась наконец, такая стала толстененькая, хорошенькая... А потом надоели эти острова, снова с Розочкой ругались периодически — ну, капризна же невыносимо. И была поймана за поеданием каких-то местных ягод — утверждала, что она, типа, не знала, что это за ягоды, она не ботаник, видела красивые плоды — и ела их, как дурочка. А он параноик с профедформацией, который всех подозревает. А она не наркоманка — она ответственная... Ну, как обычно. Показал статью в википедии про эти ягоды — стыдливо отводила глаза, но вину не признала... Ну, что теперь делать им на островах, где растут такие ягоды — драться с ней что ли...

И вернулись домой. На ту улицу. В дом Берти и Труди. Розочка приходящей медсестрой устроилась, чтобы навык не терять, а он снова не знал, чем себя занять. На работу

устраиваться не хотел — вдруг вызовут, придется бросать, людей подводить. Пришлось с соседями общаться, все их проблемы решать — с крышей, с женами, с алкоголем, с зарослями ядовитых сорняков... Обувщик неплохие ботинки сшил, не хуже фирменных итальянских, но только где же ему в них ходить...

Милли очередной “грэмми” получила за тот альбом, заглавную песню к которому они тут в гостиную придумали. Вспомнил, как учился музыке, как его хвалили — защита снова пропустила воспоминания, которые себе запретил. Тоже мог бы “грэмми” получить, если бы выбирал, кем ему быть — он лучший во всем, за что не берется!

И, вот, когда почти совсем загрустил, пришло письмо от юридической фирмы, в котором ему предлагалось подписать, что лицо, называющее себя “сэр Артур”, “господин Морис”, а также любым другим именем, проживавший по этому адресу, отказывается от интеллектуальных, имущественных и прочих прав на музыкальное произведение, в создании которого он принимал участие совместно с Миллисент Пират Филис, она же “Милли Филис”(тм). В качестве компенсации за отказ от всех возможных претензий Миллисент Пират Филис предлагает этому лицу солидную денежную сумму, которую он получит незамедлительно после подписания документа. Отдельно в письме отмечалось, что конечно же, никакие деньги не могут выразить, как благодарна мисс Филис за творческую и личную поддержку, поскольку благодарность мисс Филис и ее семьи — безгранична. Со всем уверением в почтении.... Дальше шли подписи адвокатов и корявое, кое как написанное, сбивающееся с строчки: “Милли П. Филис”

Девчонка не только читать, но и писать не умеет! Сумма действительно очень солидная, не думал даже. Компанейская девчонка, могла бы ничего не предлагать, знает, что судиться такой мутный тип с ней не будет, но справедливо предлагает долю. Настоящий командир, не смотря на то, что мелочь пузатая.

...И это значит, что все-таки он получил “грэмми”!

Пришла Розочка, надела очки, написала от его имени благодарственное письмо. Сначала не хотел подписывать, полно всяких соплей, а потом подумал, что все тут правда — просто он написать так не может. Розочка взяла свой хозяйственный блокнот, записала сумму в графу “доходы”. Так приятно приносить деньги в дом, когда малышка вот так, в очках на носу, бубнит, пересчитывая.

— Песнями я еще не зарабатывал, — сказал Розочке, — приятно открыть новые перспективы, не пропадем, малышка,

Взбодрила его Милли — не деньгами, признанием. Решил заняться делом.

Заключил подряд с муниципалитетом на ремонт улицы — представился подставной фирмой с работы, нанял субподрядчиков — заделал все ямы, все трещины. Потом заборы всем предложил одинаковые, красивые, недорого можно договориться, водосточную систему.... И улица стала другой — это уже не та улица по которой ходил больной и несчастный человек с палочкой и считал вслух шаги... Дом весь перекрасил — теперь это его дом. Другого у него нет.

И вот, когда распивал пиво с соседом, валяясь в саду, где он лично посадил двадцать новых розовых кустов, позвонили со службы и велели прибыть в офис. Долго уже отдыхали, полно дел...

Конечно, на конференции было немало личных вопросов к Милли Филис, в том числе, какие у них планы с “везучим сантехником” на будущее. Милли взяла долгую паузу и смотрела в пол. Когда подняла глаза, они блестели, а щеки были красные. Мисс Филис

сообщила, что пара приняла решение расстаться. Решение было обоюдным, ничье сердце не осталось разбитым. Их образ жизни и жизненные цели отличаются настолько, что рано или поздно, приведут к непримиримым противоречиям. Желая сохранить приятные воспоминания о чувствах и друг друге, они совместно приняли решение расстаться сейчас...

— Я не резвилась, это были серьезные отношения! — заявила Милли Филис. Это все что она может сказать по этому поводу... Если вопросов больше нет, переходим к следующей теме...

...Журналисты поймали “везучего сантехника” возле отеля. Он был в темных очках, накинул капюшон худи на голову, прикрывал лицо от камер.

— Чего пристали? — отбивался от журналистов, — Без комментариев. Милли все вам сказала...

Журналисты не отставали, требовали комментариев. “Везучий сантехник” хриплым голосом сказал, что Милли отличная девчонка, редко когда такие попадаются, но для всех будет лучше по отдельности. Он всегда будет помнить время, что они провели вместе, и желает мисс Филис большого счастья... А теперь валите по хорошему, он полицию сейчас позовет... Бывший парень Милли Филис скрылся за дверями отеля и выехал оттуда так рано, что его не могли больше поймать.

...И после этого специальная команда в специальном офисе, начала мониторить интернет и убирать все изображения “везучего сантехника” из сети.

Первым делом Макс к Эльвире поехал — отчитаться начальству, что жив-здоров. Помнил инструкции, что можно ей говорить, что нет. Но Эльвира вообще ничего не спрашивала. Она сама начала говорить, что Максик, видимо, так переутомился после случившегося, что ему надо отдохнуть, уехать подальше. И ей лучше не звонить. И вообще никак не контактировать... некоторое время. И, если она отпишется от него в инстаграме, пусть он не обижается, это для блага всех... Эльвира так счастлива, что с Максиком все хорошо, очень переживала. И кстати — прислала ли эта Милли Филис ему чек за этот месяц, что там с комиссиями?

Макс ответил, что прислала, но он отправил чек обратно. Потому, что их отношения в этот месяц не определялись договором, а стали личными. Если Эльвира настаивает на комиссионных, то будет должен, потом отдаст...

Эльвира не настаивала. Смотрела на Макса с жалостью и нежностью. Видно было, что хочет ему что-то сказать, но не может. Поболтали еще, распрощались. И когда он был уже у двери, вдруг спросила странным голосом:

— Как там она?

— Кто? — не сразу понял Макс

— Ну, она... Она как? — Макс еще никогда не видел наглую и самоуверенную Эльвиру такой смущенной.

Эльвира смотрела на перевернутую рамку с фотографией на своем столе. Макс сразу, еще давно, заметил, что как-только он входил к Эльвире в кабинет, она тут же переворачивала одну фотку, что стояла в рамке на письменном столе, лицом вниз. Теперь Эльвира молча показала ему эту фотку — там была молодая, улыбающаяся Гвинебра в розовой пижаме. “Номер один” любила “номер два”.

— Ааа, — теперь все понятно, — Все хорошо.

— Нашлась, слава богу, — пробормотала Эльвира, — Сильно хромает?

— Ну, так... Средне, — Макс вспомнил, как в последний день, Гвиневра едва могла дойти до туалета, но решил не говорить.

— Этот, мутный тип, не мучает ее? — никогда еще не видел Эльвиру такой слабой и несчастной.

— Да вроде нет, — Максиму было неловко, это будто как чью-то рану разглядывать.

— Ладно, иди, — ведьма взяла себя в руки и стала такой, как обычно, — Не звони мне, я сама тебе позвоню... Береги себя, Максик.

Макс уже наружу вышел, а Эльвира сказала ему вслед:

— Не связывайся с ним, Максик! Пути назад не будет...

Макс выйдя, неплотно закрыл дверь и видел в щель, как еще некоторое время Эльвира смотрела на ту фотку, потом тщательно установила ее на своем столе и углубилась в компьютер...

Как уже бывало раньше, Эльвиру мучала совесть. Получилось, что она опять подставила свою милую лапочку, в который уже раз... Да, у нее есть совесть, чтобы не говорили!

Но что она, слабая и незащищенная женщина, могла сделать, когда человек, которому она очень обязана, позвонил и очень просил пригласить лапочку на свидание именно в том городе. Конечно, пыталась отвертеться, сказать, что у них никаких отношений нет, что она для этой Лидии никто, да и этот ее мутный тип Эльвиру ненавидит, а с Лидии глаз не спускает — как в тюрьме... Но тот человек не стал слушать отговорки — это приказ, а не просьба. Эльвира должна организовать встречу в том месте, что хочет, то пусть и делает...

Конечно, лапочка не устояла — даже странно, почему она так хорошо относится к такой мерзавке, как Эльвира. И Эльвира уже даже была рада, что увидится со своей милой крошкой, уже настроилась ехать, как позвонил Максик с мольбой о помощи...

Ну, Эльвира не дура, сама давно таким занимается, сразу поняла, что к чему. А потом, когда эти все повалили к ней Лидию искать, то ее начала мучать совесть. Поэтому она покорно согласилась на ненормальный план этого дьявола выманить крошку и лишилась волос. Предъявила ему счет, ведь ее волосы — торговая марка! А он ответный счет предъявил за предоставленный пиар — конечно, популярность “богини любви и красоты” поднялась после шоу в подвале. И еще сказал, что она не представляет даже, как у него чесались руки, как хотелось, чтобы с волосами была еще и голова... И только нежелание усложнять свои личные отношения удержало его. А ведь могла дрогнуть рука, да...

Полиция не стала долго возиться, сразу подозревала мадам Карамболь в недобросовестном пиаре, но и доказать этого не могла — закрыли дело. Пиар, как же... Вот, дрогнула бы у мутного дьявола рука, вот это был бы пиар — жаль, нельзя было бы посмотреть...

Эльвира с нежностью смотрела на старую фотографию. Единственный человек, кто считает ее хоть чуточку хорошей! А она, Эльвира, свинья, постоянно ее подставляет и продает. Ну, как же так можно!

Пережив сеанс самобичевания и, откупившись от совести благотворительным чеком, успокоившаяся мадам Карамболь отправилась на встречу с рекламодателем.

Родственник на канализационных работах совсем не был рад, что Макс вернулся. Он уже другого человека нанял — нормального, ответственного и работающего. А не бестолочь, типа Макса, которому скоро тридцатник, а он никак не может определиться, чем в жизни

заняться — скачет, как стрекоза! Родственник хотел выкупить долю Макса в бизнесе, но тот отказался — нужен легальный источник дохода, чем бы Макс не занимался.

Сначала думал учиться. И накопления ведь были, мог протянуть время учебы. Но не знал что ему нужно. Потратить несколько лет своей жизни и все деньги, не зная на что? Ну, нет.

Устроился на работу в продажи — чуть не умер с тоски, хотя и процент был неплохой, он может убедить купить что угодно. Тоже самое в фирме по установке сантехники, думал, утереть родственнику нос, на повышение пойти в канализационном деле. Устроился администратором в спортивный клуб — чуть получше, но платят мало, относятся несерьезно. Покрутил носом, в модельный бизнес пошел, хоть и староват уже. И что? Столько нервов истрепал, снимаясь для каталога, а потом этот каталог сняли с продажи, хорошо, хоть заплатили... Пытался наладить карьеру “профессионального внука” самостоятельно, без посредников. Но оказалось, что без посредников нельзя, этот сомнительный бизнес под крышей криминала, а с криминалом Макс связываться не хотел — он уже связывался, совсем не понравилось. Его делишки всегда прикрывала мадам Эльвира — ее связи позволяли многое, а теперь Макс остался один, без защиты. Вспоминал графа Витторио, как у него круто в доме и “феррари” эта... Как тот этого добился, почему у Макса не получается? Вспомнил, каким он видел Витторио последний раз — в крови и без сознания, подумал, что и тому “феррари” не достался легко.

Макс знал, что он всегда может позвонить Милли. И тут же у него появится работа, его куда угодно в шоу-бизнес возьмут по протекции Милли Филис. Но этому жиголо почему-то неприятно было об этом думать.

Макс несколько раз доставал ту визитку, которую ему дал сэр Артур. Ни разу не решился позвонить. Тяжелая работа, уж на дороге возле “феррари” он в этом убедился. А потом вдруг понял, что это был тот момент, когда он ни о чем не думал, он делал, как говорят, выполнял команды и вообще не боялся — комфортное было ощущение.

Вспомнил сэра Артура — тот немолодой уже и седой, а как крут — бегаёт, как мальчик и штопором может попасть в глаз, а их с Эльвирой театр — просто жалкая самодеятельность в сравнении, что вытворяют этот сэр Артур со своей Гвиневрой. Сэр Артур сказал, что Максик — способный, справится. Может, если будет стараться, то сэр Артур возьмет его за свой Круглый стол...

Подумал, что вот, когда после школы он также не знал куда податься, когда умерла мама и вообще не было ни одного человека, которому Макс был бы нужен — пошел в армию. И там нормально было, и прижился бы там, если б не тот инцидент... В армию снова не возьмут, наверное, а по этому телефону сэр Артур протекцию ему составил. Еще никогда Макс не был чьим-то протеже...

И позвонил. Равнодушный голос по телефону сказал, чтобы приезжал со всеми документами на собеседование к девяти утра. И Макс приехал. Позвонил в дверь по адресу, что ему сказали. Зашел туда и больше никто из его знакомых никогда его не видел.

Полгода были очень напряженными. Макс никогда столько не работал и не учился. Гоняли очень сильно, почти не спал. Но почему-то это не напрягало, как на стройке — это было нормально, ему подходило. Регулярно тесты проводили — подходит или нет, Макс подходил.

Макс ни у кого не спрашивал про сэра Артура. Во-первых, первое правило, которому его научили — никаких вопросов. Во вторых, он же не знал про кого спрашивать — вряд ли кто-

то еще называл этого седого “сэр Артур”.

А вот Макса спросили. На учебу пришли люди в костюмах. Расспрашивали про происшествие на дороге, требовали максимальных подробностей. Сэр Артур инструктировал, что говорить полиции, что говорить Эльвире, что могут знать родители Милли, но инструкций к этой ситуации он не дал. Вряд ли забыл, если сам сюда отправил. Поэтому Макс рассказал все, как есть, повторив действия и реплики каждого участника событий. А когда его прямо спросили, могло ли так случиться, что тот, кого он называет “сэр Артур”, дал возможность женщине уйти, ответил, что сэр Артур неоднократно пытался ее остановить, но женщина была в состоянии аффекта, вооружена и с гранатой... Макс умолчал, что лично был уверен, что да — сэр Артур сознательно отпустил свою Гвиневру в бега. Но это всего лишь бездоказательные предположения, зачем напрягать серьезных людей болтовней....

Макс не знал, конечно, но он поступил так, как очень много ребят до него — личная лояльность стала выше служебной и он, как и все, “прикрыл командира”.

Через полгода закончился первый этап обучения. Пришло время отправляться на практические занятия. Макс в отделе кадров документы оформлял, он со всеми девочками там перезнакомился — одной шоколадки приносил, другой застёжку на обуви починил, они все ему симпатизировали... Максику вообще все симпатизируют, таким он уродился, а тут еще и научили... Так, вот пытался у девочек выведать куда его посылают и что надо делать, но девочки только хихикали. Тут даже девочки из отдела кадров, наученные следить за языком. Но все-таки сказали, что Максику страшно повезло — он вообще такой везунчик! — в последний момент распределение изменили, он попал к очень хорошему специалисту — все умеет, всему научит. Все, кто к нему попадают, далеко идут и высоко поднимаются по карьерной лестнице. Если конечно выдержат и не сбегут, тренер он очень жесткий, многие уходят... Пусть Максик слушает, что тренер говорит — все получится.

Макс сидел на скамейке в парке и ждал. Тот тренер сам должен был подойти. Долго его не было, замерз. Было не по себе, снова начал колебаться — это ли ему нужно?

— Привет, Максик, — сказал знакомый голос. Сэр Артур в пальто и в шапке, прикрывающей седую голову, сел рядом. Дал Максиму стаканчик с кофе.

— Так это вы тот самый знаменитый тренер, про которого мне говорили? — почему-то не очень удивился Макс.

— Так и говорили — “знаменитый”? — тщеславному сэру Артуру это понравилось.

— Да. Старайся, говорили, Максик, слушайся — далеко пойдешь...

— А не говорили, что псих и маньяк, который издевается над курсантами?

— Так, вскользь... Рад вас видеть. Как там ваша Гвиневра?

— Передает привет. Похваляюсь, что я выиграл у нее двадцатку в споре — она ставила, что вы не позвоните. И еще двадцатку, что не дотянете до конца теоретического курса.

— Двадцатку ставили, не пятерку, как обычно? — само собой получалось, что Макс подражал уверенному и несколько самодовольному тону своего собеседника, — Значит серьезно ко мне относитесь.

— Ого, Максик! Не даром я на вас ставил... Откуда такие подробности? — сэр Артур довольно смотрел на своего ученика.

— Меня учили не раскрывать свои источники! — гордо сказал Макс.

Сэр Артур смотрел на Макса и улыбался. Не был похож на психа и маньяка, которым

пугали. Нежно смотрел, по отечески, так, как Макс всегда хотел, чтобы на него папа смотрел.

— Ладно, Прима-балерина, посмотрим, чему научились и что можете.

Макс смутился:

— Такой девчачий псевдоним, очень стесняюсь. Зачем такой оставили...

— Очень вам подходит, — все еще улыбался.

— А мне вас как называть? Сэр Артур или господин Морис?

— Называйте меня просто “командир”... Выпили свой кофе? Пойдемте, я введу вас в курс дела по дороге.

Макс перестал нервничать и колебаться, пошел за этим командиром, надеясь, что придет час, когда сэр Артур посвятит его в рыцари и пригласит за Круглый стол.

...Кстати, Милли один раз напомнила о себе. Под конец учебы, Максу переслали посылку, которая пришла на старый адрес. В посылке лежала смешная статуэтка в виде золотого граммофона с сертификатом на имя Милли Филис и открытка, на которой корявым почерком было написано: “Моей Музе”. Это был шестой “грэмми” Милли Филис. И Милли отдала его тому, без которого не было бы ее первого “взрослого” альбома.

Макс очень растрогался. Думал, что будет теперь везде с собой возить эту побрякушку. Но ему сказали, что не полагается иметь личных вещей, по которым можно идентифицировать его личность, и он оставил “грэмми” на хранение со всем прочим — маминым фотоальбомом и детскими коллекциями.

— Пока еще можно передумать, Макс, — сказали ему. И он колебался, раздумывал. И не передумал. Осознанно отказался от прошлой жизни, от своей личности, от своего имени... Впереди новая жизнь.

Много чего в той жизни было занятного. Но рассказывать о ней не полагается.

Оставить отзыв о книга - <https://knigoed.net/url/4i3>